АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 2

ТАШКЕНТ — 1961

Льву Васильевичу
Ошанину
к его семидесятипятилетию
ученики и друзья

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОННИНГ МОДДИЙ МАДАНИЯТИ ТАРИХИ

2-КИТОБ

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ—1961

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ—1961

9 (С 52)
И 90

В сборнике рассматриваются вопросы археологии и отчасти этнографии, затрагивающие те или иные стороны культуры племен и народов, населявших в прошлом территорию Узбекистана. В одних работах (А. П. Окладников и О. И. Исламов, Г. В. Парфёнов и др.) исследуются материалы, относящиеся к первобытному обществу, в других (Я. Г. Гулямов, И. М. Джаббаров, В. Д. Жуков, Ю. Н. Завадовский, Б. В. Лунин, О. В. Обельченко, Т. Агзамходжаев, М. Т. Аминджанова, Г. В. Шишкина и др.) — памятники классового общества, охватывающие время от рабовладельческого периода до начала XX в. В статье В. А. Шишкина дан общий обзор работ Узбекистанской археологической экспедиции за 1956—1959 гг. Раздел «Критика и библиография» содержит рецензии на некоторые советские и зарубежные труды по археологии, вышедшие в последние годы.

Сборник рассчитан на специалистов — археологов, историков, преподавателей и студентов исторических факультетов, а также учителей истории.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
В. А. ШИШКИН

ЛЕВ ВАСИЛЬЕВИЧ ОШАНИН

В марте 1959 г. исполнилось семьдесят пять лет со дня рождения одного из старейших ученых Узбекистана, крупнейшего советского антрополога, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР доктора биологических наук профессора Льва Васильевича Ошанина.

Лев Васильевич родился 7 марта 1884 г. в Ташкенте в семье педагога и видного исследователя Средней Азии Василия Федоровича Ошанина[1].

В 1903 г. Л. В. Ошанин, окончив гимназию, поступил на биологический факультет Петербургского университета. В 1905 г. он находился в заграничной командировке и прослушал один семестр на биологическом факультете Женевского университета. В 1908 г. Лев Васильевич окончил университет с дипломом I степени и, стремясь пополнить свои знания, поступил в Военно-медицинскую академию (его без экзаменов зачислили слушателем II курса).

Окончив академию, Л. В. Ошанин в конце 1912 г. выехал в составе противочумного отряда, руководимого проф. Д. К. Заболотным, в Мервский уезд Закаспийской области, где принял участие в борьбе против эпидемии легочной чумы.

Весной 1913 г. Лев Васильевич вернулся в Петербург и стал работать в качестве врача-экстерна в Обуховской городской больнице, а затем ординатором Каменец-Подольской губернской земской больницы, где его и застала первая мировая война. С осени 1914 г. до лета 1917 г. он самоотверженно работал младшим врачом в полевых лазаретах и перевязочных отрядах на передовых линиях военных действий.

Летом 1917 г. Л. В. Ошанин вернулся в Ташкент и поступил на службу в городскую больницу в качестве врача-терапевта.

---

[1] О нем см. А. Н. Кириченко, Василий Федорович Ошанин. Зоолог и путешественник (1844—1917), М., 1940, 31 стр., 2 вкл. л. портр. (Московское Общество естествоиспытателей природы, 1805—1940, серия историческая, № 5) и др.

В годы гражданской войны Лев Васильевич активно участвовал в оказании медицинской помощи больным и раненым красноармейцам и заслужил их глубокое уважение и любовь.

Л. В. Ошанин

В 1918—1920 г. Л. В. Ошанин явился одним из организаторов первого высшего учебного заведения в Советском Туркестане — Народного университета, открытого 21 апреля 1918 г. (в 1919 г. переименован в Туркестанский государственный университет, а затем объединен с университетом, созданным по ленинскому декрету от 7 сентября 1920 г.).

В литературе Л. В. Ошанин упоминается также в числе пионеров высшего медицинского образования в Средней Азии, «которые, несмотря на огромные трудности того времени, на-

чали преподавание на первом курсе высшей медицинской школы в Ташкенте»[2].

В 1920—1923 гг. Лев Васильевич работал ординатором (а затем ассистентом) терапевтической клиники Ташкентского медицинского института. В это время он опубликовал свои первые работы по медицине в местном медицинском журнале.

В 20-х годах Л. В. Ошанин был одним из редакторов отдела социальной и общей гигиены и социально-профессиональной патологии «Среднеазиатского медицинского журнала» и журнала «Медицинская мысль Узбекистана и Туркменистана». С 1922 г. он стал постоянным секретарем научной конференции институтов и клиник медицинского факультета Туркестанского государственного университета[3].

Именно в эти годы Лев Васильевич проявляет глубокий интерес к проблемам антропологии. В 1923—1924 гг. он собрал обширный материал по антропологии узбеков Хорезма и киргизов Тянь-Шаня, активно участвуя в работе врачебно-обследовательских отрядов Наркомздрава, действовавших в Хорезме и Тянь-Шане.

Так началась многолетняя и плодотворная экспедиционная деятельность Л. В. Ошанина, продолжавшаяся до 1941 г. (после войны он по состоянию здоровья уже не мог лично выезжать на места, но по-прежнему возглавлял и направлял экспедиционную работу своих ближайших учеников В. Я. Зеленковой, К. Н. Наджимова и др.).

В 20—30-е годы Л. В. Ошанин выступал с научными сообщениями на заседаниях местных научных обществ («К критике виталистических тенденций в современной биологии», «Проблема среды и наследственности в ее отношении к человеку», «К проблеме социальных и биологических категорий в антропологии», «Значение антропологии в теории и практике социалистического строительства» и др.). В Восточном институте (Ташкент) Л. В. Ошанин вел курс антропологии.

С 1925 г. Л. В. Ошанин работал в Среднеазиатском государственном университете, вначале в должности доцента (1925—1931), затем — профессора (1931—1939) и, наконец, с 1939 г. — заведующим организованной им кафедры антропологии (второй из существующих в нашей стране). С 1942 г. Лев Васильевич работает также старшим научным сотрудником в Институте истории и археологии АН УзССР.

---

[2] С. А. Молчанов, 35 лет Ташкентского государственного медицинского института, под ред. доц. А. Г. Гуламова, Ташкент, Госиздат УзССР, 1954, стр. 6.

[3] См. «Туркестанский медицинский журнал», Ташкент, 1922, № 4, стр. 361.

В 1926—1928 гг., проанализировав обширный антропологический материал и ряд исторических источников, Л. В. Ошанин выдвинул гипотезу о скифо-сарматском происхождении туркмен. По его мнению, длинноголовость современных туркмен унаследована от их скифо-сарматских предков, которые были этнически близки оседлому населению оазисов Маргианы, Хорезма, Согда и Бактрии. Работа Л. В. Ошанина на эту тему обратила на себя большое внимание и прочно вошла в отечественную и зарубежную литературу по данному вопросу.

По словам Льва Васильевича, предположение о скифо-сарматском происхождении туркмен впервые высказал в беседе с ним покойный проф. Н. Г. Маллицкий. «Эта идея, — говорит с присущей ему скромностью Л. В. Ошанин, — оказалась чрезвычайно плодотворной, и ныне скифское происхождение туркмен является общепризнанным среди советских антропологов». Следует указать, однако, что развитием и обоснованием этой теории советская наука обязана в основном именно научным изысканиям самого Л. В. Ошанина.

Многолетние кропотливые исследования привели Льва Васильевича к выводу, что туркменские племена отличаются большой однородностью расового состава. Среди них преобладает европеоидный тип с той или иной примесью монголоидного компонента и ярко выраженной мезо-долихоцефалией, резко отличающей туркмен от брахицефальной европеоидной расы, вошедшей в состав таджиков и узбеков.

После тщательных наблюдений Л. В. Ошанин пришел к весьма важному заключению о том, что обычай искусственной деформации (путем наложения на головы новорожденных повязок, увеличивающих продольный диаметр головы и тем самым снижающих головной указатель) лишь подчеркивает определенную расовую черту туркмен. Долихоцефалия является их расовой, врожденной чертой. Это хорошо прослеживается на местном палеоантропологическом материале из раскопок, охватывающих длительный период с III тыс. до н. э. по VI—VIII вв. н. э.

В науке древнейшее население Туркмении известно под собирательным именем скифских (сакских) племен, но фактически это был конгломерат ираноязычных племен — массагетов, аланов, дахов, каспиев и др.

Следует отметить, что Л. В. Ошанин видит в разработке скифского происхождения туркмен не самоцель, а часть решения более сложной проблемы систематического положения европеоидной долихоцефальной расы, вошедшей в состав туркмен, в ряду других европеоидных рас Юго-Западной Азии. С этой точки зрения он неустанно пропагандирует и осуществляет сравнительное изучение антропологического со-

става собственно иранских племен, в частности персов Хорасана, иранских азербайджанцев и курдов, переселившихся в Туркмению из Ирана.

Лев Васильевич интересуется и более поздними историческими судьбами народов Средней Азии. Так, он считает, что процесс тюркизации языка и монголизации типа древнейшего европеоидного ираноязычного населения Закаспия начался, по-видимому, за несколько столетий до появления там огузов. «В действительности, — говорит он, — огузы (или тюрки-сельджуки) — лишь одно из многих этнических слагаемых, вошедших в состав туркменского народа, аналогично тому, как дешти-кипчакские узбеки являются лишь одним из многих этнических слагаемых, вошедших в состав узбекского народа».

Выводы Л. В. Ошанина способствовали развитию изысканий других советских исследователей в данном направлении: Так, С. П. Толстов, конкретизируя указанные взгляды Л. В. Ошанина, выдвинул положение, что древнейшей территориально-политической общностью, в рамках которой начался этногенез туркмен, были дахо-массагетские, а позднее — сармато-аланские племенные союзы западной части Средней Азии[4].

Л. В. Ошанин согласился с мнением С. П. Толстова о том, что туркмены-огузы — это не явившееся из Монголии «огузово племя», а местное иранское в языковом отношении автохтонное население, позднее тюркизованное по языку.

Для антропологических исследований Л. В. Ошанина характерен широкий диапазон, ярко выраженное стремление сочетать изучение собственно антропологического материала, основанного на непосредственных наблюдениях, с данными исторических источников, археологических, этнографических и лингвистических исследований. Он подчеркивает, что проблема этногенеза среднеазиатских народов должна решаться с учетом данных всех этих дисциплин. Лев Васильевич указывает, что об антропологии надо говорить как о «науке не только биологической, но и исторической». Его работы являются образцом использования антропологического материала в качестве исторического источника.

Методологический подход Л. В. Ошанина к изучаемым вопросам антропологии отличается четкостью позиций его как советского исследователя, непримиримо враждебного человеконенавистническим измышлениям буржуазных расистов. В этом отношении особенно характерно его выступление на

---

[4] С. П. Толстов, Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии, СЭ, VI—VII, М., 1942, стр. 303.

расширенном заседании Отделения гуманитарных наук АН УзССР 26 апреля 1949 г. по вопросу о марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана, где он резко осудил пантюркистские, панираністские и прочие лженаучные расовые «теории».

Л. В. Ошанин указывает, что признание факта появления в Средней Азии нескольких монголоидных и европеоидных рас не устраняет того обстоятельства, что в древности местное население уже было представлено автохтонными европеоидными расами, одна из которых сложилась между бассейнами Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, а другая — в Закаспии. Решение вопроса об историческом процессе формирования узбекского, таджикского и других народов Средней Азии должно идти по линии: антропогенез—расогенез—этногенез. В исторически обозримые времена пришлые европеоидные и монголоидные расы наслаивались на местное автохтонное население, и советские исследователи вполне могут солидаризироваться с мнением Иакинфа Бичурина о том, что «предки теперешних народов Средней Азии искони жили на продолжении двух тысяч лет на этой территории с небольшими изменениями».

Европеоидная брахицефалия явно преобладает в расовом составе узбеков, таджиков, ягнобцев и иранских племен Западного Памира, а европеоидная долихоцефалия — в составе туркменских племен. Эти положения Л. В. Ошанина согласуются с выводами других советских антропологов (А. И. Ярхо и др.).

На основе глубокого и многолетнего изучения расового состава узбеков Л. В. Ошанин пришел к твердому заключению, что узбеки являются потомками как местного древнейшего населения Хорезма и Мавераннахра, так и тюркоязычных племен, явившихся из Дешти-Кипчака, «но с явным преобладанием местного автохтонного населения». Этот исключительно важный научный вывод имеет большое значение для борьбы с буржуазными фальсификаторами истории, отрицающими давнее происхождение и глубокие исторические корни этногенеза узбекского и других народов Средней Азии.

В 1953 г. вышла в свет капитальная работа Л. В. Ошанина и В. Я. Зезенковой «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». В рецензии на эту книгу Г. Ф. Дебец отмечал, что авторы ее «выполнили... свой долг перед советской и мировой наукой, введя в научный оборот остававшиеся ранее не опубликованными результаты антропологического исследования более чем шести тысяч человек, относящихся к разным национальностям Средней Азии и сопредельных областей». Рецензент особо отметил значение

работ Л. В. Ошанина для разоблачения пантюркистских «теорий».

Делом жизни Льва Васильевича мы можем назвать его сводный труд «Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов», опубликованный (в трех книгах) в 1957—1959 гг. и посвященный 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Это исследование явилось крупным вкладом в этническую антропологию СССР.

С гордостью отмечая, что именно благодаря усилиям советских ученых (А. И. Ярхо, В. В. Гинзбурга, Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина и др.) «Средняя Азия является одной из областей СССР, наилучше изученных в антропологическом отношении», автор поставил перед собой задачу — осветить современное состояние проблемы этногенеза народов Средней Азии и дать наиболее полную сводку имеющегося огромного материала по вопросам среднеазиатской антропологии.

В первой части монографии Л. В. Ошанин излагает основные итоги своей 35-летней работы в области этногенеза народов Средней Азии и дает антропологическую характеристику ее современного населения. Во второй части дается анализ антропологического состава и этногенеза киргизов, казахов, каракалпаков, узбеков и таджиков Узбекистана. Третья часть посвящена вопросам этногенеза узбекских племен и таджиков Южного Таджикистана, ягнобцев и таджиков верховьев Зеравшана, иранских племен Западного Памира, таджиков Каратегина и Дарваза и туркмен. Монография содержит большое количество таблиц, характеризующих качественные и количественные признаки территориальных и племенных групп различных народов, и фотографий расовых типов Средней Азии.

Л. В. Ошанин приходит к выводу, что ныне в составе населения Средней Азии можно считать определенными пять расовых типов—один монголоидный и четыре европеоидных,— и устанавливает современные центры их распространения, уточняя время их появления в Средней Азии. Поскольку на территории всех древних областей Средней Азии «искони» обитала европеоидная раса среднеазиатского Междуречья, до сих пор явно преобладающая как среди таджиков, так и среди узбеков, Л. В. Ошанин полагает возможным считать «потомками» местного хорезмийско-согдийско-бактрийского населения не только таджиков Узбекистана, но и узбеков, что подтверждается и историко-этнографическими исследованиями. Туркмены же с антропологической точки зрения являются прямыми потомками азиатских скифов, тюркизованных по языку и монголизированных по типу последующими наслоениями дви-

гавшихся с северо-востока тюркоязычных монголоидных племен.

Данный труд Л. В. Ошанина по праву занял видное место среди наиболее фундаментальных исследований советских ученых по антропологии Средней Азии.

Консультациями и заключениями Льва Васильевича систематически пользуются историки, антропологи, этнографы и ученые других специальностей. Интересным видом консультации, данной Л. В. Ошаниным по просьбе археологов, явилось его антропологическое заключение по изображениям на известных парфянских ритонах Нисы. По мнению Л. В. Ошанина, подавляющее большинство фигур и головок отражает длиннолицый европеоидный тип с обильной растительностью. Вместе с тем имеется и несколько особей с некоторыми уклонениями от среднеазиатской расы и ряд армяноидных типов с переднеазиатскими чертами.

29 сентября 1939 г. Высшая аттестационная комиссия, принимая во внимание большие научные заслуги Льва Васильевича Ошанина, утвердила его в ученой степени доктора биологических наук без защиты диссертации.

В 1946 г. В. Л. Ошанин был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1954 г. трудящиеся нашей республики избрали его депутатом Верховного Совета Узбекской ССР.

В связи с 75-летием со дня рождения, за долголетнюю научно-педагогическую и общественную деятельность Л. В. Ошанин был награжден в 1959 г. пятой почетной грамотой Верховного Совета Узбекской ССР.

Чествованию Л. В. Ошанина в связи с 75-летием со дня его рождения было посвящено заседание антропологической сессии Московского общества испытателей природы, происходившее 27 мая 1959 г. под председательством М. Ф. Нестурха.

Выступавший с докладом проф. Г. Ф. Дебец подчеркнул крупные заслуги юбиляра в создании классификации антропологических типов среднеазиатских народов. У предшественников Л. В. Ошанина — Уйфальви, Ивановского, Шишова, Яворского — можно найти факты и высказывания, которые более или менее соответствуют взглядам Л. В. Ошанина. Но в целом они были «чрезвычайно далеки от той общепризнанной и объективно нарисованной Л. В. Ошаниным картины, к которой уже все привыкли». Докладчик отмечает, что в свете трудов Л. В. Ошанина приходится заново пересматривать устаревшие и неверные взгляды многих русских и иностранных исследователей. Например, А. А. Ивановский выделял для Средней Азии лишь одну антропологическую группу — таранче-киргизскую (включавшую в себя казахов вместе с уйгура-

ми). Деникер усматривал здесь наличие тюркской расы с чертами ассироидной и индо-афганской рас. Столь же общи определения Джуфрида-Руджери, Эйнштедта и др. Труды Л. В. Ошанина помогли советским и зарубежным исследователям разобраться в сущности данного вопроса[5].

Юбиляра тепло приветствовала редакция сборников «Советская антропология», отметившая, что его труды «вошли в золотой фонд нашей науки»[6].

В 1960 г. Л. В. Ошанин вышел на пенсию, но остался членом Ученых советов САГУ и Института истории и археологии АН УзССР и не прекращает своей большой исследовательской работы.

В частности, Л. В. Ошанин по поручению Госгеографиздата готовит к печати работу «Жизненный путь В. Ф. Ошанина, зоолога и географа, открывшего хребет Петра I и ледник Федченко», в которой приводятся также ценные материалы, характеризующие жизнь, быт и состояние научной работы в дореволюционном Туркестане.

Кроме того, Л. В. Ошанин завершает монографическое описание костных останков Тимура и тимуридов, обнаруженных при вскрытии в 1941 г. Правительственной комиссией (при участии Л. В. Ошанина) мавзолея Гур-Эмир в Самарканде.

Коллектив научных сотрудников Отдела археологии Института истории и археологии АН УзССР горячо желает своему уважаемому коллеге, выдающемуся советскому ученому, профессору Льву Васильевичу Ошанину долгих лет жизни, здоровья и осуществления всех его творческих замыслов на благо нашей Родины, во имя науки, во имя народа.

список

печатных работ проф. Л. В. Ошанина (1922—1960)[7]

1. Испанская болезнь в Индии. (По данным „Jndian Medical Gazette" за 1919 г.). — «Туркестанский медицинский журнал», орган Наркомздрава республики, Ташкент, 1922, т. I, № 4, стр. 343—351. История, бактериология, клиническая картина пандемической инфлуэнцы.
2. К вопросу о симптомокомплексе M. addisonii у туземцев. — «Туркестанский медицинский журнал», орган Наркомздрава Туркреспублики, Ташкент, 1922, т. I, № 1, стр. 17—27.

---

[5] См. стенограмму упомянутого заседания, машинопись, стр. 4—6.

[6] Юбилей Льва Васильевича Ошанина, «Вопросы антропологии», вып. I, М., 1960, стр. 129 с портр.

[7] Биографический очерк и указатель работ проф. Л. В. Ошанина составил канд. ист. наук Б. В. Лунин.

3. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения, Опыт обоснования теории скифо-сарматского происхождения туркменского народа. — «Известия Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 131—182.
4. Данные о телосложении узбеков, таджиков и евреев Бухары и Кермине. — «Медицинская мысль Узбекистана», Ташкент, 1927/28, № 2, стр. 93—106.
5. Материалы по антропологии Средней Азии, Киргизы южного побережья Иссык-Куля. — Ташкент, издание Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1927, 40 стр. с илл. (Отд. оттиск из кн.: В. В. Бартольду — друзья, ученики и почитатели, Ташкент, 1927, стр. 233—270).
6. Материалы по антропологии Средней Азии, Узбеки Хорезма (часть I), Исторические сведения о расовых типах и метисации между ними в пределах Хорезма и Ташкента. — Бюллетень Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, Ташкент, 1927, № 16, стр. 171—185, 1 вкл. л. илл.
7. Материалы по антропологии Средней Азии, Узбеки Хорезма (часть II). — «Бюллетень Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина», Ташкент, 1928, № 17, стр. 63—102.
8. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. — «Известия Средазкомстариса», вып. II, Ташкент, 1928, стр. 85—97.
9. К сравнительной антропологии этнических групп пришлых из Передней Азии евреев и арабов и этнических групп Узбекистана— узбеков и таджиков. Материалы по антропологии населения Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1929, стр. 1—159 (Отдел научных учреждений Наркомпроса УзССР). На обложке: Л. В. Ошанин и В. К. Ясевич.
10. Данные к географическому распространению главнейших антропологических признаков населения Средней Азии и опыт выявления основных расовых типов Средней Азии. — Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов в Киеве 6—12 мая 1930 г., Киев — Харьков, Госмедиздат УССР, 1931, стр. 312—314.
11. Николай Львович Лаппо-Данилевский. (Некролог). — «Бюллетень Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина», Ташкент, 1934, № 19, стр. 227—234, с портр.
12. Памирская антрополого-физиологическая экспедиция УзИЭМ (Общий предварительный очерк). — «Бюллетень Узбекского института экспериментальной медицины», вып. 4 (5), Ташкент, 1936, стр. 3—32, с 9 рис.
Резюме на англ. яз.
13. Иранские племена Западного Памира, Сравнительно-антропологическое исследование. — Ташкент, изд. Узбекского института экспериментальной медицины, 1937, 236 стр. с илл., 4 вкл. л. карт (Наркомздрав УзССР, Труды Узбекского института экспериментальной медицины, т. I).
14. Каракульская антрополого-физиологическая экспедиция Узбекского института экспериментальной медицины. — «Бюллетень Узбекского института экспериментальной медицины», Ташкент, 1937.

15. Отчет о Ягнобской антропологo-физиологической экспедиции УзИЭМ в 1936 году. — «Бюллетень Узбекского института экспериментальной медицины», Ташкент, 1939, стр. 92—96.
16. Кафедра антропологии. — В кн.: «XX лет САГУ (1920—1940)», Ташкент, 1940, стр. 84—95, с илл.
17. Кафедра антропологии. — В кн.: «25 лет Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина», Ташкент, 1945, № 24, стр. 121—126.
18. Большая монголоидная раса, пути ее расселения и степень участия в происхождении турецких народов Средней Азии и Ближнего Востока. — Тезисы доклада на научной сессии, посвященной 25-летию САГУ, Ташкент, изд. САГУ, 1945.
19. Николай Гурьевич Маллицкий (Некролог). — Труды Узбекистанского географического общества, т. II (XXI), Ташкент, 1948, стр. 166—170, с портр.
20. Выступление 26 апреля 1949 г. по вопросу об этногенезе узбекского и других народов Средней Азии. — В кн.: «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана, Стенографический отчет расширенного заседания Отделения гуманитарных наук Академии наук Узбекской ССР 21—27 апреля 1949 года», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1951, стр. 67—79.
21. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. — «Известия Академии наук Туркменской ССР», Ашхабад, Изд-во АН ТуркмССР, 1952, № 4, стр. 31—32.
22. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, сборник статей. — Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953, 163 стр. + 111 рис. на 32 отд. табл. (Рецензия Г. Ф. Дебеца в журн. «Советская этнография», М., 1954, № 2, стр. 187—189). На обложке: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова...
23. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии (Итоги 25-летних антропологических исследований в Средней Азии). — В кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии..., Ташкент, 1953, стр. 9—56, с 13 рис. (Литература: 65 названий, стр. 54—56).
24. К проблеме этногенеза уйгуров (по данным сравнительной антропологии населения Средней Азии и Синьцзяна). — В кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии..., Ташкент, 1953, стр. 61—73. (Литература: 33 названия, стр. 72—73).
25. Палеоантропологические и исторические данные о расселении монголоидных рас в северной степной полосе Средней Азии. — В кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии..., Ташкент, 1953, стр. 74—96 (Литература: 41 название, стр. 95—96).
26. Этногенез таджиков по данным сравнительной антропологии тюркских и иранских народов Средней Азии. — Труды Академии наук Таджикской ССР, т. XXVII, Сталинабад, 1954, стр. 13—24.
27. Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбекских племен Южного Таджикистана. — Труды, т. LXII, Сталинабад, 1957, 142 стр. с рис. (Академия наук Таджикской ССР, Институт истории, археологии и этнографии).

28. Проблема этногенеза туркменского народа (по данным антропологических исследований кафедры антропологии Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина и Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР). — Первая Всесоюзная конференция востоковедов, Тезисы докладов и сообщений, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 217—219.
29. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I. — Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, новая серия, вып. XCVI, Исторические науки, кн. 16, Ереван, изд. Ереванского университета, 1957, 139 стр., с 14 фотографиями («Фотографии расовых типов Средней Азии») на вкл. л. (Библиография: 82 названия, стр. 135—138).
30. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 2. — Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, новая серия, вып. XCVII, Исторические науки, кн. 17, Ереван, изд. Ереванского университета, 1958, 148 стр., с 53 фотографиями («Фотографии расовых типов Средней Азии») на вкл. л. (Библиография: 108 названий, стр. 140—145).
31. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 3. — Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина, новая серия, вып. XCVIII, Исторические науки, кн. 18, Ереван, изд. Ереванского университета, 1959, 196. стр. с 11 фотографиями и 3 картами в тексте + 69 фотографий расовых типов Средней Азии на 28 вкл. табл. (Литература: 136 названий, стр. 188—194).
32. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа. — Труды Южнотуркменской комплексной археолого-этнографической экспедиции (ЮТАКЭ), т. IX, Ашхабад, Изд-во АН ТуркмССР, 1959, стр. 11—101, с 25 рис.

Экспедиции и поездки Л. В. Ошанина с антропологическими целями

1923 г. Экспедиция в Хорезм в составе врачебно-обследовательского отряда Наркомздрава. Собраны материалы по антропологии узбеков Хорезма.
1924 г. Экспедиция на Иссык-Куль и Терскей-Алатау в составе врачебно-обследовательского отряда Наркомздрава. Собраны материалы по антропологии киргизов.
1925 г. Исследование таджиков Каратегина, работавших на хлопкозаводах Ташкентской области.
1926 г. Антропологическая экспедиция Узбекского государственного научно-исследовательского института в Бухарскую и Самаркандскую области. Собраны материалы по антропологии узбеков, таджиков и евреев.
1927 г. Антропологическая экспедиция Узбекского государственного научно-исследовательского института в Кашка-Дарьинскую область. Собраны материалы по антропологии узбеков, евреев и арабов.
1928 г. Поездка в Киргизию. Собраны материалы по антропологии казахов и киргизов.
1929 г. Антропологическая экспедиция Туркменкульта в Туркмению. Собраны материалы по антропологии туркмен.

1930—1934 гг. Антропологическое обследование узбеков и узбечек г. Ташкента.

1935 г. Антропологическая Памирская экспедиция Института экспериментальной медицины УзССР по изучению влияния климата на человека.

1936 г. Антропологическая экспедиция Института экспериментальной медицины УзССР в верховья Зеравшана и в Ягноб. Собраны материалы по антропологии таджиков.

1937 г. Антропологическая экспедиция Института экспериментальной медицины УзССР в Каракумы.

1939 г. Исследование таджиков в верховьях Чирчика и Пскема.

1941 г. Участие в Правительственной экспедиции по вскрытию мавзолея Гур-Эмир и исследованию останков Тимура и Тимуридов.

QQL. NTer

В. А. ШИШКИН

УЗБЕКИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АН УзССР

(Полевые работы 1956—1959 гг.)

Узбекистанская археологическая экспедиция Института истории и археологии АН УзССР, организованная после окончания Великой Отечественной войны, охватывает своими исследованиями всю территорию республики, кроме Хорезмской области и Кара-Калпакской АССР, где работает Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР под руководством С. П. Толстова. В Узбекистанской экспедиции[1], помимо сотрудников Института истории и археологии, участвуют научные работники Музея истории при АН УзССР, Узбекского государственного университета, Государственного Эрмитажа, Института археологии АН СССР, местных краеведческих музеев и др.

Одной из важнейших проблем археологии Узбекистана является изучение следов первобытного общества, в первую очередь — каменного века. Напомним, что эта область археологии Средней Азии еще очень молода. Если не считать некоторых случайных находок, попадавших в руки археологов, изучение памятников палеолита в Узбекистане началось с открытия Г. В. Парфеновым пещерных стоянок в Сурхан-Дарьинской области, где в 1938 г. А. П. Окладников исследовал стоянку в гроте Тешик-Таш. Добавим к этому изучавшийся А. П. Окладниковым грот Амир-Тимур, еще неоконченные раскопки Г. В. Парфеновым Мачайской пещеры, открытие и предварительные раскопки Н. Г. Харламовым, М. В. Воеводским и геологом В. В. Шумовым верхнепалеолитической стоянки в Самарканде, — и перечень памятников палеолита, исследованных к началу войны, будет почти исчерпан.

В послевоенное время крупным достижением археологии в Узбекистане явилось открытие палеолитической пещерной стоянки Аман-Кутан близ Самарканда, которую тщательно исследует доцент УзГУ Д. Н. Лев.

---

[1] Руководители экспедиции — Я. Г. Гулямов, В. А. Шишкин.

Узбекистанская археологическая экспедиция долгое время не занималась изучением памятников каменного века в связи с отсутствием в составе Института истории и археологии АН УзССР соответствующих специалистов. Положение стало изменяться лишь с 1955 г., когда началось исследование района находки каменных орудий в местности Шаим-Купрук, на канале Бозсу, близ Ташкента. Как уже сообщалось[2], несколько типичных орудий мустьерского времени было обнаружено там еще в 1942 г. при постройке плотины 1-й Бозсуйской ГЭС. В 1955 г. инж. Н. М. Соколов передал эти орудия О. И. Исламову для организованного им минералогического кабинета САГУ. Небольшие работы, произведенные в том же году Г. В. Парфеновым, показали, что орудия находятся в переотложенном состоянии, сильно окатаны водой и перемешаны с более поздними остатками, среди которых имелись черепки посуды и стекло XI—XII вв. Однако массовость находок нижнепалеолитических орудий свидетельствовала о том, что где-то поблизости была расположена большая стоянка этого времени.

В 1956 г. работы в местности Шаим-Купрук (Бозсу I) продолжил небольшой отряд в составе Г. В. Парфенова и О. В. Обельченко (некоторое время в нем участвовала З. А. Абрамова) при консультации А. П. Окладникова и геологов Ю. А. Скворцова, Г. Ф. Тетюхина и О. И. Исламова (рис. 1).

Предположение, что коренная стоянка была рядом с местом находки орудий, не подтвердилось. При расширении раскопок весь материал оказался таким же переотложенным, снесенным водой и скопившимся в углублениях подстилающего лессовую толщу третичного мергеля (шоха). В 1956 г. был добыт большой археологический материал, подтвердивший наблюдения, сделанные в 1955 г.

В 1956 г. в 30 *км* ниже по течению Бозсу, в местности Шуралисай (Бозсу II), было обследовано другое местонахождение палеолитических орудий, залегающих примерно в таких же условиях (в гравийно-песчаной отмели на третичном шохе), как и в местности Шаим-Купрук.

Дальнейшими исследованиями вдоль канала Бозсу[3] были выявлены новые места (Бозсу III, IV и V) с находками палеолитических орудий в аналогичных гравийных наслоениях.

---

[2] См. «Полевые работы Узбекистанской археологической экспедиции в 1954—1955 гг.», в сб.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, стр. 224—225.

[3] Работы производились Г. В. Парфеновым при участии юных археологов — школьников.

В 1957 г. Ташкентский палеолитический отряд работал в основном на территории Бостандыкского района, в горной местности верховьев Чирчика и составляющих его рек. В этой слабо исследованной археологами местности, заполненной западными отрогами Тянь-Шаня, были известны отдельные находки орудий из камня и бронзы, несколько пещер и гротов,

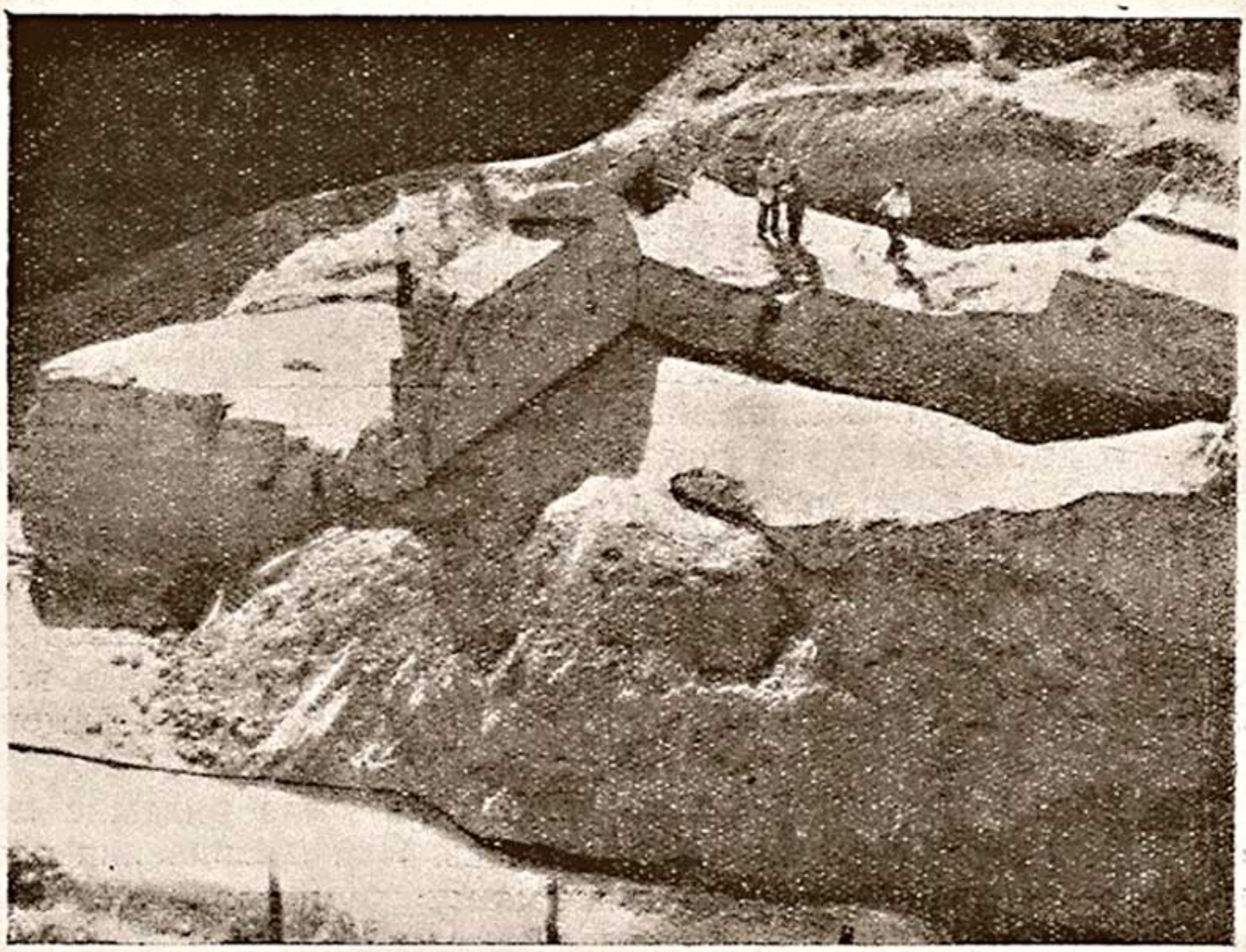


Рис. 1. Раскопки на канале Бозсу.

которые могли быть заселены первобытным человеком, а также большое количество наскальных изображений. Г. В. Парфенов зафиксировал изображения козлов, оленя, быка и т. д., часть которых восходит, вероятно, к глубокой древности. Особенно ценные результаты дал осмотр скального грота в сел. Ходжикент, где найдено несколько каменных орудий (рис. 2). Небольшая разведка, выполненная В. П. Любиным и Г. В. Парфеновым, показала, что в гроте была стоянка человека мустьерского времени.

Раскопки этого грота велись в 1958 г. под руководством А. П. Окладникова. Хотя древние наслоения в гроте были потревожены в позднейшее время, непосредственно на скалистом дне его обнаружено большое количество нуклеусов, отщепов и пластин, а у входа в грот — небольшой древний очаг. По заключению А. П. Окладникова, комплекс каменных

орудий Ходжикентского грота относится к стадии мустье, но существенно отличается от находок в Тешик-Таше. Поэтому он сделал предположение «о перерастании Леваллуа-Мустье Средней Азии в верхний палеолит, хотя, в целом, материал Ходжикента остается еще на чисто мустьерском уровне»[4].

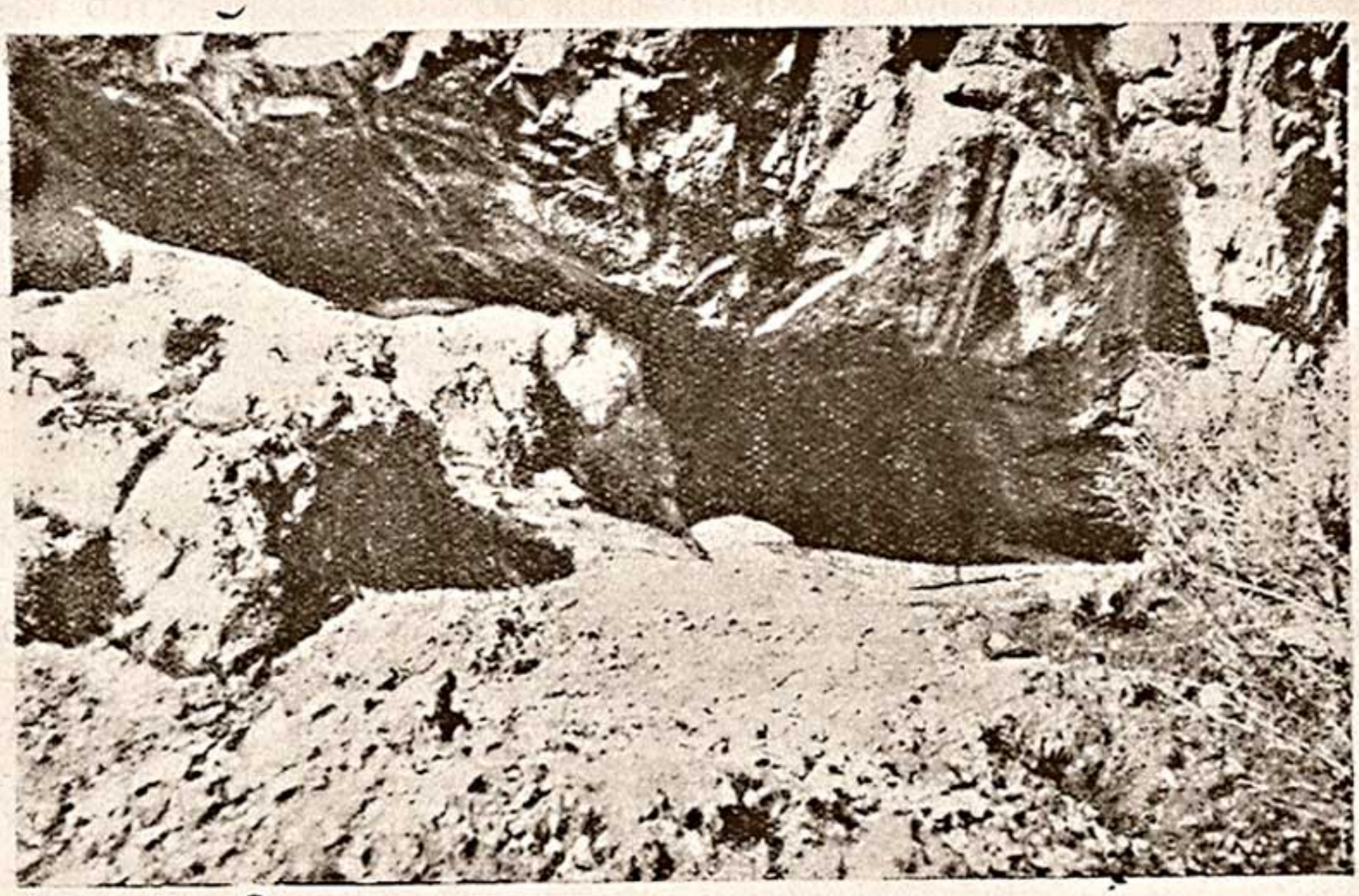


Рис. 2. Ходжикентский грот.

В 1959 г. отряд вел раскопки другого грота в сел. Ходжикент, названного гротом № 2. Здесь также было найдено много нуклеусов и отщепов, свидетельствующих о том, что в гроте изготовлялись различные орудия древнего человека[5].

Эта же группа археологов выявила в окрестностях Ходжикента, в месте слияния Чирчика и Угама, новую культуру каменного века, для которой характерны грубо обработанные в виде крупных дисков речные гальки из плотной изверженной породы. Эта культура, требующая дальнейшего изучения и хронологического определения, названа А. П. Окладниковым «галечниковой-ходжикентской».

---

[4] А. П. Окладников, Работы палеолитического отряда в 1958 г. (Предварительное сообщение), ИАН СОН УзССР, 1958, № 4, стр. 55 и след.

[5] В работах отряда под руководством А. П. Окладникова участвовали М. Бриллиант, Ю. Мачанов, художник Ю. Кузнецов и аспиранты Института истории и археологии АН УзССР Х. Насреддинов, М. Касымов и У. Исламов.

В том же Бостандыкском районе, в окрестностях сел. Бричмулла (на левом берегу р. Коксу и на ее притоке Галла-Асия), у сел. Чимган, в местности Бельдерсай, у кишлака Кара-Мазар, в местности Аксагатысай, между пос. Барраж и сел. Газалкент, группа археологов в составе Г. В. Парфенова, Л. Х. Шариповой, гидрогеолога И. А. Анбоева и юных археологов — школьников обнаружила большое количество каменных орудий, относящихся главным образом к нижнему палеолиту.

Каменные орудия, минерализованные кости животных и поделки из раковин были найдены также И. А. Анбоевым на берегу арыка Зах, в 1,5—2 *км* от пос. Черняево[6].

В 1958 г. отряд А. П. Окладникова произвел осмотр местонахождений орудий каменного века, открытых краеведом-археологом П. Т. Коноплей в Ферганской долине, в частности каменоломни в местности Капчигай, в ущелье Данги, к югу от г. Ферганы. Здесь были обнаружены выходы мощных пластов кремня, а возле них — нуклеусы и пластины явно мустьерского облика и множество отщепов. Это — следы несомненных разработок кремня и мастерской по изготовлению орудий, представляющей собой, по словам А. П. Окладникова, «единственный на территории Советского Союза документ производственной деятельности первобытного человека». Второе, менее выразительное место древних разработок кремня обнаружено в долине р. Охна. Был осмотрен также ряд стоянок на адырах — холмистых предгорьях северного склона Алайского хребта — и палеолитические местонахождения в районе Науката и Чиль-Махрама[7].

Каменные орудия в виде пластин мустьерского типа и изделий из порфира, имеющих еще более архаичный вид и ориентировочно отнесенных А. П. Окладниковым к ашельскому времени, были обнаружены им в зоне строительства Кайрак-Кумского водохранилища, расположенного отчасти на территории Узбекской ССР[8].

Таким образом, северные районы Узбекистана оказались весьма насыщенными памятниками палеолита. Следовательно, в то время территория современной Ташкентской области была густо заселена человеком как в своей горной части, так и на равнине, возле нынешнего Ташкента. Это в полной мере

---

[6] Г. Ф. Парфенов, Захская палеолитическая стоянка, ИАН СОН УзССР, 1959, № 2, стр. 73.

[7] А. П. Окладников, указ. соч., стр. 56.

[8] А. П. Окладников, Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г., Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 12—15.

относится и к Ферганской долине, где находки палеолитических орудий, как показали поиски археолога-любителя П. Т. Конопли[9], также весьма нередки и где открыт такой замечательный памятник, как Капчигайская мустьерская мастерская.

Есть основания считать, что эти области были заселены не только в мустьерское время, но и гораздо раньше, в ашельский и шелльский периоды, и что территория Узбекистана, по крайней мере его северная часть, как и Южный Казахстан, входила в ареал древнейших культур. В Ташкентской области и Ферганской долине найдено некоторое количество грубо обработанных орудий, которые могут быть отнесены к домустьерскому времени, в частности ручное рубило из черного кремня, найденное П. Т. Коноплей. Можно надеяться, что дальнейшие исследования в северных районах Узбекистана позволят заглянуть в историю их заселения человеком на сотни тысячелетий раньше, чем это можно сделать в настоящее время.

В Самаркандской области Д. Н. Лев продолжал в 1956—1957 гг. исследование мустьерской пещерной стоянки Аман-Кутан, а также разведки в пещерах Текаликсая и Юмалатмасая в том же районе, в Каратепинском хребте, отделяющем Самаркандскую область от долины Кашка-Дарьи[10]. Работы проводились на средства, выделявшиеся Узбекским государственным университетом.

В 1958 г. в связи с организацией больших многолетних работ по археологическому изучению Самарканда и прилежащих районов УзГУ принял участие в Узбекистанской археологической экспедиции. В соответствии с планом экспедиции Д. Н. Лев приступил к исследованию Самаркандской верхнепалеолитической стоянки, разведанной Н. Г. Харламовым, В. В. Шумовым и М. В. Воеводским в 1939 г.[11].

Определив место раскопок Н. Г. Харламова на территории, сильно изменившейся при постройке Комсомольского озера в г. Самарканде, Д. Н. Лев заложил небольшой шурф на восточном берегу озера и вскрыл культурный слой in situ, содержащий поделки из кремня (нуклеусы, пластинки, отщепы) и кости животных. В 1959 г. раскоп был расширен и вскрыто три культурных слоя, разделенных стерильными прослойками (средний из них делится на два горизонта).

---

[9] См. П. Т. Конопля, Следы людей каменного века на территории Южной Киргизии, ИАН СОН КиргССР, 1959, т. I, стр. 41—47.

[10] Д. Н. Лев, Новые памятники палеолита в Узбекистане, Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, XIII, 1957, стр. 344—349.

[11] Отчеты Н. Г. Харламова и В. В. Шумова хранятся в архиве Самаркандского музея.

В этих слоях обнаружено большое количество нуклеусов, ножевидных пластин, отщепов и т. д. из кремня, опала и других пород камня, а также кости животных, следы красной краски и кострища. Расположение этих находок позволяет считать, что здесь находилось многократно восстанавливавшееся жилище первобытных людей. При дальнейшем расширении раскопок, возможно, удастся уточнить различия между слоями и их хронологию, особенно верхних горизонтов, относящихся, по-видимому, к концу палеолита и мезолиту.

Исследование Самаркандской стоянки, несомненно, сыграет важную роль в изучении истории первобытного общества в Узбекистане. Ныне это — единственная известная нам стоянка времени верхнего палеолита на большей части территории УзССР, исключая Сурхан-Дарьинскую область, где, по указаниям Г. В. Парфенова, имеется несколько слабо изученных памятников этого периода. Исследование Самаркандской стоянки существенно восполнит весьма большой пробел в наших знаниях о далеком прошлом Узбекистана.

Новые памятники палеолита были разведаны на южных склонах Нуратинского хребта. В 1958 г. отряд под руководством Я. Г. Гулямова[12] выявил несколько пещер в Кошрабадском районе, Самаркандской области. В западной части Нуратинского хребта, в Навоинском районе Бухарской области, обнаружена палеолитическая стоянка с остатками еще одной мастерской по изготовлению каменных орудий. Рядом с ней также имеются пещеры со следами обитания первобытного человека. Правда, разведка, проведенная в пещерах южного склона Нуратинских гор в 1959 г. аспирантами Х. Насреддиновым и У. Исламовым, пока не дала существенных результатов, но при дальнейшем развертывании работ в этом районе, вероятно, будут найдены еще неизвестные памятники.

В общем же мы можем констатировать, что исследования памятников этой эпохи, значительно отставшие в прошлые годы[13], намного продвинули вперед изучение древнейших памятников Узбекистана и существенно пополнили археологическую карту республики.

Гораздо хуже обстоит еще дело с исследованием памятников мезолита и неолита. Близ городища Кызыл-Кыр, в ныне пустынной полосе древней культуры к западу от совре-

---

[12] В его состав входили научные сотрудники Х. Абдурахманов, А. Мухамеджанов, Х. Мухамедов, П. Захидов и лаборанты Х. Маликов, Г. Мадиев и А. Абдуллаев.

[13] В нашем обзоре работ за 1954—1955 гг. (см. «Полевые работы Узбекистанской археологической экспедиции в 1954—1955 гг». в сб.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, стр. 216 и след.) мы могли отметить лишь небольшие разведки в местности Шаим-Купрук.

менного Бухарского оазиса, найдено некоторое количество микролитоидных орудий, призматических нуклеусов и глиняных изделий позднекельтеминарского типа. Несколько раньше образцы микролитоидного инвентаря и грубой лепной, темной в изломе керамики были собраны Я. Г. Гулямовым в районе сухих русел низовьев Зеравшана (Махан-Дарья и Гурдуш)[14].

Можно отметить также кремневые орудия, собранные А. П. Окладниковым и Д. Н. Левом на возвышенности Чупан-Ата, на высоком берегу Зеравшана, около памятника 1868 г. Некоторое количество кремневых отщепов и орудий найдено в окрестностях городища Пайкенд в Бухарской области, а также у развалин Лайлакхур, близ городища Варахша. Отдельные разрозненные находки были обнаружены и в других местах. Однако стоянки этого времени до сих пор не найдены.

* * *

Памятники эпохи бронзы изучаются более успешно. Хорезмская экспедиция в последние годы проделала в этом отношении очень большую работу, позволившую поставить по-новому ряд вопросов, связанных с передвижениями племен — носителей тех или иных культур бронзового века — и взаимоотношениями степных культур севера и северо-запада с земледельческими культурами юга[15].

Узбекистанская же археологическая экспедиция изучала в рассматриваемый период памятники эпохи бронзы в Ферганской долине и на западной окраине Бухарского оазиса. К сожалению, они до сих пор не известны в центральной части Узбекистана — в Самаркандской области и долине Кашка-Дарьи. Не изучены и поселения этого времени в бассейне Сурхан-Дарьи, хотя у нас имеются достаточно ясные указания о существовании их в данном районе. В связи с этим пока еще невозможно представить себе сколько-нибудь полную картину жизни племен Средней Азии в III — первой половине I тысячелетия до н. э. Выявление и исследование поселений и стоянок неолита, энеолита, бронзы и ранних стадий железного века, явившихся важным звеном в развитии культуры

---

[14] Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, Труды Института истории и археологии АН УзССР, VIII, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 156—157.

[15] С. П. Толстов, Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг., Материалы Хорезмской экспедиции, вып. I, Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954—1956 гг., М., 1929, стр. 4—15; М. А. Итина, Новые стоянки тазабагъябской культуры (работы 1956 г.), там же, стр. 52 и след.

народов Средней Азии, остается одной из главных задач нашей экспедиции. Но и та работа, которая проделана экспедицией за последнее время, дала уже весьма существенные результаты для изучения археологии Средней Азии.

В последние годы Узбекистанская археологическая экспедиция продолжала исследование культуры, обнаруженной Я. Г. Гулямовым у оз. Заман-Баба[16], в районе сухих русел низовьев Зеравшана. Работами здесь руководил Я. Г. Гулямов.

Как известно, у оз. Заман-Баба было вскрыто несколько погребений. Одни из них находились в овальных ямах, другие — в катакомбах с дромосом. Покойники лежали на боку, в скорченном положении. В могилах были найдены круглодонные и плоскодонные сосуды (часть из них была сделана на примитивном ручном гончарном круге), прямоугольные глиняные курильницы, прекрасно сделанные миндалевидные и листовидные кремневые наконечники для стрел, разнообразные бусы, бронзовые браслеты и т. д.

Я. Г. Гулямов выявил два сектора могильника — более ранний, восточный (Заман-Баба I) и более поздний, западный (Заман-Баба II). Первый отличается исключительно ямными погребениями и наличием кремневых наконечников стрел; во втором преобладают катакомбные погребения, хотя наряду с ними продолжают существовать и ямные. Сходство форм и техники изготовления керамических изделий в обоих секторах указывает на единство культуры, представленной двумя близкими по времени, стадиями, генетически связанными между собой[17].

Очевидно, ввиду отсутствия пока иных памятников этой культуры, особенно на пространстве от Бухары до Казахстана, роль и место культуры Заман-Баба среди других культур периода бронзы остаются еще во многом неясными и по-разному оцениваются различными авторами.

В. М. Массон находит аналогии ей в памятниках Южной Туркмении (Намазга V и, возможно, более ранние этапы) и Ирана (Гиссар III). На этом основании он датирует ранний этап Заман-Баба концом III — первой третью II тысячелетия до н. э.[18].

---

[16] Я. Г. Гулямов, указ. соч., стр. 150—156.

[17] Е. Е. Кузьмина, описавшая керамику и некоторые другие предметы из могильника Заман-Баба (см. Е. Е. Кузьмина, Могильник Заман-Баба, СЭ, 1958, № 2, стр. 24 и след.), рассматривает его как единое целое и не пытается определить отношение восточного сектора к западному ни по характеру инвентаря, ни по времени, хотя и допускает, что они возникли не одновременно (там же, стр. 39).

[18] В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века в Средней Азии, СА, 1957, № 4, стр. 48—49.

Б. А. Латынин, сопоставляя остродонную керамику из могильника Заман-Баба с такой же керамикой из верхних слоев пещеры Джебель, близ Красноводска, датирует культуру Заман-Баба I тем же временем, но связывает ее с культурами нижнего Поволжья, Южной Сибири и некоторыми другими памятниками, уже известными в степной зоне юга Средней Азии[19].

Иную точку зрения на происхождение, по крайней мере, второго этапа культуры Заман-Баба предложил С. П. Толстов. Он относит ее к тазабагъябской культуре, сочетающей в себе черты андроновской и срубной культур и появившейся в Хорезме с северо-запада в середине II тысячелетия н. э.[20]

Однако культура могильника Заман-Баба II, судя по характеру керамики, чрезвычайно близка и, можно считать, генетически связана с культурой Заман-Баба I. Очевидно, эти противоречия будут разрешены лишь после расширения и углубления исследований культуры Заман-Баба, выяснения ее ареала и соседних культур периода бронзы.

В 1956 г. Я. Г. Гулямов произвел широкую рекогносцировку в Каракульском районе и в сухих дельтовых притоках Махан-Дарьи и Гурдуша и получил новый интересный материал. В 1958 г. в песчаном бугре городища Кзыл-Кыр (в 45 *км* севернее Махан-Дарьи) было обнаружено погребение со скорченным костяком, двумя глиняными сосудами и бронзовыми серьгами типа серег из Заман-Баба II. Таким образом, был установлен второй пункт с этой культурой. В 1959 г. сосуды, типичные для времени бронзы, были найдены в нижних слоях небольшого поселения в окрестностях Кзыл-Кыра.

Судя по наблюдениям Я. Г. Гулямова, обнаружившего значительную полосу оседлости вдоль течения Махан-Дарьи, а также по находкам зернотерок, пестов и зерен какого-то злака, могилы принадлежали ранним земледельцам, осваивавшим район ныне сухих русел дельты Зеравшана на основе примитивного каирного орошения. Надо полагать, что в те отдаленные времена, до развития орошения в долине Зеравшана, дельтовые протоки реки имели постоянный ток воды, а не обводнялись периодически, как в более позднее время.

Несомненно, земледельческой была и чустская культура в Ферганской долине. Чустское поселение, занимающее довольно обширный холм возле г. Чуст, было открыто в 1950 г.

---

[19] Б. Латынин, О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы, СА, 1958, № 3, стр. 49—50.

[20] С. П. Толстов и М. А. Итина, Проблема суюргапской культуры, СА, 1960, № 1, стр. 29 и 33.

экспедицией М. Э. Воронца. Стационарные раскопки, выполняемые В. И. Спришевским, ведутся ежегодно с 1953 г.

За это время была раскрыта значительная часть поселения[21]. Там найдено много предметов производственного и бытового назначения, позволяющих рассматривать жителей этого поселения как земледельцев, занимавшихся одновременно и скотоводством. Об этом свидетельствует большое количество обугленных зерен пшеницы, ячменя и какого-то растения, похожего на просо, многочисленные зернотерки и каменные серпы, а также кости домашних животных, главным образом мелкого рогатого скота, а также крупного рогатого скота и лошадей.

Формы для отливки бронзовых предметов говорят о существовании здесь литейного производства. Обнаружены следы ткачества. Несомненно, здесь же изготовлялась и глиняная посуда, среди которой выделяется группа сосудов с красной обмазкой и черной росписью.

Изучая остатки жилищ Чустского поселения, В. И. Спришевский выявил четыре жилых уровня, однако по характеру инвентаря они мало отличаются друг от друга.

Первоначально поселение считалось неукрепленным. Но работы последних лет показали, что оно имело мощную стену из глины и сырцового кирпича, возведенную на образовавшемся ранее культурном слое мощностью до 70 *см*.

В. И. Спришевский считал многочисленные ямы различных размеров и формы, заполнившие почти всю площадь поселения, остатками жилищ-полуземлянок. Однако раскопки последних лет показали, что жилища представляли собой нечто вроде больших шалашей со стенками из врытых в землю стоек-жердей и, вероятно, камышовым перекрытием. Жилища были достаточно просторны для размещения большой семьи. В них имелись очаги. Ямы же служили для хозяйственных целей и находились как внутри жилищ, так и вне их.

К чустской культуре следует отнести как по общему характеру поселения, так и по найденным там предметам Дальверзинское поселение в Андижанской области, обнаруженное в 1952 г. Ю. А. Заднепровским. Начатое им исследование этого поселения[22] ведется до настоящего времени. Как и в Чустском поселении, здесь обнаружено три культурных слоя, слабо отличающихся друг от друга составом археологических

---

[21] См. работы В. И. Спришевского: Чустская стоянка эпохи бронзы, СЭ, 1954, № 3; Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.), КСИИМК, вып. 69, М., 1957; Чустское поселение, КСИИМК, вып. 71, М., 1958; Раскопки Чустского поселения в 1956 г., СА, 1958, № 3.

[22] Ю. Заднепровский, Дальверзинское селище, КСИИМК, вып. 69, М., 1957, стр. 50—57.

находок — расписной и нерасписной керамики ручной лепки, бронзовых орудий, поделок из камня и т. п., — а также жилые наземные постройки с очагами и большим количеством хозяйственных ям.

Поселение обнесено оборонительной стеной из глины и сырцового кирпича. Оно также расположено на обширном (несколько больше Чустского) плоском холме, который примыкает к заболоченной местности.

Еще один памятник чустской культуры — Ашкал-тепе — находится в 5—6 *км* к северу от Дальверзина, на берегу Кара-Дарьи[23]. Небольшие раскопки этого поселения, оказавшегося подобным Дальверзинскому, проводились в 1959 г. Ю. А. Заднепровским.

Всего разведочными работами выявлено около 10 поселений и значительное количество отдельных находок, относящихся к чустской культуре. По наблюдениям Ю. А. Заднепровского, они сосредоточены в основном в северной, южной и восточной частях Ферганской долины. Это не существующее ныне Заргулдак-тепе в Андижанской области, а также расследованные Г. Чулановым Тергаучинская стоянка в 25 *км* к северо-западу от Намангана, и Яз-тепе. в 15 *км* к востоку от Намангана и др.

Мы пока не можем сказать, распространялась ли эта культура на более западные и северо-западные районы Средней Азии, но есть данные о большом сходстве памятников чустской культуры со стоянками бронзового века в Восточном Туркестане[24]. Этот интересный факт позволяет проследить до весьма отдаленных времен тесные связи между населением древней Ферганы и Синьцзяна, хорошо известные нам в более поздний период. Возможно, что синьцзянская культура бронзы распространилась из Средней Азии, так как генетическая связь последней с культурой типа Анау достаточно ясна, несмотря на архаичный облик и как бы пережиточность ее расписной керамики, о чем говорит В. М. Массон[25].

Последние работы позволили уточнить датировку поселений чустской культуры. Учитывая находку на Дальверзинском поселении обломков железных предметов и некоторые другие данные, чустскую культуру надо отнести к самому концу пе-

---

[23] Ю. А. Заднепровский, Ашкал-тепе — новый памятник чустской культуры в Фергане, СА, 1959, № 3, стр. 216—219.

[24] С. В. Киселев, Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет, СА, 1957, № 4, стр. 39—40 (со ссылкой на Huan Wan-bу, Lob-nor excavations, Peipin, 1936).

[25] В. М. Массон, Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, стр. 49.

риода бронзы и датировать ее, по-видимому, первыми веками I тысячелетия до н. э.

Принадлежность чустской культуры к числу земледельческих, связанных с примитивным поливным земледелием, становится особенно ясной при сопоставлении ее с более или менее синхронной ей культурой Вуадильского и Карамкульского могильников, изучавшихся Б. З. Гамбургом и Н. Г. Горбуновой[26].

Эти могильники, датируемые X—VIII вв. до н. э., содержат инвентарь, который сближается, по мнению исследователей, с тазабагъябской культурой Хорезма, некоторыми памятниками Ташкентской области и Семиречья, а также с Заман-Баба II и относится к кругу степных культур бронзы. Это говорит о существовании связей какой-то части населения Ферганы с районами, лежащими к западу и северо-западу от долины.

Таким образом, наряду с чустской земледельческой культурой в Ферганской долине существовала одновременно, или почти одновременно, культура, носителями которой могли быть скотоводческие племена[27].

Много развеянных стоянок с остатками культуры бронзы в виде обломков керамики, зернотерок и медных орудий обнаружено в зоне Кайрак-Кумского водохранилища, в западной части Ферганской долины. Здесь же имеются скопления медной руды и шлаков, свидетельствующие о плавке медной руды, добывавшейся в окрестных горах. Характер находок показывает, что стоянки принадлежали племенам, занимавшимся земледелием, скотоводством, добычей и плавкой меди. Ясно проявляются связи со степными культурами Казахстана, Хорезма и отчасти Южной Туркмении[28].

* *
*

В рассматриваемый период изучались и памятники времени классового общества — городские и сельские поселения, ир-

---

[36] Работы выполнялись ими как сотрудниками Ферганского областного краеведческого музея. См. отчеты Б. З. Гамбурга и Н. Г. Горбуновой: Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953—1954 гг., в сб.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1; Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине, КСИИМК, вып. 69; М., 1957; Новые данные об эпохе бронзы в Ферганской долине, СА, 1957, № 3.

[27] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова не считают в данном случае возможной миграцию в Фергану населения из степей Казахстана, ибо этому противоречит краниологический материал, полученный из погребений.

[28] А. П. Окладников, Предварительный отчет об исследовании..., стр. 7—12.

ригационные сооружения, курганные погребения и т. п. Эти работы охватили значительную часть территории Узбекистана.

На севере республики, в Ташкентской области, проводились сравнительно небольшие работы по изучению курганных могильников. Т. Агзамходжаев занимался раскопками могильника, расположенного в 800 *м* к югу от ст. Вревская. Здесь сохранилось немного курганных насыпей из большого количества их, зарегистрированного в свое время М. Э. Воронцом, который раскопал в 1947 г. 5 курганов. Вскрытые им курганы содержали много различных предметов и были датированы первыми веками н. э.[29]

Изучавшиеся Т. Агзамходжаевым в 1957 г. 12 курганов, как и курганы, обследованные М. Э. Воронцом, являются катакомбными погребениями с дромосом и небольшой погребальной камерой под расплывшимися чашеобразными насыпями. Но в курганах, раскопанных в 1957 г., обнаружен лишь бедный инвентарь — некоторое количество глиняных сосудов, железные ножи, бусины, бронзовые и железные пряжки. В четырех курганах погребения вовсе не были обнаружены. Эти курганы можно датировать концом первой половины I тысячелетия н. э.

В 1958 г. Т. Агзамходжаев вел раскопки могильников в Бостандыкском районе, в предгорной местности близ сел. Ходжикент. Здесь обнаружено два могильника. Один из них расположен на ровной площадке на мысу, образуемом Чирчиком и впадающим в него Угамом. Там имелось большое количество каменных выкладок округлой формы диаметром до 15—16 *м*. Т. Агзамходжаев вскрыл 7 могил. Погребения представляли собой прямые ямы; покойники лежали в вытянутом положении, головой на северо-запад. В могилах найдены железные ножи, фрагменты керамики и бирюзовая бусина. Эти погребения следует отнести к первой половине I тысячелетия н. э.

Во второй группе погребений, расположенной ниже по течению Чирчика, на берегу впадающей в него речки Кызылсу, раскопано 8 могил, аналогичных предыдущим и по устройству и по характеру инвентаря.

В 1959 г. Т. Агзамходжаев раскапывал курганы в зоне затопления строящегося Тюя-Бугузского водохранилища на р. Ангрен. Здесь было раскопано 33 кургана с небольшими насыпями. Три из них оказались без погребений. Устройство могил сходно с курганами у ст. Вревской: имеются дромосы,

---

[29] М. Э. Воронец, Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г., Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1951, стр. 43—73.

аркообразные входы в небольшую погребальную камеру — катакомбу. Входы в катакомбы были заложены сырцовым кирпичом или специально слепленными комьями глины, оштукатуренными глиной. В этом могильнике собран значительный материал в виде железных мечей и различных сосудов, которые можно датировать серединой I тысячелетия н. э.

Наряду с курганами в этой местности имеются похожие на них бугры, которые оказались наземными постройками — наусами,— содержащими оссуарные погребения.

В зоне затопления Тюя-Бугузского водохранилища изучались и другие памятники. В. А. Нильсен вел в 1959 г. раскопки остатков замка Джарты-тепе, расположенного на высоком крутом холме-останце в пойме Ангрена. Ввиду срочности этой работы была раскопана лишь западная половина сооружения. При этом выявлено три строительных периода. Однако постройки сохранились плохо, и планировку здания для отдельных периодов определить не удалось. Судя по инвентарю (главным образом керамические изделия), замок существовал в первой половине I тысячелетия до н. э., а затем почему-то был оставлен жителями.

В той же зоне, но выше по течению Ангрена, имеется довольно крупное городище Кендык-тепе. В 1959 г. была выполнена топографическая съемка этого городища и проведены небольшие разведочные раскопки.

В 1959 г., в связи с необходимостью планировки части территории Ташкента, О. В. Обельченко произвел частичное обследование расположенного здесь городища Минг-Урюк. Это городище, когда-то весьма значительное, но теперь уже в большей части срытое, изучалось и раньше[30]. О. В. Обельченко вскрыл остатки плохо сохранившихся построек в верхнем слое, возведенных, как показали находки поливной и неполивной керамики, в XII— начале XIII в. Здания погибли от пожара, быть может, связанного с монгольским нашествием, после которого поселение на Минг-Урюке уже не возобновлялось.

Ниже этих построек идут мощные наслоения земли с большой примесью мусора, а затем — остатки относительно хорошо сохранившихся помещений, одно из которых имело, очевидно, культовое назначение. Этот слой по характеру керамического материала датируется V—VII вв. Сооружения возведены на мощной платформе. Судя по некоторым находкам керамики в самых нижних слоях, поселение здесь возникло в первых веках н. э.

---

[30] Ю. Буряков, Городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды САГУ, новая серия, вып. LXXXI, Исторические науки, кн. 12, Ташкент, 1956, стр. 121—132.

Потребностями хозяйственного строительства были вызваны также беглые и поверхностные исследования на городищах Кыр-Буран, Ниязбек-кала и др.

Кыр-Буран, исследованный М. Пачосом и М. И. Филановичем, представляет собой значительное городище (прямоугольное в плане) близ головного сооружения Ташкентского канала. Верхние слои его относятся к X—XII вв., а нижние — к VI—VII вв.

Ниязбек-кала (осмотрена Г. В. Парфеновым, раскопки вела археолог Комитета по охране памятников Н. Б. Немцева) находится на берегу канала Бозсу, недалеко от ж.-д. ст. Бозсу. При планировке поверхности этого городища выявлено сооружение из жженого кирпича, возможно, мавзолей XVI или XVII вв. Найденный на городище керамический материал можно отнести к началу н. э., но особенно обильны остатки керамики XI—XII вв.

Научный сотрудник Музея истории Ю. Ф. Буряков в 1959 г. произвел небольшие раскопки городища Тункет — главного города древней области Илак и центра горнорудного района.

Т. Агзамходжаев обнаружил наскальные изображения в верховьях Узунсая, в местности Кур-Тайлау (Бостандыкский район). Высоко в горах он нашел около 200 камней, на которых высечены изображения охотника с луком, оленей, верблюдов и т. д. Часть этих изображений восходит, возможно, к I тысячелетию до н. э.

В Ферганской долине основные работы были сосредоточены на городище Кува, к востоку от г. Ферганы, близ ст. Федченко. Исследование городища, на месте которого находился г. Кува, упоминаемый географами X—XII вв.[31], было начато в 1956 г. и велось ежегодно на протяжении рассматриваемого периода[32]. Выбор Кувы в качестве объекта исследования, как и во многих других случаях, определялся потребностями хозяйственного строительства.

Городище состоит из наиболее возвышенной части — цитадели, примыкающего к ней шахристана и низеньких холмиков рабада.

---

[31] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб, 1900, стр. 157.

[32] Работы ведутся под общим руководством Я. Г. Гулямова старшими научными сотрудниками В. А. Булатовой (начальник отряда в 1957—1959 гг.), В. Д. Жуковым (1956 г.) и Л. И. Альбаумом (работы по консервации фрагментов скульптур, 1958 г.); младшими научными сотрудниками И. Ахраровым (1956—1959 гг.), М. Аминджановой (1956 г.), Д. П. Вархотовой (1959 г.), П. Захидовым (1958 г.), Х. Мухаммедовым (1957 г.), лаборантами Р. Бурнашевой, У. Алимовым, Г. Магдиевым, Г. Дмитриевой, В. Дмитриевым, И. А. Салахуддиновой.

В западной и восточной частях шахристана были вскрыты жилые кварталы, относящиеся к верхним слоям городища. Стены домов каркасные или сложены из сырцового кирпича. В некоторых местах полы выстланы жженым кирпичом. Собрано много различных предметов, главным образом бытовой керамики, которая позволяет датировать постройки XII—началом XIII в. Сохранность построек плохая; замечены следы пожара. Возможно, здесь, как и на многих других городищах Средней Азии, мы встречаемся с результатами монгольского завоевания.

Была исследована городская стена Кувы шириной 14 *м*, а также укрепления цитадели. Заложенный на городище стратиграфический раскоп показал, что поселение возникло не позднее первых веков н. э.; толща культурных наслоений превышает 9 *м*.

Особый интерес представляют раскопки холма близ шахристана. На нем раскрыты остатки буддийского храма — два относительно плохо сохранившихся помещения и дворик, на полу которых оказалось большое количество разбитых скульптурных изображений буддийских божеств и демонов. Головы их сделаны весьма выразительно и отличаются большой экспрессией, особенно в изображениях демонов. Скульптуры были раскрашены и местами позолочены. В храме имелись стенные росписи, к сожалению, безнадежно погибшие, так как стены сохранились лишь на небольшую высоту и попорчены пожаром. О пожаре свидетельствуют обожженные стены здания, обгоревшие куски дерева, зола и угли.

Скульптуры буддийского типа, найденные на городище Кува, имеют большое значение как первые памятники монументального искусства на территории Ферганской долины и как доказательство распространения здесь буддизма в относительно позднее время — V—VI вв.,— к которому можно отнести здание по характеру бытового инвентаря, сохранившегося здесь и в примыкающих с севера помещениях буддийского монастыря, также погибшего от пожара.

Буддийские скульптуры Кувы очень сходны со скульптурами, известными в Восточном Туркестане, отделенном от Ферганы лишь одной горной цепью. Территория Восточного Туркестана (современный Синьцзян) играла на протяжении многих столетий большую роль в связях Востока и Запада, осуществлявшихся по «великому шелковому пути», одно из главных ответвлений которого проходило через Фергану, перевалы Тянь-Шаня и Восточный Туркестан.

Новые памятники скульптуры, несмотря на их фрагментарность, займут важное место в истории искусства народов Средней Азии, наряду с открытыми раньше произведениями

живописи и скульптуры Варахши, Пянджикента и Балалык-Тепе.

В 1956 г. В. Д. Жуков произвел общую рекогносцировку памятников Кувинского района. В 1959 г. В. А. Булатова исследовала развалины небольшого башенного замка (кешка) в окрестностях городища Кува. Здание было построено на стилобате из глины и гальки высотой в 4—5 *м*. Планировку его невозможно было установить, поскольку здание сохранилось очень плохо. Обнаруженный здесь большой керамический материал относится к III—IV вв.[33]

На территории Самаркандской области археологический отряд под руководством Я. Г. Гулямова[34] в 1956 г. производил рекогносцировочные исследования в районе Джизака и Нуратинских гор. Отряд сделал интересные наблюдения по истории орошения долины Санзара и северных склонов Нуратинского хребта и открыл пока единственное в Узбекистане сооружение типа дольмена в местности Кульпи-Сар[35].

В 1956—1957 гг. отряд в составе О. В. Обельченко и Г. В. Шишкиной[36] исследовал памятники так называемой Придаргомской степи, расположенной между главным магистральным каналом района Самарканда — Даргомом и хребта Кара-Тепе. В этой безлюдной ныне местности имеется огромное количество памятников в виде маленьких и больших тепе, свидетельствующих о том, что степь была довольно густо населена в первых веках н. э., но уже давно опустела, за исключением отдельных мест (например, здесь в XIV—XV вв. находились известный сад и загородный дворец Тимура Давлатабад).

Отряд вел также раскопки крупнейшего городища этой местности Кафир-кала, расположенного на северном краю Придаргомской степи, на самом берегу Даргома, и небольшой усадьбы в нескольких сотнях метров к востоку от Кафир-калы.

---

[33] В этот же период научный сотрудник Андижанского музея В. И. Козенкова исследовала средневековые (X—XII вв.) наслоения в г. Андижане, раскапывала маленький холм, представлявший собой, по ее мнению, небольшой храм огнепоклонников IV—V или начала VI в., и гончарную печь в Пахтаабадском районе, датируемую V—VII вв. (см. В. И. Козенкова, Гончарная печь из Хилля, СА, 1958, №3, стр. 219—221). Научный сотрудник Наманганского музея Г. Чуланов раскопал несколько курганов в могильнике Гур-Миран (в 24 *км* к северо-западу от г. Намангана), исследованном А. Н. Бернштамом в 1951 г. и датируемом III—IV вв.

[34] В работе отряда участвовали В. А. Нильсен, Т. Агзамходжаев, Х. Мухамедов, лаборант С. Адилходжаев и др.

[35] См. Я. Г. Гулямов, Кладбище Кульпи-Сар, в данном сборнике, стр. 92—95.

[36] В работах отряда участвовали В. А. Нильсен, Г. Е. Трапезников и др.

Кафир-кала состоит из бугра, окруженного на некотором расстоянии мощным прямоугольным валом. С северной и южной сторон сооружения возвышается несколько высоких конических бугров — остатков башен. Развалины Кафир-кала представляют значительный интерес, ибо она аналогична по своему типу городищу Тали-Барзу.

Раскопки 1956—1957 гг., проводившиеся О. В. Обельченко, носили предварительный, разведочный характер. Было выяснено, что вал, окружающий центральную часть, представляет собой развалины построек. Вскрыт жилой комплекс, состоящий из нескольких соединенных между собой помещений. По характеру керамических находок они могут быть датированы V—VI вв. В XI—XII вв. над этими помещениями были построены новые дома, от которых сохранились лишь незначительные остатки. Встречаются фрагменты керамики XIV—XV вв., что объясняется, близостью загородного дворца Давлатабад. В то время на таком удобном наблюдательном пункте, как Кафир-кала, могла размещаться охрана или лагерь тимуровских войск.

Небольшие раскопки на верхней площадке центрального холма дали пока лишь материал VII—VIII вв. Время возникновения Кафир-кала впредь до проведения более глубоких раскопок остается не установленным.

Усадьба близ городища Кафир-кала была полностью раскопана Г. В. Шишкиной в 1956—1957 гг. При этом выявлено здание на стилобате из глины, со стенами, возведенными в технике «комбинированной» кладки из пахсы и сырцового кирпича, со сводчатыми перекрытиями. Оно отличается очень своеобразной, строго симметричной планировкой. Особенностью здания, не отмечавшейся пока на других памятниках, являются прямоугольные щели-продухи в стенах, видимо, служившие для циркуляции воздуха в помещении или их обогревания.

В 1958 г. был создан Самаркандский археологический отряд. В 1958—1959 гг. он работал в основном на городище Афрасиаб, выясняя стратиграфию городища и историческую топографию одного из древнейших и крупнейших городов Средней Азии — Самарканда — от возникновения его до нашествия монголов (1220 г. н. э.). Конечная цель многолетних работ на Афрасиабе и окрестностях Самарканда — получение уточненных данных по археологии древнего Согда и по истории Самарканда и его округи.

Археологические работы на Афрасиабе начались в 70-х годах XIX в. с небольших раскопок, произведенных майором Борзенковым. В 1883 г. на Афрасиабе работал В. В. Крестовский, в 1885 г.— Н. И. Веселовский, а затем — В. В. Бар-

тольд. Позднее большие раскопки на городище вел В. Л. Вяткин. Однако все эти работы, несмотря на их довольно крупные масштабы, дали незначительные результаты из-за несовершенства методики[37] и отсутствия достаточно полных отчетов о выполненных работах и добытом материале. Выводы, сделанные В. Л. Вяткиным, считавшим, что город на месте Афрасиаба возник только в IV—V вв.[38], были явно неверны. Это побудило Институт истории и археологии организовать в 1945 г. разведочные работы, выполнявшиеся А. И. Тереножкиным. Эти работы убедительно доказали существование на Афрасиабе культурных слоев, восходящих примерно к середине I тысячелетия до н. э.[39] А. И. Тереножкин сделал ряд ценных наблюдений по стратиграфии наслоений, но они носили отрывочный характер и дали мало сведений по исторической топографии древнего Самарканда, тем более, что исследователь почти не использовал имеющиеся исторические источники и работы своих предшественников.

Для исследования стратиграфии городища в различных его частях было заложено несколько раскопов (вначале на западной и северной стороне Афрасиаба). Западная сторона городища, влево от современной дороги к аэропорту, судя по сравнительно спокойному рельефу, производила впечатление более молодой части города, чем его центр. Это предположение подтвердилось нашими раскопками. За два года работы удалось дойти до лессового материка, подстилающего культурные слои в семи пунктах, начиная с южной стороны и до того пролома во внешней городской стене, который В. Л. Вяткин считал остатками Наубехарских ворот X — начала XIII в. Толщина культурного слоя повсюду оказалась весьма незначительной. Под слоями X—XIII вв. только местами прослеживаются небольшие остатки, которые можно датировать не ранее VI—VII вв. Таким образом, высказывавшееся раньше предположение о том, что в рабовладельческий период, на рубеже нашей эры, город занимал всю территорию Афрасиаба, пока не получило подтверждения.

---

[37] Следует оговориться, что мы не склонны винить в этом лично В. Л. Вяткина и его предшественников, так как методика раскопок таких городищ, как Афрасиаб, вообще не была еще достаточно разработана в русской археологии того времени.

[38] В. Л. Вяткин, Афрасиаб..., стр. 19. Впрочем, В. Л. Вяткин делает оговорку, что дата начала поселения не окончательна. В неопубликованном отчете Узкомстариса за 1929/30 г. В. Л. Вяткин датирует ранние слои Афрасиаба уже кушанским временем.

[39] А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIV, М., 1950, стр. 152—169. Значительная древность Афрасиаба была несомненна для некоторых исследователей и до работ А. И. Тереножкина, но конкретный материал для древнейших слоев впервые был добыт и опубликован именно А. И. Тереножкиным.

В южной части описываемого участка постройки XI—XII вв. сохранились очень плохо. Уцелели незначительные остатки стен, не дающие представления о планах и характере существовавших здесь зданий. О том, что здесь находились жилые дома, можно судить по многочисленным ямам типа колодцев и ретирадов («бадраб»), найденным во всех раскопах. К тому же постройки сильно испорчены могилами позднего кладбища, внешние следы которого в виде могильных холмиков уже утрачены[40], но погребения относятся, по-видимому, к тем временам, когда былые постройки превратились в плоские, низкие холмики[41].

Гораздо лучше сохранились древние сооружения в средней части западного участка. Здесь еще В. Л. Вяткин раскопал три крупных монументальных здания, составлявших, видимо, единый ансамбль, где стены сохранились на относительно большую высоту, а местами уцелели остатки сырцовых перекрытий («здание с куполом», раскопанное в 1925 г.)[42]. В одном здании В. Л. Вяткин открыл замечательные резные алебастровые панели, находящиеся ныне в Самаркандском музее, остатки стенной живописи и т. п. В одном из старых раскопов отряд проделал небольшую работу по выяснению стратиграфии. При этом было обнаружено вырытое в толще лесса подземное помещение с ведущим вниз ступенчатым ходом и небольшой округлой камерой с куполообразным потолком. Это помещение находится рядом с таким же подземельем, открытым в 1925 г.[43]

По другую сторону дороги на аэропорт, недалеко от въезда на Афрасиаб со стороны города, в 1958 г. была осуществлена глубокая разведка в обширной замкнутой котловине—одной из многих котловин, разбросанных по всему городищу[44].

О происхождении этих огромных котловин существовали различные мнения. В. Л. Вяткин после некоторых колебаний высказал предположение, что это были хаузы[45]. В середине котловины нами вырыт шурф глубиной 11 *м*, но не прошедший еще всех культурных наслоений. В шурфе обнаружены

---

[40] Они не нанесены и на подробный крупномасштабный план Афрасиаба, составленный в 1885 г. по поручению Археологической комиссии в связи с раскопками Н. М. Веселовского.

[41] На этом участке работали научные сотрудники М. Пачос, Г. В. Шишкина, Я. Крикис.

[42] См. В. А. Шишкин, Из археологических работ на Афрасиабе (Раскопки В. Л. Вяткина в мае—июле 1925 г.), «Известия УзФАН СССР», 1940, № 12, стр. 63—70.

[43] В. А. Шишкин, указ. соч., стр. 67, рис. 5.

[44] Работу выполнил В. Д. Жуков.

[45] В. Л. Вяткин, Афрасиаб — городище былого Самарканда, Самарканд, 1927, стр. 14—15.

осколки посуды X—XII вв., а на глубине 10 *м* найдена медная саманидская монета.

Раскоп был заложен и на восточной стороне той же котловины. Исследование котловины еще не закончено, но уже теперь можно сказать, что она некогда была гораздо глубже и, несомненно, карстового происхождения. Возможно, она была углублена при постройке городских зданий и стен, так как из нее могли брать землю для кирпичей и пахсы. И, наконец, хауз в котловине мог находиться именно там, где вырыт шурф, потому что наслоения этого шурфа в нижней части болотисты, слоисты, с железистыми пятнами ржавого цвета. Впрочем, это могла быть и яма, подобная ямам-«кулям», еще недавно существовавшим в Бухаре и служившим местом сбора дождевых и сточных вод, а заодно и мусорной свалкой.

На восточном краю котловины обнаружены остатки гончарных мастерских, которые здесь не удалось исследовать, ибо они находятся под современным кладбищем. Квартал, занятый гончарными мастерскими, тянется и дальше на север и северо-восток. Северо-восточнее упомянутой котловины В. Д. Жуков вскрыл плохо сохранившиеся остатки двух гончарных мастерских, изготовлявших, по его наблюдениям, неполивную посуду. Там обнаружено большое количество гончарных печей, построенных вероятно, в разное время.

Один из раскопов в северной части Афрасиаба начат в 1959 г. там, где А. И. Тереножкин в 1947 г. обнаружил остатки древнего здания и раскопал пять расположенных в одну линию помещений и мусорную яму, содержавшую большое количество керамики, датируемой первыми веками до н. э. и первыми веками н. э.[46] В одном из помещений раскрыт интересный жертвенник, сложенный из терракотовых плит[47] (рис. 3).

Раскоп А. И. Тереножкина был расширен нами в северном и северо-восточном направлениях. Здесь были обнаружены плохо сохранившиеся остатки зданий, относящихся примерно к середине I тысячелетия н. э. Верхний слой над этими зданиями изрыт погребениями средневекового кладбища. Закладка нескольких шурфов показала, что помещения, раскопанные А. И. Тереножкиным, были возведены на очень большом завале, состоящем из земли и мусора с осколками керамики тех же типов, что были обнаружены в упомянутой яме. Работы на этом месте продолжаются.

---

[46] Раскопки вел С. К. Кабанов при участии Д. П. Вархотовой (весной 1959 г.) и М. И. Филанович (осенью того же года).

[47] См. Л. И. Ремпель, Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба, Доклады АН ТаджССР, вып. 9, Сталинабад, 1953, стр. 25—30.

С 1958 г. начаты раскопки и к северу от цитадели, в низине, ограниченной с запада — котловиной, где, вероятно, находился один из водоемов, с севера — внешней городской стеной, а с востока — одной из внутренних стен городища с сохранившимися остатками башни[48]. При раскопках выявилась довольно неожиданная картина. На этом месте, которое, как

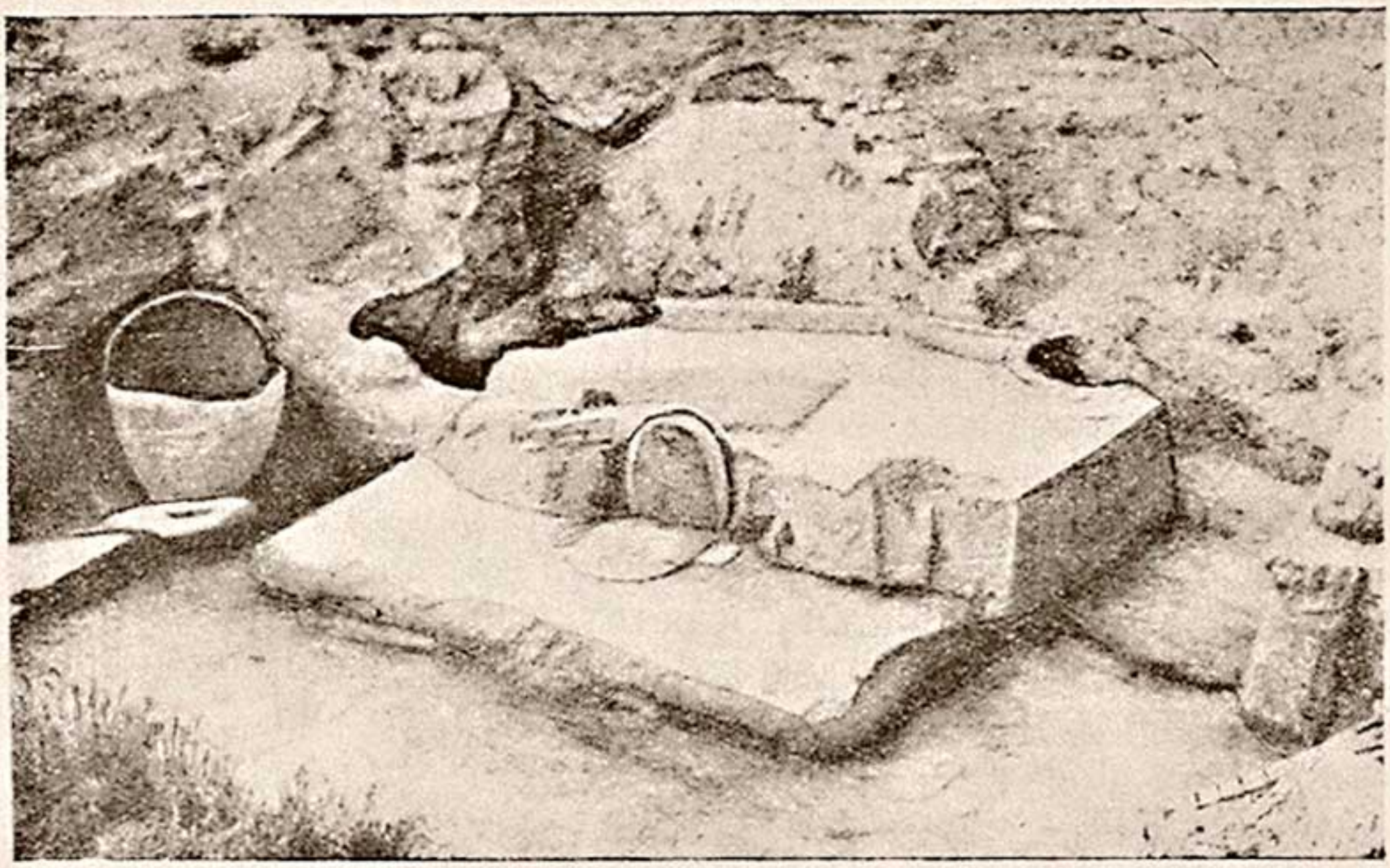


Рис. 3. Алтарь-жертвенник (раскоп на северной стороне Афрасиаба).

можно было полагать, входило в территорию древнейшего поселения на Афрасиабе, оказались только поздние наслоения, не старше X в. н. э. Таким образом, приходится допустить, что здесь, в непосредственной близости к цитадели, до X—XI вв. не было никаких построек. Однако возможно, что при каких-то строительных работах отсюда выбрали землю до материка, на котором затем возвели постройки. Это предположение кажется более вероятным.

От возводившихся на этом месте построек сохранились мощные глинобитные стены. Площадка уступами поднимается в восточном направлении — к возвышающимся здесь стене и башне. Между X—XII вв. в уступах были вырыты подземные помещения, весьма обычные для средневекового Самарканда. Раскоп, доведенный до упомянутой башни, осенью, 1959 г. был перенесен к востоку от нее, на возвышенность, примыкающую к северо-восточному углу цитадели. Под мно-

[48] Раскопки производятся О. В. Обельченко при участии лаборанта Л. Г. Брусенко.

гочисленными слоями со следами разновременных зданий обнаружены стены зданий из пахсы и сырцового кирпича, датируемые по найденным согдийским монетам VII—VIII вв. Исследование этого интересного пункта продолжается.

Небольшие работы были начаты в 1959 г. на территории соборной мечети, изучавшейся в 1904—1905 гг. В. В. Бартольдом[49] и В. Л. Вяткиным[50]. Обширный двор ее был слабо затронут раскопками, что облегчает ныне исследование мечети и места, на котором она была возведена.

Нами заложен пока небольшой раскоп во дворе мечети около середины ее северной стены[51]. Выявлена часть пола двора, выстланного жженым кирпичом, и часть дверного проема северного входа в мечеть. На полу обнаружено много углей, что подтверждает (как выяснил еще В. Л. Вяткин) исторические сведения о сожжении мечети монголами весной 1220 г. Найдено несколько обуглившихся фрагментов резного декора, украшавшего, очевидно, деревянную галлерею (айван), которая проходила по периметру двора. На этих фрагментах видны следы растительного орнамента. Под полом прослежена хорошо сохранившаяся поверхность глинобитной стены здания, существовавшего до постройки мечети.

Одним из важных показателей роста Самарканда в различные периоды его жизни служат городские стены[52]. Кроме мощной стены, окружающей все городище, на Афрасиабе имеется несколько внутренних стен. Исследование их, главным образом в целях определения времени возведения, является одной из первоочередных задач изучения Афрасиаба. Раскопки стен еще только начаты.

В первую очередь исследовалась западная часть внешней стены, в том месте, где, по предположению В. Л. Вяткина, находились Наубехарские ворота. Воспользовавшись тем, что стена в этом месте разрушена большой и глубокой промоиной, мы зачистили в виде вертикального разреза торец стены[53]. Построенная непосредственно на материке стена была сложена из глины и сырцового кирпича разных размеров и неоднократно ремонтировалась. Кладка стены небрежная, рыхлая,

---

[49] В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г., командированного Русским Комитетом проф. В. В. Бартольда, ИРКИСВА, СПб., ноябрь 1904 г., № 4, стр. 21—24.

[50] В. Л. Вяткин, Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 г., ИРКИСВА, 1907, № 7.

[51] Работы производит Я. Крикис.

[52] Об этом подробно говорит В. Л. Вяткин (Афрасиаб. . . , стр. 6—8). Надо ожидать, что при дальнейшем исследовании картина заселения Афрасиаба и возведения его внутренних стен (более многочисленных, чем указывает В. Л. Вяткин) окажется гораздо сложнее.

[53] Раскопки производил М. Пачос.

легко осыпающаяся. Сохранившаяся ее высота достигает 8 *м*, ширина в основании — 12 *м*. В стене обнаружено помещение наполовину вырытое в ее толще, а частично сложенное из сырцового кирпича. В помещениях найдено много фрагментов керамики, типичной для X—XI вв. Судя по характеру строительного материала и другим признакам, можно предположить, что стена была построена не раньше IX в.

Была проведена разведка и на следующей (с юга) внутренней стене, третьей по счету В. Л. Вяткина[54]. Разрез стены был сделан приблизительно в 300 *м* от дороги на аэропорт. Стена оказалась глинобитной, без заметных швов. По-видимому, она наращивалась тонкими слоями с применением трамбовки. Вместе с глиной в стену заложено очень много черепков неполивной посуды IV—VI вв. В стене (очевидно, когда она потеряла уже свое оборонное значение) была вырыта бадрабная яма, в которой найдена типичная керамика X в. Ширина стены в основании достигает 15 *м*. Время постройки ее определяется между VI и VIII вв.

Таковы предварительные результаты исследования позднейших стен городища. Эти данные должны быть подкреплены и уточнены дальнейшими работами.

О времени возникновения поселения на территории Афрасиаба мы пока говорить не можем. Нижние слои наиболее старой части городища еще не вскрыты. В порядке уточнения данных А. И. Тереножкина и для ознакомления работников отряда с характером слоев, содержащих наиболее старые культурные остатки, научный сотрудник отряда Ш. Ташходжаев произвел небольшую зачистку около мавзолея Туглу-Текин, в ансамбле Шахи-Зинда, там, где А. И. Тереножкин обнаружил зольник с керамикой, датируемой им по аналогии с соответствующими слоями Анау IV, мервской Гяур-Кала и Нади-Али в Афганистане VI—IV вв. до н. э. При зачистке был вскрыт глинобитный пол помещения и несколько фрагментов той же керамики, которую обнаружил А. И. Тереножкин.

При расчистке на полу были найдены не встречавшиеся раньше предметы из камня. Каждый из них состоит из двух округлых камней с одной тщательно зашлифованной плоской стороной. В центре одного камня сделана конусообразная выемка, а другой имеет конический шип соответствующих размеров. Эти камни пришлифованы друг к другу так точно, что верхний камень очень легко вращается. Диаметр их около 20 *см*. В одной паре нижний камень (с выемкой) был вмазан в конусообразную алебастровую подставку, лежавшую прямо

---

[54] Работу выполнил М. Н. Федоров.

на глинобитном полу (рис. 4). В другой такой же паре камни лежали отдельно один от другого. Назначение их неясно. Они могли служить подпятником для полотнища двери или для вертикальной оси станка (например гончарного), но округлая поверхность верхнего камня затруднила бы закрепление на нем двери или оси. Возможно, что верхний камень также имел площадку из алебастра или глины. Тогда эти камни могли бы служить очень удобным ручным гончарным кругом. Окончательно решить этот вопрос мы пока не можем.

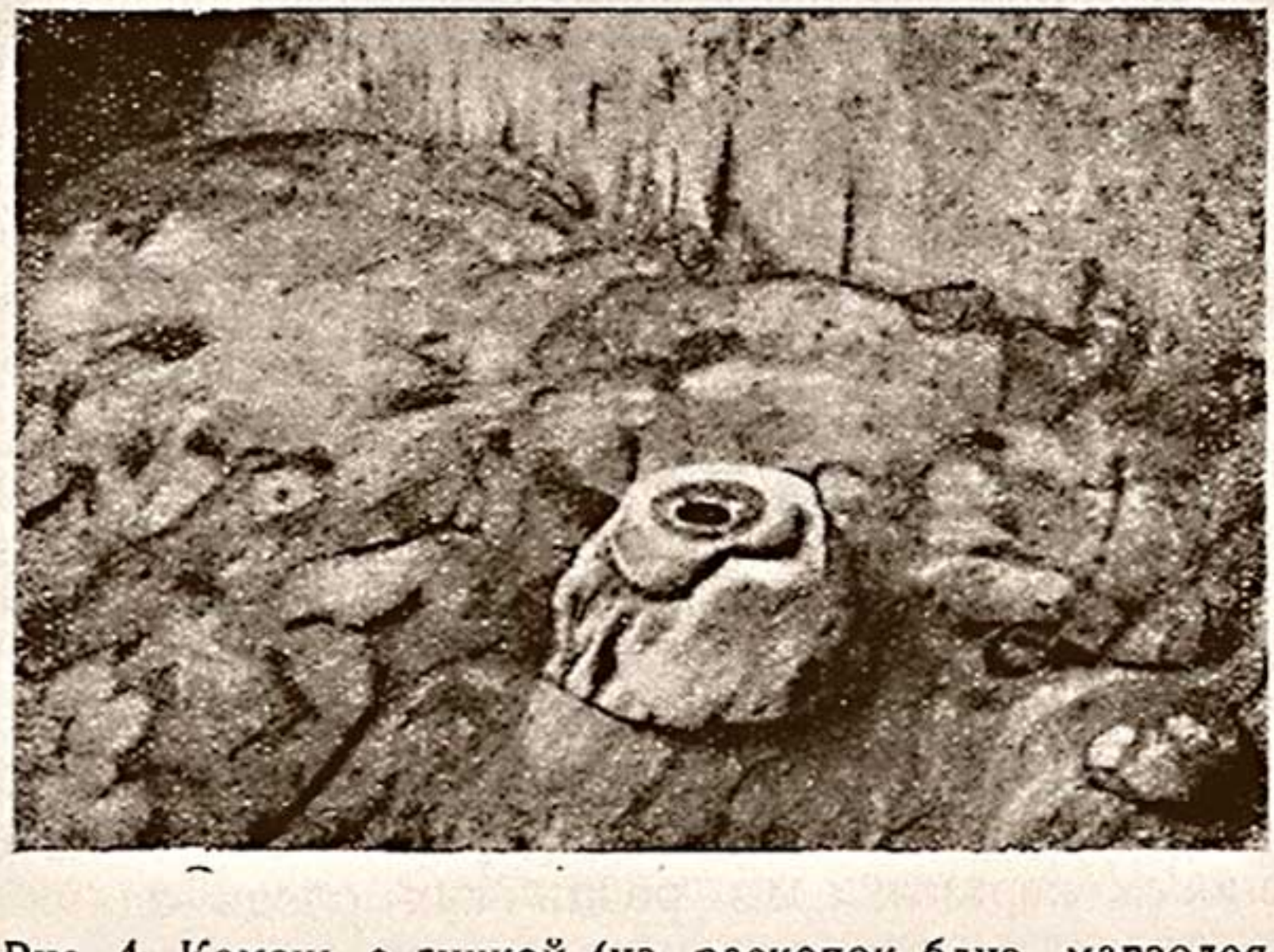


Рис. 4. Камень с лункой (из раскопок близ мавзолея Туглу-текин).

Кроме раскопок на Афрасиабе, велись наблюдения и сбор некоторых материалов в других частях Самарканда. В частности, были осмотрены остатки фундаментов монументального здания, обнаруженного в местности Баги-Шамаль. Там же собрано большое количество изразцов поливных кирпичей, фрагментов майоликовой облицовки и т. п., явно относящихся к концу XIV— началу XV в. Едва ли можно сомневаться, что это остатки известного загородного дворца Тимура Баги-Шамаль («Сад ветров»), название которого сохранилось в названии местности.

Широкая археологическая разведка была предпринята в 1959 г. в Ургутском районе Самаркандской области. Разведочная группа[55] прошла от Рабати-Ходжа на Зеравшане до сел. Кара-тепе на Шахрисябзской дороге. Осмотрено свыше

---

[55] В ней участвовали В. А. Шишкин, Я. Крикис, М. Н. Федоров и Л. Х. Шарипова.

35 памятников в виде тепе и небольших городищ разного времени — от первых веков до н. э. до начала XIII в. н. э. Есть и более поздние интересные памятники — остатки крепости в Ургуте, мазары, кладбища с надписями на надгробных камнях и т. п. Разведка велась по предгорьям с заходом в некоторые горные ущелья, где также имеются интересные объекты для будущих исследований древнего рустака Шавдор, куда входил и Самарканд.

Весной 1959 г. изучалась уцелевшая часть большого ныне распаханного курганного могильника Ак-Джар в 35 *км* к северу от Самарканда, в Пай-Арыкском районе. Раскопано 7 курганов. Два погребения оказались в грунтовых могилах, четыре — в катакомбных; один из курганов не содержал погребения. В могилах найден некоторый инвентарь в виде керамических изделий, фрагментов железных мечей и т. п. Собранный там краниологический материал еще не обработан. Погребения датируются первыми веками до н. э. и первыми веками н. э.

В Бухарской области в рассматриваемый период отряд под руководством Я. Г. Гулямова продолжал начатые в 1953—1955 г.[56] раскопки развалин крупного здания — замка Кызыл-Кыр[57]. Выявлено три последовательно сменявшихся периода строительства, причем каждый раз характер постройки и планировка здания претерпевали большие изменения. Установлено также, что оно возведено на древнем песчаном бархане. Однотипность керамики из различных слоев здания позволяет предполагать, что оно перестраивалось в течение сравнительно небольшого отрезка времени. В. А. Нильсен датировал первоначальное здание предположительно III—II вв. до н. э., а последний период жизни городища отнес к концу I в. до н. э.[58] Однако пока исследование памятника не завершено, окончательная датировка его не представляется возможной.

Тот же отряд вел в окрестностях городища Кызыл-Кыр раскопки небольшого поселения с жилищами-полуземлянками, очевидно, представлявшими собой нечто вроде шалашей. В жилищах найдены железные ножи, железные перстни, мелкие бронзовые изделия, зернотерки и керамика архаического облика. По мнению руководителя отряда Я. Г. Гулямова, поселение существовало за несколько веков до н. э.

---

[56] В. А. Нильсен, Кызыл-Кыр (Результаты раскопок 1955 г.), В сб.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, стр. 60—78.

[57] В работах в разные годы участвовали научные сотрудники В. А. Булатова, Ю. Ф. Буряков, Х. Дуке, П. Захидов, А. Мухамеджанов, Х. Мухамедов, В. И. Спришевский и др.

[58] В. А. Нильсен, Кызыл-Кыр, стр. 75—77.

Большое значение для исторической топографии Бухарского оазиса имеют, как уже неоднократно отмечалось в археологической литературе, древние стены, защищавшие оседлые земледельческие районы Бухары от набегов кочевых племен. Их обнаружил на восточной стороне оазиса еще в XIX в. Н. Ф. Ситняковский, а затем осматривали и описывали Л. А. Зимин, экспедиция Эрмитажа и Узкомстариса под руководством А. Ю. Якубовского (1934 г.) и автор настоящего обзора (в 1935 и следующих годах).

Исследованиями установлено в общих чертах направление стены на восточной стороне, где она сохранилась относительно хорошо, и отчасти — на южной, где уцелели лишь незначительные остатки ее. На западе удалось обнаружить только небольшой участок стены между бугром Кампирак, расположенным к западу от городища Варахша, и бугром Буран-тепе, находящимся к северу от этого городища.

В рассматриваемый период Х. Мухамедов (под руководством Я. Г. Гулямова) проследил значительную часть стены как на западной стороне оазиса, так и на север от него. Кроме того, он выявил здесь остатки более древних стен.

Длинные оборонительные стены обнаружены также к северу от Зеравшана; вновь изучалась и стена Кампир-дивал в Ташкентском оазисе. Таким образом, в древности в Средней Азии были созданы целые системы подобных стен от Южной Туркмении, где уже давно известны стены у Мерва и у Каспийского моря, до Ташкента и западной части Ферганы. Материалы по исследованию длинных оборонительных стен Средней Азии находятся еще в стадии обработки.

В связи с исполнившимся в 1959 г. 1000-летием со дня смерти известного историка Бухары Абу-Бекра Мухаммада ибн Джафара Наршахи (ум. в сафаре 348 г. х., т. е. в апреле — мае 959 г. н. э.), археологический отряд под руководством Я. Г. Гулямова заинтересовался городищем Наршах, расположенным в окрестностях Вабкента (древней Вабканы). В 1944 г. это городище посетили В. А. Шишкин и В. А. Нильсен, но тогда исследование его ограничилось поверхностным осмотром и составлением глазомерного плана[59].

Я. Г. Гулямов пришел к заключению, что крепость Наршах возведена, по-видимому, в середине VIII в., возможно, в связи с подготовкой к известному антиарабскому восстанию Муканны.

---

[59] В. А. Шишкин, Предварительное сообщение об археологической рекогносцировке 1944 г. в Бухарскую область, «Бюллетень АН УзССР», 1945, № 7, стр. 27.

Как известно, хорошо укрепленный Наршах был основным опорным пунктом сторонников Муканны в окрестностях Бухары и оказал упорное сопротивление арабам, о чем подробно говорится в «Истории Бухары» Наршахи. Крепость существовала, очевидно, недолго, ибо культурный слой здесь сравнительно невелик. Весьма вероятно, что крепость после разгрома восстания (776 г.) больше не восстанавливалась. Наршах существовал, но, может быть, уже в качестве неукрепленного пункта, еще в XII в., так как Самани упоминает его среди других бухарских селений[60].

Городище Наршах, с которым связано столь важное событие в исторической жизни народов Средней Азии, как восстание Муканны, представляет для нас значительный интерес, и работы на нем желательно продолжить в ближайшие годы.

Основные исследования на территории бывшей Кашка-Дарьинской области были сосредоточены в районе строящегося Чим-Курганского водохранилища, приблизительно в 65 *км* вверх по реке от г. Карши. Предварительную рекогносцировку зоны затопления водохранилища произвел С. К. Кабанов в 1954 г., а в 1955—1957 гг. В. Д. Жуков и С. К. Кабанов вели раскопки некоторых памятников этой зоны[61]. С. К. Кабанов полностью раскопал небольшой бугор Аул-тепе — остатки довольно крупного здания из глины и сырцового кирпича[62]. Оно отличается своеобразной планировкой, напоминающей в некоторых чертах (выделение центрального квадратного блока помещений, обходной коридор и комнаты, расположенные по периферии, за коридором) отмеченную выше «усадьбу» близ Кафир-кала. Оба памятника датируются V—VI вв. Здание, развалинами которого является Аул-тепе, подвергалось некоторым переделкам и перестройкам, но производились они в сравнительно небольшой промежуток времени.

В 1957 г. С. К. Кабанов провел разведку на буграх Кыз-тепе I—II. На первом из них сделан стратиграфический разрез от вершины до глинобитного стилобата первоначального здания. Наслоения оказались сложными — от первых веков н. э. по XV в. От последнего периода сохранились на глубине 1 *м* остатки мазара. Разведочный раскоп на Кыз-тепе II позволил вскрыть два помещения, где обнаружены монеты IV—V вв. Найдено также позднейшее погребение мужчины с мечом (ориентировочно VII—VIII вв.).

---

[60] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. I, тексты, СПб., 1898, стр. 68. Сел. Норчок (Наршах) существует и теперь близ древнего городища.

[61] С. К. Кабанов, Археологические памятники зоны Чим-Курганского водохранилища, ИАН СОН УзССР, 1957, № 2, стр. 75—83.

[62] С. К. Кабанов, Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан), СА, 1958, № 3, стр. 144—151.

Интересные результаты дало исследование большого бугра, известного под названием Джангаль-тепе. В 1957 г. С. К. Кабанов, осуществив здесь разведочные раскопки, обнаружил остатки сооружений из пахсы и сырцового кирпича и три строительных периода по времени близкие между собой, о чем свидетельствует характер археологического материала, главным образом керамики (в основном ручной лепки).

В 1958 г. работы на Джангаль-тепе были продолжены уже в порядке археологического надзора при возведении плотины. Здесь были заложены добавочные разведочные раскопки, позволившие уточнить характер и планировку поселения, оказавшегося, по наблюдениям С. К. Кабанова, крепостью, в которой имелся обширный двор с отдельными глинобитными постройками. С. К. Кабанов датирует поселение IV—V вв. Следовательно, оно предшествовало по времени Аул-тепе, что подтверждают и обнаруженные в его верхних слоях сосуды аул-тепинского типа.

В этот же период В. Д. Жуков исследовал очень интересный и своеобразный памятник — Кендекли-тепе, состоящий из бугра, окруженного мощным валом. Раскопки вала показали, что он представлял собой «жилые стены», включавшие большое количество помещений, по-видимому, жилых и хозяйственных. Бугор содержал остатки зданий, относящихся к трем периодам, самый ранний из которых датируется рубежом нашей эры, а последний — VI в. н. э.

В. Д. Жуков вел также разведочные раскопки на крупном городище Бури-тепе, существовавшем с первых веков н. э. до XI—XII вв., на буграх Нарай-тепе и Халмат-тепе, где сохранились лишь незначительные остатки глинобитных построек середины I тысячелетия н. э., и Сары-тепе, на котором вскрыта узкая улица и остатки сооружений из глины и сырцового кирпича, датируемых найденной здесь керамикой XI— началом XIII в.

Работы на территории Чим-Курганского водохранилища, к сожалению, носили характер спешной разведки с естественным стремлением охватить возможно большее количество памятников. Всего в зоне строительства учтено свыше 20 памятников. Из них полностью раскопать удалось только Аул-тепе, а частично разведано 11 объектов. Но все же в этой зоне собран большой и разнообразный материал, в частности, для характеристики различных типов сельских построек в долине Кашка-Дарьи в той ее части, где раньше не велось никаких археологических исследований. Этот материал требует еще дальнейшей обработки, обобщения и выводов.

Весной 1959 г. в Яккабагском районе при планировке полей с помощью бульдозера были случайно обнаружены ос-

татки капитально построенного мавзолея. Стены его не сохранились, но, судя по найденным фрагментам, он имел облицованный изразцами купол и панель. Предварительную разведку мавзолея произвел Л. И. Альбаум, а осенью его изучал под руководством Я. Г. Гулямова архитектор П. Захидов. Частично выявлен план мавзолея и вскрыт склеп, где оказалось нетронутое погребение. Рядом со склепом найдена мраморная плита, относящаяся, надо полагать, к погребенному в склепе некоему эмиру Мухаммеду, сыну Аюка, умершему в 822 г. х. (1419 г. н. э.). Тот факт, что мавзолей находится вблизи от сел. Ходжа-Булгар — родины Тимура — заставляет предполагать, что погребенное там лицо было как-то связано с династией Тимуридов.

В Ангорском районе Сурхан-Дарьинской области, где в течение многих лет работал Л. И. Альбаум, в 1956—1957 гг. были закончены раскопки замка Джумалак-тепе[63], который, как и Балалык-тепе[64], возведен на высоком глиняном стилобате и включает в себя значительное количество помещений. При раскопках были обнаружены многочисленные фрагменты украшений здания из резного дерева, обуглившиеся при пожаре, поэтому достаточно хорошо сохранившиеся. На этих деталях ясно виден сложный, хорошо разработанный и богатый растительный орнамент, напоминающий некоторыми чертами алебастровый декор Варахши. Сохранились и некоторые изображения голов людей (рис. 5).

Вместе с памятниками резного дерева раннего средневековья из Пянджикента и Усрушаны резное дерево из Джумалык-тепе свидетельствует о большой распространенности этого вида декора и высоком мастерстве древних художников-резчиков.

В том же году был частично исследован и замок Тешик-тепе (в том же Ангорском районе) с сохранившейся в одном из помещений аркой перекрытия (высотой в 6 *м*). Памятник предварительно датируется первыми веками н. э.

С 1958 г. археологические работы в Сурхан-Дарьинской области были сосредоточены в зоне строительства большого водохранилища на р. Сурхан-Дарье, в Джар-Курганском и Шурчинском районах, к северу от Термеза. На территории будущего водохранилища имеется много бугров и городищ, предварительно датируемых I—VI вв.

Произведено картографирование памятников и установлена очередность их исследования[65].

---

[63] В работах участвовал В. А. Нильсен.

[64] См. Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960.

[65] Работы проводятся под общим руководством Я. Г. Гулямова.

Л. И. Альбаум раскопал в 1959 г. небольшой замок V — начала VII в. Чаян-тепе, возведенный на высоком стилобате и отличающийся своеобразной планировкой, и начал исследование небольшого городища Катта-тепе, в верхних слоях которого обнаружены остатки зданий XI—XII вв.

Рис. 5. Голова из дерева (Джумалак-тепе).

Б. Я. Ставиский приступил к раскопкам крупного поселения или небольшого городка Якшибай-тепе; уже раскрыто 12 помещений V—VII вв. Л. Н. Мережин вскрыл 10 помещений на Имам-тепе, выявив три строительных периода в пределах V—VII вв. Работы по всем этим памятникам еще не закончены, но уже теперь можно полагать, что исследование их даст весьма существенный материал для истории правобережного Тохаристана V—VII вв., в период зарождения феодальных отношений.

Для полноты обзора археологических работ в долине Сурхан-Дарьи упомянем интересное открытие, сделанное вне

плана работ нашей экспедиции отрядом Института искусствознания АН УзССР. Отряд произвел небольшие раскопки на бугре Ханака-тепе в Денауском районе и обнаружил здесь фрагменты глиняной скульптуры и стенной живописи, предварительно датируемые первыми веками н. э.

* * *

Предлагаемый обзор не претендует на исчерпывающую характеристику их или на полноту освещения исследуемых проблем. Автор ограничивается хронологически последовательным описанием той большой и разнообразной работы, которая была выполнена за четыре года коллективом сотрудников Института истории и археологии АН УзССР и других центральных и местных научных учреждений, принимавших участие в нашей экспедиции[66].

---

[66] При составлении обзора использованы полевые отчеты и устные сообщения начальников археологических отрядов и лиц, выполнявших самостоятельные исследования.

А. П. ОКЛАДНИКОВ И О. И. ИСЛАМОВ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В УРОЧИЩЕ ШУРАЛИСАЙ[1]

(Бозсу-2)

Палеолитическое местонахождение Шуралисай (Бозсу-2) было открыто в 1954 г. студентами геологического факультета САГУ А. В. Головченко и И. О. Исламовым.

Оно расположено в районе древнего канала Бозсу в 10—12 *км* к ЗСЗ от Янги-Юля Ташкентской области УзССР. Следы палеолитического человека были обнаружены в долине Бозсу и ранее, но обратили на себя внимание лишь с 1954 г., когда археолог Г. В. Парфенов определил найденные на Бозсу-1 и Бозсу-2 каменные изделия, как палеолитические.

Предпосылками к открытию памятников палеолита в районе Ташкента являются: обнаружение древних четвертичных отложений, содержащих разнообразную фауну позвоночных, наличие в этих отложениях речных и озерных фаций, благоприятная палеоклиматическая обстановка.

Приташкентский район как в геологическом, так и в археологическом отношении изучен до сих пор слабо. Главный недостаток предыдущих исследований — их односторонность и несогласованность между археологическими и геологическими работами. Геологическое наблюдение района Бозсу проводилось А. П. Павловым (1901)[2], З. Ф. Гориздро-Кульчицкой[3] (1923), Ю. А. Скворцовым[4], Н. П. Васильковским[5] и др.

---

[1] В статье изложен материал полевых наблюдений 1956—1957 гг. Археологическая часть данной статьи написана д-ром ист. наук А. П. Окладниковым, геологическая — канд. геол.-минерал. наук О. И. Исламовым. Авторы выражают признательность археологу Г. В. Парфенову и канд. геол-минерал. наук Г. Ф. Тетюхину, любезно предоставившим часть материалов по Бозсу-2.

[2] А. П. Павлов, Статьи по геоморфологии и прикладной геологии, МОИП, М., 1951.

[3] З. Ф. Гориздро-Кульчицкая, Материалы к гидрогеологии бассейна рек Чирчик, Ангрен, Келес, ж. «Вестник ирригации», 1925, № 12.

[4] Ю. А. Скворцов, Генетические типы четвертичных отложений в речных долинах, Известия Узбекского филиала географического общества СССР, т. II, Ташкент, 1958.

[5] Н. П. Васильковский, К возрастному расчленению четвертичных отложений Северо-Восточного Узбекистана, Труды Института геологии АН УзССР, вып. 6, Ташкент, 1951.

В результате всех этих работ произведено структурное расчленение четвертичных отложений Приташкентского района и изучена их литология. Однако возраст этих отложений установлен лишь ориентировочно. Применение археологического метода уже сейчас дало положительные результаты, позволяющие рекомендовать внедрение его и в дальнейшем. С другой стороны, археологические результаты также оказались очень ценными.

Поэтому опубликование собранных на Бозсу-2 находок должно представлять интерес как для геологов, так и для археологов.

Археологическое обследование Бозсу-2 было впервые проведено в 1956 г. группой геологов и археологов под руководством А. П. Окладникова, в результате было собрано значительное число каменных орудий и палеонтологического (костного) материала.

В том же году на участке Бозсу-2 была проведена геологическая съемка группой студентов САГУ под руководством Г. Ф. Тетюхина и З. Ф. Вундцеттель. При этом попутно были собраны каменные орудия. В прослое галечника, в коренном залегании, в основании голодностепского цикла отложений был обнаружен фрагмент кремневого изделия верхнепалеолитического облика. Анализ изотопного состава кости млекопитающего дал возможность определить абсолютный возраст слоя в 38 000 лет. Этот факт подтвердил высказанное О. И. Исламовым предположение о верхнепалеолитическом возрасте голодностепских отложений, что соответствует Q_3 геологической номенклатуры.

В какой же палеогеографической обстановке происходило отложение ископаемых орудий первобытного человека, а следовательно, существовал ли и сам человек? Для точного и полного ответа на этот вопрос у нас еще мало собрано и обработано данных. Поэтому обзор имеет лишь предварительный характер.

В течение дочетвертичных периодов Приташкентский район неоднократно покрывало море, оставившее здесь мощные отложения. В результате возникновения складчатости и регионального метаморфизма образовался в основном твердый каменный фундамент, залегающий под четвертичными отложениями. Лишь местами дочетвертичные глинистые и песчанистые породы не потеряли своей пластичности, но в большинстве случаев они обладают бóльшей плотностью, чем четвертичные отложения.

В конце палеогена морской режим в Приташкентском районе сменился континентальным с отложением мощной толщи моласс. Последние отлагались на протяжении всего

неогена и предшествовали непосредственно четвертичным отложениям. В это время и в антропогене продолжались движения земной коры, как складкообразовательные, так и вертикальные, которые заканчивались преимущественно поднятиями. В результате северо-восточная часть Приташкентского района превратилась в горную страну с глубоко врезанными широкими долинами, образованными постоянными и временными водными потоками. Южная и западная части района представляли собой аллювиально-делювиально-пролювиальную равнину бассейна Сыр-Дарьи.

Климат Приташкентского района был в неогене жарким. В четвертичное время он стал умереннее. Периодические похолодания соответствовали, по-видимому, общим для Евразии эпохам оледенения.

На участке Бозсу-2 соотношения отложений голодностепского и ташкентского четвертичных комплексов определялись континентальными условиями генезиса.

Отложения неогена вскрываются лишь в русле канала Бозсу. Верхний обнажающийся пласт представлен серо-зеленой глиной. Неровная поверхность пласта является, возможно, древним ложем врезания. В начале четвертичного времени это древнее ложе было заполнено отложениями нанайского (сохского) комплекса. Последние на данном участке были размыты. Послеханайский размыв прошел достаточно глубоко, вновь достигнув неогена. В новом русле отложились слои ташкентского комплекса. Их отложения пока не датированы, но, вероятно, именно из них вымыты орудия мустьерского облика, найденные в русле Бозсу.

После нового, третьего (послеташкентского), вреза отложился голодностепский комплекс. Он представлен (по Г. Ф. Тетюхину) лессовыми породами, которые в верхней части разреза были загипсованы, с прослоями мелкозернистого галечника, песка, глины, а в верхней части разреза — с залежами ганча. Общая мощность разреза голодностепского комплекса по правобережью канала Бозсу на территории колхоза им. Хрущева равна 15 *м*. Контуры природного вреза, прошедшего перед отложением последнего сыр-дарьинского цикла, трудно обнаружить, так как он сильно искажен эрозионной деятельностью канала Бозсу. Отложения древних комплексов были пропилены этой эрозией до неогена, течение стало медленным, и в современной пойме отложился песчано-галечный материал, содержащий каменные изделия разного возраста, средневековую керамику, кости позвоночных и др.

Обнаруженные на Бозсу-2 каменные изделия найдены во вторичном залегании, среди гальки, вымытой в результате эрозии более древних отложений водами канала и отложен-

ной в его русле. Однако облик большинства этих предметов свидетельствует о их глубоком палеолитическом возрасте. Обработанные человеком камни, собранные на местонахождении Бозсу-2, немногочисленны. Они могут быть разделены по типу на следующие категории: 1) нуклеусы, 2) отщепы, 3) пластины, 4) готовые законченные орудия — режущие инструменты в виде отщепов и пластин с ретушью, остроконечники.

Материалом для изготовления каменных изделий служил прежде всего хороший полупрозрачный кремень желтоватого и коричневого цветов. Некоторые предметы, сделанные из кремня, глубоко патинизированы. Патина густая, белого цвета. На втором месте по обилию — черная кремнистая порода (роговик?) и кремнистый известняк.

Целых дисковидных нуклеусов в коллекции не имеется, но есть обломок сильно сработанной нижней части такого нуклеуса (табл. I, 1), изготовленный из желтоватого кремня. Площадка его сохранилась полностью. Она была затесана рядом радиальных широких сколов. Противоположная часть нуклеуса была повреждена и снята поперечным сколом. Размеры его составляют 3,7 × 3,8 × 0,9 *см*.

Нуклеус (табл. I, 2) представляет собой заготовку нуклеуса. Это — крупный массивный кусок коричневого кремня хорошего качества. На нем сохранилась плотная желвачная корка, но корка эта умело снята сколами в ряде мест. Первое такое место — площадка нуклеуса. Она образовалась в результате одного широкого скола. Сильным ударом, направленным перпендикулярно площадке, были отделены затем две пластины или отщепа. Следы сколов есть и на противоположной стороне. Следовательно, нуклеус должен был иметь площадку, перпендикулярную или почти перпендикулярную плоскости скалывания. Длина изделия составляет 10,8 *см*, ширина — 10,5 *см*.

Изделие (табл. I, 3) представляет собой крупный трехгранный в поперечнике кусок кремня. На нем с одной стороны уцелела часть галечной корки. На двух других сторонах и на концах корка была снята сколом. На одной стороне изделия сохранилась ровная первоначальная плоскость раскалывания, которая не является результатом деятельности человека. Об этом свидетельствует ее резкое отличие по степени патинизированности от всех других фасеток, а также отсутствие негативных следов от ударного бугорка. Один край предмета оформлен в виде грубого лезвия. Вероятно, это является первоначальной, самой грубой заготовкой нуклеуса, аналогичного вышеописанной (табл. I, 2). Длина изделия — 11,2 *см*, ширина — 6,2 *см*.

Среди отщепов выделяются предметы архаического облика, которые следует датировать мустьерским временем. Таких вещей в коллекции большинство.

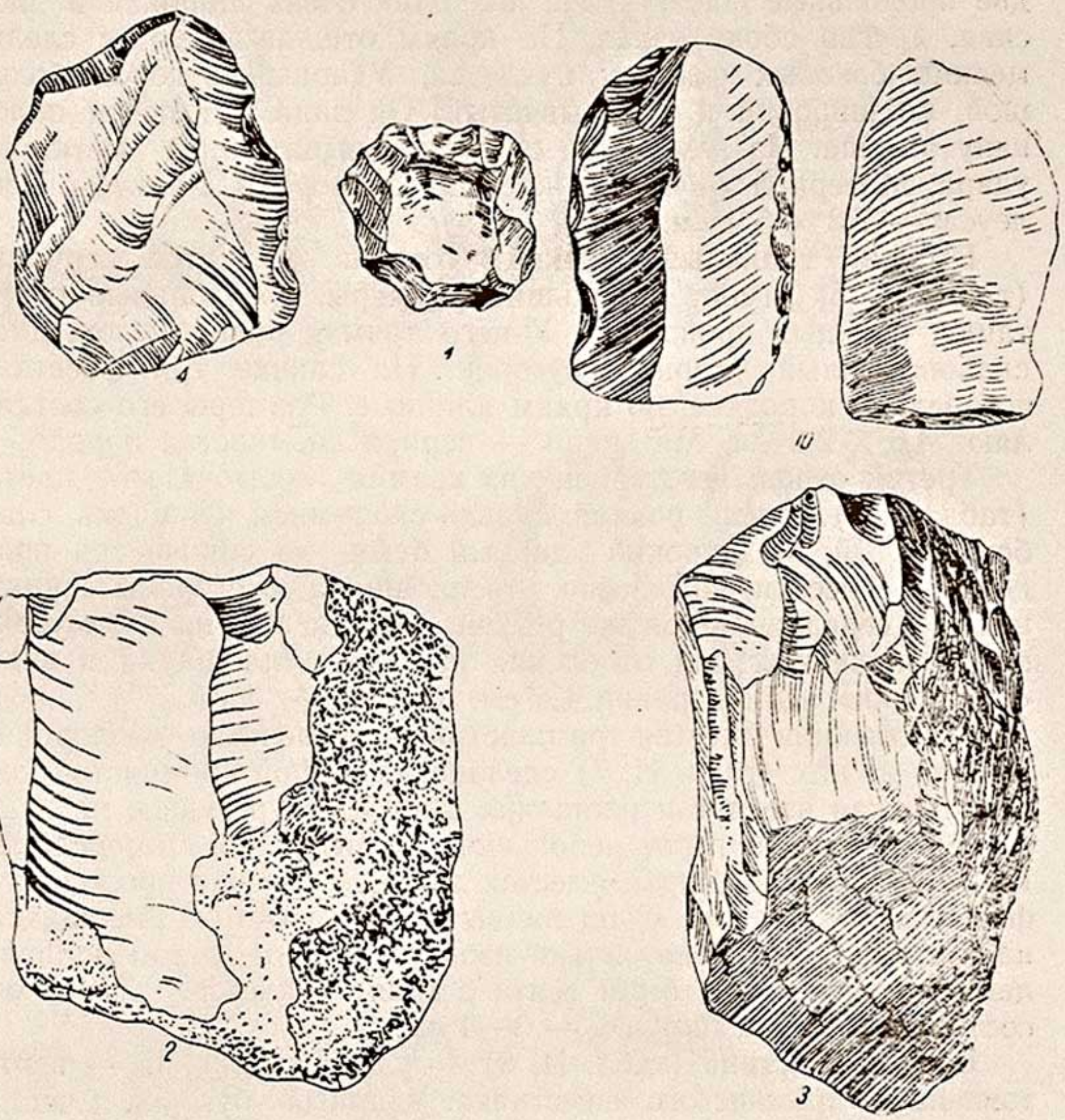


Таблица I. *1*, *2*, *3*— нуклеусы; *4*—отщеп; *10*—скребло.

Сюда относятся отщепы, снятые с нуклеусов мустьерского дисковидного типа. Эти отщепы массивные, форма их треугольная, ударные бугорки выпуклые. Площадки таких отщепов обычно гладкие и скошенные относительно плоскости скола, т. е. «брюшка» пластины. Отсюда следует, что подобные отщепы снимались именно с дисковидного нуклеуса косо направленными по отношению к площадке ударами. Ретушированной на нуклеусе была площадка только одного отщепа, изготовленного из кремня желтоватого цвета.

Наилучшим образцом этих архаических отщепов является отщеп, изображенный в табл. I, 4. Площадка его гладкая, широкая, скошенная к плоскости скалывания. На спинке есть две продольные фасетки. Из них одна очень широкая и плоская, другая сбоку узкая. По краям отщепа имеются следы мелких боковых фасеток нуклеуса. Ударный бугорок большой, но широкий и расплывчатый. Он занимает почти половину отщепа. На нем видна отчетливо выраженная метка от удара. Материал — черная кремнистая порода. Размеры нуклеуса — 7,3 × 5,9 *см*.

Второй типичный (узкий) отщеп из этой группы (табл. II, 5) имеет небольшие размеры, треугольные очертания, но иных пропорций. У него прямая ровная площадка, слабовыпуклый ударный бугорок. На спинке три фасетки: посередине короткие, по краям длинные. Размеры его составляют 4,6 × 2,2 *см*. Материал — черная кремнистая порода.

Третий отщеп изготовлен из кремня желтоватого цвета (табл. II, 6). У него ровная, сильно скошенная площадка, слабовыпуклый, но широкий ударный бугор, на спинке три продольные фасетки. Интересно, что площадка со стороны спинки имеет в середине такой же резкий выступ, как на нуклеусах, предназначенных для отделения пластин с площадки в виде «треуголки». Длина равна 4,6 *см*, ширина — 3 *см*.

В коллекции имеется три пластины удлиненных пропорций. Первая из них (табл. II, 7) сделана из черной кремнистой породы. Узкая изогнутая площадка оформлена ретушью на нуклеусе. Ударный бугорок небольшой, но выпуклый посередине. На спинке с одного края имеется длинная боковая продольная фасетка, по другому краю видны следы фасеток, имевшихся на нуклеусе. Пластина сильно изогнута в продольном направлении, очевидно она была снята с края нуклеуса. Длина ее составляет 9,1 *см*, ширина — 3—4 *см*.

Вторая пластина (табл. II, 8) — узкая и длинная — изготовлена из кремнистого известняка. Ударный бугорок и часть площадки повреждены боковым сколом. В поперечнике пластина трехгранная. Длина — 6,6 *см*, ширина — 1,8 *см*.

Остроконечник (табл. II, 9) изготовлен из массивного отщепа или осколка черной кремнистой породы. Он имеет миндалевидное очертание, напоминающее скорее миниатюрное рубильце. Острие узкое, клювовидное. Края обработаны крутой типично мустьерской ретушью с защепами. Длина изделия — 8 *см*, ширина — 3,7 *см*.

Всего найдено четыре скребла.

Скребло (табл. I, 10) сделано из массивного широкого отщепа с двумя широкими продольными фасетками на спинке. Площадка отщепа скошена, широкая. На ней отчетливо видны

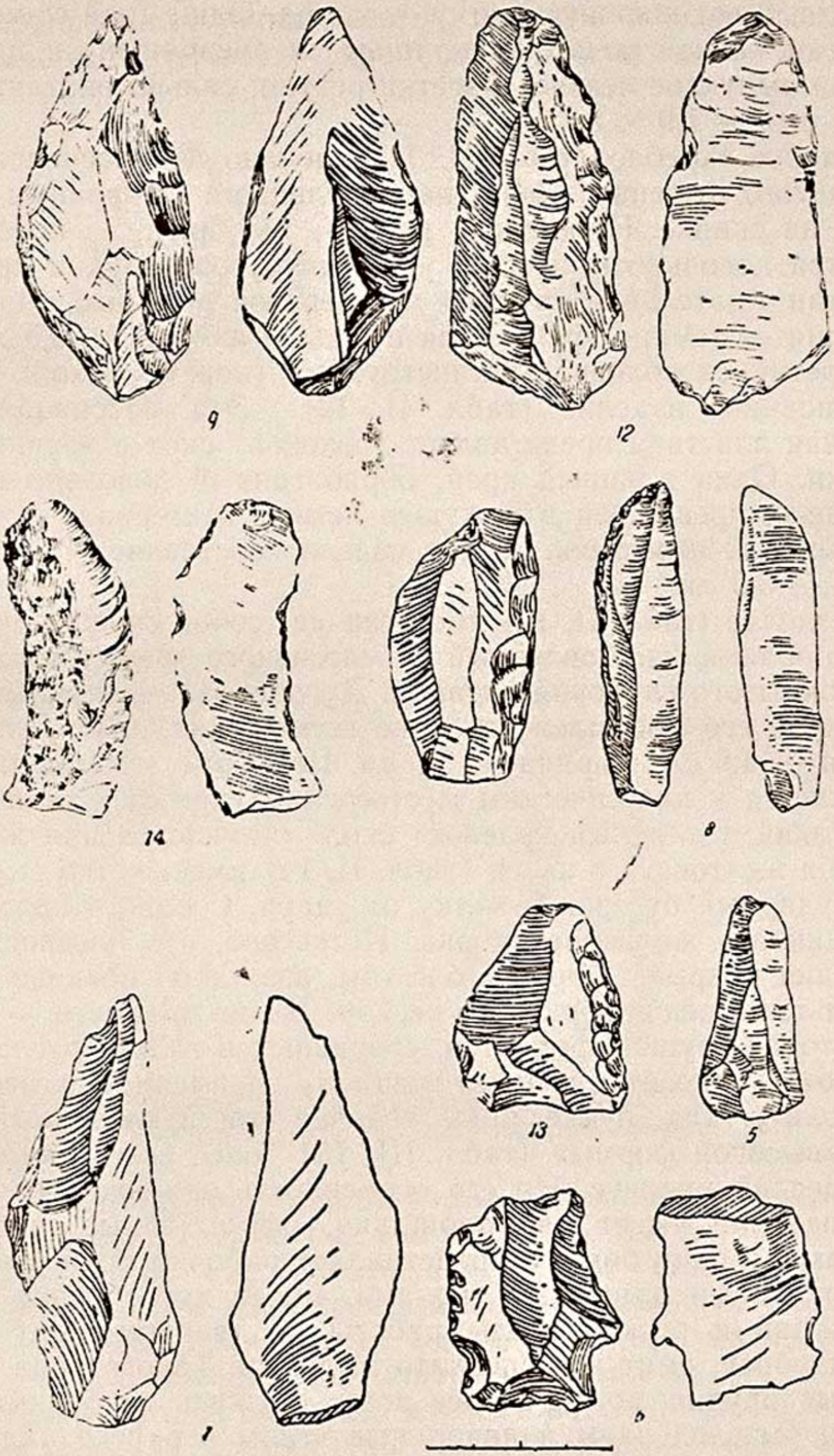


Таблица II. *5*, *6*— отщепы; *7*—*8*— пластины; *9*— остроконечник; *11*, *12*—скребла; *13*, *14*—отщепы.

следы подправки нуклеуса. Расплывчатый ударный бугорок отщепа имеет широкую метку от удара. Один край отщепа обработан мелкой пологой ретушью и превращен в длинное, слегка выпуклое лезвие. Фасетки ретуши сильно окатаны. Размеры его — 7,9 × 5,7 *см*.

Второе скребло (табл. II, 11) сделано из массивного пластинчатого отщепа с тремя параллельными широкими фасетками на спинке. Площадка ровная, на брюшке посередине имеется довольно выпуклый ударный бугорок. Один край обработан тщательной типично мустьерской ретушью. Материал изделия — темная кремнистая порода. Размеры — 5,9 × 3 *см*.

Третий скребловидный инструмент (нож?) похож на вышеописанное изделие (табл. II, 12). Эта массивная трехгранная пластина представляет боковой скол с желвака или гальки. Один длинный край, обработанный довольно грубой ретушью, превращен в режущее лезвие. Материал — черный кремнистый известняк. Длина изделия составляет 7,8 *см*, ширина — 3,5 *см*.

Изделие (табл. II, 13) представляет собой скребок мустьерского облика, изготовленный из массивного кремнистого отщепа, покрытого глубокой патиной. Дугообразно-выпуклый рабочий край его оформлен довольно пологой ретушью. Длина изделия — 4,6 *см*, ширина — 3,7 *см*. По форме это изделие приближается к классическим мустьерским скреблам типа ля-кина. Узкий и длинный краевой скол с нуклеуса или желвака кремня желтоватого цвета (табл. II, 14) имеет четко выраженный ударный бугорок и метку от удара. С одного края скола сохранилась желвачная корка. Интересно, что плоскость скалывания покрыта жирным блеском, возможно появившимся в результате следов обработки песком. Длина предмета — 6,7 *см*.

Вторая группа предметов, собранных в гальке русла канала Бозсу, относится к более позднему времени — к верхнему палеолиту. Так, нуклевидное изделие или нуклевидный скребок «высокой формы» (табл. III, 15) более всего напоминает конический нуклеус. Но его особенность заключается в том, что изделие имеет две площадки, оформленные широкими сколами, а один бок его представляет рабочий край. Он обработан узкими длинными сколами, имеет дугообразно-выпуклый край и резкие следы работы по твердому материалу: он зазубрен, смят и ступенчато выломан. Такого рода нуклевидные орудия могли скорее всего служить скобелями. Они могли быть сделаны в начальные этапы верхнего палеолита областей, входивших в круг капсийских культур Южного Средиземноморья, а также Средней Азии и Кавказа. Длина его — 4 *см*.

От другого такого же, по-видимому, нуклевидного изделия был отделен узкий, но массивный трехгранный в поперечнике

скол (табл. III, 16), на дугообразном краю которого имеются следы вертикальных узких фасеток, а также выщерблины от употребления. Материал — кремень. Длина предмета составляет 5,1 *см*.

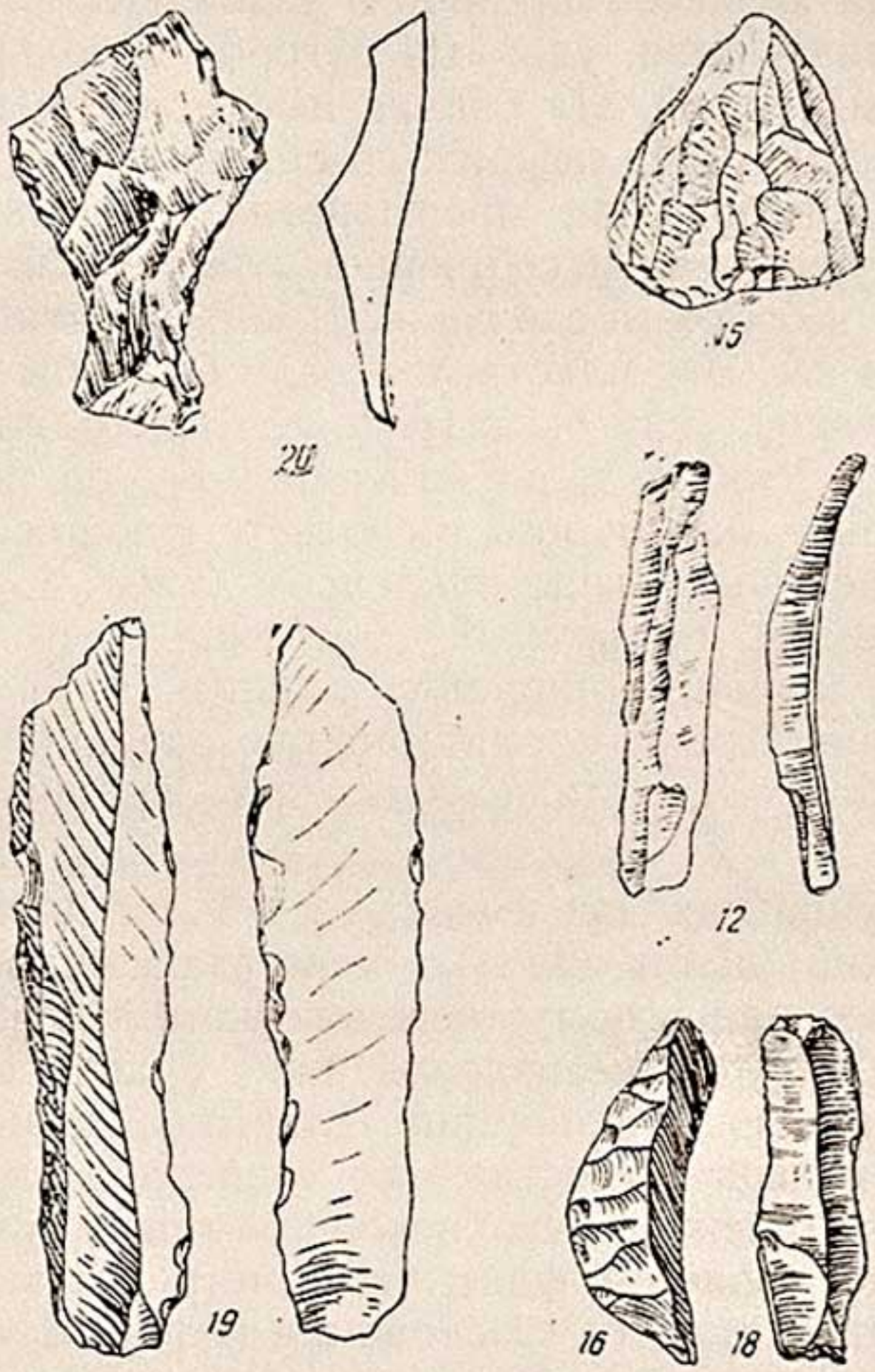


Таблица III. *15*—конический нуклеус;
16—нуклеус; *12*, *18*, *19*- пластины; *20*—отщеп.

К этой же группе относятся две сравнительно широких и тонких пластины. Длина одной из них — 5,8 *см* (табл. III, 17), другой — 5,7 *см*, а ширина — 5,2 *см* (табл. III, 18). У первой пластины есть три длинных продольных фасетки, у второй — две. Они сняты, очевидно, с призматического нуклеуса и имеют верхнепалеолитический облик.

Массивный отщеп выполнен из желтовато-бурого, просвечивающего по краям, кремня (табл. III, 20). Форма отщепа почти подтреугольная, с глубокими симметричными выемками по бокам. Отщеп был снят с нуклеуса дисковидной, по-видимому, формы. Ударный бугорок у него не сохранился. Вдоль одной

выемки мелкая ретушь, всего вероятнее от работы. Длина отщепа — 4,7 *см*.

В заключение нужно описать одну пластину, самую крупную и наиболее тщательно оформленную по сравнению с остальными. Она является длинной и узкой (табл. III, 19). Площадка ее миниатюрная, ударный бугорок небольшой, но резко очерченный, выпуклый. На спинке имеются три параллельных грани во всю длину. На лезвиях со спинки видна относительно крутая, хотя и небрежная, прерывистая ретушь. Один край пластины ретуширован и с брюшка, где ретушь плоская, выравнивающая и более тщательная. Длина пластины — 10,3 *см*, ширина — 2,4 *см*. Эту пластину можно было бы считать верхнепалеолитической, если бы в гроте № 1 в Ходжикенте, а также среди мустьерских изделий из Кайрак-Кумов, не были найдены очень близкие экземпляры и соответствующие им нуклеусы, сходные с описанным выше нуклеусом (табл. I, 2).

Таким образом, подъемный материал с местонахождения Бозсу-2 представлен, во-первых, ранним, т. е. мустьерским комплексом, аналогичным материалу, собранному в Кайрак-Кумах и на Бозсу-1. Однако здесь нет архаичных вещей из порфирита.

Вторая группа находок имеет здесь более поздний (верхнепалеолитический) облик. Однако не всегда можно уверенно выделить из более раннего мустьерского комплекса и отнести ко второму комплексу такие изделия, как сравнительно тонкие пластины удлиненных пропорций. Пластины эти как бы связывают оба комплекса и составляют переход от мустьерского культурного комплекса к верхнепалеолитическому.

Интересным является факт, что в нетронутом обнажении в слое гравия, залегающего в основании голодностепской террасы на Бозсу-2, оказались сильно фоссилизированные обломки костей животных, а также отщепы и один краевой скол с нуклеуса, изготовленного из кремня. Скол этот мог принадлежать нуклеусу, аналогичному вышеописанному. Однако в отличие от последнего он предназначался для отделения длинных узких пластин.

Таким образом, материалы с раскопок на Бозсу-2 имеют большое значение для разрешения ряда важнейших узловых проблем не только палеолита, но и четвертичной геологии Средней Азии.

Г. В. ПАРФЕНОВ

СЛЕДЫ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР НА ГОРОДИЩЕ АЙРТАМ

В археологической литературе неоднократно упоминалось о находках обработанных камней мезолитического облика и возраста, обнаруженных на древнем городище Айртам[1]. Однако эти находки еще не были опубликованы.

Первая из известных находок была сделана в 1902 г. старшим писарем 31-ой Аму-Дарьинской бригады пограничной стражи А. П. Ярчинским. По его словам[2], проходя по древнему городищу, он обратил внимание на «диковинный камень», поразивший его расцветкой и формой.

Камень оказался массивной пластиной в форме ножа (приблизительно 10 *см* длины), изготовленной из темно-серого со светлыми пятнами и коричневыми прожилками кремня. Находка хранилась у А. П. Ярчинского до 1944 г., большую часть кремня он использовал в качестве огнива, а уцелевший осколок передал нам. Судя по сохранившейся верхней заостренной части пластины, она имела довольно правильную форму и характерную огранку поверхности. Сохранились основные признаки преднамеренной обработки отжимной техникой— ударный бугорок, ударная метка с раковиной на брюшке и ряд фасеток ретуши (табл. I).

Размеры сохранившейся части следующие: длина составляет 3,1 *см*, ширина — 4,5 *см*, толщина — 0,9 *см*. Это орудие вполне аналогично двусторонним скребкам мезолитического облика и времени; к этому времени его мы условно и относим.

---

[1] М. Е. Массон, Археологические исследования в Узбекистане, сб. «Наука в Узбекистане за 15 лет (1924—1939)», Ташкент, 1939, стр. 111; он же, Термезская археологическая комплексная экспедиция, Труды УзФАН, серия I, история, археология, ТАКЭ, 1936, вып. 2, Ташкент, 1941, стр. 68—69; А. П. Окладников. Следы каменного века в районе Термеза, Труды АН УзССР, серия I, история, археология, ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945, стр. 13; М. Е. Массон, Работы ТАКЭ 1937 и 1938 гг., там же, стр. 4; он же, ТАКЭ, КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 115; История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 26—27.

[2] По устному сообщению А. П. Ярчинского в 1944 г.

Все известные нам последующие находки обнаружены в советский период в процессе систематического исследования историко-археологических памятников Сурхан-Дарьинской области советскими археологами и местными краеведами.

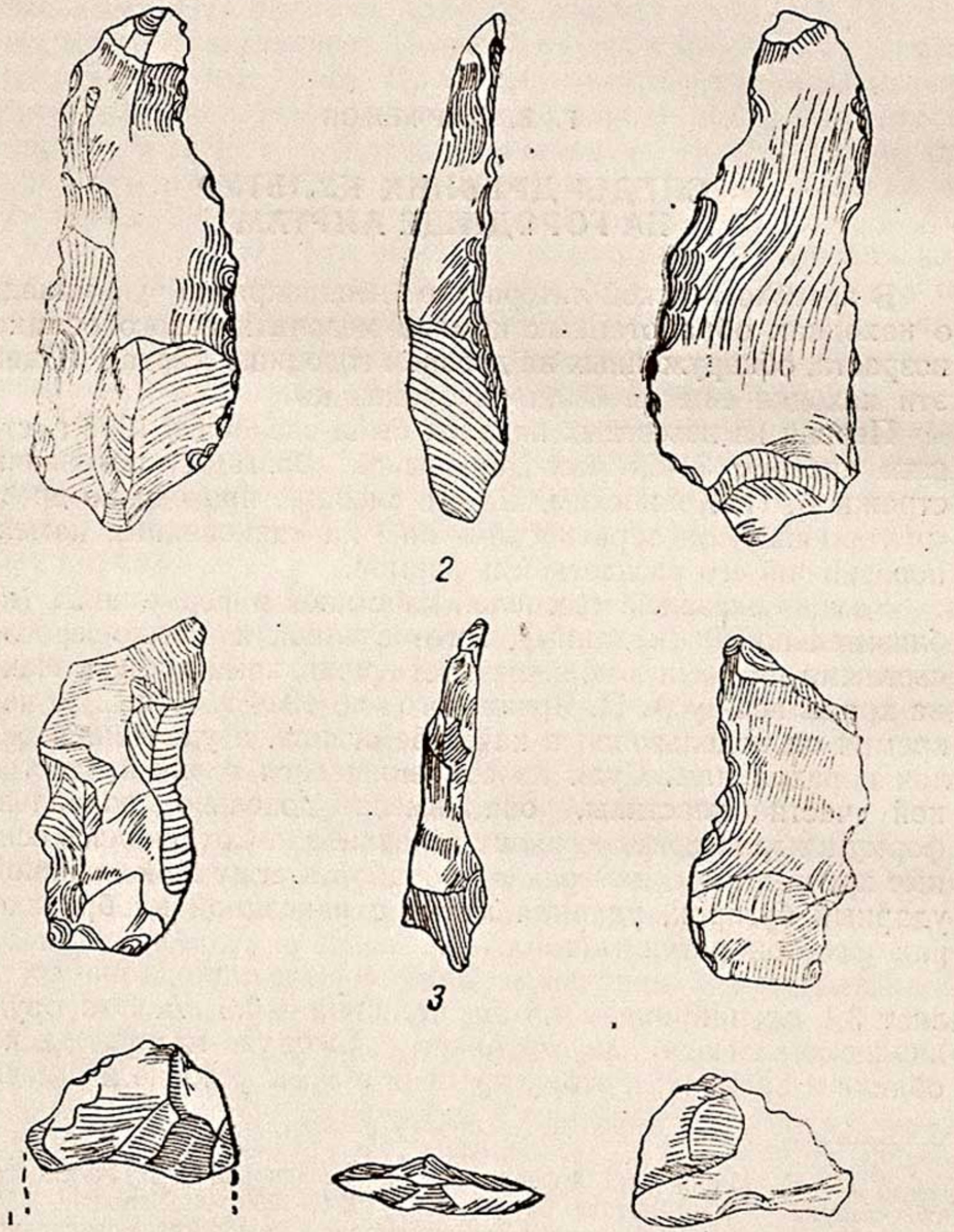


Таблица I. *1*, *2*— крупные кремневые пластины мезолитического облика; *3*— фрагмент кремневой пластины.

В 1932 г. случайно найдена одна из плит знаменитого Айртамского фриза с горельефными изображениями музыкантов.

Для обследования места находки и производства разведочных раскопок в 1933 г. Узкомстарис организовал специальную Айртамскую экспедицию под руководством М. Е. Массона. Я. Г. Гулямов — участник этой экспедиции — при ознакомлении с городищем нашел на поверхности две кремневые, сильно патинизированные пластины, с ясными признаками их преднамеренной обработки человеком. Они имели правильную форму и превосходную огранку поверхности.

Одна из них (длиной 8,7 *см,* шириной 1,6—3,5 *см,* наибольшей толщиной 1,6 *см*) сохранилась полностью и представляет пластинчатый отщеп камня ножевидной формы с заостренным концом и с несколькими гранями на поверхности. Острые, боковые края пластинки со стороны спинки и брюшка имеют ряд фасеток первичной и вторичной ретуши; ретушь и некоторая сглаженность краев свидетельствует о ее долгом использовании в качестве двустороннего скребка (табл. I, 2).

Вторая пластина (длиной 5,8 *см,* шириной 1,7—2,6 *см,* наибольшей толщиной 1,5 *см*) отбита и подобна вышеописанной (табл. I, 3).

Все признаки пластины свидетельствуют о ее использовании в качестве двустороннего скребка. М. Е. Массон, А. П. Окладников и М. Э. Воронец высказали в печати единодушное мнение об отнесении этих пластин к эпипалеолиту[3].

Летом 1936 г. сотрудники Сурхан-Дарьинского окружного государственного музея Г. Н. Максимов, Н. Д. Таланин и С. Ю. Хасанов произвели археологическую разведку побережья Аму-Дарьи от Термеза до Айваджа.

По дороге они посетили городище Айртам, где среди других подъемных археологических находок Г. Н. Максимов обнаружил три ножевидные пластинки из серого кремня. Эти кремни сильно патинизированны, имеют ясные признаки обработки отжимной техникой, довольно четкую форму и хорошую огранку поверхности.

Первая пластина (длиной 3,5 *см,* шириной 1—1,5 *см,* наибольшей толщиной 0,4 *см*), как и вторая (длиной 5 *см,* шириной 0,8—1,9 *см,* наибольшей толщиной 0,6 *см),* по своим формам должна быть отнесена к резцам (табл. II, 4, 5).

Третий же камень (длиной 4 *см,* шириной 1,2 *см,* наибольшей толщиной 0,8 *см*) имеет более треугольную форму, а в нижней, широкой части, — характерную полукруглую выемку. Поэтому он должен быть отнесен к числу выемчатых орудий, предназначавшихся для обработки круглых в сечении изделий

---

[3] Находки хранятся в Музее истории Узбекистана АН УзССР.

из дерева и кости, например, древок дротиков, стрел и т. п. (табл. II, 6)[4].

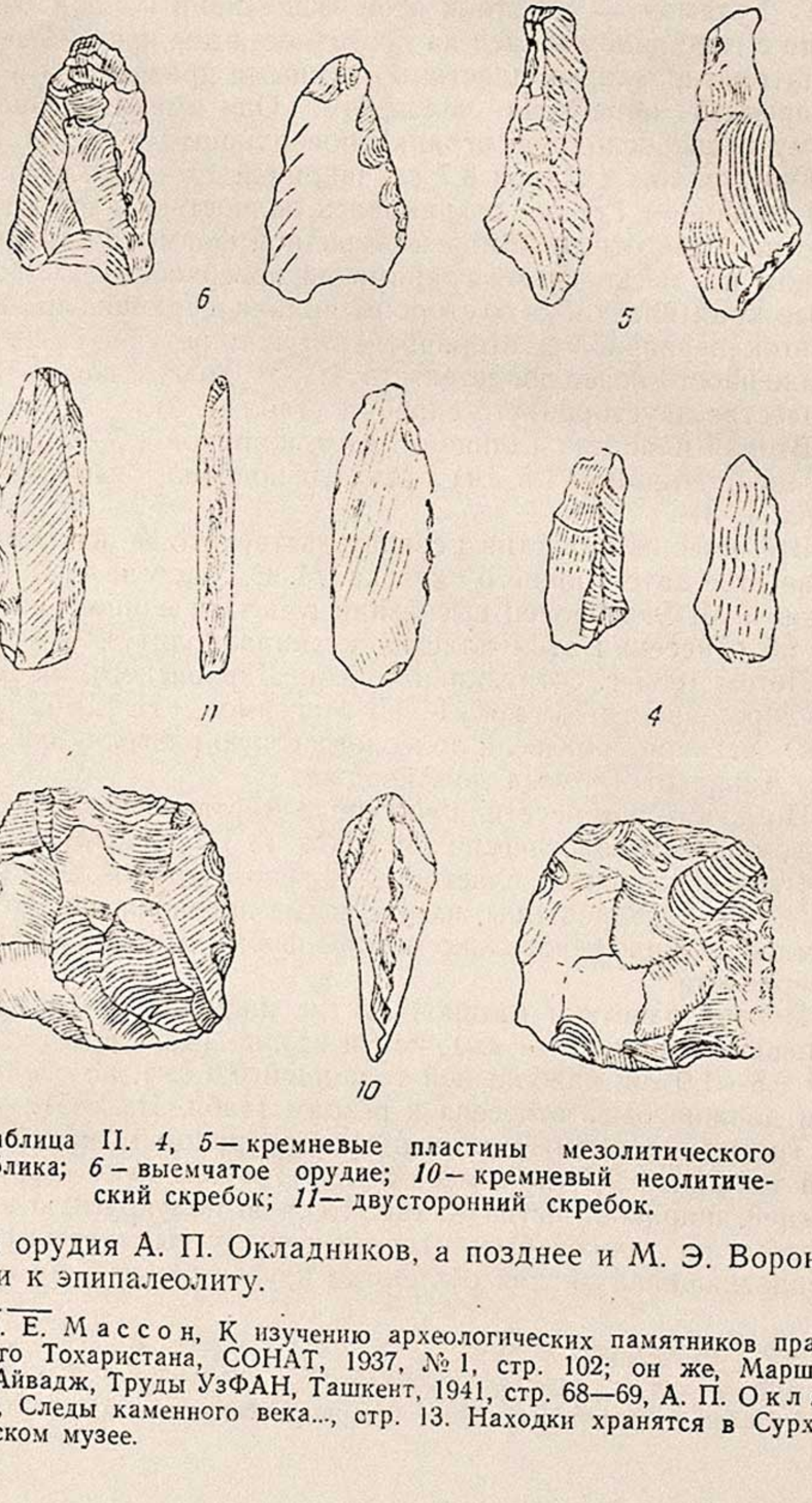


Таблица II. *4*, *5* — кремневые пластины мезолитического облика; *6* — выемчатое орудие; *10* — кремневый неолитический скребок; *11* — двусторонний скребок.

Эти орудия А. П. Окладников, а позднее и М. Э. Воронец отнесли к эпипалеолиту.

[4] М. Е. Массон, К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана, СОНАТ, 1937, № 1, стр. 102; он же, Маршрут Термез-Айвадж, Труды УзФАН, Ташкент, 1941, стр. 68—69, А. П. Окладников, Следы каменного века..., стр. 13. Находки хранятся в Сурхан-Дарьинском музее.

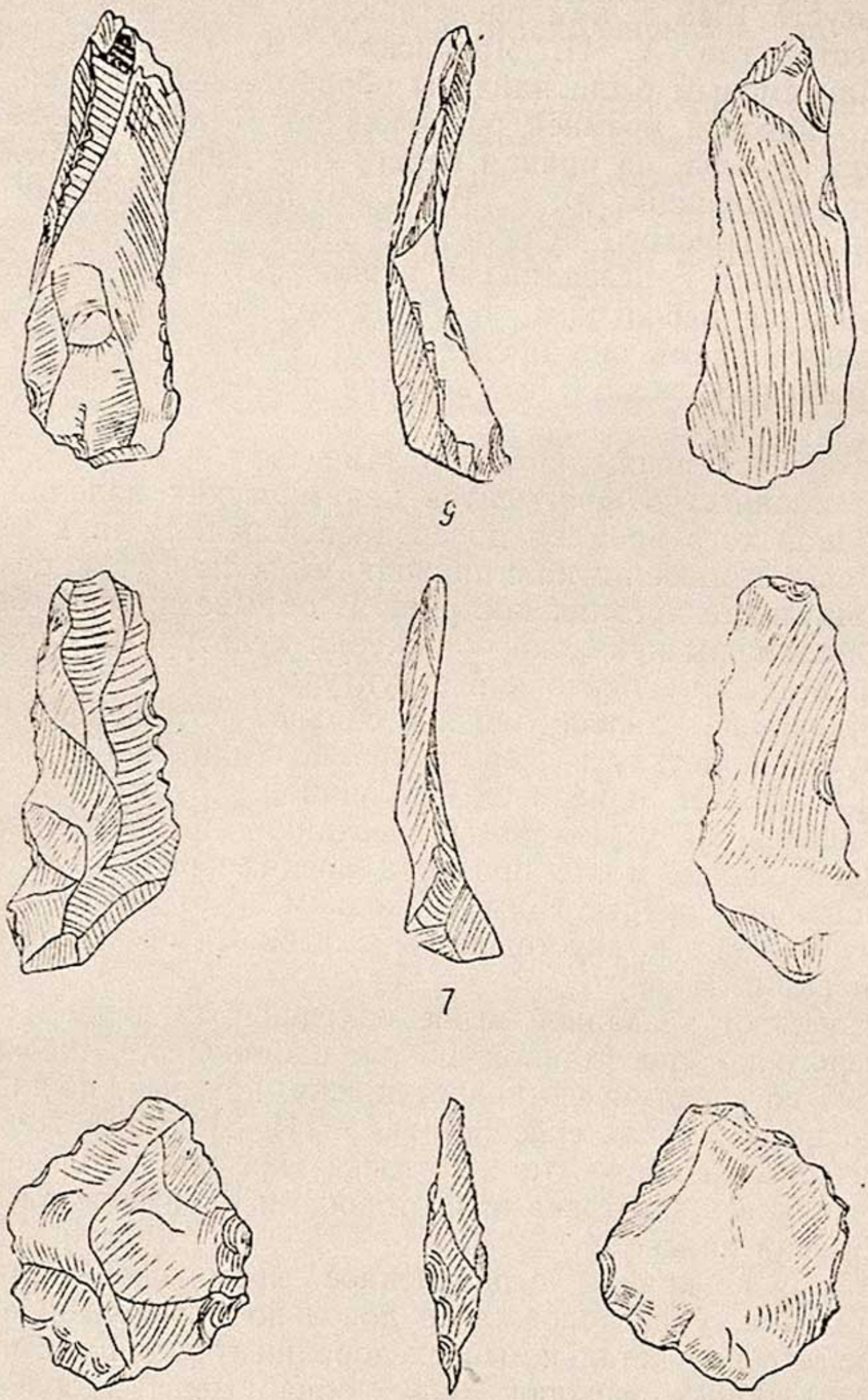


Таблица III. *7*, *9*— кремневые скребки; *8*— кремневый отщеп.

Как нам удалось выяснить, в 1941—1945 гг. местные жители производили на правобережье Аму-Дарьи, в том числе на городище Айртам, довольно интенсивный сбор кремня для использования его в качестве огнива[5].

В августе 1948 г. нам представилась возможность осмотреть место, где А. П. Ярчинским, Я. Г. Гулямовым и Г. Н. Максимовым были найдены обработанные кремни.

Место находок кремней расположено в 18 *км* на северо-восток от Термеза, на правом берегу Аму-Дарьи, в 0,5 *км* на запад от раскопанных М. Е. Массоном и М. И. Вязьмитиной развалин Айртамского буддийского храма.

От городища с развалинами кушанского времени это место отделяется небольшим, по-видимому, естественным рвом. В настоящее время оно представляет довольно ровную площадку размером около 1 *га,* которая покрыта песком и гравием.

При осмотре площадки было замечено сравнительно небольшое количество фрагментов керамических изделий эпохи от кушанского времени до средневековья. В двух местах видны более темные пятна с признаками золы и угля, создающие впечатление древних кострищ. В обрыве крутого берега были обнаружены признаки обнажения культурных слоев небольшой мощности, ленточной структуры.

На площадке удалось поднять сильно патинизированную и изогнутую пластину из серого кремня (длиной 6,2 *см,* шириной 1,3—2,5 *см,* наибольшей толщиной 1,5 *см*). Она имела правильные и характерные очертания, превосходную огранку поверхности и все признаки преднамеренной ее обработки подобно предыдущим находкам, что позволяет эту пластину отнести к двусторонним скребкам мезолитического времени (табл. III, 7).

Недалеко от указанной выше находки был найден отщеп темно-серого кремня (длиной 4,5 *см,* шириной 3,9 *см,* толщиной 1 *см)* со следами его подретушовки, который, по-видимому, использовался как скребок (табл. III, 8). Здесь же были собраны осколки (более темных тонов) кремня, которые, возможно, являлись заготовками и отбросами производства кремневых орудий на месте[6].

Несмотря на крайне ограниченное время пребывания на месте находок, у нас сложилось довольно определенное впечатление, что при детальном обследовании городища, с производством пробных раскопок, будут обнаружены и более вы-

---

[5] По устным сообщениям. Мы видели несколько обломков кремневых пластин, использованных в качестве огнива.

[6] Найденные кремни хранятся в Музее истории АН УзССР.

разительные следы поселения (стоянки) первобытных обитателей Айртама в мезолите и неолите.

В музей Республиканской детской экскурсионно-туристской станции Министерства просвещения УзССР в Ташкенте, в 1951—1952 гг. из Термеза поступило три обработанных кремня, найденных термезскими школьниками на городище Айртам[7].

Новые находки термезских школьников представляют значительный интерес. Первый черный кремень (длиной 7 *см,* шириной 1,5—2,4 *см,* наибольшей толщиной 1,8 *см*) имеет форму довольно массивной ножевидной пластины с хорошей огранкой поверхности. На брюшке этой пластины заметны следы патины, ретушь почти отсутствует, что свидетельствует о недоделке и, по-видимому, о малом ее использовании в качестве двустороннего скребка. Этот скребок аналогичен вышеописанным скребкам мезолитического времени (табл. III, 9).

Второй темно-коричневый кремень (длиной 4,5 *см,* шириной 4,5 *см,* толщиной 0,4—1,7 *см*) представляет хорошо обработанный трапециевидной формы (в профиле клинообразный) массивный скребок. Ясные следы первичной и повторной ретуши свидетельствуют о его долгом и интенсивном использовании. Специальные грани на его поверхности, выполненные широкими сколами, хорошо приспособлены для устойчивого держания его при работе пальцами правой руки. Такие же скребки характерны для мезолита, но они встречаются также и в раннем неолите, представляя прототип топора-клина. Подобные скребки были обнаружены в Самаркандской стоянке (в парке «Динамо»), отнесенной к верхнему палеолиту и мезолиту, и среди случайных находок на городище старого Термеза, отнесенных А. П. Окладниковым и М. Э. Воронцом к неолиту. Этот скребок мы пока условно датируем временем от конца мезолита до ранней поры неолита включительно (см. табл. II, 10).

Третий темно-коричневый кремень (длиной 5,4 *см,* шириной 1—1,7 *см*, толщиной 0,6 *см*) имеет грязно-матовую поверхность, что свидетельствует о его долгом пребывании на поверхности, неоднократной перекатке и трении о песок, превратившими глянцевую поверхность в матовую. Этот кремень представляет собою удлиненную трехгранную пластину с одним заостренным и другим более закругленным концами.

---

[7] Никаких записей о времени находок и находчиках на экскурсионно-туристской станции не оказалось. Дата находок восстановлена по памяти старшим методистом станции Ю. В. Никольской. По инвентарной записи они значатся под № А-2/11 — А-2/13 как находки термезских школьников на городище Айртам. В настоящее время кремни хранятся в Музее истории Узбекистана АН УзССР.

Острые края пластины со стороны спинки имеют следы первичной и вторичной ретуши, выполненной мелкими фасетками. По своей форме это орудие напоминает концевой и в то же время двусторонний скребок с обломанным буравчиком (см. табл. II, 11).

Подобные скребки чаще всего встречаются в конце неолита, в энеолите и в эпоху бронзы. Такие орудия были обнаружены в районе Махан-Дарьи. Я. Г. Гулямовым они отнесены к эпохе бронзы[8]. Этот кремень мы условно относим к неолиту или ранней бронзе.

Все описанные айртамские кремневые орудия и подобные находки, обнаруженные на правобережье Аму-Дарьи, в Бабатаге и в бассейнах Ширабад-Дарьи, были сделаны отжимной техникой из лучших сортов кремня, служившего превосходным поделочным материалом для изготовления сравнительно небольших по резмеру каменных орудий.

Обычная расцветка этих кремней — светло-серая и разных оттенков желтоватая (вплоть до буровато-коричневого)[9].

Вопрос о месторождениях кремня в Южном Узбекистане и в Юго-Западном Таджикистане еще не разработан и не освещен как в специальной геологической, так и в археологической литературе.

В то же время довольно многочисленные находки призматических нуклеусов, отщепов, заготовок и отбросов кремня убедительно свидетельствуют о широкой местной практике изготовления орудий из кремня. Это, в свою очередь, наводит на мысль, что кремень брался из местных месторождений.

М. Е. Массон также констатирует массовые находки кремня на древних городищах правобережья Аму-Дарьи[10]. Однако в специальной работе «К истории горного дела на территории Узбекистана» вопрос о месторождениях кремня на территории Южного Узбекистана он оставляет открытым. Он считает, что в верховьях Ширабад-Дарьи (Турган-Дарьи) месторождений не только кремня, но яшмы и кварцита нет. «Кварц, кварцит и какая-то яшмовидная порода собирались в виде галек небольшого размера и приносились как будто издалека». О кремне он пишет: «Настоящий кремень был уже известен здешним неандертальцам, но, видимо, месторождение его находилось далеко от данного района»[11]. Однако, где находились эти месторождения, М. Е. Массон не указывает.

---

[8] Я. Г. Ғуломов, Кадимги маданиятимиз изларидан, Тошкент, 1960, стр. 17.

[9] А. П. Окладников, указ. соч., стр. 10—11.

[10] М. Е. Массон, К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана, СОНАТ, 1937, № 1, стр. 102.

[11] Он же, К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953, стр. 6.

В действительности, в бассейне Ширабад-Дарьи и по правобережью Аму-Дарьи имеются месторождения кремня, яшмы и кварца. Еще в 1890 г. ориенталист Е. Ф. Каль во время поездки из Керки в Термез и Ширабад в своем дневнике отметил месторождения кремня в районе Келифа, на буграх Чакмакуч и у кишлака Чакмаклик[12]. В 1931 г. при исследовании местной топонимики было обнаружено несколько урочищ, носящих названия, связанные с кремнем, — Чакмак, Чакмакташ и Чакмаксай. Чакмакташсай — ущелье-сай, левый приток Турган-Дарьи (Ширабад-Дарьи). Оно расположено примерно в 6 *км* на северо-восток от кишлака Мачай. Во время посещения его в 1931 г. были осмотрены остатки древних ям-шахт, заложенных в слоях мелового возраста, по всем признакам, для добычи кремневых галек. Здесь добывались также и кремневые гальки для изготовления огнив (чакмакташ).

В 1938 г. в 6 *км* от кишлака Дербент было обнаружено месторождение превосходной яшмы зеленоватого цвета разных оттенков. В 1944 г. геологи, работавшие в Бабатаге, сообщили, что выявлено три месторождения кремня серой и желто-коричневой расцветок.

Месторождения кварца (в значительных размерах) известны на восточных склонах Кугитанга. Безусловно, здесь не перечислены все имеющиеся в Южном Узбекистане и смежных с ним районах месторождения кремня, яшмы и кварца.

Приведенные выше данные будут в какой-то степени способствовать положительному решению вопроса о существовании в Южном Узбекистане месторождений минералов и использовании их первобытными обитателями для изготовления каменных орудий.

Ниже характеризуется функциональное назначение айртамских орудий.

В число обнаруженных айртамских кремневых орудий входит 8 скребков, 2 резца, одно выемчатое орудие. Все эти орудия женского «домашнего» труда предназначались для разделки туш, обработки шкур и т. п.

Следовательно, в Айртаме обнаружены следы не сезонного охотничьего лагеря, а постоянного охотничьего поселения (стоянки).

К сожалению, кости животных, ставших добычей айртамцев, нам пока неизвестны. Но мезолитические слои Мачайской (Катта-Курган) пещеры-грота, следы стоянок у Ширабада, наскальная живопись Зараутсая, красочные рисунки в ущелье

---

[12] Дневник путешествия Е. Ф. Каля в 1890 г. в Южную Бухару, Архив ЛОИИМК, л. 142-а, 143-а.

Биттык-Чашма и в пещере Сая-Булак и другие наскальные изображения в Бабатаге и Сурхан-Дарьинской области позволяют предполагать, что объектами охотничьей добычи айртамцев и других обитателей правобережья Аму-Дарьи и Бабатага были горные козлы, архары, винторогие козлы, джейраны (которые еще водятся в Бабатаге), дикие быки, возможно, дикие лошади, прародители бактрийских или бухарских оленей и дикие кабаны. Разнообразная и обильная дичь тугаев также должна была быть объектом охоты.

Анализ сохранившихся 11 айртамских кремневых орудий, наши личные наблюдения и впечатления от осмотра места находок вполне подтверждают правильность высказанного А. П. Окладниковым предположения, что «у Айртама будут обнаружены следы поселения..., относящегося... к мезолитическому времени или к концу палеолита»[13].

Такое предположение не противоречит последующим наблюдениям и находкам, сделанным А. П. Окладниковым на приречных террасах Кафирнигана в Юго-Западном Таджикистане. П. П. Ефименко их отнес к позднепалеолитическому времени[14].

Одновременно в южных отрогах Бабатага, в хребте Туюнтау (между колодцами Хан-Кудук и родником Биттык-Чашма) нами были открыты мощные следы до десяти поселений (стоянок) верхнепалеолитического, мезолитического и неолитического времени, вполне аналогичных находкам А. П. Окладникова в Таджикистане и геологов В. В. Шумова и Н. П. Луппова в прикаспийской части Красноводского полуострова Туркмении[15].

Некоторые из описанных находок свидетельствуют о том, что близ городища Айртам возможно обнаружить не только следы поселения конца позднего палеолита, как предполагает А. П. Окладников, но более поздних наслоений: времени неолита, энеолита и даже ранней бронзы, т. е. здесь можно обнаружить многослойные стоянки.

М. И. Вязьмитина в отчетной статье «Раскопки на городище Айртам», говоря о находках в 1937 г. на городище Айртам металлических изделий, отмечала среди немногочисленных предметов «небольшой конический медный гвоздик». Подобный медный «гвоздик»-шило был найден в Чирчике в 1898 г. в составе небольшого клада бронзовых изделий, отнесенного к ранней бронзе. Этот медный «гвоздик», по-видимо-

---

[13] А. П. Окладников, указ. соч., стр. 13.

[14] П. П. Ефименко, Первобытное общество, Очерки по истории палеолитического времени, Киев, 1953, стр. 610—611.

[15] Н. Владимиров, (Нудлер В. А.), Новые археологические открытия, Термез, «Ленинское знамя», 1948, № 117.

му, свидетельствует о слабых следах энеолита или ранней поры бронзовой эпохи.

Преобладание среди айртамских кремней орудий труда мезолитического возраста не противоречит высказанному предположению о напластовании последующих культурных слоев первобытно-общинного строя. Верхние наслоения могли исчезнуть вследствие постоянного и систематического развевания поверхности стоянки периодическими (от 18 до 24 раз в год) гармсилями — так называемыми «афганцами». Поэтому верхние, более молодые культурные слои бронзовой эпохи, энеолита и неолита Айртамской стоянки, не имея в качестве защитного панциря мощных культурных напластований слоев последующих исторических эпох, как это имеет место на Дуниа-тепе Старого Термеза, в последующие тысячелетия были развеяны. Обнажившиеся при этом более тяжелые предметы из металла и камня, возможно, использовались местным населением. Однако, вполне вероятно, что на отдельных участках Айртамской стоянки мог сохраниться и весь комплекс культурных напластований.

Благоприятные природные факторы, всегда являвшиеся главнейшей основой самого существования первобытного человека, были решающим критерием при выборе им своего места обитания. В данном случае был избран высокий, сухой, мало размываемый водой коренной берег реки. Простирающиеся здесь тугайные заросли и древняя старица Тузлукуль (или Соленое озеро) были полны разнообразной и многочисленной тугайной дичью и рыбой. Здесь обитали также стада оленей и диких кабанов. На заре первобытного земледелия (как и в последующие эпохи истории) аму-дарьинские тугаи явились первыми плантациями, а позднее и пашнями первобытных аму-дарьинских земледельцев.

Узкую полосу (5 — 20 *км* шириной) правобережья с севера окаймляют предгорья (адыры) Бабатага, представляющие прекрасное место для выпаса скота.

В заключение нашего сообщения нужно признать, что найденные айртамские кремни довольно красноречиво говорят о заселении городища Айртам, начиная с мезолита. Они, как и другие находки, обнаруженные на правобережье Аму-Дарьи от Айваджа до Келифа, свидетельствуют о сравнительно густом заселении берегов Аму-Дарьи во все стадии первобытно-общинного строя с конца позднего палеолита.

Л. Х. ШАРИПОВА

НОВЫЕ НАХОДКИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ В БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1951 г. на Махан-Дарье (сухое русло Зеравшана) под руководством Я. Г. Гулямова работала Бухарская археологическая экспедиция Института истории и археологии АН УзССР, обнаружившая много развеянных памятников первобытной культуры, начиная с неолита[1].

В 1958 г. в районе Тамды геолог А. К. Заболотный нашел кремневые орудия, среди которых выделяется обломок наконечника стрелы светло-желтого цвета, с обеих сторон обработанного тщательной отжимной ретушью.

В северной части Бухарской области у горько-соленого озера Люхча А. И. Тереножкин обнаружил микролитоидные кремневые орудия и обломки архаической глиняной посуды с примитивными узорами[2].

Во время работ Варахшской экспедиции (под руководством В. А. Шишкина) летом 1953 г. коллектор А. Н. Златомережев в 1,5—2 *км* от городища Варахша (на северо-запад) нашел кремневые отщепы. Материал находился на поверхности, около кромки разрушающегося такыра. Среди отщепов выделялись:

1) массивная ножевидная пластинка, патинизированная, с гладким брюшком, выпуклой спинкой. Край одной из сторон обработан прекрасной отжимной ретушью. Орудие могло употребляться как скребок или нож. Длина пластинки равна 4 *см*, ширина — 2,5 *см* (табл. I, 1);

2) скребок на плоском отщепе кремня светло-коричневого цвета, треугольной формы, основание которого обработано притупляющей ретушью; длина скребка — 3 *см*, ширина — 1—3,5 *см*.

---

[1] Я. Г. Гуломов, Кадимги маданиятимиз изларидан, Тошкент, 1960, стр. 17.

[2] А. И. Тереножкин, Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана, ВДИ, 1947, № 2, стр. 185—190.

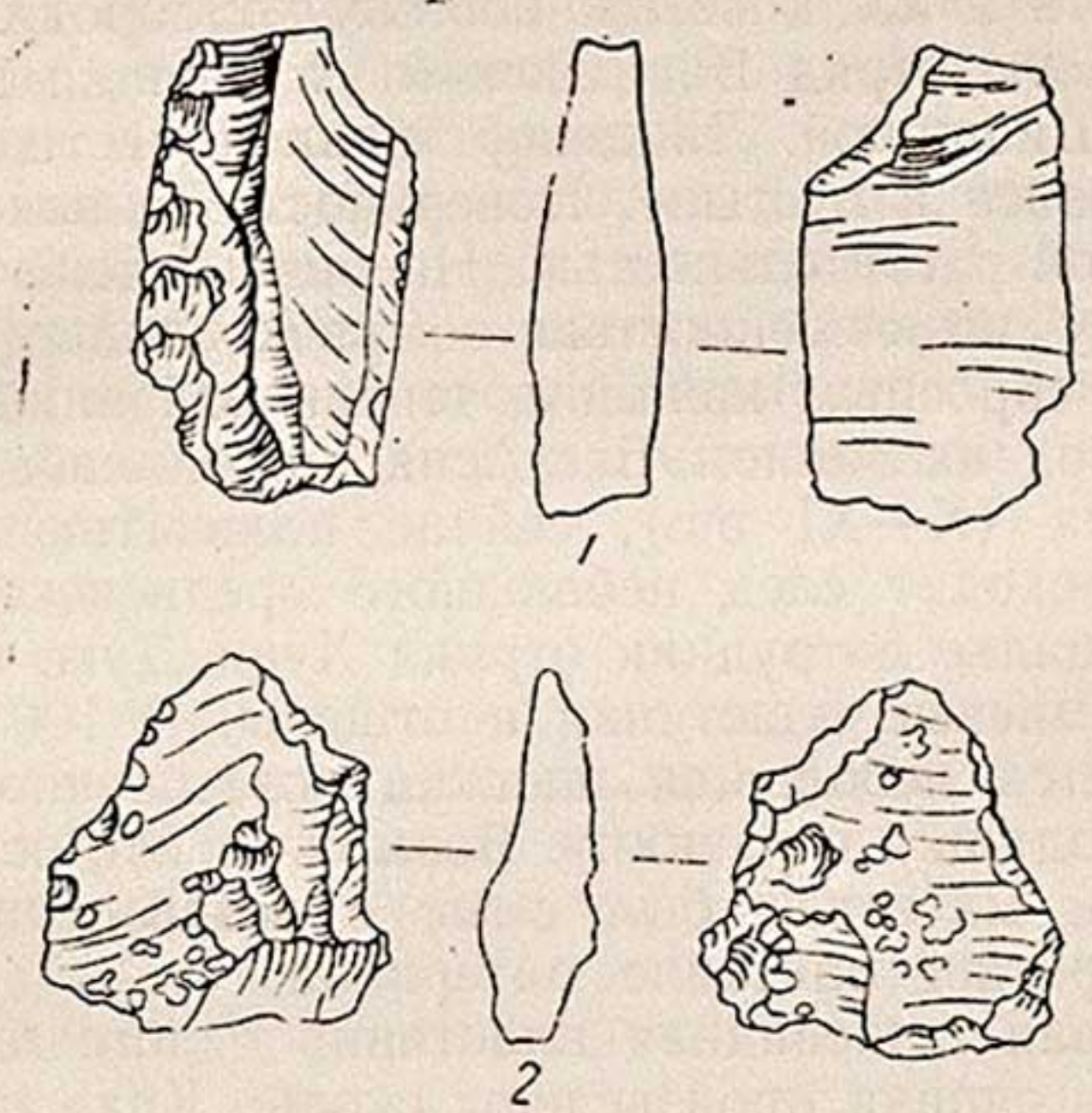


Таблица I. Каменные орудия из Бухарской области: *1*, *2*— из окрестностей Варахши (верхний палеолит); *3*—*6*—из окрестностей Пайкенда (поздний неолит, ранняя бронза); *7*— обломок наконечника стрелы из района Тамды.

Наиболее характерными из остального материала являются три небольших отщепа, один из которых слегка подправлен ретушью. Судя по облику орудий и характеру их обработки, данный инвентарь можно датировать верхним палеолитом.

В 1956 г. в 2 *км* к северо-востоку от городища Пайкенд проводил работы отряд Варахшской экспедиции под руководством Г. В. Шишкиной. Ландшафт данной местности — переходный от оазиса к пустыне. Поверхность ее покрыта песком и солончаковой растительностью. На ровной выветренной площадке, между возвышенностью с раскопанными наусами, современным сбросным каналом, тепе и развалинами здания, известными под названием Бад-Асия, находилась средневековая постройка (X—XI вв.), сейчас полностью развеянная. Через нее проходит след небольшого средневекового арыка. На этой площадке сотрудник отряда Хуан Дуке нашел обработанные кремневые пластинки и отщепы. В 100 *м* от места находки имеется небольшая плоская возвышенность высотой 3—4 *м*, переходящая в равнину. Возможно, это останцы древних террас, и материал был смыт с возвышенности. Ниже приводится краткое описание материала.

1. Кремневая ножевидная пластинка белого цвета, брюшко гладкое, со спинки произведены сколы. Края обеих сторон с брюшка и со спинки обработаны небрежной притупляющей ретушью. Длина — 4 *см,* ширина — 1,2 *см.*

2. Ножевидная пластинка из кремня грязно-серого цвета, брюшко гладкое, слегка изогнутое. На одном из концов, с брюшка, имеются небольшая ударная площадка и ударный бугорок. Спинка слегка выпуклая, срезана к краю одной из сторон. Край противоположной стороны, слегка изогнутой, покрыт тщательной отжимной ретушью, причем обработка произведена только со спинки. Длина — 2,5 *см*, ширина — 0,9—0,7*см.*

3. Плоская ножевидная пластинка из кремня светло-коричневого цвета. Брюшко гладкое, со спинки произведено несколько мелких сколов. Длина — 3 *см,* ширина — 1,3 *см.*

4. Кремневый отщеп серого цвета, плоский, слегка пятизированный. Одна сторона — гладкая, противоположная имеет следы нескольких сколов. Один край утолщен, местами покрыт известковым натеком, противоположный округлый край уплощен, с брюшка и со спинки обработан притупляющей ретушью. Длина — 2 *см*, ширина — 2,7 *см.*

5. Отщеп из серого кварца подчетырехугольных очертаний: на брюшке наблюдаются следы известкового натека, со слегка выпуклой спинки снято несколько небольших сколов. Края со спинки местами подправлены притупляющей ретушью.

Размер составляет 2×2 *см*. Остальные отщепы вторично не обработаны.

Неокатанность материала свидетельствует о необходимости искать стоянку обитателей каменного века в данном районе либо вблизи средневековой постройки, либо на возвышенности. Данные изделия первобытного человека датируются концом неолита или ранней бронзой[3].

Вышеописанные находки говорят о том, что люди заселяли низовья Зеравшана не позднее верхнего палеолита. Однако произведенные работы в поисках памятников еще незначительны. Для выявления стоянок каменного века необходимо и в дальнейшем проводить систематические разведочные и стационарные работы.

---

[3] К таким выводам пришел также А. П. Окладников, видевший эти орудия.

Г. В. ШАЦКИЙ

ОХОТА И ДОМЕСТИКАЦИЯ ПО НАСКАЛЬНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЯМ ЧАДАКСАЯ[1]

Доместикация животных — важный этап в развитии первобытного хозяйства. Она знаменовала собой переход от собирательства готовых даров природы и охоты к скотоводству.

Пути возникновения доместикации, а также непосредственные районы первичного приручения животных еще очень мало известны. Ввиду бедности фактического материала, особенно по вопросу одомашнивания диких животных, процесс этот обычно объясняется на основании аналогий и предположений.

Известную ясность в разрешение этих вопросов (хотя бы и узколокального характера) вносят найденные нами наскальные изображения по горной речке Чадаксай[2]. Они дали возможность установить пути возникновения, начальные формы доместикации и один из непосредственных микрорайонов одомашнивания отдельных видов из семейства *Capra*.

Большое количество имеющихся в этом районе петроглифов, стиль и содержание их изображений и, наконец, зависимость между содержанием рисунка и рельефом, среди которого он обнаружен, ясно указывают, что процесс доместикации был логическим следствием более сложных форм охоты.

---

[1] Статья Г. В. Шацкого (специалиста по животноводству) не может, разумеется, объяснить весь процесс доместикации животных. Эта сложная проблема, которой посвящена большая литература, должна решаться на основе гораздо более обширного материала с учетом разнообразных климатических, географических и иных условий, вида животного и т. д. Однако, несмотря на дискуссионность многих положений статьи, соображения автора относительно возможных приемов и способов доместикации горного козла заслуживают серьезного внимания. *(Отв. редактор)*.

[2] Все описанные здесь наскальные изображения найдены в горной и предгорной частях Кураминского хребта (западные отроги Тянь-Шаня) в радиусе 10 *км* от кишлака Чадак, Папского района, Наманганской области УзССР.

В розыске петроглифов в предгорной зоне немалую помощь оказал преподаватель местной школы Х. Захидов, за что приношу ему глубокую благодарность.

М. О. Косвен считает, что между охотничьим промыслом и скотоводством нет прямой связи. Однако приводимые им в подтверждение доводы не весьма убедительны. Основным из них является следующий: «Для разведения домашних животных необходима хотя бы относительная оседлость»[3]. Однако оседлость совершенно не была обязательной для развития первоначальных стадий животноводства. Человек первобытной эпохи не занимался заготовкой кормов, не строил скотных дворов и т. п., а содержал свое немногочисленное поголовье в примитивных пастбищных условиях, как это еще недавно происходило в южных районах Азии. По М. О. Косвену, оседлость была необходима потому, что «охотник не мог таскать (разрядка наша. — Г. Ш.) с собой одомашненную корову или свинью». Такая аргументация выглядит несколько странно. По-видимому, автор предполагает, что в каменном веке коровы выглядели также, как и в настоящее время. Коровы и свиньи той далекой эпохи почти не отличались от своих диких предков и могли значительно легче делать переходы в сотни километров, чем современный скот местных пород при сезонной смене пастбищ.

Наконец, охотничий быт вовсе не означает обязательной и частой смены мест. Об этом свидетельствуют раскопки стоянок первобытных людей в пещерах и гротах, где было обнаружено большое количество кухонных остатков. Следует отметить, что нужды в больших перекочевках у первобытного охотника-скотовода не было, скот можно было выпасать на небольших участках пастбищ, расположенных вблизи стойбищ. Следовательно, замирающий охотничий и зарождающийся скотоводческий уклады жизни совмещались не только во времени и пространстве, но и вытекали один из другого.

Для первобытного человека, жившего в горах и предгорьях Средней Азии, охота являлась одним из основных средств существования. Главным образом здесь охотились на горного козла, кости и рога которого были найдены на стойбищах в большом количестве уже с мустьерского времени[4]. О горных козлах, как об основной дичи, говорит А. П. Окладников[5] и др. Об этом же свидетельствуют и многочисленные изображения козлов на камнях и скалах по Чадаксаю.

Горные козлы, несомненно, как в палеолите, так и в неолите, водились здесь в больших количествах. Добыча их не была

---

[3] М. О. Косвен, Очерк истории первобытной культуры, изд. 2, М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 73.

[4] П. П. Ефименко, Первобытное общество. Очерк по истории палеолитического времени, изд. 3, Киев, 1953, стр. 230.

[5] А. П. Окладников, Тешик-Таш, Палеолитический человек, М., 1949, стр. 78.

особенно сложной, хотя, например, А. П. Окладников представляет охоту первобытного человека на кииков такой же трудной, как и в наше время. Перечисленные им, в основном по Д. Н. Кашкарову[6], возможные способы охоты первобытного человека вошли в археологическую литературу[7] и приводятся как наиболее «вероятные»[8].

А. П. Окладников пишет: «Что касается вероятных способов охоты то, во-первых, охотники могли сбрасывать на козлов огромные камни; затем один из самых легких способов охоты на козла — это засада у водопоя, где киик, пролежав днем среди раскаленных солнцем скал и камней, утоляет свою жажду водой из ручья или источника в пещере. Наконец, в пересеченных ущельями горах могли устраивать облавы — загоны, облегчавшие поимку разбившихся при падении в пропасть животных»[9].

Первый вид охоты может быть успешным лишь в том случае, если козлы будут находиться непосредственно под абсолютно отвесной или же немного нависающей скалой (горой) для того, чтобы сброшенный с нее огромный камень при падении не производил бы шума. Это объясняется тем, что достаточно козлу заметить такой падающий камень и отскочить хотя бы на 1 *м* в сторону, как весь коллективный труд охотников окажется напрасным.

Засада у водопоя — это пассивный вариант охоты, который выглядит как «один из самых легких». Однако горные районы (места обитания козлов) отличаются относительным обилием воды. Следовательно, там имеются места для водопоя. К тому же козлы, в отличие от горных баранов, пасутся днем, а не ночью, по вершинам хребтов или вблизи снеговой линии и не лежат среди раскаленных скал и камней. В результате ожидание их около источника может оказаться весьма длительным или безрезультатным.

Наконец, А. П. Окладников полагает, что в горах при помощи облавы можно было бы загонять кииков в такие места, откуда они падали бы в пропасть, а люди ловили бы изувеченных при падении животных. Однако, если вспомнить об изумительной ловкости и цепкости горных козлов[10], то третий способ охоты кажется сомнительным. Ни первый, ни третий

---

[6] Д. Н. Кашкаров, Животные Туркестана, Ташкент, Госиздат УзССР, 1932, стр. 383—384.

[7] П. И. Борисковский, Начальный этап первобытного общества, изд. ЛГУ, Л., 1950.

[8] Д. Н. Лев, Новые пещерные стоянки эпохи палеолита в Узбекистане, СЭ, 1949, № 1.

[9] А. П. Окладников, Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии, СА, VI, 1940, стр. 15.

[10] Д. Н. Кашкаров, указ. соч., стр. 382.

из них не подтверждается ни широкой охотничьей практикой, ни материальными памятниками и т. д. Очевидно, до появления лука человек добывал козлов проще: по-звериному скрадывая их днем на пастбище, а ночью убивая копьем, дубиной или камнем. Это тем более вероятно, что козлы в то время были менее пугливы. Последнее можно наблюдать и теперь в местах, где охотники редко появляются. Дичь легче подпускает к себе на близкое расстояние.

Кстати отметим, что сбрасывание сверху камней кажется некоторым авторам весьма вероятным способом охоты на пещерного медведя. Так, например, Д. Н. Лев пишет: «Первобытные охотники сталкивали сверху большие каменные глыбы на медведя в то время, когда он выходил из пещеры»[11]. По-видимому, Д. Н. Лев считает этот способ наиболее безопасным для охотника того времени и не допускает мысли о возможности встречи человека каменного века с медведем один на один.

Однако скопища костей и черепов медведей в местах стоянок людей указывают, что медвежатина была в то время довольно обычным блюдом. Следовательно, добывалась она часто, и охота на медведя происходила довольно просто. Самым вероятным ее вариантом является способ, с незапамятных времен широко применявшийся крестьянами-охотниками лесной полосы России, — это охота с рогатиной (заостренный или обожженный кол).

Эта охота, вероятно, проходила так же, как и в недавнее время: разъяренный зверь, поднимался на задние лапы и шел на охотника, который подставлял ему под грудь рогатину.

По месту расположения петроглифы в районе кишлака Чадак можно разделить на две группы: к первой относятся изображения на скалистых обломках и скалах на вершине пирамидальной горы Каракуш-Уй в 9—10 *км* вверх по саю от кишлака Чадак. Вершина этой горы как бы срезана и образует относительно ровную площадку размером около 40 × 80 *м*, сплошь заваленную большими и малыми обломками скал. Камни с изображениями сосредоточены в основном в южной, затем восточной и, в меньшей мере, в западной ее части. В большинстве случаев они находятся или на самом краю круто обрывающейся площадки, или вблизи ее края. Выявлено около двадцати камней с изображениями. Некоторые из них раскололись в процессе выветривания уже после нанесения на них изображений, что видно по срезанности части рисунков.

---

[11] Д. Н. Лев, Новые пещерные стоянки, стр. 201.

Здесь есть и отдельные фигуры животных (в основном козлов) и «картины» охоты. Многие из них поражают своей реальностью изображения — динамичностью движений, пропорциональностью форм и правильно переданными деталями телосложения.

Преобладание писаниц на южной и восточной частях вершин горы, возможно, объясняется лучшей освещенностью этих участков в утренние часы, когда человек перед выходом на охоту творил здесь свою магию. Наличие же большого количества писаниц на самой вершине горы (т. е. не в местах непосредственной охоты или стойбища человека) связано, по-видимому, с тем, что эта точка использовалась как «наблюдательный пункт» перед началом охоты.

Другая группа петроглифов рассеяна по сплошь каменистым саям предгорий, примерно в 2—3 *км* на запад от кишлака. Эти изображения выполнены уже менее тщательно, многие из них схематичны, а некоторые представляют только сочетание прямых и изогнутых линий, в которых, однако, без особого труда опознаются неизменные фигуры горных козлов. Чаще всего петроглифы предгорий изображают или более сложные приемы охоты, или элементы процесса одомашнивания козлов. Известная взаимосвязь между содержанием рисунка и ландшафтом в данном случае вполне объяснима.

В начальные стадии развития скотоводства важна была не столько качественная значимость пастбищ, сколько их более спокойный рельеф, при котором легче было бы наблюдать за полудикими выпасаемыми животными. М. Э. Воронец также указывает, что изображения, находящиеся в долинах и саях, «теснейшим образом связаны со скотоводческим бытом»[12].

Все петроглифы, встречавшиеся как в горной, так и в предгорной частях, по их смысловому содержанию можно разделить на два типа. К первому относятся изображения отдельных или нескольких фигур на одном камне, не связанных между собой каким-либо сюжетом. Второй тип характеризуется определенной смысловой композицией различных эпизодов охоты, иногда с большим числом «действующих лиц».

Эпизоды, изображенные на всех этих писаницах, и фигуры животных различны[13]. Здесь легко опознаются дикие коз-

---

[12] М. Э. Воронец, Археологические исследования Института истории и археологии и музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг., Труды Музея истории Узбекской ССР, вып. 2, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1954, стр. 83.

[13] Фотографии наиболее характерных из этих петроглифов приводятся в данной статье.

лы — самцы и самки, — горные бараны и собаки различных пород. Имеется также несколько изображений человека.

Петроглифы на вершине горы являются наиболее древними и характеризуют простейшие формы охоты или представлены отдельными магическими фигурами козлов.

Рис. 1. Изображение безоаровых козлов на вершине горы Кара-куш-Уй.

На самом краю юго-восточной части площадки имеется большая группа изображений (12 фигур), сделанных на аспидной от пустынного загара и рассеченной выветриванием, низкой, но широкой скале. Судя по характерной форме рогов, эти рисунки изображают безоаровых козлов и коз. Это магические рисунки, не связанные в какую-либо сюжетную композицию (рис. 1).

По реалистичности и по стилю изображения они не однотипны. Наряду с тщательно выполненной, не лишенной даже известного изящества фигурой (третья снизу) здесь присутствуют и примитивные грубо выполненные рисунки. Сопоставляя между собой манеру изображения различных фигур и их отдельных деталей, иногда удается обнаружить такие характерные особенности, которые указывают, что сравниваемые рисунки выполнены одним и тем же человеком. Так, например, на рис. 1 видно, что две нижние фигуры имеют близкие по стилю и своеобразию черты: передние ноги несколько отставлены вперед, а туловище в передней части немного приподня-

то, в результате чего передние конечности не достают до линии опоры задних. Сходна здесь и схематичность изображения контуров ног и преувеличенная длина рогов.

Совершенно иначе выглядят самая верхняя или крайняя правая и другие фигуры. Ясно, что на этой скале «поработало» несколько человек, и каждый из них оставил здесь не одно изображение.

У большинства фигур более или менее соблюдены общие пропорции тела, размеры же рогов часто преувеличены. Особенно утрированным является изображение рогов козла, помещенного в середине группы. Внимательно рассматривая этот рисунок, видно, что он выполнялся в два приема: вначале, при изображении самого козла, рога были сделаны сплошными линиями, а затем уже продолжены в виде грубых и более широких пунктирных полос, спускавшихся ниже задних ног животного. Это было сделано впоследствии другим человеком по чужой магии.

Утрировка размеров рогов, как на этих, так и на многих других изображениях (особенно на схематичных) — явление не случайное. В магических рисунках оно указывает на желание добыть на охоте крупного старого козла, т. е. с большими рогами. Величина рогов — наиболее заметный внешний возрастной признак, кстати сказать, легко передаваемый даже на самых примитивных наскальных изображениях. Кроме того, чрезмерной длиной рогов исполнитель как бы подчеркивал видовую принадлежность животного. Из всех представителей семейства *capra* безоаровый козел имеет наиболее длинные рога — больше метра.

Подобное акцентирование наблюдается и на наскальных изображениях у Онежского озера[14]. Здесь шея лебедей (для которых ее длина — один из характернейших внешних признаков) утрирована еще сильнее, чем рога на изображениях горных козлов.

П. И. Борисковский считает рога горного козла, как и черепа медведей, одним из весьма ранних колдовских атрибутов у неандертальцев[15]. А. П. Окладников, констатируя сакральное значение рогов дикого барана и козла еще в недалеком прошлом, также считает их одним из ранних культовых принадлежностей и отрицает возможность их утилитарного использования. В открытом им гроте Тешик-Таш рога киика

---

[14] В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера, ч. 1, М., Изд-во УзССР, 1936, табл. 1, 6 и др.
[15] П. И. Борисковский, Начальный этап..., стр. 114.

как бы мистической линией окружали остатки погребенного там мальчика[16].

Действительно, свою символику в ритуальном процессе рога этих животных не утратили еще и в начале нашего столетия. На старых мазарах горных кишлаков, в частности в районе сел. Чадак на мазаре Бобои-Хамадани, они и сейчас еще в изобилии лежат как своеобразные приношения.

Мы предполагаем, что свое мистическое значение рога получили не сами по себе, а в результате их длительного практического использования. Роговой чехол горного козла — это достаточно емкий, прочный и готовый сосуд. На весьма древнее использование рога в качестве сосуда указывает, например, рельеф на каменной плите ориньякской культуры. На нем изображена женщина, подносящая ко рту рог. Свое практическое значение рог утратил сравнительно недавно. В прошлом веке его использовали в качестве пороховницы или как сосуд для вина (в Закавказье). Правда, в том и другом случае применялся рог домашнего скота, но это уже деталь не принципиального значения.

Из более простых изображений можно отметить две во многом сходные между собой композиции. Одна из них — гон дикой козы собакой — выполнена на небольшом камне размером 60 × 70 *см*. Собака имеет короткую массивную голову, короткое туловище и густо обросший хвост (он показан здесь толстым). Все эти признаки позволяют видеть в этом изображении тип предка современных, широко распространенных в Средней Азии местных чабанских овчарок. Собака изображена бегущей прыжками: задние ноги согнуты, а передние вытянуты вперед. Преследуемое собакой животное изображено хотя и менее динамично, но оно также показано в движении.

С этим петроглифом интересно сопоставить другой близкий ему как по содержанию, так и по исполнению (рис. 2). Рисунок выбит здесь на шероховатой поверхности камня (40 × 60 *см*).

Здесь изображен также один из вариантов охоты с собакой. Взаиморасположение фигур козы и собаки скорее всего отражает заключительный этап охоты. В отличие от предыдущей композиции, где собака преследует дичь, здесь они обращены головами друг к другу, причем тело собаки дано в наклонном положении: она как бы подпрыгивает вверх к козе. Пасть у собаки открыта. По всей вероятности, здесь изображен эпизод охоты на горных козлов. Спасаясь от пресле-

---

[16] А. П. Окладников, Неандертальский человек..., стр. 16; он же, Тешик-Таш. Палеолитический человек..., стр. 18, 79.

дования волков, собак козел часами может стоять на недоступной для них скале. У охотников это носит название «отстоя». В настоящее время практикуется в Сибири такой способ добычи пушного зверя: лайка загоняет его на дерево и держит там до прихода охотника.

Рис. 2. Коза, загнанная на отстой.

На подобную расшифровку данной композиции указывает и положение правой передней ноги козы: она полусогнута и несколько приподнята для удара о землю. Такая поза характерна также и для домашних овец и коз, когда они видят опасность, но не могут спастись бегством или напасть сами.

Несомненно, человек, охотясь в горах с собакой, часто с помощью лука „снимал“ дичь, загнанную его четвероногим помощником на „отстой“. Показанная на фото фигура собаки имеет много общего с изображенной на предыдущем. В обоих случаях передан один и тот же тип местной овчарки. Если же принять оба эти петроглифа за произведение одного человека (стиль рисунка и типы животных сходны), то можно будет предположить, что на обоих петроглифах изображена одна и та же охотничья собака.

Более сложной и более интересной представляется композиция на небольшом камне, отколовшемся от скалы уже после нанесения на него изображений. Об этом свидетельствует незаконченность отдельных фигур и отсутствие загара на обломанной стороне.

Своеобразный повествовательный сюжет всей композиции, разнообразие включенных в нее фигур, как и их осмысленное размещение заслуживают внимательного изучения. Здесь, кроме коз, козлов и собаки, хорошо передана фигура человека. Большинство изображений животных выполнено достаточ-

но реалистично, и их видовая, половая и возрастная принадлежность не вызывает сомнений.

Основной фигурой всей композиции является изображение человека — охотника (нижний правый край камня), стреляющего из лука в самого большого козла. Лук имеет слегка согнутое древко и натянутую тетиву. В верхнем правом углу этой композиции видна фигура собаки, которая с лаем (открытая пасть) бросается на коз.

Рис. 3. Изображение приманивающего козла со связанными ногами и дикого.

Интересно, что охотник и собака как на этом, так и на другом подобном петроглифе, помещены с разных сторон стада диких животных. Очевидно, в этот период собака уже не просто сопутствовала человеку, преследуя вместе с ним дичь, а действовала подобно современным гончим, т. е. нагоняла дичь на охотника. Известно, что волки таким же образом преследуют дичь: часть стаи в засаде, а остальные гонят добычу на спрятавшихся или бегущих на перерез собратьев. Таким образом, человек той далекой эпохи, используя собаку как активного помощника на охоте, не вырабатывал у нее дрессировкой каких-то новых, не знакомых ей приемов, а пользовался теми глубокими навыками, которые развились у нее еще в период дикого существования.

Петроглифы в предгорной части отличаются уже несколько иным содержанием и оформлением. Они менее реалистичны, а некоторые из них достигают предельно схематичной формы. Здесь мы встретили несколько весьма оригинальных изображений, отражающих и более сложные способы охоты и на-

чальные стадии доместикации. К ним относятся петроглифы более позднего происхождения по сравнению с рассмотренными выше.

Имеется много теорий по вопросу о причинах, побудивших человека заняться одомашниванием животных. Например, согласно тотемистической теории Фрезера и Джаванса[17], человек приручал отдельных животных, которых рассматривал как живые талисманы (один из вариантов магии). Указываются также и такие первопричины, как воспитание детенышей от убитой самки и, наконец, приручение ради забавы (например, у австралийцев[18]) и т. п.

Однако нам представляется мало вероятным, чтобы истоками скотоводства могли бы стать отдельные случаи приручения животных в силу каких-либо мистических представлений или просто ради забавы. Такие эпизоды не могли иметь хозяйственного утилитарного значения.

Тем более, что представление о самой возможности превратить дичь в «домашнее» животное могло быть осознано человеком далеко не на первых этапах процесса доместикации, а явилось на основании уже достигнутых в этом деле успехов.

Первобытные люди вынуждены были одомашнивать животных и прежде всего тех из травоядных, которые до того служили им основной охотничьей добычей. Горные козлы являлись главной добычей первобытного охотника, как на низшей ступени дикости, так и с изобретением лука, т. е. при переходе к варварству.

Причиной перехода к скотоводству является рост человеческого населения и, следовательно, рост его общей потребности в пище (в том числе и в мясе). Это повлекло за собой неизбежное сокращение запасов дичи. Наряду с этим животные — объект охоты — становились более осторожными, пугливыми. В результате существовавшие до этого примитивные формы добычи мяса оказались в новых условиях малопроизводительными. Поэтому охотник вынужден был искать более результативные способы охоты, которые и послужили затем отправной точкой для доместикации.

Мы полагаем, что таким новым, прогрессивным приемом явилась охота с приманивающим животным. Отдельных пойманных животных в этом случае не убивали, а сохраняли и использовали на охоте для привлечения к ним их диких

---

[17] В. В. Гольмстен, К вопросу о древнем скотоводстве в СССР, кн. 6., Проблемы происхождения домашних животных, Труды совещания по происхождению домашних животных, состоявшегося при лаборатории генетики АН СССР 23—25 марта 1932 г., Л., изд. АН СССР, 1933.

[18] М. О. Косвен, Очерк истории первобытной культуры., стр. 71—73.

сородичей. Этот способ охоты, открытый, очевидно, случайно, прочно вошел затем в практику и, пройдя через многие эпохи, не утратил своего значения и в наше время. Он известен теперь как охота «с подсадкой».

Для того чтобы приманивающее животное не убегало, его можно было удержать на привязи или опутать ему ноги. Последний прием был наиболее распространенным приемом для удержания приманивающего козла. Такие эпизоды наиболее часто представлены на петроглифах в предгорной зоне (рис. 3).

Изображения козлов со связанными ногами имеют еще одну своеобразную деталь: их рога соединены на концах, а на некоторых петроглифах оба рога перевязаны в нескольких местах. В данном случае показано оригинальное приспособление, основанное на хорошем знании поведения животных. Оно было сделано специально для того, чтобы легче захватить дикого козла.

Рис. 4. Козел со связанными ногами и рогами, перевязанными в трех местах.

На небольшом валуне изображен такой же приманивающий козел со связанными ногами и перевязанными в трех местах рогами (рис. 4). Здесь уже совершенно иной стиль рисунка, не похожий ни на один из предыдущих.

Весьма интересной является группа изображений, выбитых на красноватом валуне, лежащем на стыке двух соседних саев (рис. 5).

Здесь семь фигур объединены в две самостоятельные смысловые композиции. Группа в нижней части камня, состоящая из пяти фигур, изображает заключительный момент охоты с приманивающим животным. Здесь два козла, человек и две собаки, из которых одна (левая) изображена менее ясно (ее загнутый хвост сливается с головой). У приманивающего козла (правый) не только спутаны ноги, но и надета на рога ременная петля, возможно такая же, как на изображениях козлов со связанными концами рогов. В эту петлю

запутались рога дикого козла. (Приготовить ремень первобытному охотнику было проще, чем свить веревку из волокон диких растений).

Рис. 5. Заключительный момент охоты с приманивающим козлом.

Несмотря на общую примитивность изображений, нельзя не отметить выразительности всех фигур. Приманивающий козел со спутанными ногами изображен в спокойной позе. Это уже достаточно привыкшее к человеку животное. Иначе изображен дикий козел. Он пятится назад, упираясь ногами. Вся его фигура показывает стремление уйти от преследователей, высвободиться из петли.

Не менее динамично выполнена и фигура охотника. Он изображен с длинной палкой или копьем в руках. В первом случае это могло быть подобие укрюка — палки с петлей,— каким табунщики Казахстана ловят диких лощадей. Если принять этот вариант, то здесь показан момент захвата козла в живом виде. Если же принять палку за копье, то, вероятно, показан момент, когда охотник протыкает копьем шею пойманного животного.

Интересен также тип собак охотника. Видно, что это уже одомашненные животные: хвосты их задраны кверху (что не свойственно диким представителям рода *canis*), и оба они показаны здесь в спокойных позах — не набрасываются на козлов, а обращены головами друг к другу. Изображенная

справа собака — небольшая, коротконогая. У нее длинное туловище и торчащие уши, т. е. дан прототип мелкой дворняжки. Собака с таким экстерьером в диком или полудиком состоянии не выдержала бы борьбы за существование.

В верхней части того же камня помещается еще одна, более простая композиция, — хорошо исполненный лук со стрелой и схематичный рисунок козла. Стрела, пересекая линию рогов, направлена прямо в спину животного.

Следует допустить, что козлы со связанными ногами изображают не только приманивающих животных, но и просто находящихся на какой-то стадии доместикации. Первобытный человек, желая сохранить у себя животное, но не имея запасов корма, мог содержать его только на пастбище. Опутывание ног и в этом случае было самым простым и рациональным приемом. Кстати отметим, что среди петроглифов в горной части района не найдено ни одного изображения козла со связанными ногами.

Такие более сложные формы охоты возможно впервые потребовали от человека не эпизодического, а систематического проявления заботы и труда для сохранения приманивающих животных. В результате это должно было привести и, очевидно, приводило к усилению представлений о личной собственности.

Петроглиф, который можно рассматривать как завершающий в этой цепи последовательного перехода от охоты к доместикации, приведен на рис. 6. Это в своем роде уникальное изображение четырех козлов, стоящих на привязи. Вся эта не особенно сложная композиция настолько ясна, что не нуждается в комментариях. Это уже не охотничья магия и не отдельные приманивающие животные, а целая группа козлов, находящихся на привязи, т. е. в приручаемом или уже прирученном состоянии.

Своеобразен и способ привязи этих козлов. Два из них (левый и нижний), кроме того, что привязаны один за шею, другой за рога, дополнительно связаны еще друг с другом. Верхний козел изображен привязанным или за туловище или за одну из передних ног. Такое привязывание нескольких животных к одному колу или камню, надо полагать, применялось только в ночное время, так как содержание их подобным образом на пастбище потребовало бы очень длинной привязи, а при связывании их только между собой не помешало бы им уйти.

Одомашнивание животных в условиях первобытного общества было более сложным процессом. Прежде всего, это

было связано с тем, что приручаемые животные не были изолированы от своих обычных условий жизни: они содержались на пастбище, где соблазн вырваться на волю и примкнуть к своим диким собратьям был особенно силен и постоянен[19]. Даже такие вполне домашние животные, как лошади, всего сто — сто пятьдесят лет назад, заслышав ржание дикого жеребца тарпана, срывались с привязи и уносились в степь[20].

Рис. 6. Четыре козла на привязи.

Таким образом, наскальные изображения по Чадаксаю не только вносят ясность в технику начальных этапов доместикации и выявляют пути ее возникновения, но и конкретно

[19] Г. В. Шацкий, К вопросу одомашнивания коз на территории Узбекистана, Бюллетень научно-технической информации Узбекского научно-исследовательского института животноводства, вып. 4, Ташкент, 1959.

[20] А. А. Браунер, Сельскохозяйственная зоология, Госиздат УССР, 1923.

указывают на одну из точек непосредственного приручения безоарового козла.

Кроме того, эти петроглифы положительно отвечают на вопрос, поставленный в капитальной работе А. В. Арциховского[21], о возможности приручения животных в неолите.

Весь этот горный и предгорный район представляет собою одно из древнейших с богатой историей мест поселения человека. Вехой, отмечающей пройденный им исторический путь, могут служить многочисленные здесь каменные захоронения муг-уй (мугхона) огромные гряды крупных и мелких камней, снесенных на края пахотных участков многими поколениями местных земледельцев, и, наконец, старинные мазары, украшенные рогами диких козлов и баранов.

Район кишлака Чадак может дать интереснейший и ценнейший материал по первобытной истории человечества и, в частности, по истории населения Узбекистана.

---

[21] А. В. Арциховский, Основы археологии, М., 1954, стр. 49.

Я. Г. ГУЛЯМОВ

КЛАДБИЩЕ КУЛПИ-САР

Основные стационарные археологические работы Махан-Дарьинского археологического отряда производились в районах Махан-Дарьи, Кзыл-Кыр, расположенных в зоне пустынь, прилегающих к бухарскому оазису. Однако отряд ежегодно проводил попутные маршрутные обследования и в других районах.

Осенью 1956 г. основной целью работы отряда было изучение некоторых памятников Джизакского (Дизакского) района[1].

Джизакский оазис как древний культурный район области Осрушаны представлял собой важный экономический и стратегический узел у преддверия Согда, ибо Нуратинский хребет как неприступная стена ограждал с севера культурные области в бассейне Зеравшана. Набеги кочевников со стороны степей, из Шаша, Ферганы в долину Зеравшана и дальше совершались только через два пункта: Джизак и Нурата. Джизак прикрывал проход через теснину Джилан-утти, а Нур (-Ата) охранял дорогу в Бухару и Кермене. Поэтому оба эти пункта представляли собой сильные укрепления. Джизакский район представлял собой небольшой компактный древний оазис, возникший в районе низовьев горной речки Санзар.

В первобытное время воды Санзара протекали через джизакские земли и разливались на обширной полосе окраины Кызылкумов. Здесь образовалось древнее соленое оз. Тузкан, расположенное в 50 *км* к северу от Джизака. В связи с возникновением и дальнейшим развитием искусственного орошения в Джизакском районе воды Санзара стали разбираться на орошение. В результате этого Тузкан лишилось прямого питания.

---

[1] В работе отряда приняли участие: канд. ист. наук В. А. Нильсен, Т. Агзамходжаев, Х. Мухамедов, С. А. Адилходжаев и др.

В неизвестный пока период истории джизакского оазиса особенно острой была нехватка воды, что вызвало необходимость проведения канала Туя-Тартар из р. Зеравшан. Этим важным мероприятием была обеспечена регулярность водоснабжения Джизакского оазиса. Первые, но весьма беглые обследования позволяют отнести это мероприятие к глубокой древности, что не оставляет сомнения в недостоверности версии, связывающей его с деятельностью Абдулла-хана (1556—1598 гг.).

Маленький Джизакский оазис с востока и частично с севера открыт в сторону Голодной степи. Вероятно, поэтому оазис изобилует буграми — остатками древних городищ, замков и усадеб, которые отличаются особой укрепленностью. В таком сравнительно миниатюрном оазисе их насчитывается свыше 20. Среди них своими размерами и степенью укрепленности выделяются бугор Калья-Тепа и остатки старого Джизака. Все они представляли собой крепости, замки и усадьбы дехкан в раннефеодальный и феодальный периоды. Из них только лишь Джизакское укрепление пережило все периоды феодализма вплоть до 60-х годов XIX в.

С севера, со стороны Южного Казахстана, Джизакский район в значительной степени прикрывается цепью скалистых бугров из системы восточных отрогов Нуратинского хребта. Мы их называем (условно) «Чим-Курганским хребтом». В 30 *км* к северу от Джизака Чим-Курганский хребет с запада образует крючкообразный изгиб. Здесь и расположено урочище Кульпи-сар, представляющее собой каменистую равнину. Вблизи гор ее пересекает извилистое русло горько-соленой речки Кили, которая к юго-востоку от урочища Кулпи-сар образуется из слияния подземных ручьев. стекающих со стороны Джизакского оазиса. Воды Кили не используются на питье и орошение. Протекая по направлению с юго-востока на северо-запад, Кили пересекает по ущелью Чим-Курганский хребет. За ущельем начинается территория Казахской ССР и недалеко от хребта расположен совхоз «Чим-Курган».

Местность Кулпи-сар, до берегов Кили, занята под кладбище. Через Кулпи-сар и ущелье р. Кили проходит старая дорога, связывающая Джизакский оазис с Чим-Курганом и Южным Казахстаном.

Перед самым ущельем с правой, северной, стороны дороги расположены развалины большого здания, прямоугольного в плане, размерами 110×100 *м*. Мощные стены здания сложены из продолговатого сырцового кирпича, типичного для

построек IX—X вв. в этой степной полосе по северной стороне Нуратинского хребта. Единственный вход расположен в северо-восточной части развалин и, по-видимому, был сильно укреплен.

По своей внутренней планировке и по месту расположения это здание почти аналогично целой цепи рабатов (постоялых дворов) IX—X вв., расположенных через каждые 30 *км* на большой старинной дороге, соединявшей Отрар с Нурата. В число их входил и работ на Кулпи-Сар.

Рис. 1. Раскопки у дольмена.

Напротив рабата, на левой стороне дороги к Кили, на естественной скалистой террасе сохранились развалины крепости Дунье-тепа (бугор сокровищ) или «Хисар». Крепость значительная, ее размеры достигают 200×170 *м*. На юго-западном углу Хисара, подобно искусственной башне, возвышается скалистая сопка естественного происхождения. На юго-восток от Хисара в 100—150 *м* на склоне горного мыса, вклинившегося в равнину и частично прикрывающего Кулпи-Сар с юга, расположено культовое погребальное сооружение типа саганы длиною в 18 *м* (рис. 1).

В отличие от обычных мусульманских сагана это сооружение ориентировано с запада на восток. Сагана облицована

кирпичами современного заводского производства. Могила в нескольких местах повреждена под воздействием времени и атмосферных осадков. Судя по многочисленным фрагментам алебастровой штукатурки и более старым кирпичам, можно заключить о существовании когда-то здесь здания, быть может перекрывавшего всю сагану подобно тому, как мы это видим в Ходжа-Даниале (Афрасиаб), Мазар-Кишлаке (Нурата), Дехи-Баланде, Шахимардане (Газган) и т. д.

В 100—120 *м* к востоку от саганы среди кладбища стоит древнейшее погребальное сооружение, имеющее вид дольмена, впервые встречаемого на территории Средней Азии. Размеры дольмена — 180×150 *см*, высота — 120 *см*. Он сложен из нескольких каменных валунов и прикрыт большой каменной плитой. В 1955 г., когда наш отряд, проезжая через Кулпи-Сар, впервые заметил этот дольмен, на верхней плите его были заметны засохшие следы крови.

В 1956 г. на дольмене снова были обнаружены следы свежей крови. Дольмен так же, как в странах Западной Европы, окружен оградой из одного ряда валунов — кромлехом.

Местность Кулпи-сар считается святыней. Предметом поклонения здесь является дольмен и длинная сагана, связываемая с мифическим святым Кулпи-Сар-ата.

К мазару часто совершается паломничество, а на дольмене производятся жертвоприношения. Женщины, у которых не рождаются дети, проползают через отверстие под верхним камнем дольмена; ради удобства для этого отодвинули и даже свалили один из его вертикальных валунов.

Дольмен, как могильное сооружение, характерен для погребальных обычаев бронзового века, т. е. свыше 2000 лет до появления ислама.

Мы начали производить зачистку внутри дольмена, но не успели довести ее до конца. В дальнейшем необходимо организовать стационарные раскопки и тщательно обследовать территорию кладбища. Это необходимо потому, что на большом участке около дольмена и саганы Кулпи-Сар повторяются круглые площадки диаметром десять и больше метров, огражденные рядом валунов.

Что касается длинной саганы Кулпи-Сар-ата, можно предложить следующую гипотезу.

В 1936 г. в Хорезме, на бугре Кубатау нами было обнаружено и раскопано интересное кладбище с многочисленными оссуариями. Это было длинное (в несколько десятков метров) коридорообразное сооружение из сырцового кирпича.

Внутри него обнаружена беспорядочная свалка обгрызанных человеческих костей, а сверху в один ряд поставлены оссуарии с такими же человеческими костями. Это хорошо уже известный погребальный обычай огнепоклонников — зороастрийцев.

Расположение подобных сооружений в местах, названия которых связаны с почитавшимися среди местного населения мифическими именами, наталкивает на мысль о зороастрийских наусах доисламского времени.

Относительно самого названия Кулпи-Сар-ата существует у окружающих неказахских жителей такое толкование: будто бы некий неизвестный человек сделал это урочище местом своего постоянного обитания. Он один защищал этот проход в Джизак от приходивших грабителей. Когда спросили о его имени, то он назвал лишь свое прозвище Кулпи-Сар, что значит «замок начала (дороги)».

Это, конечно, легенда, но она как-то связана с укреплением «Дунье-тепа» или Хисор, действительно прикрывавшим этот проход. Судя по керамическому материалу, найденному на Дунье-тепа, последняя была воздвигнута в первых веках нашей эры, функционировала недолго и повторно была укреплена и использована в XI—XII вв. Настоящим Кулпи-Сар, т. е. хранителем прохода, являлась эта крепость.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

ЛЯВАНДАКСКИЙ МОГИЛЬНИК

В 17 *км* юго-восточнее ст. Кую-Мазар[1] Ашхабадской железной дороги, в 3 км южнее кишлака Лявандак находится одноименный могильник.

Курганные насыпи (в количестве 130) расположены на возвышенностях, которыми начинается в этих местах степь Карнабчуль. Они разбросаны группами близ городищ Лявандак и Ходжа-Аджуванди-тепе, входивших в систему стены Кампыр-Дувал и служивших рабатами, где размещались гарнизоны, охранявшие стену.

Около городища Лявандак курганы образуют две группы, окаймляя лежащее в низине городище с востока, юга и запада. Далее на восток курганы редеют. Более густо они расположены около городища Ходжа-Аджуванди-тепе, восточнее которого количество их уменьшается.

Косвенное указание на наличие курганов в этой части степи Карнабчуль имелось в одной из статей А. И. Тереножкина, в которой он писал о необходимости раскопок курганов в этом районе[2].

Осенью 1952 г. был совершен проезд по этому району автором статьи совместно с В. А. Шишкиным. Во время этой рекогносцировки были обследованы курганы, а весной 1953 г. начались раскопочные работы[3].

---

[1] Результаты исследований курганов около ст. Кую-Мазар отражены в печати. См. О. В. Обельченко, Кую-Мазарский могильник, Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 205—227; он же, Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника, Труды САГУ, новая серия, вып. CXI, исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 109—132.

[2] А. И. Тереножкин, Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана. ВДИ, 1947, № 2, стр. 190.

[3] В раскопках принимали участие П. Г. Величко, которым выполнены в основном чертежи, и сотрудник Бухарского музея К. И. Максимова.

Вскрытие курганов производилось в двух группах курганов юго-восточнее городища Ходжа-Аджуванди-тепе, вблизи тригонометрического пункта и в двух группах восточнее городища Лявандак. Курганные насыпи в Лявандакском могильнике расставлены беспорядочно, узкой полосой, тянущейся в широтном направлении[4].

В первой курганной группе юго-восточнее городища Ходжа-Аджуванди-тепе, состоящей из 8 насыпей, был раскопан один курган.

Курган № 4. Диаметр насыпи — 10 *м*, высота — 75 *см*. Насыпь сделана из песка с галькой. При вскрытии насыпи в ней встречались куски чистого белого гипса, в нижней части — гипсовые прослойки. В центре кургана, под насыпью, находилась овальная в плане, могильная яма, ориентированная по линии север—юг с небольшим отклонением к западу. Длина ямы — 2,7 *м*, ширина — 90 *см*, глубина — 2,3 *м*. Вдоль восточной стенки могильной ямы сделана слегка покатая ступенька высотой 75 *см*, шириной 25 *см*. В западной стенке могильной ямы устроен подбой, имеющий в настоящее время высоту 70 *см*. Свод подбоя, покатый к западу, смыкается с полом. Подбой так же, как и могильная яма, был засыпан песком с галькой. Свод местами обрушился, первоначально он был выше. В плане подбой овальный, его длинная ось параллельна длинной оси ямы. Длина подбоя — 2,85 *м*, ширина — 90 *см*.

На полу подбоя, по его длинной оси, «валетом» лежали два скелета — один головой на север, а другой — на юг. Скелеты лежали на спине с согнутыми в коленях и раздвинутыми в стороны ногами. Руки скелета, лежащего головой на юг, также слегка согнуты в локте и немного отведены в стороны. Руки скелета, лежащего головой на север, немного отведены в стороны, но не согнуты в локтях. Правая нога скелета, ориентированного головой на север, лежала на правой руке скелета, ориентированного на юг. Точно также правая нога скелета, лежащего головой на юг, лежала на правой руке скелета, ориентированного головой на север. Кости скелета раздроблены, черепа разбиты упавшими с потолка кусками гипса.

У южной стенки подбоя стоял фрагмент донца хума с угольками, курильница и лежали кости передней ноги овцы с лопаткой. У северной стены подбоя на боку находился кубок на ножке.

---

[4] Природные и почвенные условия данного района описаны ранее. См. О. В. Обельченко, Кую-Мазарский могильник, Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 205.

Высота кубка — 14 *см*, диаметр венчика — 13,5 *см*, диаметр ножки — 5 *см*. Стенки кубка имеют ломаный контур, нижняя часть — конусообразная, а верхняя — цилиндрическая со слегка отогнутым наружу венчиком. Кубок сделан из глины красного обжига, на гончарном круге. Верхняя цилиндрическая часть кубка снаружи покрыта плохо сохранившимся черноватым ангобом. Чуть правее головы скелета, ориентированного на север, лежали фрагменты какого-то изделия из сильно поржавевшего железа. Ниже таза этого скелета лежали фрагменты круглого железного стержня очень плохой сохранности.

У левого бедра скелета, ориентированного головой на юг, находилась костяная пряжка овальной формы с железной кнопкой для застегивания. Длина пряжки — 6,5 *см*, ширина — 5,5 *см*. В пряжке на одном конце имеется прямоугольное отверстие для прикрепления ремня, около кнопки — круглое отверстие для пропускания ремня, застегивающегося на ней. Вокруг круглого отверстия прочерчена окружность. По краям пряжки сделаны маленькие дырочки. У левого колена этого скелета лежала изогнутая железная проколка с остатками дерева на одной стороне. Погребение это ограблено не полностью. Видимо, потолок подбоя начал обрушиваться еще до ограбления, поэтому засыпанный гипсом кубок остался в могиле.

Скелет, лежащий головой на юг, судя по пряжке, найденной около него, является мужским, а скелет, лежащий головой на север, — женским, ибо такие же круглые железные стерженьки, как лежащий около его таза, были найдены в других женских погребениях этого могильника.

Во второй курганной группе юго-восточнее городища Ходжа-Аджуванди-тепе, состоящей из 24 насыпей, тоже был раскопан один курган.

Курган № 14. Диаметр насыпи — 12 *м*, высота — 1,1 *м*. Насыпь сделана из песка с галькой, в нижней части — толстые прослойки серого гипса. При снятии насыпи в западном секторе было найдено донце сосуда на круглой низкой ножке. Диаметр ножки 4,5 *см*, глина коричневого обжига. В центре кургана под насыпью находился прямоугольный в плане ступенчатый дромос, ориентированный длинной осью на юго-запад. Длина дромоса — 3,6 *м*, ширина в южном конце — 1,63 *м*, глубина — 2,8 *м*. В южном конце дромоса расположен обвалившийся вход в катакомбу. Он был заложен четырьмя рядами фрагментов сырцового кирпича, положенного ложком на растворе из песка. Размер кирпича 39 × (?) × 9 *см*.

Катакомба была завалена глыбами гипса, упавшего с потолка. Длина катакомбы — 2,52 *м*, ширина — 2,3 *м*. Длинная ось катакомбы является продолжением длинной оси дромоса.

На полу катакомбы у западной стенки лежал на спине скелет в вытянутом положении. Он ориентирован головой на юго-запад, т. е. по длинной оси катакомбы. Череп и кости скелета разбиты. В головах скелета у южной стены катакомбы стоял фрагмент плоского конца хума из глины красного обжига. На донце хума лежали угольки и зола. Этот фрагмент хума был использован как курильница. Восточнее курильницы стоял раздавленный кувшин. Тулово кувшина, изъеденное солями, распалось на мелкие фрагменты, с которых слез ангоб, а глиняное, коричневатого обжига тесто чешуйками осыпалось. Несколько лучше сохранились нижняя часть сосуда с плоским донцем и фрагменты горловины с округлым венчиком. Диаметр донца — 11 *см*, венчика — 9 *см*. Восточнее сосуда лежали кости передней ноги овцы с лопаткой и фрагмент серповидного железного ножа.

Юго-западнее этих групп курганы разбросаны по степи одиночно или мелкими группками в несколько насыпей. Одна из таких насыпей, находящаяся в 600 *м* северо-восточнее первой курганной группы у городища Лявандак, неподалеку от тригонометрического пункта, была вскрыта.

Курган у тригонометрического пункта. Диаметр его — 10,5 *м*, высота 1,12 *м*. Насыпь сделана из песка с галькой, в нижней части встречались гипсовые и галечные прослойки. Эта насыпь от всех ранее описанных отличается отсутствием кусков гипса. В центре кургана под насыпью был прямоугольный в плане дромос, ориентированный длинной осью по линии север — юг, с очень незначительным отклонением к западу. Длина дромоса — 3,38 *м*, ширина — 1,12 *м*, глубина — 2,10 *м*. С северной стороны дромоса на глубине 1,25 *м* от материковой поверхности на всю ширину сделана ступенька. На 10 — 12 *см* ниже этой ступеньки, вдоль восточной стены, сделана вторая ступенька, которая не доходит на 1 *м* до южной стены. Южный конец ступеньки косо срезан. Ширина — 60 *см*. Обе ступеньки, пол дромоса и вход в подбой в западной стенке закрыты толстым слоем камышового тлена. Подбой сделан по всей длине западной и южной стен дромоса. Длина подбоя — 2,62 *м*, ширина в средней части — 75 *см*, ширина южной части подбоя — 60 *см*. Потолок подбоя обвалился и точно установить его высоту невозможно, но судя по

сохранившейся части у северной стенки он был не выше 0,5 *м*. Подбой был засыпан кусками гипса, упавшими с потолка.

В подбое на подстилке из дерева, сохранившейся в виде коричневого тлена под костями, лежал скелет в вытянутом положении на спине, головой на юг. Череп скелета разбит, позвоночный столб в средней части слегка изогнут на запад. Правая нога несколько выдвинута на восток и согнута в колене. Левая рука отведена немного в сторону и чуть согнута в локте.

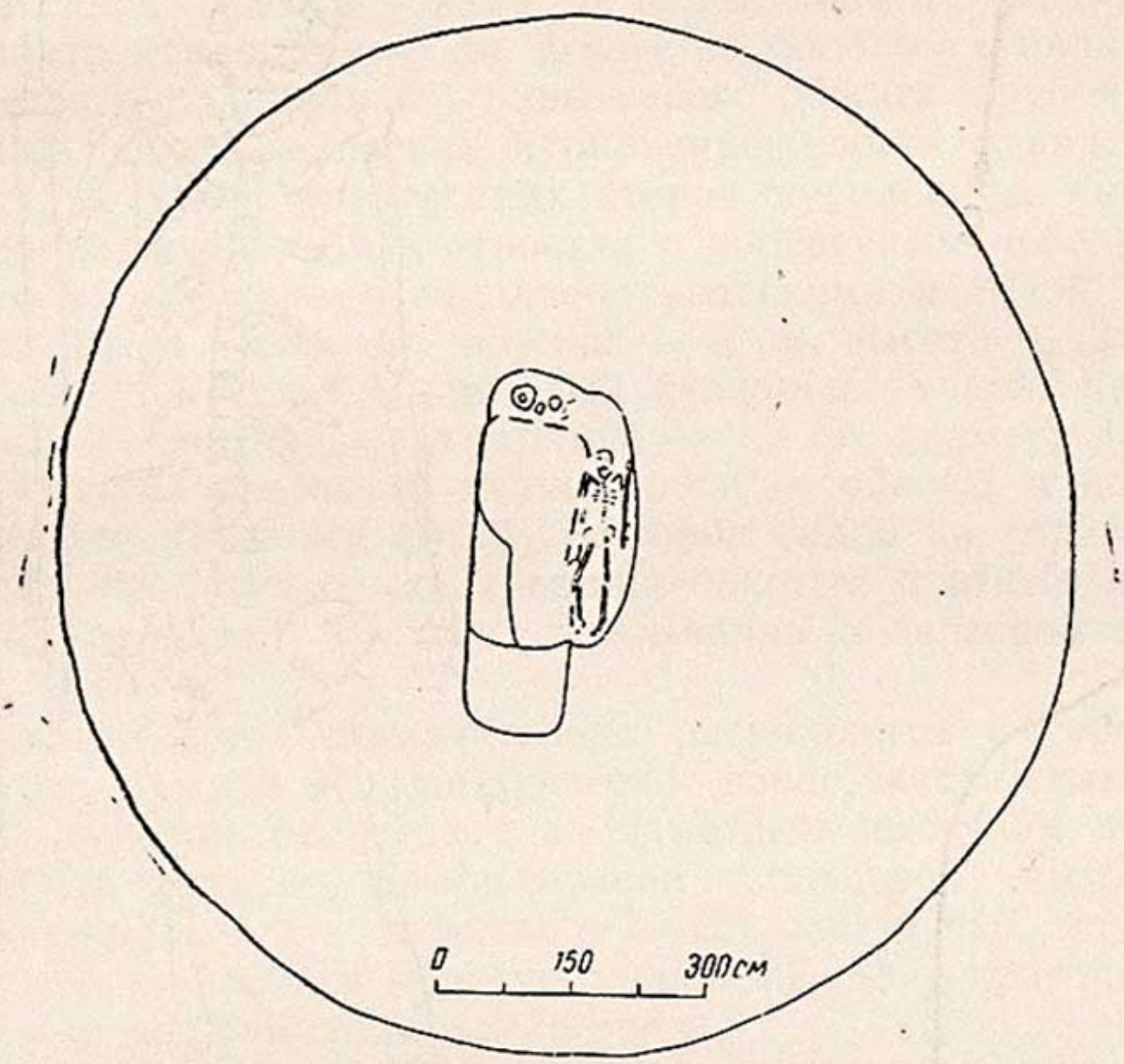


Рис. 1. План кургана у тригонометрического пункта.

С левой стороны скелета лежат железный меч, обращенный острием к ногам, покрывая при этом кости руки ниже локтя. Меч двулезвийный, чечевичный в разрезе, с прямым перекрестием и навершием в виде круглой пластинки. Длина меча — 1 *м*. Меч был в деревянных ножнах, от которых сохранились кусочки дерева по всему лезвию. Рукоять меча, прямоугольная в сечении, была обложена деревом, которое сохранилось на ней и на навершии в виде деревянного кружка, немного отступающего от края пластинки. Восточнее правой бедренной кости ноги лежали два трехлопастных железных черешковых наконечника стрел с опущенными жальцами.

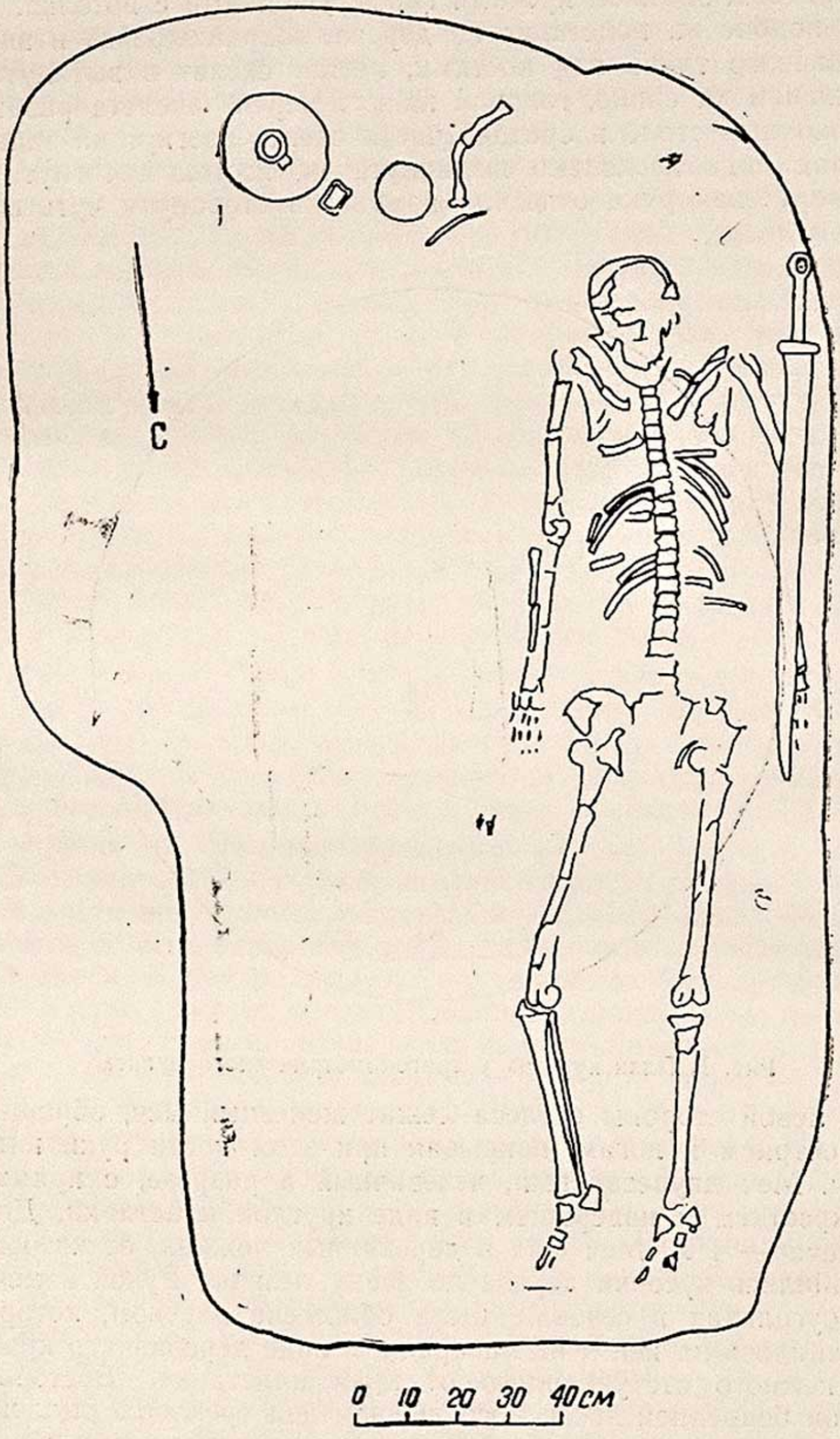


Рис. 2. Курган у тригонометрического пункта.

В подбое, сделанном в южной стенке дромоса, находились кости передней ноги овцы и железный серповидный нож. Восточнее их стоял бокал на ножке из глины красного обжига. Округлое в нижней части тулово бокала кверху расширяется и оканчивается венчиком, слегка отогнутым наружу. Короткая ножка бокала покоится на профилированном полом поддоне. Нижняя половина бокала покрыта снаружи красной краской с частичным лощением по ней. Бокал сделан на гончарном круге из глины, в котором местами видны кусочки гипса. Высота бокала — 16 *см*, диаметр венчика — 15, диаметр поддона — 5 *см*. Далее за бокалом стояла прямоугольная курильница из глины серого обжига, грубой ручной лепки. Длинные стенки курильницы слегка вдавлены в середину. У одной из коротких сторон курильницы имеется обломанная ручка в виде отростка с поперечным небольшим отверстием, курильница заполнена угольками и золой. Длина курильницы — 6,5 *см*, ширина — 5 *см*, высота — 2,8 *см*. За курильницей стоял полнотелый кувшин с ручкой. Высота кувшина — 36 *см*, диаметр венчика — 9,5 *см*, диаметр дна — 17 *см*. Кувшин сделан из глины красного обжига и покрыт лощением по красному ангобу, которое видно на горловине, ибо остальная поверхность кувшина покрыта плотным слоем гипса в результате долгого пребывания в гипсовой массе подбоя.

Тулово кувшина незначительно расширяется в середине и вверху переходит в цилиндрическое горло, место стыка которого с туловом отмечено едва заметным выступом плечиков. Венчик кувшина профилирован кольцевой выточкой, которая замыкается у плоской с ложбинкой ручки, опущенной корнем на плечики. Плоское донце сосуда у края пробито и отверстие замазано алебастром.

Около городища Лявандак курганы образуют три группы, первая расположена в 800 *м* северо-восточнее городища, вторая в 1200 *м* восточнее городища и третья южнее этих курганов.

В группе № 1, состоящей из 6 насыпей, были вскрыты курганы № 1, 2, 5.

Курган № 1. Диаметр насыпи — 13,5 *м*, высота — 1,2 *м*. Насыпь сделана из песка с галькой. Во всех секторах насыпи встречались куски чистого белого гипса. В нижней части насыпи — слой измельченного гипса. В насыпи было найдено несколько фрагментов красноглиняной керамики, сильно изъеденной солями. Под насыпью в центре находилась могильная яма, прямоугольная в плане, ориентированная длинной

осью по линии север—юг. Длина ямы — 3,3 *м*, ширина — 1,21 *м*, глубина — 2,1 *м*. Вдоль восточной стенки ямы, захватывая и северную стенку, сделана слегка покатая на запад ступенька высотой 80 *см*, шириной 60 *см*. На глубине 90 *см* от материка в западной стене дромоса была обнаружена дугообразная трещина по всей длине стены, возникшая в результате обвала потолка подбоя.

В западной стенке могильной ямы сделан подбой. Ступенька и пол могильной ямы в южной части покрыты слоем камышового тлена. Подбой засыпан песком и кусками обвалившегося гипса. Длина подбоя, длинная ось которого параллельна длинной оси ямы, — 2,3 *м*, ширина — 1,1 *м*. Высоту подбоя точно установить невозможно из-за обрушения потолка, но судя по всем предыдущим курганам и части, сохранившейся у северной стенки, подбой был ниже ступеньки, т. е. покатый потолок у входа в ляхад был не выше 50 *см*.

На полу подбоя на древесной подстилке, сохранившейся местами в виде коричневатого тлена, лежал скелет на спине головой на юг. Ноги скелета согнуты в коленях и разведены в стороны, правая рука чуть согнута в локте и слегка откинута в сторону. Левая же рука сильно согнута в локте и отведена в сторону. Позвоночный столб немного искривлен, череп разбит и лежит на левом плече, нижняя челюсть также разбита и находится на шейных позвонках.

С левой стороны скелета, вдоль локтевых костей левой руки лежал железный меч с прямым коротким перекрестием, нижняя часть меча заходила под левую коленку скелета. Меч двулезвийный, чечевичный в разрезе, длина лезвия — 75 *см*, длина прямоугольной в сечении рукоятки — 14, общая длина — 89 *см*. На конце рукоятки имеются остатки шрифта, исключающего наличие какого-либо металлического навершия. Ширина лезвия у перекрестия — 4,5 *см*. Меч был в ножнах, от которых сохранились кусочки дерева на лезвии. Рукоятка обкладывалась деревом, которое сохранилось на ней мелкими частичками. С внутренней стороны, чуть ниже локтя, лежала железная, круглая в сечении пряжка с подвижным язычком. Диаметр пряжки — 4,5 *см*. С левой стороны, около таза, находилось круглое в сечении кольцо диаметром 3,5 *см*. На позвонках, чуть выше таза, т. е. на поясе, лежала сильно поврежденная временем прямоугольная костяная пряжка. По четырем углам пряжки сделаны маленькие отверстия для крепления ремешка. На одном конце пряжки имеется прямоугольное отверстие для продевания ремня и железная кнопка для его застегивания. Длина пряжки — 8 *см*, ширина — 4 *см*.

С левой стороны скелета, ниже фаланг пальцев правой руки лежал железный кинжал с кольцевым навершием и дугообразным перекрестием, опущенные концы которого загнуты в кругляшки, имитирующие «усики». Острие кинжала заходит под колено правой ноги. Кинжал чечевичный в разрезе, длина его — 30 *см,* ширина у лезвия — 3 *см,* диаметр кольца навершия — 3 *см.* Кинжал был в деревянных ножнах, которые местами сохранились. На нижней стороне кинжала были сильно проржавевшие кусочки ткани (остатки одежды покойника). Правее кисти правой руки лежало несколько железных трехлопастных с опущенными жальцами черешковых наконечников стрел. Все наконечники стрел были одной формы, но разных размеров. Один наконечник — крупный, длина боевой части — *7 см,* кончик и черешок наконечника обломаны. Длина боевой части двух наконечников стрел составляет 4,5 *см.* Наконечники стрел были обращены остриями к ступне. Рядом с наконечниками стрел, ближе к кисти руки, находился фрагмент необработанной кости длиной 9,5 *см.*

В головах скелета, у южной стены, лежали кости передней ноги овцы с лопаткой и железный серповидной формы нож длиной 12,5 *см.* Восточнее костей овцы стояла курильница из глины серого обжига, грубой ручной лепки. Курильница — прямоугольная, с закругленными углами и вмятыми в середину длинными боковыми стенками. Плоское дно курильницы закругляется при переходе в стенки. Длина курильницы — 6 *см,* ширина — 4 *см,* высота — 2 *см.* В курильнице лежали угольки и пепел.

Рядом с курильницей, восточнее ее, стоял плоскодонный кувшин с ручкой. Высота кувшина — 36 *см,* диаметр венчика — 10,5 *см,* плоского дна — 15 *см.* Кувшин сделан из глины коричневого обжига, внешняя поверхность слегка покрыта лощением. Кувшин сделан на гончарном круге ленточной техникой. Слегка вытянутое тулово кувшина при переходе от плечиков к горловине украшено двумя слегка выступающими узкими полосками. Плечики кувшина немного ребристы, имеются следы ленточной техники изготовления. В глиняном тесте кувшина местами видны кусочки гипса, в некоторых местах они выпали, оставив изъяны.

Горло кувшина слегка расширяется кверху и переходит в профилированный венчик. Ручка кувшина плоская с ложбинкой на внешней стороне.

Покойник был положен в одежде, под костями местами сохранился желтоватый тлен — остатки ткани. На костях и оружии имеются остатки белого вещества (мел?), которым

было посыпано тело и инвентарь. Правее и чуть выше правого плеча на полу подбоя лежали лепестки красного лака или краски очень плохой сохранности.

Погребение это потревожено грабителями, но не ограблено. Видимо, этому помешал обвал потолка подбоя, вследствие чего он был засыпан гипсом. Возможно, обрушение произошло в момент ограбления и не позволило грабителям довести начатое дело до конца.

Курган № 2. Диаметр насыпи — 12 *м*, высота — 1,5 *м*. Насыпь устроена так же, как и у всех предыдущих курганов, при вскрытии в ней встречались куски белого гипса. В юго-западном секторе насыпи был найден хум-оссуарий[5].

Под насыпью в центре кургана находился дромос прямоугольный в плане с закругленными углами, ориентированный длинной осью на юго-запад. Длина дромоса — 3,3 *м*; ширина — 1,35 *м*, глубина — 2,65 *м*. Дромос засыпан песком и измельченным гипсом. В засыпке встречались куски чистого белого гипса и был найден бараний астрагал с круглым отверстием. На глубине 2,1 *м* у восточной стены имеется ступенька, срезанная поперек от северного конца к южному. В западной стенке дромоса, внизу, сделан небольшой подбой по всей длине стенки. Ширина подбоя — 30 *см*. На дне могильной ямы и на ступеньке обнаружен толстый слой камышового тлена. В подбое были найдены кусочки дерева с ржавчиной.

В южной стене дромоса находился вход в катакомбу, потолок которой обрушился и завалил катакомбу кусками гипса. Вход в нее заложен 9 рядами сырцового кирпича, положенного ложком без раствора. Размер кирпича — 60×30×9 *см*. Катакомба в плане имеет форму неправильного овала, западная часть сильно расширена. Длинной осью катакомба ориентирована по линии север—юг, немножко отклоненной к западу. Длина катакомбы — 2,22 *м*, ширина в широкой части — 1,96 *м*.

В восточной части катакомбы на полу, против входа, лежал скелет на спине, головой на юг, т. е. в направлении длинной оси катакомбы. Ноги скелета вытянуты, а левая рука отведена немного в сторону.

На левой руке, перекрестием на локте, параллельно скелету, лежал железный, двулезвийный меч, чечевичный в разрезе. Длина меча с рукояткой — 85 *см*, ширина лезвия у пе-

---

[5] Описание хума-оссуария см. О. В. Обельченко, Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса, История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 97—98.

рекрестия — 4 *см*. На конце рукоятки остатки штифта для крепления деревянной обкладки. Меч был в деревянных ножнах, остатки которых сохранились на лезвии. Ниже локтя, под костями руки, лежала железная фигурная пряжка с длинным подвижным язычком.

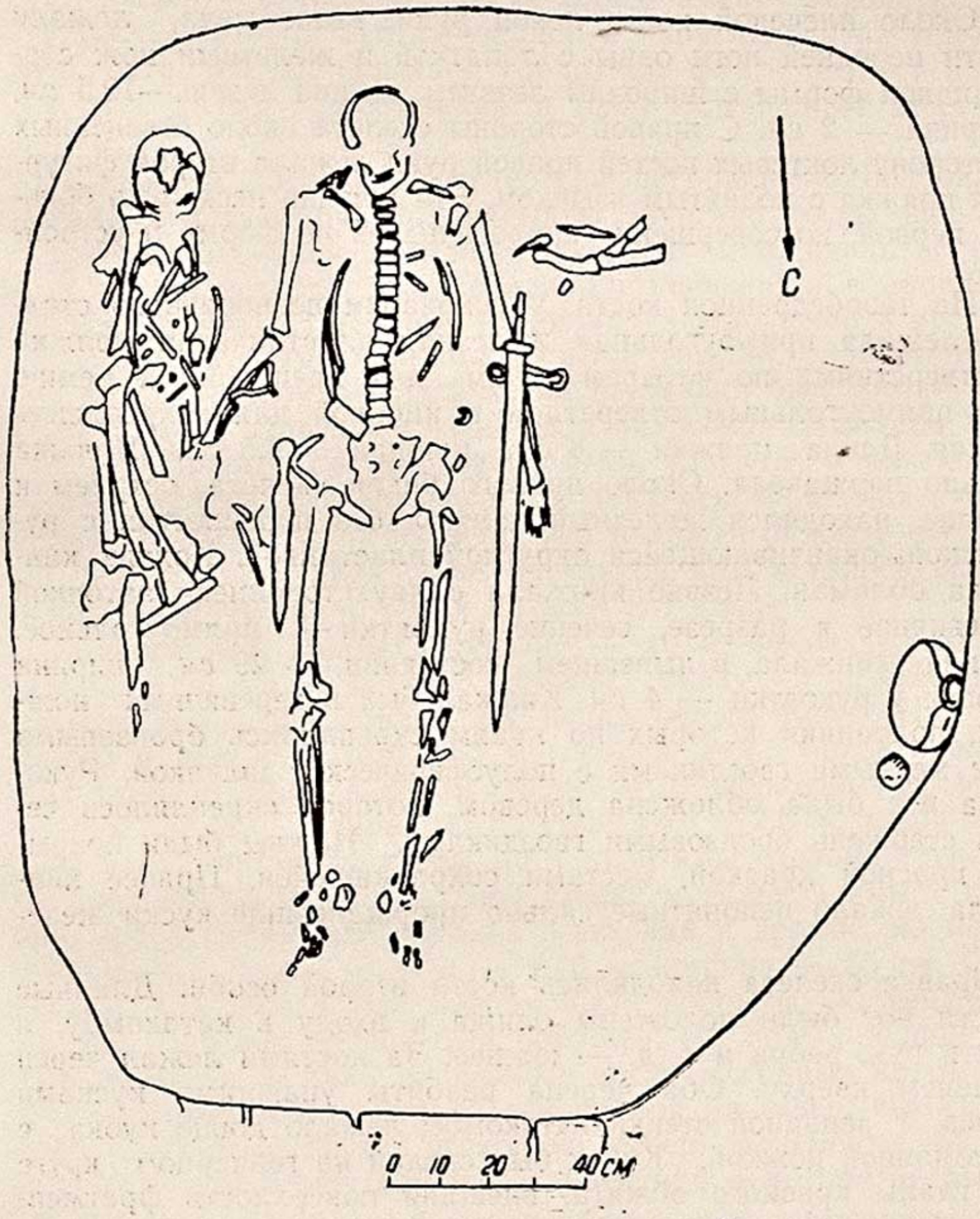


Рис. 3. Курган № 2 около городища Лявандак.

Пряжка сделана из прямоугольного в сечении железного прутика. Пряжка вытянутой формы имеет полукруг на одном конце и трехчетвертное кольцо на другом. В середине пряжки, по ее длинной оси, находится длинный язычок с ло-

патообразным концом, входящим в трехчетвертное кольцо. Длина пряжки — 8,5 *см.*

С правой стороны левой руки около локтя лежало железное кольцо диаметром 5 *см.* Ниже, около таза, находилось второе железное кольцо, которое было немного меньше первого.

Около плечевой кости левой руки, выше меча, лежали кости передней ноги овцы с лопаткой и железный нож серповидной формы с широким лезвием. Длина лезвия—12,5 *см,* ширина — 2 *см.* С правой стороны скелета около отведенных в сторону локтевых костей правой руки лежала вторая фигурная пряжка с поднятым язычком. Эта пряжка несколько больше первой, но совершенно аналогична ей по форме и устройству.

На тазобедренной кости, у основания позвоночного столба, лежала прямоугольная железная пластинчатая пряжка с отверстиями по четырем углам для крепления к ремню и с прямоугольным отверстием и кнопкой для закрепления ремня. Длина пряжки — 8 *см,* ширина — 4,5 *см.* Пряжка сильно поржавела. Около правого бедра скелета, острием к ступне, находился железный кинжал без перекрестия с рукояткой, оканчивающейся округлой пластинкой. Кончик кинжала обломан. Лезвие кинжала с двухсторонней заточкой чечевичное в разрезе, сечение рукоятки — прямоугольное. Длина кинжала, в нынешнем состоянии, — 29 *см,* ширина лезвия у рукоятки — 4 *см.* Кинжал был в деревянных ножнах, половинки которых по краям скреплялись бронзовыми или медными гвоздиками с полусферической шляпкой. Рукоятка вся была обложена деревом, которое скреплялось через стержень бронзовыми гвоздиками. Ножны были покрыты красной краской, местами сохранившейся. Правее кинжала лежали непонятные сильно проржавевшие куски железа.

Правее скелета находились кости второй особи. Длинные кости ног были положены ближе к входу в катакомбу, а кости рук, ребра и т. д. — южнее. За костями лежал череп теменем кверху. Оба черепа разбиты упавшими кусками гипса. У западной стенки катакомбы лежало донце кубка с обломанной ножкой. Кубок был сделан на гончарном круге из глины красного обжига, внешняя поверхность фрагмента кубка лощеная.

Рядом с донцем кубка стояла фляга с уплощенным боком. Высота фляги — 24 *см,* диаметр венчика — 8 *см.* Фляга сделана из глины коричневатого обжига и покрыта снаружи светло-серым ангобом. Выпуклая часть фляги орнаментиро-

вана концентрическими окружностями, прочерченными до обжига. Выпуклая часть фляги с горловиной сделана на гончарном круге и к ней прикреплен плоский бок с загнутыми краями. В нижней части шов плохо заглажен и местами хорошо виден. Уплощенная часть фляги имеет неровную поверхность, которая заглаживалась и округлялась на гончарном круге. Венчик короткой горловины фляги отогнут наружу. От долгого пребывания в слое гипса ангоб местами облез.

В данном погребении интересно превращение подбойной могилы в катакомбу. Под насыпью кургана была вначале устроена подбойная могила с впускной ямой, вдоль восточной стенки которой была сделана ступенька, а в западной устроен подбой. Затем при вторичном захоронении в эту могилу впускная яма была расширена, видимо, за счет обвалившегося подбоя. Южный конец ступеньки был срезан, а в южной стене могильной ямы была устроена катакомба. Кости скелета первого погребения были сложены в катакомбе правее скелета, для которого она делалась. Фрагмент кубка, видимо от первого погребения, был положен рядом с флягой. От подбоя в западной стене могильной ямы осталось углубление шириной около 30 *см* по всей его длине.

Курган № 5. Диаметр кургана — 10 *м*, высота — 90 *см*. Насыпь сделана из песка с галькой, внизу — гипсовые прослойки. В насыпи попадались куски белого гипса. Под насыпью в центре находилась могильная яма, ориентированная длинной осью по линии север—юг, с небольшим отклонением к западу. Длина могильной ямы — 2,6 *м*, ширина — 1 *м*. Вдоль восточной стены могильной ямы сделана ступенька шириной 65 *см*, в западной стенке могильной ямы — подбой, ориентированный длинной осью, как и дромос, но меньшей длины. Длина подбоя — 1,75 *м*, ширина — 55 *см*. Ступенька, пол ямы и пол подбоя были покрыты камышовым тленом. Потолок подбоя был обрушен. На полу подбоя, на слое камыша лежали сложенные кости. Длинные кости ног были положены по длинной оси подбоя на север, южнее их лежали тазовые кости, несколько ребер, фрагменты костей рук, разбитый череп. Никакого инвентаря в могиле не было.

Видимо, погребение было ограблено, тело потревожено и частично растащено хищниками. Затем кости кем-то были сложены согласно ритуалу — головой на юг, могила засыпана, а насыпи придана правильная форма полусферы.

Во второй курганной группе около городища Лявандак состоящей из 14 насыпей, были раскопаны курганы № 6—8,13.

Курган № 6. Диаметр насыпи — 12 *м*, высота — 95 *см*. Насыпь сделана из песка с галькой, в нижней части — слои измельченного гипса. В насыпи попадались куски белого чистого гипса. Под насыпью кургана, в центре, находилась могильная яма прямоугольная в плане. Длинной осью могильная яма ориентирована на юго-восток. Длина ямы — 2,86, ширина — 1,05, глубина — 2 *м*. Яма засыпана песком с гальками и измельченным гипсом, в засыпке попадались куски белого гипса. Вдоль восточной стены могильной ямы сделана ступенька шириной 60 *см*, высотой 70 *см*. Ступенька и пол могильной ямы покрыты слоем камышового тлена. Западная стенка, в которой был сделан подбой, осела и прикрыла его. После снятия гипса был открыт подбой, засыпанный песком и мелкими кусками гипса. Подбой имеет такую же длину и ориентацию, как и яма, ширина подбоя — 60 *см*.

На полу подбоя в вытянутом на спине положении, головой на юго-восток лежал скелет женщины. Лицевые кости черепа разбиты, череп повернут направо. Около него стоял кувшин из глины красного обжига, сделанный на гончарном круге. Снаружи местами сохранился светло-серый ангоб. Высота кувшина — 23 *см*, диаметр венчика — 10 *см*, диаметр плоского донца — 13 *см*.

Тулово кувшина шаровидной формы со срезанным плоским дном и слегка вытянутой верхней частью, переходящей в горловину. Место перехода тулова в горловину выделено кольцевой выемкой и выступающим под ним кольцевым бортиком. Горло сосуда вверху расширяется и оканчивается сильно выступающим наружу скошенным венчиком. Ручка кувшина плоская, с ложбиной на внешней стороне. Корень ручки опирается на плечико кувшина.

Рядом с кувшином лежали кости передней ноги овцы с лопаткой и ребрами. Рядом с костями лежал серповидный железный нож с длинной рукояткой и кольцевым навершием на ней. Длина ножа с рукояткой и навершием — 20 *см*. Рукоятка была обложена деревом, которое сохранилось чешуйками на ней.

Слева и справа около черепа лежали подвески, состоящие из золотых стерженьков, на верхних концах которых сделаны плоские петли из листового золота. В эту петлю продета квадратная в сечении золотая проволока, согнутая в колечко для одевания подвесок. На стержень надета круглая бусина из сердолика, которая сверху покрыта штампованным полусферическим колпачком с рифленой поверхностью, края колпачка отогнуты, образуя выступающий кольцевой бортик, покрытый косыми насечками, имитирующими

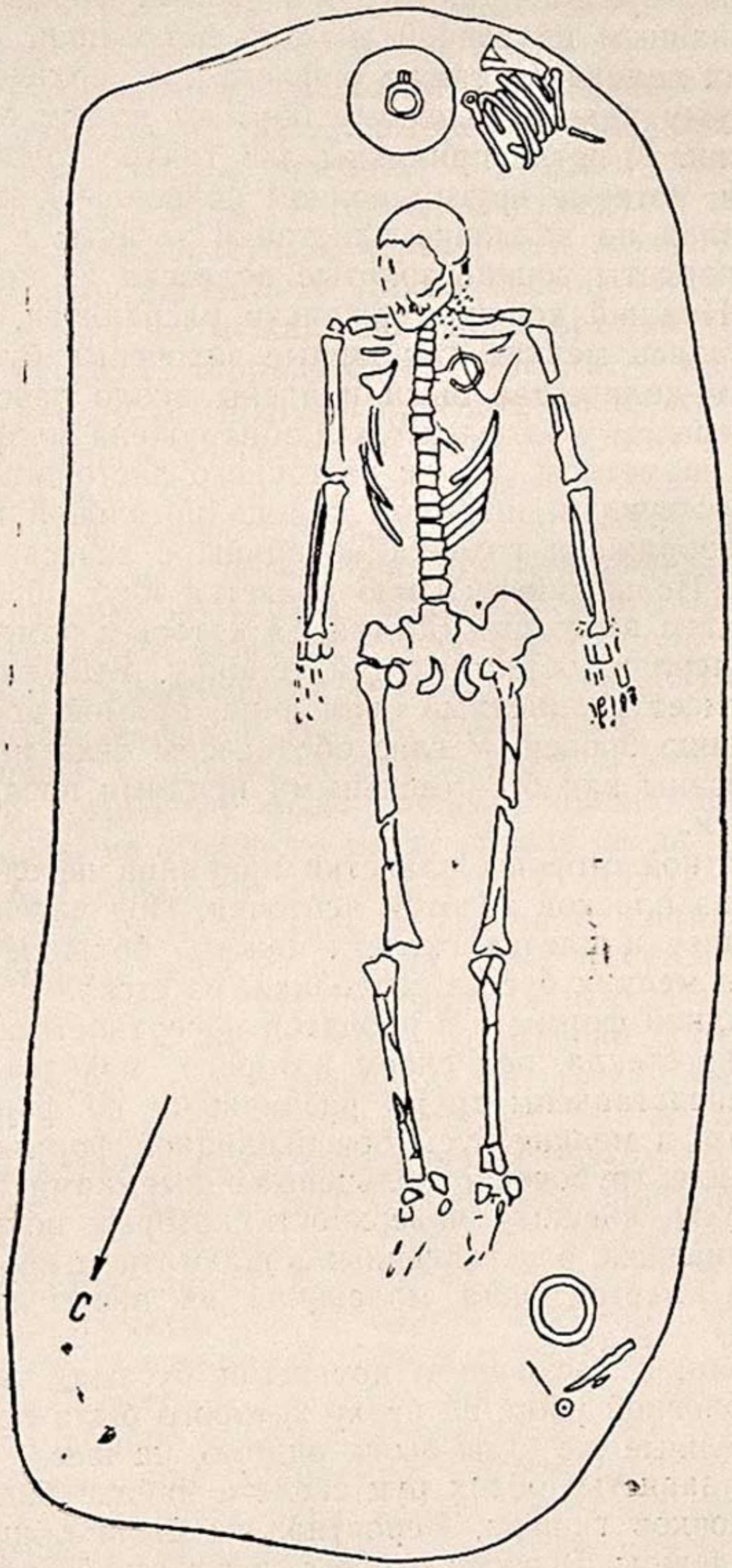


Рис. 4. Курган № 6.

жгут. Снизу бусина прикрыта конической формы колпачком, отштампованным из тонкой золотой пластинки. Поверхность конических колпачков также рифленая, а верхние края отогнуты наружу и по кольцевому бортику имеют орнаментальный жгутик. К петле припаяны две тонкие золотые плоские пластинки, которые другим концом припаяны к колпачку. В месте припая на колпачке пластинки загнуты в петельки, в которые продеты тонкие золотые подвески из крученой проволочки. Нижний конец стерженька расплющен. Видимо, на него одевались мелкие стеклянные золоченые бусы, которые в большом количестве были найдены около черепа.

Под черепом у затылка была обнаружена золотая круглая плакетка диаметром 2,5 *см* из тонкого листового золота. На плакетке выпуклым штампом с дополнительной проработкой резцом изображена головка женщины с зачесанными назад волосами. По внешнему краю плакетки идут обрамление из перлов, затем выпуклый бортик, за которым помещается второй ряд перлов, обрамляющий головку. Выпуклая женская головка имеет удлиненный овал лица, прямой нос, переходящий в линию бровей. У глаз обозначены веки и зрачок. Волосы зачесаны как бы отдельными прядями назад, открывая лоб и щеки.

С обратной стороны плакетки припаяна петелька для нашивания из плоской золотой ленточки. Под черепом и около него, на шее и плечах скелета лежало большое количество крупных и мелких бус из сердолика, из стекла с «позолотой» боченковидной формы и с рубчатой поверхностью.

Бусы из стекла, под слоем которого находится золотая фольга, представлены тремя различными по форме видами: 1) крупные и мелкие бусы боченковидной формы, 2) мелкие бусы в виде трубочек с кольцевыми выемками снаружи, 3) мелкие бусы, внешняя поверхность которых покрыта двумя рядами шишечек, расставленных в шахматном порядке. Среди этих бус имеется одна маленькая из пасты голубоватого цвета.

Мелкими, а частично и крупными бусами, видимо, был расшит головной убор, на верху которого была пришита плакетка. Крупные же бусы были, видимо, на шее.

Около запястья обеих рук скелета найден бисер из плоских кружочков гишера. Вероятно, им были обшиты рукава верхней одежды. В ногах скелета, у западной стенки подбоя, стояла мисочка из глины красного обжига, сделанная на гончарном круге. Высота мисочки — 6 *см*, диаметр венчика — 16, диаметр плоского поддона — 5 *см*. Мисочка имеет слегка вытянутую форму с отогнутым наружу плоским венчиком.

Книзу сделан плоский круглый поддон, слегка вогнутый внутрь. Снаружи мисочка покрыта местами сохранившимся красным ангобом и лощением по нему.

Около мисочки лежал железный нож в виде железного круглого стержня, один конец которого расплющен и заточен. Длина ножа, вернее скребла, — 14 *см*. Рукоятка была сбложена деревом. Рядом со скреблом находился миниатюрный железный, трехлопастный, черешковый наконечник стрелы с опущенными жальцами. Длина боевой части наконечника — 1,5 *см*. Тут же лежали железная прямая игла с ушком длиной 11 *см* и терракотовое пряслице с вдавленной нижней поверхностью. Снаружи пряслице покрыто красным ангобом и лощением по нему. Диаметр пряслица — 4 *см*. На мизинце левой руки был надет серебряный плоский перстень, в широкой части которого припаяны две поставленные на ребро серебряные пластинки. Обе эти пластинки выгнуты в форме удлиненного полукруга, концы которого загнуты наружу в незамкнутые колечки. Своей формой они напоминают современные проволочные петельки для платяных крючков. Под левой лопаткой скелета было найдено бронзовое зеркало хорошей сохранности со стержнем и полой костяной ручкой[6]. Это погребение было, видимо, только потревожено грабителями, но не ограблено ввиду обвала свода подбоя.

Курган № 7. Диаметр насыпи — 11 *м*, высота — 1 *м*. Насыпь сделана из песка и глины, в ней часто попадались куски чистого белого гипса. В нижних слоях имеется прослойка из измельченного гипса. Под насыпью в центре кургана находилась прямоугольная в плане могильная яма, ориентированная длинной осью с севера на юг. Длина ямы — 2,5 *м*, ширина — 1 *м*. Яма засыпана песком с глиной, в засыпке встречаются измельченный гипс и куски белого гипса. Вдоль восточной стенки ямы сделана ступенька шириной 50 *см*, высотой 72 *см*. Пол могильной ямы и ступенька покрыты слоем камышового тлена. В западной стенке ямы находился сбвалившийся подбой. После снятия гипсового обвала был вскрыт подбой, засыпанный песком с галькой. Длина подбоя и ориентация такие же, как у могильной ямы, ширина — 1 *м*. На полу подбоя в слое камышового тлена лежал скелет в вытянутом на спине положении, головой на юг. Череп разбит, кости раздроблены, ниже колен кости ног отсутствуют. Кости рук также потревожены.

---

[6] Описание зеркала см. О. В. Обельченко, Кую-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники древней культуры Бухарского оазиса, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ташкент, 1954, стр. 9.

В головах скелета, у южной стенки подбоя, стояла чаша типа пиалы, из глины светло-розового обжига. Высота чаши — 5 *см*, диаметр венчика — 12 *см*, диаметр донца — 4 *см*. Чаша сделана на гончарном круге, донце плоское. Боковые стенки вверху закругляются и переходят в прямой венчик. Снаружи чаша покрыта светло-серым ангобом.

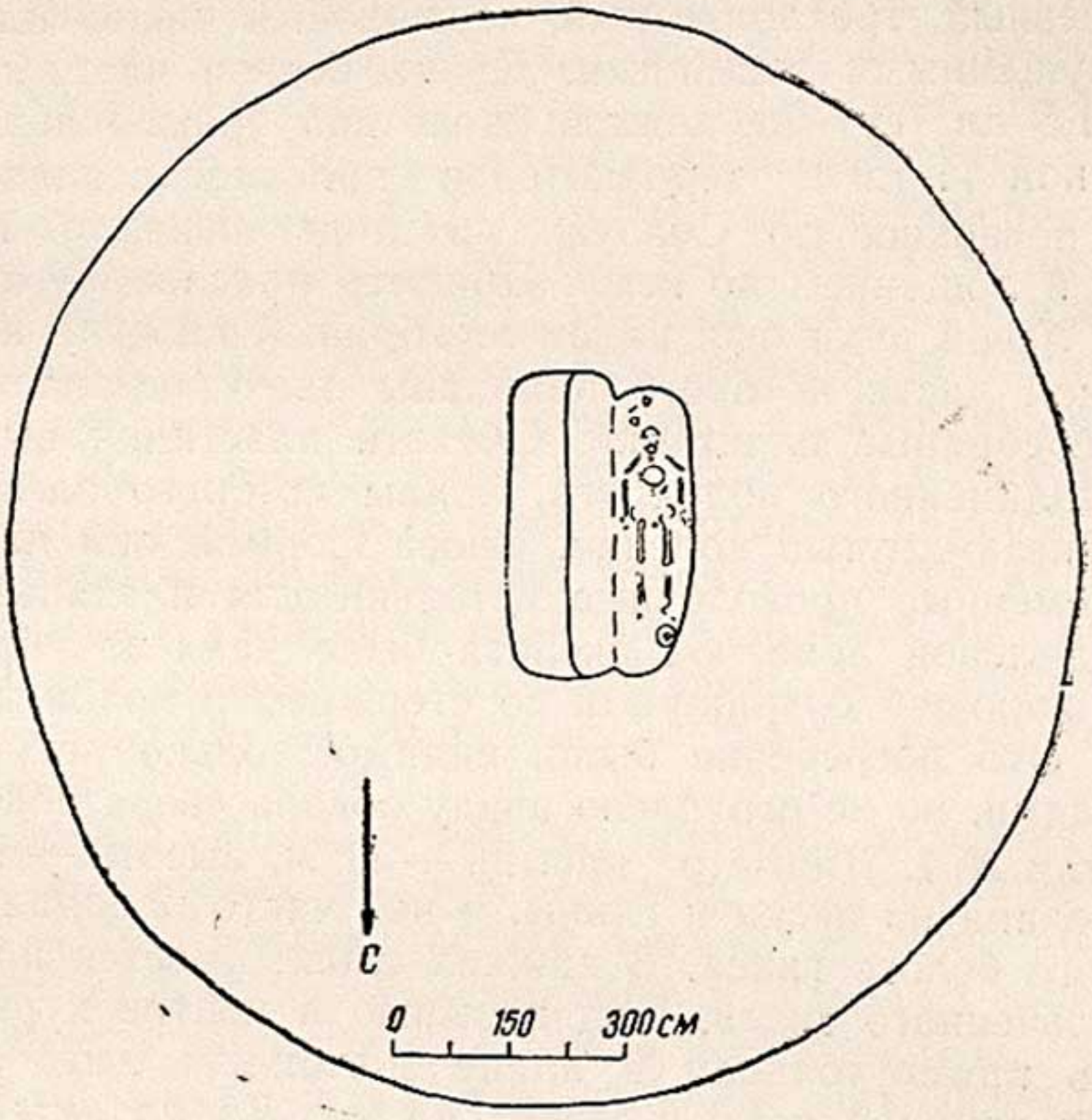


Рис. 5. План кургана № 8.

Это погребение ограблено, тело потревожено хищниками.

Курган № 8. Диаметр насыпи — 11 *м*, высота — 1 *м*. Насыпь сделана из песка с галькой, в нижней части насыпи имеются гипсовые прослойки. В насыпи встречались куски чистого белого гипса. Под насыпью в центре находилась могильная яма, прямоугольная в плане. Она была засыпана песком, в котором встречались куски чистого белого гипса. Яма ориентирована длинной осью с севера на юг. Длина ее — 3,75 *м*, ширина — 1,25 *м*, глубина — 2,17 *м*. Вдоль ее восточной стенки сделана ступенька шириной 60 *см*, высотой 45 *см*. Ступенька слегка поката на запад. Пол могильной ямы и ступенька покрыты слоем истлевшего камыша. В западной стенке ямы сделан подбой, несколько меньшей длины, чем

могильная яма, но ориентированный также длинной осью по линии север—юг. Длина подбоя — 2,9 *м*, ширина—1,1 *м*, высота у входа — 45 *см*. Подбой был засыпан песком с галькой, местами попадались куски белого гипса.

На полу подбоя на подстилке из дерева лежал скелет на спине головой на юг. Лицевые кости черепа разбиты, позвоночный столб искривлен, руки согнуты в локтях и отведены в стороны.

В головах скелета находились фрагмент бараньей лопатки и железный серповидный нож. Длина ножа — 16 *см*. Правее головы стояла курильница из глины серого обжига, грубой ручной лепки. Курильница имеет форму неправильного квадрата с вмятыми внутрь боковыми стенками. Ширина курильницы между вмятыми боками — 5 *см*, длина по диагонали — 8 *см*, высота боковых стенок — 2,5 *см*. Донце курильницы плоское, в курильнице лежала зола.

По обе стороны черепа, около плеч и на плечах лежали круглые бусы из сердолика, гишера, стекла. Среди бус встречался бисер из стекла и гишера. Ниже черепа, у левого плеча, лежал железный стержень, круглого сечения с навершием в виде смятого кольца. Длина стержня — 14,5 *см*. Железо очень плохой сохранности.

Ниже черепа, под позвоночным столбом, было обнаружено бронзовое зеркало со стержнем для надевания ручки[7].

Слева от скелета, ниже кисти левой руки, лежал трехлопастный железный, черешковый наконечник стрелы с опущенными жальцами. Длина боевой части наконечника стрелы — 2 *см*. Левее наконечника стрелы находился сильно разрушившийся, аморфный кусок железа.

Среди фаланг пальцев левой руки скелета лежал фрагмент железного перстня, плоского в сечении. В ногах скелета, между левой ступней и северной стенкой подбоя стоял кувшин с ручкой. Высота кувшина — 38 *см*, диаметр донца— 14,5 *см*, диаметр венчика — 11 *см*. Кувшин сделан на гончарном круге из глины красноватого обжига. Тулово кувшина от донца кверху расширяется и переходит в покатые плечики. Горловина кувшина высокая, цилиндрической формы. Переход от плечиков к горловине оформлен двумя уступчиками. Горловина кувшина оканчивается отогнутым наружу профилированным венчиком, т. е. по внешней стороне венчика сделана кольцевая выемка. Плоская прямая ручка с желобком на внешней стороне была прикреплена к кувшину после его выделки на гончарном круге, поэтому ручка ввер-

---

[7] См. О. Б. Обельченко, Автореферат, стр. 9.

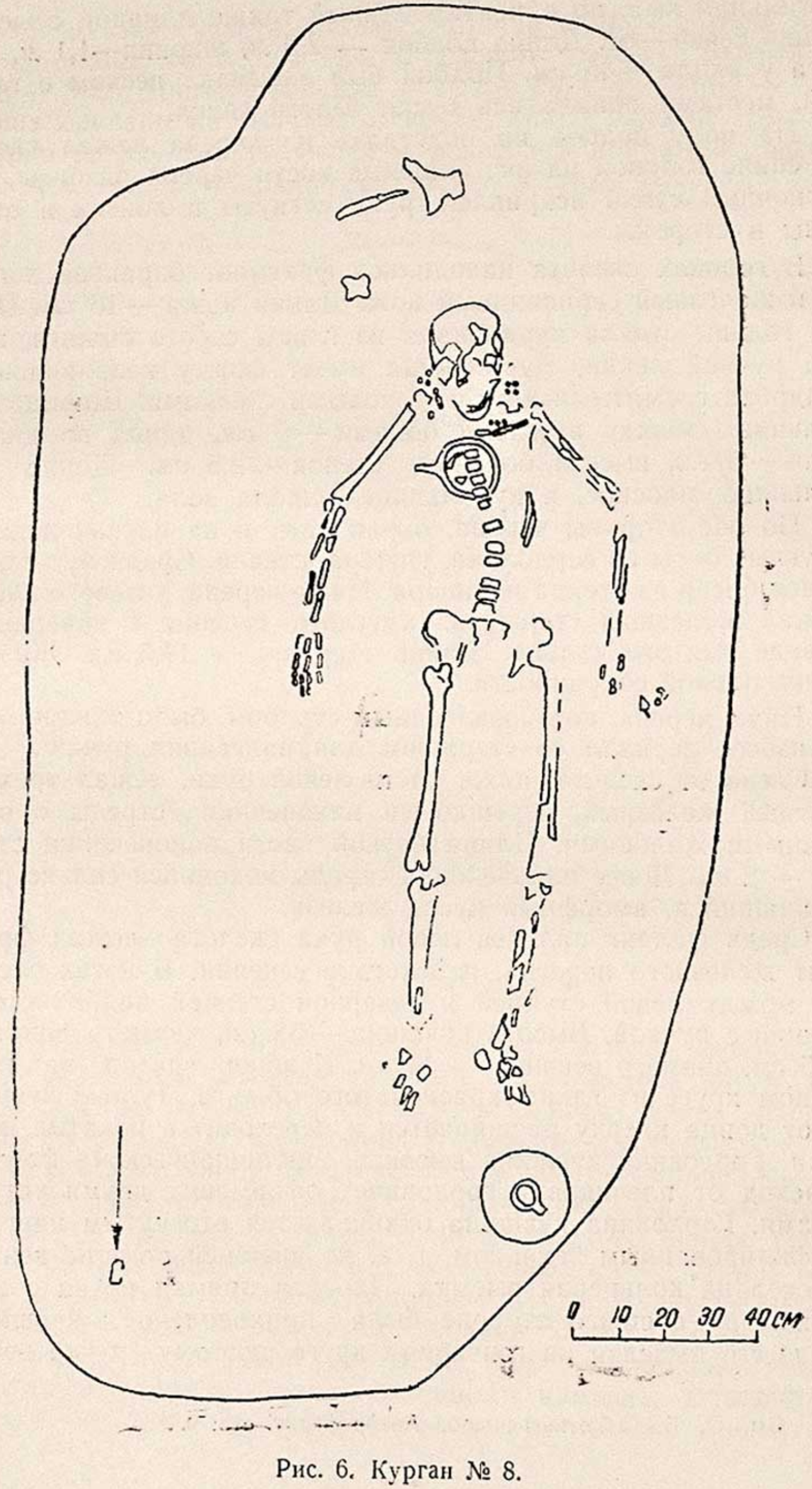


Рис. 6. Курган № 8.

ху захлестывает профилированный венчик. Корень ручки прикреплен к плечику кувшина. Несмотря на симметричность формы кувшина и четкость линий, выделка его несколько небрежна. На внешней поверхности боковых стенок имеются вмятины — следы небрежного изготовления. В глиняном тесте кувшина видны кусочки гипса и изъяны от выпадения некоторых из них при выделке. Это погребение потревожено грабителями, но полностью не ограблено. Видимо, обвалившиеся куски гипса с потолка и попавший в подбой песок засыпали труп и инвентарь. Но головной убор, бывший на покойнице, был украден грабителями. Поэтому череп слегка сдвинут направо, а само тело сдвинуто немного к входу, отчего позвоночный столб прогнулся.

Курган № 13. Диаметр насыпи — 14 *м*, высота — 1,1 *м*. Насыпь сделана из песка с галькой, в ней встречались куски белого гипса. В центре насыпи была закопана вертикально стоящая палка длиной 1,8 *м*. Нижний конец палки, находившийся в могильной яме, был укреплен кусками белого гипса.

Под насыпью в центре кургана находилась могильная яма, ориентированная длинной осью с северо-запада на юго-восток. Длина ее — 3,3 *м*, ширина — 1,5 *м*, глубина — 2,25 *м*. Вдоль восточной стены сделана ступенька шириной 60 *см*, высотой — 75 *см*. Яма была засыпана песком с галькой и измельченным гипсом, с уровня ступеньки — крупными кусками гипса с галечными включениями. Западная стенка, в которой был сделан подбой, обвалилась, поэтому яма имела большую, нежели обычно, ширину.

Под завалом кусков гипса на полу частично сохранившегося подбоя лежал скелет в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток, т. е. по длинной оси подбоя. Ступенька, пол ямы и пол подбоя, на котором лежал скелет, были покрыты слоем истлевшего камыша. У южной стенки подбоя, в углу, находилась бесформенная груда костей с двумя черепами в фрагментах. Ближе к скелету, севернее груды костей, были найдены кости передней ноги овцы с лопаткой.

Восточнее костей, в головах скелета, стоял полнотелый кувшин с ручкой. Высота кувшина — 24 *см*, диаметр донца — 13 *см*, диаметр венчика — 8 *см*. Кувшин сделан на гончарном круге из глины красноватого обжига с чернотой в середине. Плоское донце кувшина приделано после формовки тулова на круге. Округлое тулово кувшина переходит в цилиндрическое горло со слегка отогнутым профилированным венчиком. По плечикам кувшина в месте стыка с горловиной проходит небольшой острый валик. Это создает впечатление, что

горло как бы врезано в тулово. Плоская ручка с ложбинкой на внешней стороне приделана после формовки кувшина на круге.

У правого плеча скелета лежал каменный оселок с отверстием. Длина оселка — 12 *см*. У голени правой ноги лежала небольшая железная пряжка с подвижным язычком. При расчистке груды костей в южном углу подбоя был найден трехлопастный железный черешковый наконечник стрелы с опущенными жальцами. Длина боевой части наконечника — 2,5 *см*. Этот подбой неоднократно использовался для

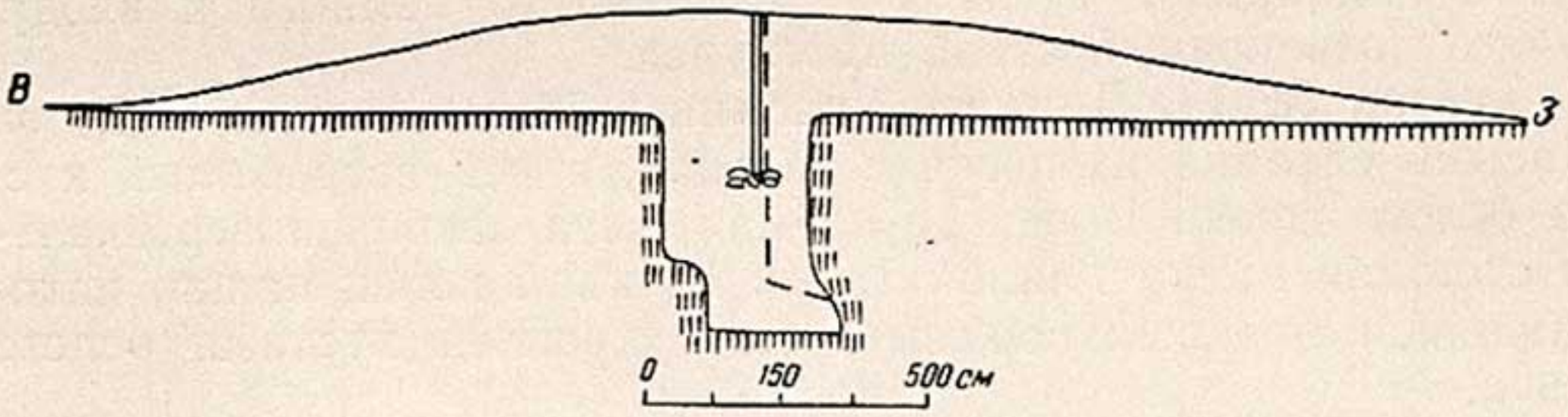


Рис. 7. Разрез кургана № 13.

захоронений. При третьем захоронении он был ограблен и, видимо, брошен грабителями открытым. Западная стенка, под которой находился подбой, обрушилась. После этого могила была засыпана и вновь возведена насыпь. При засыпке могилы в нее была воткнута палка (копье?) которая для придания вертикального положения была закреплена внизу кусками гипса.

Как видно из приведенного описания вскрытых курганов Ляваидакского могильника, ни одного погребения, которое не было бы потревожено грабителями, не оказалось. Некоторые курганы, как например курган № 5 в первой группе курганов около городища Ляваидак, ограблены полностью. Другие же курганы (у тригонометрического пункта и курган № 6 около городища Ляваидак) ограблены частично.

Судя по наблюдениям во время раскопок, ограбление происходило сразу же после возведения кургана, причем грабители хорошо знали устройство могил и проникали в них прямо через дромос, не утруждая себя поисками могилы. Однако ограбление происходило постепенно, что объясняется боязнью грабителей, ибо известно, какое значение придавали охране могил предков в древности. Так, по свидетельству Геродота, скифский царь Иданфирс, отвечая Дарию на предложение вступить в бой или сдаться, заявил, что

он вступит в бой в том случае, если персы попытаются найти и разорить могилы предков скифов[8].

Несмотря на то, что основная масса вскрытых курганов оказалась ограбленной, был получен значительный археологический материал, который дал возможность полностью восстановить устройство погребальных сооружений и погребальный ритуал[9]. Раскопками выявлены два основных вида погребальных сооружений в Лявандакском могильнике:

1) могильная яма со ступенькой вдоль одной стенки и подбоем в другой и

2) ступенчатый дромос с катакомбой. Третий вид погребального сооружения является как бы связующим звеном между двумя первыми, подбой в одной из длинных стен могильной ямы распространяется на короткую стенку, как в кургане у тригонометрического пункта.

Общим элементом всех этих трех видов погребальных сооружений, объединяющим их в одну группу, является курганная насыпь над ними.

Основным видом погребального сооружения в могильнике являются подбойные могилы. Под семью вскрытыми насыпями оказались могильные ямы с подбоем в западной стенке, дромосы с катакомбами найдены под двумя насыпями и широкий подбой, как бы переходящий в катакомбу, найден под одной насыпью.

Все погребения по инвентарю и ритуалу одинаковы, за исключением кургана № 4 в первой группе курганов около городища Ходжа-Аджуванди-тепе. (Подбои и катакомбы в среднеазиатской археологии принято называть ляхад[10]).

---

[8] Геродот, История, кн. IV, гл. 127, Приложение к журналу, ВДИ, 1947, № 2, стр. 283.

[9] Следы идентичного погребального ритуала, а также подобное устройство могил обнаружены в Кую-Мазарском могильнике. См. О. В. Обельченко, Кую-Мазарский могильник..., стр. 217-218.

[10] Необходимо отметить, что в археологической литературе существует разнобой в русской транскрипции термина «ляхад». Так, Г. В. Григорьев в отчете о раскопках курганов в Янги-Юльском районе УзССР называет катакомбу лахат (Г. В. Григорьев, Предварительный отчет об археологических раскопках экспедиции Узкомстариса, проведенных в октябре-ноябре месяце 1938 г. на арыке Джун близ городища Каунчи-тепе, стр. 4, рукопись, архив Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР, № 109). М. Э. Воронец, описывая раскопанные им в 1947 г. курганы у станции Вревская, называет катакомбу лохат (М. Э. Воронец, Археологическая экспедиция Музея истории Академии наук УзССР, ДАН УзССР, Ташкент, 1948, № 2, стр. 38). А. Н. Бернштам во всех своих работах называет погребальную камеру ляхат (А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, Л., 1951, стр. 108, а также см. другие работы). В работах же М. Е. Массона

В Лявандакском могильнике подбои ориентировались длинной осью так же, как и впускная яма, и имели иногда такую же длину, но чаще всего подбой был несколько короче. Пол подбоя всегда был на одном уровне с полом впускной ямы. Ширина его во всех вскрытых курганах могильника не превышала 1 *м*.

Подбой имел незначительную высоту — 42 — 47 *см* у входа. Углубляясь, потолок понижался и смыкался с полом. Таким образом, подбой не имел вертикальной стенки, противоположной входу. Судя по устройству, он предназначался для одного покойника и небольшого количества инвентаря при нем.

Катакомбы устраивались южнее дромоса, и длинная ось катакомбы являлась продолжением его длинной оси. По длинной оси катакомбы головой в южную сторону клались покойники. В этих курганах вход в катакомбу закладывался сырцовым кирпичом, а дромос имел хорошо выраженные крутые ступеньки. Судя по большим размерам, катакомбы в отличие от подбоев, очевидно, предназначались для неоднократных захоронений. Покойники в подбои клались в вытянутом и скорченном[11] положении на спине, головой в южную сторону.

На территории Средней Азии подбойные могилы впервые были обнаружены в Семиречье А. М. Фетисовым в 1891 г. В этих курганах подбой от могильной ямы был отгорожен крупными каменными плитами[12]. В Исфаринском районе Таджикской ССР раскопками Б. А. Латынина в 1934 г. и Т. Г. Оболдуевой в 1936 г. были обнаружены подбойные могилы[13], а в 1952 и 1954 гг. Б. А. Литвинским были раскопаны подбойные могилы в Ворухе[14]. Многолетними работами

катакомба названа ляхад (М. Е. Массон, Ахангеран. Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 22, а также см. другие работы). Последнее написание является правильным, ибо камера для покойника обозначается арабским термином لحد.

[11] См. О. В. Обельченко, К вопросу о происхождении скорченных погребений в могильниках Бухарского оазиса, Труды САГУ, новая серия, вып. XXXI, Исторические науки, кн. 12, Археология Средней Азии, Ташкент, 1956, стр. 47 и сл.

[12] Раскопки в Семиреченской области, Отчет Археологической комиссии за 1891 г., Спб., 1893, стр. 112.

[13] Б. А. Латынин, Отчет Ферганской экспедиции 1934 г. (Сазгипровод и САОГИДЭП), стр. 43—44, рукопись, Архив ИИМК, ф. 2, оп. 2, д. 712; Т. Г. Оболдуева, Исфаринские курганы, Раскопки 1936 г., рукопись, Архив ЛОИИМК, б/н, стр. 1—2; Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева, Исфаринские курганы, КСИИМК, 76, стр. 18.

[14] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, Археологический очерк Исфаринского района, Сталинабад, 1955, стр. 21.

А. Н. Бернштама на Памире и Алае в могильниках Кургак, Мааша, Кызылтуу[15], в бассейне реки Сох, в урочище Бор-Корбас[16] и других местах[17] открыты подбойные могилы. Подбойные могилы были обнаружены В. Ф. Гайдукевичем в могильнике близ Ширинсая (ФархадГЭС)[18], С. С. Черниковым в Батинском могильнике, в Семипалатинской области КазССР[19], М. П. Грязновым в Яконуре на Алтае[20], К. А. Акишевым на правом берегу р. Или[21].

Подбойные могилы широко распространены на территории Южного Приуралья[22], Нижнего Поволжья[23], Северного Кавказа[24], Северного Причерноморья[25] и Крыма[26].

Таким образом, подбойные могилы встречаются на огромной территории от Алтая до Крыма, от Южного Приуралья до Бухары и Южного Таджикистана[27]. Причем, сле-

---

[15] А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, № 26, М.—Л., 1952, стр. 193.

[16] Он же, Очерк истории гуннов, Л., 1951, стр. 115.

[17] Ю. Д. Баруздин, Кара-Булакский могильник, Труды Института истории АН КиргССР, вып. II, Фрунзе, 1956, стр. 57 и сл.

[18] В. Ф. Гайдукевич, Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане, СА, XVI, М.—Л., 1952, стр. 333—334.

[19] С. С. Черников, Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г., Известия Академии наук КазССР, № 108, серия археологическая, вып. 3, Алма-Ата, 1951, стр. 76.

[20] М. П. Грязнов, Раскопки на Алтае, Сообщения Государственного Эрмитажа, Л., 1940, № 1, стр. 17 — 18.

[21] К. А. Акишев, Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г., Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, Археология, Алма-Ата, 1956, стр. 15.

[22] К. Ф. Смирнов, Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья, Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. V, М., 1947, стр. 70; Г. В. Подгаецкий, Краткий отчет о работах Орской экспедиции, СА, № 4, М.—Л., 1937, стр. 334.

[23] И. В. Синицын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Ученые записки СГУ, т. XVII, Саратов, 1947, стр. 12; Т. М. Минаева и П. Д. Рау, Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 году, Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения, вып. 35, ч. 1 (археологический сборник), Саратов, 1926, стр. 8—10.

[24] Н. В. Анфимов, Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа, МИА СССР, 1951, № 23, стр. 169.

[25] Л. М. Славин, Древний город Ольвия, Киев, 1951, стр. 56.

[26] Н. И. Репников, Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг., Известия Государственной Академии истории материальной культуры, т. XII, вып. 1—8, Л., 1932, стр. 157—158.

[27] А. М. Мандельштам, Археологические работы в Бишкентском районе в 1957 г., Труды ИИАЭ, АН ТаджССР, т. III, Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., вып. V, Сталинабад, 1959, стр. 139.

дует отметить, что подбойная могила Яконура на Алтае — явление для тех мест необычное. Наличие в Яконуре подбойной могилы, в которой похоронена женщина, М. П. Грязнов объясняет обычаем кочевой знати жениться на представительницах далеких племен. Он считает, что там похоронена жена богатого кочевника, взятая из другого племени и погребенная по обычаям своего племени[28].

Хронологически существование подбойных могил охватывает почти тысячелетний период. Наиболее ранние из них, на территории Нижнего Поволжья, относятся к III—I вв. до н. э.[29], а самые поздние, в Крыму, датируются VII — VIII вв. н. э.[30]

Различаются подбойные могилы по устройству подбоев в стенах. В Нижнем Поволжье подбои сделаны или в восточной или в западной стенах впускной ямы[31], в подбойных могилах Эски- Керменского могильника, в Крыму, подбои устроены в восточной стене[32].

В могильниках Средней Азии подбойные могилы имеют подбой в западной стенке (Исфаринский могильник[33], могильник Мааша[34] и другие[35]) или в длинной северной стенке[36].

Подбойные могилы различаются и по наличию или отсутствию ступеньки у стены, противоположной стене с подбоем.

В подбойных могилах Ляндакского могильника все подбои сделаны в западной стене впускной ямы, а вдоль восточной стены имеется ступенька. Эти два обстоятельства отличают подбойные могилы рассматриваемых могильников от подбойных могил Ольвии. В Ольвии потолок подбоя и стены прямые[37], а на Тянь-Шане подбои округлые (как в Ляндакском могильнике). Единственное отличие состоит в том,

---

[28] М. П. Грязнов, указ. соч., стр. 18.
[29] И. В. Синицын, указ. соч., стр. 12.
[30] Н. И. Репников, указ. соч., стр. 180.
[31] И. В. Синицын, указ. соч., стр. 12—13.
[32] Н. И. Репников, указ. соч., стр. 157—158, рис. 27.
[33] Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева, указ. соч., стр. 18.
[34] С. С. Сорокин, К вопросу о гуннах в Средней Азии по археологическим данным, Вестник Ленинградского университета, 1948, № 1, стр. 125.
[35] В. Ф. Гайдукевич, указ, соч.
[36] А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 67, рис. 34 на стр. 69; К. А. Акишев, указ. соч., стр. 28.
[37] Л. М. Славин, указ. соч., рис. на стр. 55.

что последний устроен в северной длинной стене впускной ямы[38].

В то же время отмеченные два момента сближают подбойные могилы обоих могильников с подбойными могилами Нижнего Поволжья[39] и Приуралья[40], в которых вдоль восточной стены впускной ямы сделана ступенька, а конструкция подбоя аналогична подбоям Лявандакского могильника. При этом необходимо отметить, что возникновение подбойных могил в Поволжье на раннесарматской стадии (IV—II вв. до н. э.) — новое явление. Их зарождение прослеживается в прохоровской культуре Приуралья, откуда обычай хоронить в подбойных могилах проникает в Поволжье[41].

Система закладки подбоев в курганах Лявандакского могильника имеет черты сходства и различия с системой закладки подбоев в курганах Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, с одной стороны, и в подбойных могилах курганов Средней Азии — с другой.

Вход в подбой в курганах Нижнего Поволжья (III—I вв. до н. э.) закладывался бревешками или закрывался плетнем или хворостом[42], в курганах же Южного Приуралья IV—I вв. до н. э. этим же хворостом или плетнем обкладывались стены могильной ямы и ступеньки[43].

В исследованных курганах Средней Азии (II—IV вв. н. э.) вход в подбой, а иногда и сама впускная яма, заложены крупными плиточными камнями[44] или валунами[45], иногда закладка делалась из бревешек[46]. Во вскрытых же курганах Лявандакского могильника вход в подбой заложен вначале камышом, которым обложены пол, ступенька и стены впускной ямы, что совпадает с обычаем закладки подбоев в курганах Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Затем на

---

[38] А. Н. Бернштам, указ. соч., стр. 69, а также см. рисунки; А. К. Кибиров, Археологические работы в Центральном Тянь-Шане, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 122.

[39] И. В. Синицын, указ. соч., стр. 12.

[40] К. В. Сальников, Древнейшие памятники истории Урала, Свердловское Областное Государственное издательство, 1952, стр. 95.

[41] К. Ф. Смирнов, Сарматские курганные погребения..., стр 76.

[42] И. В. Синицын, К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, СА, VIII, М.—Л., 1946, стр. 74.

[43] Б. Н. Граков, Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 года, ТСА РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 146, 147.

[44] Раскопки в Семиреченской области, Отчет Археологической комиссии за 1891 год, СПб., 1893, стр. 112; А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки, стр. 69 и сл., рис. на этих страницах.

[45] Б. А. Латынин, указ. соч., стр. 18; А. М. Мандельштам, Могильник Арук-тау в Бишкентской долине (Южный Таджикистан), КСИИМК, 76, стр. 74—76.

[46] К. А. Акишев, указ. соч., стр. 28.

камыш в подбоях положены куски белого гипса или гипса с галькой, что характерно для закладки подбоев в курганах Средней Азии. Необходимо отметить, что куски гипса в рассматриваемых могильниках, которые заменяли плиточный камень или валуны, использовались только для закладки подбоя, засыпка ими впускной ямы в Лявандакском могильнике не делалась. Единственным курганом, в котором вход в подбой был заложен только камышом, без кусков гипса, является курган у тригонометрического пункта. В этом кургане ни в насыпи, ни в могильной яме не было найдено ни одного куска гипса. Система закладки подбоя этого кургана полностью совпадает с системой закладки подбоев в курганах Нижнего Поволжья и Южного Приуралья IV—I вв. до н. э.

Судя по приведенным аналогиям, устройство подбойных могил и система закладки подбоев в курганах Кую-Мазарского и Лявандакского могильников имеет больше общих черт с устройством подбойных могил и системой закладки в курганах IV—I вв. до н. э. Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, чем с подбойными могилами Средней Азии.

Катакомбы, обнаруженные в Кую-Мазарском и Лявандакском могильниках, во многом сходны с катакомбами, открытыми ранее в Средней Азии. Отличительной чертой катакомб Кую-Мазарского и Лявандакского могильников является расположение катакомбы по отношению к дромосу. Во всех ранее исследованных курганах Средней Азии — на «никифоровских землях» под Ташкентом[47], в районе Янги-Юля[48], в Ахангеране[49], около ст. Вревской[50], в Кенкольском могильнике[51], на Тянь-Шане[52] и других местах[53] — катакомба распо-

---

[47] Письма Н. П. Остроумова в Археологическую комиссию от 10 июля 1887 г., № 952 и от 18 июля 1887 г., № 974, Архив ИИМК, д. 34.

[48] Г. В. Григорьев, Келесская степь в археологическом отношении, Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 1, 1948, № 46, стр. 55—56.

[49] М. Е. Массон, Ахангеран, Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 21.

[50] М. Э. Воронец, Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г., Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1951, стр. 63.

[51] А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, Л., 1940, стр. 5 и сл.

[52] Он же, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 65, рис. 32, 33.

[53] А. А. Потапов, Пскентский курганный могильник, рукопись, архив Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР, д. 31, стр. 17, 41; М. Э. Воронец, Археологические исследования и ремонтно-реставрационные работы в УзССР, «Социалистическая наука и техника», 1937, № 10—11, стр. 176.

ложена своей длинной осью перпендикулярно длинной оси дромоса. В курганах же Кую-Мазарского и Лявандакского могильников катакомбы расположены так, что их длинные оси продолжают длинные оси дромосов.

Обычай трупоположения на подстилку из хвороста, камыша, дерева или кошмы в курганных погребениях первых веков до н. э. и первых веков н. э. широко распространен в Средней Азии[54], в Нижнем Поволжье[55], в Южном Приуралье[56].

Как уже отмечалось выше, во всех подбойных могилах и катакомбах скелеты лежат или головой на юг, ногами на север, или, слегка отклоняясь от этой линии, головой к западу.

В могильниках Средней Азии южная ориентация скелетов встречается в подбойных могилах Исфаринского могильника[57], в Кувинском могильнике (трасса Южного Ферганского канала), который В. Д. Жуков относит к III—II вв. до н. э.[58] Южная ориентация скелета в погребении, вскрытом на строительстве Катта-Курганского водохранилища, отмечается В. А. Шишкиным, которое он относит к рубежу н. э.[59]

Погребение с ориентацией скелета головой на юг, с небольшим отклонением к западу, было исследовано А. И. Тереножкиным на левом берегу реки Аламедин. Этот курган он считает принадлежащим «доусуньскому времени»[60]. Для погребений III—I вв. до н. э. Тамдинского могильника в Южном Казахстане характерно трупоположение на подстилку из войлока в вытянутом на спине положении головой на юг[61].

В подбойной могиле I в. н. э., в могильнике близ Ширинсая, находилось погребение с южной ориентацией скелета[62].

---

[54] Л. Я. Маловицкая, Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э., Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 2, Алма-Ата, 1949, № 67, стр. 120; Н. П. Остроумов, указ. письма.

[55] А. П. Кушева, Материалы для изучения культуры Сусловского могильника, Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения, вып. 35, ч. 1, (археологический сборник), Саратов, 1926. стр. 23—24; П. С. Рыков, Сусловский курганный могильник, Саратов, 1925, стр. 3.

[56] К. В. Сальников, Сарматские курганы близ г. Орска, Археологические памятники Урала и Прикамья, МИА СССР, М.—Л., 1940, № 1, стр. 125.

[57] Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева, указ. соч., стр. 18.

[58] В. Д. Жуков, Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала, Известия УзФАН СССР, Ташкент, 1940, № 10, стр. 26.

[59] В. А. Шишкин, Археологические наблюдения на строительстве Катта-Курганского водохранилища, Известия УзФАН СССР, Ташкент, 1940, № 10, стр. 17.

[60] А. И. Тереножкин, Археологические разведки по реке Чу в 1929 г., Проблемы истории докапиталистических обществ, М.—Л., 1935, № 5—6, стр. 142.

[61] Л. Я. Маловицкая, указ. соч.

[62] В. Ф. Гайдукевич, указ. соч., стр. 333, рис. 2.

Остальные погребения этого могильника II—IV вв. н. э. имели устойчивую ориентацию на восток с отклонением к югу или северо-восточную ориентацию[63].

В погребениях Кенкольского могильника ориентация скелетов различная — в северную сторону, на восток, на запад и на юг (курган № 5)[64]. В катакомбах Южной Туркмении, исследованных А. А. Марущенко, находились скелеты с южной ориентацией[65]. По аналогиям с курганами Чирчик — Ангренского района М. Е. Массон датирует эти катакомбы временем не раньше, чем первые века нашей эры[66].

Как исключение М. Э. Воронец отмечает юго-западную ориентировку скелета женщины могильника в кургане № 2 у станции Вревской[67]. Во всех остальных погребениях этого могильника II—III вв. н. э. скелеты лежали головой на северо-восток[68]. Северная или восточная ориентация скелетов характерна для погребений курганов каунчинской культуры[69], погребений в катакомбах в долинах рр. Атбаши и Арпа, которые А. Н. Бернштам датирует I в. до н. э. — II в. н. э.[70]

В погребениях III—I вв. до н. э. Берккаринского могильника обычна ориентация скелетов головой на запад, ногами на восток[71]. В усуньских могильниках Семиречья III в. до н. э. — I в. н. э., исследованных М. В. Воеводским и М. П. Грязновым, преобладают два вида ориентировки скелетов в могилах. В курганах, раскопанных около башни Бурана, скелеты лежали головой на запад, ногами на восток[72], а в курганах Чильпекского могильника ориентация иная — скелеты лежали головой на северо-запад[73].

Ориентировка скелетов головой на восток характерна для ранних погребений, вскрытых А. И. Тереножкиным на трассе

---

[63] В. Ф. Гайдукевич, указ. соч., стр. 348.

[64] А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник..., стр. 64.

[65] А. А. Марущенко, Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана, Труды ИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 112.

[66] М. Е. Массон, Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана (из работ ЮТАКЭ, 1951 г.), ВДИ, 1953, № 1, стр. 154.

[67] М. Э. Воронец, Отчет археологической экспедиции музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов..., стр. 63.

[68] Там же, стр. 63, 67.

[69] Г. В. Григорьев, указ. соч., стр. 55—56.

[70] А. Н. Бернштам, Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая, Известия КиргФАН СССР, вып. 2—3, Фрунзе, 1945, стр. 63—65.

[71] Он же, Памятники старины Таласской долины, Историко-археологический очерк, Алма-Ата, 1941, стр. 14—15.

[72] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, Усуньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1939, № 3, стр. 163.

[73] Там же, стр. 170 и сл.

Ташкентского канала. Эту группу погребений он считает предшествующей погребениям каунчинского типа[74], т. е. время их возникновения можно отнести ко времени, предшествующему нашей эре.

По рассмотренным видам ориентации скелетов в могильниках Средней Азии первых веков до н. э. и первых веков н. э. видно, что южная ориентация скелетов чаще встречается в могильниках первых веков до н. э. и очень редко в погребениях первых веков н. э. Необходимо также отметить, что количество исследованных погребений первых веков н. э. с южной ориентацией скелетов в Средней Азии незначительно, причем датируются они, как правило, началом этого периода.

Наряду с южной ориентацией, в этих могильниках существует ориентация скелетов и по другим странам света. Это хорошо видно на примере могильника II—IV вв. н. э. Мааша в Чон-Алае, где скелеты в разных погребениях ориентированы по-разному[75].

В погребениях же первых веков до н. э. сарматов Приуралья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа господствует южная ориентировка скелетов. Так, в курганах IV—I вв. до н. э. под Оренбургом, исследованных Б. Н. Граковым, скелеты лежали в вытянутом на спине положении головой на юг, иногда с маленькими отклонениями[76]. Эти курганы принадлежат к прохоровской культуре IV—I вв. до н. э. Приуралья[77].

К погребениям прохоровской культуры относится и богатое погребение женщины в подбойной могиле 1-го Мало-Кизыльского могильника близ Магнитогорска. Скелет женщины лежал в вытянутом на спине положении головой на юг[78]. К этой же культуре относятся и сарматские курганы в районе Орска, где К. В. Сальниковым был раскопан курганный могильник близ аула Джанатан. Среди раскопанных погребений имеются погребения в подбойных могилах с южной ориентировкой скелетов[79].

---

[74] А. И. Тереножкин, Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, Известия УзФАН СССР, Ташкент, 1940, № 9, стр. 33 и сл.

[75] С. С. Сорокин, К вопросу о гуннах в Средней Азии, Вестник Ленинградского университета, 1948, № 11, стр. 123.

[76] Б. Н. Граков, Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 года..., стр. 146—147.

[77] М. И. Ростовцев, Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма, Материалы по археологии России, Пг., 1918, № 37, стр. 5—9.

[78] К. В. Сальников, Древнейшие памятники истории Урала, Свердловское Областное государственное издательство, 1952, стр. 95, рис. 31.

[79] Он же, Сарматские курганы близ г. Орска..., стр. 121—122.

Южная ориентация скелетов присуща и курганным погребениям IV—II вв. до н. э. Западного Казахстана. В 1948 г. И. В. Синицын произвел раскопки курганного могильника в Западном Казахстане по р. Малый Узень. В погребениях IV—II вв. до н. э. скелеты лежали в вытянутом на спине положении головой на юг[80].

В Нижнем Поволжье в 1927 г. П. Д. Рау произвел раскопки курганных погребений. Среди вскрытых могил было много подбойных. Так, в кургане около сел. Краснополье вскрыт целый ряд подбойных могил III—I вв. до. н. э., в которых скелеты лежали в вытянутом на спине положении, в гробах или на подстилке, головой на юг с незначительными отклонениями к юго-западу или юго-востоку[81].

Для ранних погребений, раскопанных П. Д. Рау в 1928—1929 гг., характерно устройство подбоев в западной или восточной стенках впускной ямы со ступенькой. Скелеты, лежавшие в подбоях в вытянутом на спине положении, были ориентированы ногами на север, головой на юг, с незначительными отклонениями к юго-западу или юго-востоку[82].

Устойчивость южной ориентации скелетов в группе могил VI—V вв. до н. э. меото-сарматского могильника у ст. Усть-Лабинской на Северном Кавказе отмечает Н. В. Анфимов. Скелеты в могилах этой группы лежат преимущественно головой на юг, но имеются несколько случаев ориентировки скелетов головой на юго-восток или юго-запад[83].

В погребениях группы могил III — начала I вв. до н. э. того же могильника преобладает южная ориентировка, но появляется также восточная и северная[84].

Северная ориентировка скелетов наблюдается и на последнем этапе прохоровской культуры, что установил К. Ф. Смирнов по ряду сарматских погребений Южного Приуралья II—I вв. до н. э. и I в. до н. э. — I в. н. э.[85]

В погребениях могильников первых веков нашей эры Южного Приуралья и Нижнего Поволжья господствующее поло-

---

[80] И. В. Синицын, Археологические памятники по реке Малый Узень, КСИИМК, 1950, XXXII, стр. 104—105; он же, Археологические исследования в Западном Казахстане, Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, Археология, Алма-Ата, 1956, стр. 100.

[81] Он же, К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, СА, VIII, М.—Л., 1946, стр. 73.

[82] Он же, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья..., стр. 13.

[83] Н. В. Анфимов, Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской..., стр. 158.

[84] Там же, стр. 169.

[85] К. Ф. Смирнов, Сарматские погребения Южного Приуралья, КСИИМК, XXII, 1948, стр. 81—84.

жение занимает северная ориентировка скелетов[86]. В большей части могильников Средней Азии того времени, т. е. первых веков нашей эры, также превалирует северная, восточная или другие виды ориентировки, но не южная. Достаточно для этого вспомнить курганные погребения около Янги-Юля и станции Вревской, а в могильнике Тупхона (Таджикистан) погребения типов III-А и III-Б имеют только северную ориентацию скелетов с небольшими отклонениями[87]. Большая часть погребений типа III-Б относится к I в. н. э., а погребения типа III-А датируются I—III вв. н. э.[88] Северная ориентация устойчива и в погребениях типов II-А, II-Б и I этого же могильника. Погребения первых двух типов М. М. Дьяконов относит к IV—V вв. н. э., а погребения I типа — ко второй половине I тысячелетия н. э.[89]

Следует отметить, что вопросам ориентации скелетов в погребениях Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в сарматской археологии придается большое значение. Ориентация скелетов является одним из элементов, определяющих датировку погребений. Внося поправки в хронологию погребений, исследованных П. Д. Рау и П. С. Рыковым в Нижнем Поволжье, Б. Н. Граков указывал, что они делали ошибку, огульно относя часть погребений к I—II вв. н. э. По его словам, часть из вскрытых П. С. Рыковым и П. Д. Рау погребений восходит ко времени с конца II в. до н. э. Это те погребения, указывает Б. Н. Граков, «...где покойник лежит на юг или на юго-запад головой»[90].

Небольшие отклонения от основной южной ориентации в погребениях рассматриваемых могильников можно объяснить временем года, в какое свершалось погребение, когда по метеорологическим условиям установление точного направления на юг было затруднено. Это отмечает Н. В. Анфимов, рассматривая южную ориентировку в погребениях VI—V вв. до н. э. могильника у станции Усть-Лабинской на Северном Кавказе[91].

Иной точки зрения придерживался А. Н. Бернштам. Сравнивая ориентацию входов в катакомбу и костяков в погребениях Кенкольского и Кызартского могильников, которые характеризуются полным разнобоем, он пришел к выводу, что

---

[86] К. Ф. Смирнов, Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья..., стр. 77.

[87] М. М. Дьяконов, Работы Кафирниганского отряда, МИА СССР, М.—Л., 1950, № 15, стр. 159—162, см. табл. на стр. 163—164 и табл. 89.

[88] Там же, стр. 176—177.

[89] Там же, стр. 178.

[90] Б. Н. Граков, Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, № 3, стр. 120.

[91] Н. В. Анфимов, указ. соч., стр. 158.

ориентация зависит от времени года[92]. Это же повторил за ним и С. С. Сорокин при описании ориентации скелетов в погребениях могильника Мааша, добавляя, что ориентация могла даже зависеть от времени дня[93].

Устойчивая южная ориентация скелетов в погребениях Ляваидакского могильника позволяет высказать предположение о том, что здесь имеется связь с определенным культом, культом юга, который связан с культом солнца. Культ юга имел место у некоторых древних народов.

Поклонение югу киданей, кочевников Восточной Монголии, засвидетельствовано китайскими источниками. В «Истории Северных Дворов» описывается погребальный обряд киданей, которые выставляли трупы на вершины деревьев. По прошествии трех лет они собирали кости и предавали их огню. После этого они пили вино и молились. Во время молитвы кидане говорили: «...в продолжение зимних месяцев кушайте, обратясь к югу (разрядка наша. — *О. О.*), во время звероловства помогите нам более добыть кабанов и оленей»[94].

Культ юга существовал и у монголов, а при Чингиз-хане он стал официальным и был распространен во всех местностях, подчиненных монголам, в частности в Средней Азии. Пережитки этого культа сохранились и до недавнего прошлого. Это находило свое выражение в том, что юрты кочевников всегда были обращены к югу[95].

Монголы заимствовали этот культ, как полагает В. В. Бартольд, у киданей в период возросшего могущества их в X—XII вв.[96] Следовательно, ориентация покойников в погребениях связана с определенными религиозными представлениями, которые, в свою очередь, возникают в результате фантастического отражения в сознании людей тех внешних сил, которые господствуют над ними. Такими внешними силами в данном случае являются силы природы, отражение господства которых у разных народов принимает самые разнообразные формы[97].

Поэтому ориентация покойников, как элемент погребального ритуала, является одной из многих черт, определяющих идеологию общества.

---

[92] А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 67.

[93] С. С. Сорокин, К вопросу о гуннах в Средней Азии..., стр. 123, см. примечание.

[94] Ли Янь-шеу, История северных Дворов, гл. 94, перевод Н. Я. Бичурина, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. II, М.—Л., 1950, стр. 75.

[95] В. В. Бартольд, К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов, ЗВО РАО, т. XXV, Петербург, 1921, стр. 72—73.

[96] Там же.

[97] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 299.

Инвентарь погребений в основном состоит из предметов вооружения, снаряжения, керамических изделий, украшений, а также предметов бытового обихода и культового назначения.

В погребениях Лявандакского могильника найдено три меча (железные, двулезвийные с коротким прямым перекрестием, образованным железной обоймой, надетой на основание рукоятки у лезвия). Длина мечей не превышает 1 *м*. Меч из кургана у тригонометрического пункта имеет на рукоятке навершие в виде круглой пластинки, середина которой вместе с рукояткой была обложена деревом.

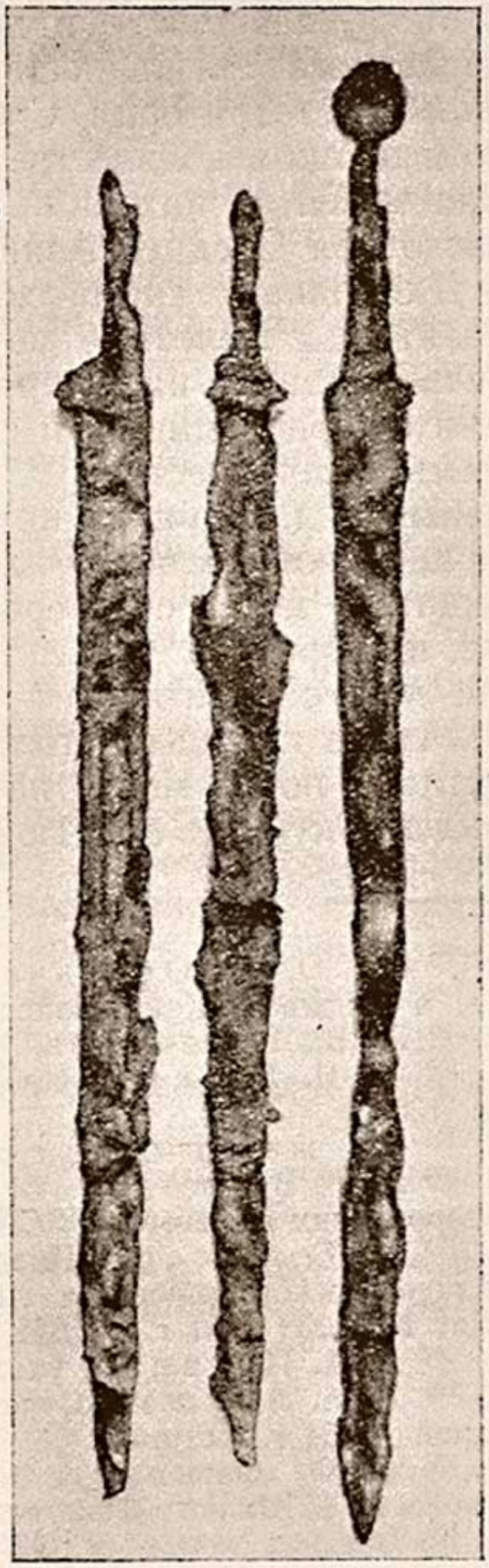


Рис. 8. Мечи. Слева направо: первый и второй из курганов № 1 и № 2, третий из кургана у тригонометрического пункта.

У остальных мечей никаких металлических наверший не было потому, что наверху рукояток у всех мечей сохранились остатки железного штифта, которым закреплялась деревянная обкладка рукоятки. Все мечи находились в деревянных ножнах, остатки которых сохранились почти на всех лезвиях мечей. Мечи сделаны из железа, в состав которого входила медь[98].

Несмотря на многолетние и широко поставленные работы по вскрытию курганов в Средней Азии, находки мечей в погребениях первых веков до н. э. и первых веков н. э. незначительны. В небольшом количестве мечи были найдены в курганах около Янги-Юля[99]. В погребениях на Памире были найдены железные акинаки,[100] в Берккаринском могильнике —эфес меча с „лунообразным“ навершием[101], в усуньских могильниках — фрагмент лезвия меча из железа[102], в погребениях курганов около

станции Кодж (Южная Туркмения) — железный двулезвийный меч без перекрестия и навершия[103]. К этому перечню находок можно добавить однолезвийные мечи из поздних погребений Пскентского могильника[104] и в долине р. Или[105].

Мечи, найденные в погребениях Кую-Мазарского и Ляваидакского могильников, не аналогичны мечам, найденным ранее на территории Средней Азии. Следует добавить еще, что и в таком количестве ни в одном из могильников Средней Азии мечей не находили. Поэтому находка мечей совершенно нового для Средней Азии типа представляет особый интерес.

Для ранних сарматских погребений Южного Приуралья характерны железные мечи с длинным прямым перекрестием и серповидным навершием[106], а для Нижнего Поволжья — мечи с серповидными и с кольцевым навершиями и длинным прямым перекрестием[107]. Серповидные навершия имеют различный вид. Одни из них длинные и сильно загнутые, образующие полукольцо[108], другие короткие с утолщениями на концах. У мечей с навершиями второго типа перекрестие прямое, но короткое[109], т. е. такое же, как у рассматриваемых мечей. Меч с идентичным перекрестием был найден в конце 60-х годов прошлого столетия А. Н. Зыряновым при раскопках курганов по р. Исеть на Урале[110]. Такого же типа меч был найден в кургане под Тюменью, но у этого меча верхняя часть

---

[98] См. О. В. Обельченко, Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника..., стр. 119.

[99] Г. В. Григорьев, указ. соч., стр. 56—60.

[100] А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки, стр. 306, рис. 132.

[101] Он же, Памятники старины Таласской долины..., стр. 17.

[102] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, Усуньские могильники на территории Киргизской ССР..., стр. 173.

[103] М. Е. Массон, Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана (из работ ЮТАКЭ 1951 г.), ВДИ, 1953, № 1, стр. 154.

[104] А. А. Потапов, указ. соч.

[105] К. А. Акишев, Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г..., стр. 29.

[106] К. Ф. Смирнов, Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья..., стр. 78.

[107] Там же; также см.: И. В. Синицын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья..., стр. 15.

[108] М. И. Ростовцев, указ. соч., табл. VI, рис. 11, 12.

[109] A. Heikel, Antiquités de la Sibérie Occidentale, conservées dans les musées de Tomsk, de Tobolsk, de Tumen, d' Ekaterinebourg, de Moscou et d'Helsingfors, 1894, табл. XXVIII.

[110] А. Н. Зырянов, Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской губернии и находки в них, Записки Уральского общества любителей естествознания, т. VII, вып. 3, Екатеринбург, 1888, стр. 74.

рукоятки обломана, что с сожалением отмечено А. Гейкелем, и неизвестно, было ли навершие или нет[111]. Если навершия не было, то данный меч может быть полным аналогом мечам из рассматриваемых могильников. Эти мечи из-под Шадринска и Тюмени К. Ф. Смирнов относит к памятникам челябинской группы сарматов IV—II вв. до н. э.[112]

Мечи из курганов № 1, 2 близ городища Лявандак совершенно идентичны мечу, найденному К. Ф. Смирновым в 1953 г. на левом берегу р. Волги в кургане № 12 (погребение № 19, у села Политотдельского Сталинградской области). По ряду других находок в погребении этот меч датируется концом II в. до н. э.[113] Меч с навершием в виде круглой пластинки и прямым перекрестием аналогичен по форме кинжалу первых веков до н. э. из Ольвии[114].

Если к этим аналогиям, указывающим на бытование рассматриваемых мечей во II—I вв. до н. э. присовокупить неоднократно отмечаемое исследователями появление меча без перекрестия и навершия на рубеже н. э. в Нижнем Поволжье и на Кубани, то предложенная датировка мечей Лявандакского могильника станет более точной.

Анализируя находки мечей в погребениях Нижнего Поволжья, И. В. Синицын устанавливает процесс постепенного исчезновения мечей с перекрестием и навершием и замену последних на рубеже н. э. мечами без перекрестия и навершия, при этом он отмечает, что находки мечей с перекрестием и кольцевым навершием сделаны главным образом в погребениях с южной, юго-западной и юго-восточной ориентацией скелетов[115].

Этот же процесс замены мечей на рубеже н. э. наблюдается и по материалам Сусловского могильника, в котором мечи с перекрестием и кольцевым навершием были найдены в могилах с южной ориентацией скелетов, а мечи без перекре-

---

[111] A. Heikel, указ. соч., стр. 69, табл XV, рис 5.

[112] К. Ф. Смирнов, Сарматские племена северного Прикаспия, КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 100, рис. 28 на стр. 99; Н. Я. Мерперт, Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье, СА, XXIII, М., 1955, стр. 156, рис. 3—4, 7.

[113] Он же, Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области, МИА СССР, 1959, № 60, стр. 270, рис. 25, 26 на стр. 271.

[114] В. Д. Блаватский, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 78, рис. 34.

[115] И. В. Синицын, Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья, Сборник Нижневолжского краевого музея, Саратов, 1932, стр. 62—63.

стия и навершия найдены в погребениях с северной и северо-восточной ориентацией покойников[116].

Процесс смены форм мечей по материалам меото-сарматского могильника у станицы Усть-Лабинской прослеживает и Н. В. Анфимов. В погребениях четвертой хронологической группы, I в. до н. э. — II в. н. э., встречаются мечи двух типов: к первому типу, раннему, относятся мечи с перекрестием и кольцевым навершием, ко второму, позднему, — длинные, узкие мечи без перекрестия и навершия[117].

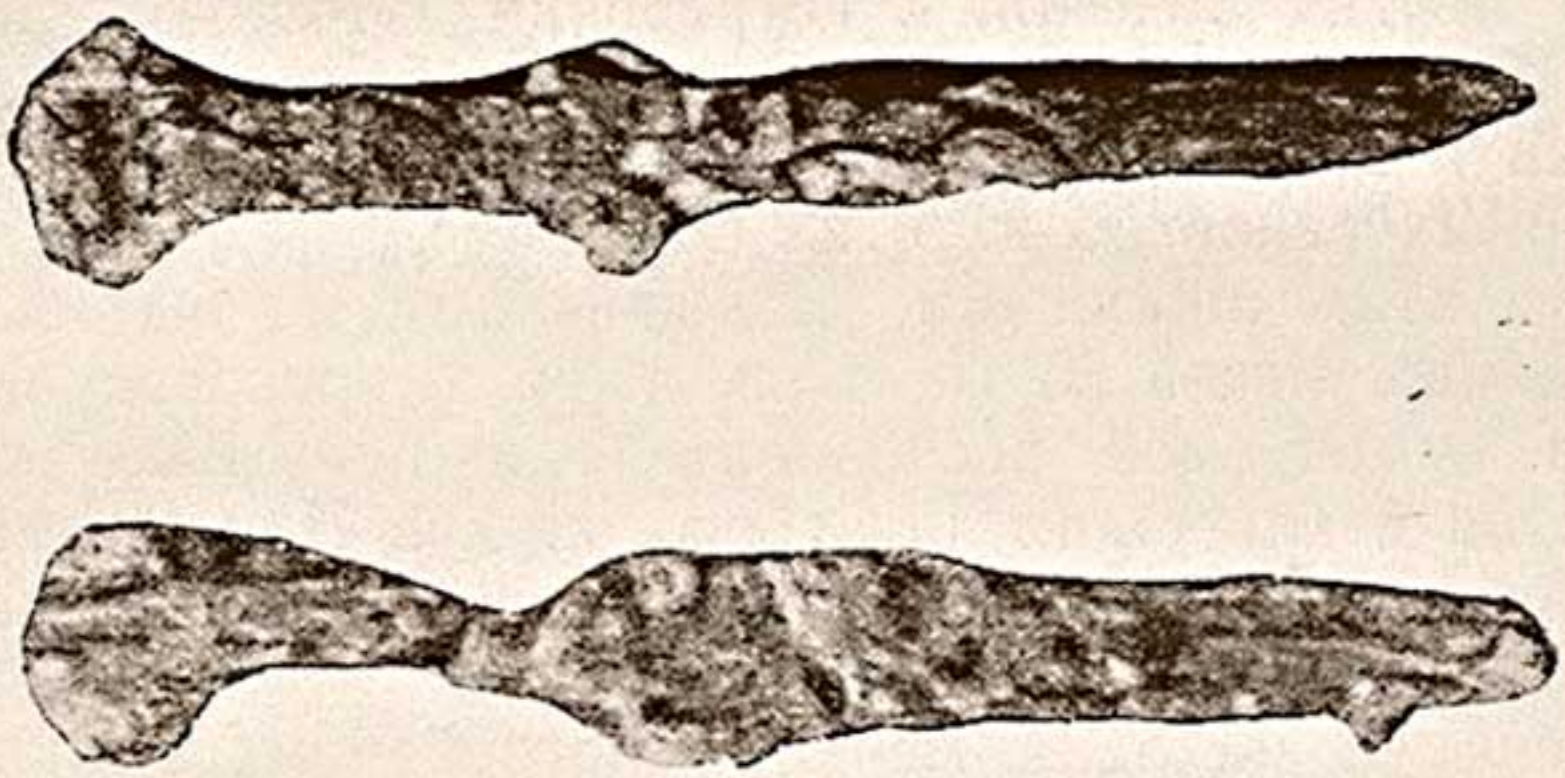


Рис. 9. Кинжалы (верхний из кургана № 1, нижний из кургана № 2).

Отмечая появление второго типа мечей, т. е. без перекрестия и навершия на Боспоре и Кубани на рубеже н. э., Н. В. Анфимов добавляет при этом, что форма этих мечей становится господствующей в первые века нашей эры[118].

При раскопках земляных склепов некрополя Тузлы были найдены мечи без перекрестия и навершия, которые И. Б. Зеест датировала I—II вв. н. э. [119] Появление меча без перекрестия и навершия характерно для этого же времени и для Южного Приуралья[120].

Исходя из описанного процесса смены форм мечей и датировки II—I вв. до н. э. мечей Кую-Мазарского и Лявандакского могильников, можно утверждать, что в Средней Азии происходит то же самое. В первые века н. э. в Средней Азии бытуют мечи без перекрестия. В курганах каунчинской куль-

---

[116] П. С. Рыков, Сусловский курганный могильник, Саратов, 1925, стр. 6 и сл.

[117] Н. В. Анфимов, указ. соч., стр. 197—202.

[118] Там же, стр. 20.

[119] И. Б. Зеест, Земляные склепы некрополя Тузлы, КСИИМК, 51, 1953, стр. 156, рис. 63.

[120] К. В. Сальников, Сарматские погребения в районе Магнитогорска, КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 119—121.

туры (Каунчи-II, рубеж н. э.) и в курганах Южной Туркмении (III в. н. э.) найдены длинные мечи без перекрестия и навершия[121]. В погребениях же III—I вв. до н. э. Берккаринского могильника найден фрагмент меча с серповидным навершием[122]. Железные акинаки с навершиями и перекрестиями с Памира восходят к еще более раннему времени[123].

Кинжалы, найденные в Лявандакском могильнике, представлены 2 экземплярами, каждый из которых имеет свою форму.

Кинжал из кургана № 1 группы № 1 около городища Лявандак — двулезвийный. Прямоугольная в сечении рукоятка увенчана кольцевым навершием. Рукоятка отделена от лезвия полулунным перекрестием, опущенные концы которого имитируют «усики».

Кинжал из кургана № 2 той же группы — двулезвийный, без перекрестия, а рукоятка вверху оканчивается круглой пластинкой.

Прямых аналогий формам кинжалов в опубликованном археологическом материале по Средней Азии нет. Надо отметить, что находки кинжалов в погребениях Средней Азии также незначительны, иногда фрагментарны[124], но находят их чаще, нежели мечи[125]. Нет прямых аналогий и в находках из курганов Приуралья и Поволжья. Аналогичных форм нет и в известной сводке В. Гинтерса, в которой собраны скифские и сарматские мечи юга России[126].

Кинжал с кольцевым навершием аналогичен кинжалам и мечам из сарматских погребений Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, где они бытовали в первые века до н. э. Полулунное перекрестие же в виде опущенной вниз дуги с закруглениями на концах подобно перекрестию акинака с серповидным навершием из кургана № 9 могильника Памирская-1 (Тамды) на Памире, но у последнего отсутству-

---

[121] Г. В. Григорьев, указ. соч., стр. 59—60; М. К. Массон, Некоторые археологические данные..., стр. 154.

[122] А. Н. Бернштам, Памятники старины Таласской долины..., стр. 17.

[123] А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 321; он же, Саки Памира, ВДИ, 1956, № 1, стр. 126 и сл.

[124] Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович, Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район) в 1954 г., Труды ИИАЭ АН ТаджССР, т. XXXVII, Археологические работы в Таджикистане в 1954 г., Сталинабад, 1956, стр. 67.

[125] А. М. Мандельштам, Археологические работы в Бишкентской долине в 1957 г., Труды ИИАЭ АН ТаджССР, т. CIII, Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., Сталинабад, 1959, стр. 138—144.

[126] W. Ginters, Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland, Berlin, 1928,

ют закругления на кончиках перекрестия[127]. Менее похоже перекрестие кинжала из Лявандакского могильника на перекрестие акинака с брусковидным навершием из кургана № 10 могильника на Памире, так как перекрестие массивнее и менее опущено книзу[128]. Эти акинаки, по словам А. Н. Бернштама, тяготеют к позднескифским и раннесарматским образцам и датируются им V—IV вв. до н. э.[129].

Подобные полулунные перекрестия имеются на мечах, принадлежащих савромато-сарматской или прохоровской культуре Приуралья и различаются между собой только лишь модифицированными перекрестиями и навершиями[130].

Полулунные перекрестия обычны и на бронзовых кинжалах тагарской эпохи Южной Сибири[131]. Кинжалы с полулунными перекрестиями, найденные в погребениях тагарской эпохи на территории Южной Сибири, датируются С. В. Киселевым VI—V вв. до н. э.[132].

Сравнение форм кинжалов из погребений Лявандакского могильника с кинжалами и мечами прохоровской культуры Южного Приуралья и тагарской эпохи Южной Сибири указывает на генетическую связь этих форм с позднескифскими образцами оружия. Кинжал без перекрестия приближает время бытования их к первым векам до н. э.

Наконечники стрел из погребений могильника железные, трехлопастные, черешковые с опущенными жальцами. Размеры наконечников стрел различные. Самые мелкие, как например, из кургана № 6 2-й группы около городища Лявандак имеют длину боевой части 1,5 *см*, а самые крупные из кургана № 2 1-й группы у городища Лявандак — 7 *см*. В основной же массе длина боевой части наконечников стрел 3—4,5 *см* и по своей форме они идентичны наконечникам из курганов Кую-Мазарского могильника. Мелкие и крупные наконечники стрел единичны.

Различаются наконечники и по форме лопастей. У одних лопасти узкие, прямые, у других шире и имеют слегка округлую форму, как у бронзовых листовидных, и у третьих они прямые, но широкие. Преобладающей формой лопастей на-

---

[127] А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 306, рис. 132—5.

[128] Там же, рис. 132—9.

[129] Там же, стр. 321, 325.

[130] М. И. Ростовцев, указ. соч., табл. VII, см. изображение меча № 14.

[131] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, рис. 1, 3, 8, табл. XXV на стр. 245.

[132] Там же, стр. 251.

конечников стрел является первая. Наконечники с лопастями второго типа единичны, а третий тип лопастей имеет такие же наконечники стрел, как из кургана у крепостцы Кую-Мазарского могильника.

Такой же формы наконечники стрел с широко расставленными лопастями были найдены в 1947 г. в погребениях Тамдинского могильника III—I вв. до н. э. севернее Джамбула. Наконечники стрел из этого могильника аналогичны наконечникам стрел из кургана у крепостцы, но последние несколько крупнее. Наконечники стрел из Тамдинского могильника, по словам А. Н. Бернштама, подражают «позднескифским образцам...»[133] .

Железные трехлопастные, черешковые наконечники стрел с опущенными жальцами были найдены в Каракольском могильнике усуней III—I вв. до н. э.[134]

В нижних слоях городища Афрасиаб А. И. Тереножкин в 1945 г. нашел железный, черешковый, трехлопастный наконечник стрелы с опущенными жальцами[135]. Этот наконечник стрелы А. И. Тереножкин включил в раздел археологических находок, соответствующих слою Афрасиаб-IV (II в. до н. э.— I в. н. э.), предложенной им периодизации городища[136].

Такой же наконечник стрелы с опущенными жальцами был найден в Таксиле (Индия) Д. Маршаллом в слое III—I в. до н. э. — I в. н. э.[137]

Наконечники стрел из сарматских погребений первых веков до н. э. Южного Приуралья — железные, трехлопастные, черешковые с опущенными жальцами[138]. Ф. Д. Нефедов в Илецком районе близ деревни Пчельник в 1888 г. нашел наконечник стрелы из железа, аналогичный разбираемым[139]. В Южном Приуралье в погребении на Маячной горе Б. Н. Граков среди инвентаря обнаружил железные трехлопастные наконечники стрел с опущенными жальцами, которые К. Ф. Смирнов от-

---

[133] А. Н. Бернштам, Проблемы древней истории и энтогенеза Южного Казахстана, Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 2, Алма-Ата, 1949, № 67, стр. 72; Л. Я. Маловицкая, Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э., Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 2, Алма-Ата, 1949, № 67, стр. 120.

[134] М. В. Воеводский, М. П. Грязнов, Усуньские могильники на территории Киргизской ССР..., стр. 173.

[135] А. И. Тереножкин, Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г., КСИИМК, XVII, 1947, стр. 117.

[136] Он же, Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, рис. 69.

[137] J. Marshall, Taxila, v. II, Cambridge, 1951, стр. 549; он же, Taxila, v. III, табл. 206, рис. 41.

[138] К. В. Сальников, Древнейшие памятники истории Урала..., стр. 97, рис. 33.

[139] Материалы по археологии восточных губерний России, т. III, М., 1899, табл. 4, рис. 2.

нес к I в. до н. э. — I в. н. э.[140] Во II в. до н. э. наконечники стрел такого типа появились и на Кубани, причем Б. Н. Граков подчеркивает, что они своей формой напоминают бронзовые скифские[141]. В скифскую эпоху, отмечает Б. Н. Граков, такого типа наконечники стрел из железа встречались единицами в погребениях, и лишь к концу II в. до н. э. они стали преобладать, т. е. они свойственны сарматской эпохе[142].

В исследованных П. Д. Рау сарматских погребениях Нижнего Поволжья, которые он относил к I—II вв. н. э., встречаются точно такие же наконечники стрел. В одном из погребений, в котором скелет лежал головой на юг, среди находок был железный трехлопастный наконечник стрелы с опущенными жальцами[143]. Учитывая поправку Б. Н. Гракова, о которой говорилось выше, можно это погребение отнести к II—I вв. до н. э.

Принадлежность наконечников стрел из Кую-Мазарского и Лявандакского могильников ко II—I вв. до н. э. подтверждает форма наконечников стрел из погребений первых веков н. э. в могильниках Средней Азии.

В курганах около Янги-Юля были найдены наконечники стрел, у которых нижний конец лопасти был прямой, т. е. между лопастью и черешком прямой угол[144] отличался от острого, образованного опущенными жальцами и черешком наконечников стрел из рассматриваемых могильников.

Аналогичные каунчинским наконечники стрел были найдены и в погребениях курганов Южной Туркмении[145], и при раскопках квадратного зала на городище Старая Ниса. Наконечники стрел в квадратном зале дворца парфянских царей на городище Старая Ниса были найдены в слое I—II вв. н. э.[146]

---

[140] К. Ф. Смирнов, Сарматские погребения Южного Приуралья, КСИИМК, XXII, 1948, стр. 83, рис. 27.

[141] Б. Н. Граков, Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов, ТСА РАНИОН, вып. V, М., 1930, стр. 74, рис. 11 на стр. 86.

[142] Б. Н. Граков, Техника изготовления металлических наконечников, стр. 86; он же, Литейное и кузнечное ремесло у скифов, КСИИМК, XXII, стр. 41.

[143] И. В. Синицын, К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, СА, VIII, М.—Л., 1946, стр. 91 и сл., см. рис. 25 на стр. 92.

[144] Г. В. Григорьев, указ. соч., табл. III.

[145] А. А. Марущенко, Курганные погребения сарматского времени..., стр. 114.

[146] Е. А. Давидович, Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы, Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 119, 126, рис. 8.

В погребениях джунской культуры (I—IV вв. н. э.) наконечники стрел имеют ромбическую форму[147], а среди наконечников стрел Вревского могильника есть наконечник, аналогичный каунчинским[148].

По приведенному перечню находок наконечников стрел, отличных от наконечников Кую-Мазарского и Ляваидакского могильников, видно, что в первые века н. э. на территории Средней Азии наконечники стрел с опущенными жальцами не встречаются. Это лишний раз подтверждает предложенную датировку наконечников стрел из Кую-Мазарского и Ляваидакского могильников. Тип наконечника стрел, свойственный Средней Азии в первые века н. э., широко распространен и на территории Нижнего Поволжья и Северного Кавказа в первые века н. э.

В качестве примера можно привести одно из многих погребений I—III вв. н. э., исследованных в 1928 г. П. Д. Рау в районе села Бородаевка. В кургане № 4 в грунтовой могиле лежал скелет, ориентированный головой на север. Среди инвентаря обнаружены двулезвийный, без перекрестия и навершия меч и железные трехлопастные наконечники стрел, у которых лопасть с черешком образуют прямой угол[149]. Такие же наконечники стрел имеются и в погребениях II—IV вв. н. э. других мест Нижнего Поволжья[150].

Как на пример бытования такого типа наконечников стрел в погребениях первых веков н. э. на Северном Кавказе можно указать на Таркинский могильник, исследованием которого в 1948 г. руководил К. Ф. Смирнов[151], а также на находки Н. В. Анфимова в курганах на правом берегу Кубани. Среди них были наконечники стрел из железа, трехлопастные черешковые, у которых лопасти срезаны под прямым углом. Эти наконечники стрел Н. В. Анфимов считает типичными для сарматской культуры первых веков н. э.[152] Этот же тип наконечников стрел характерен и для сарматской культуры I в. до н. э. — I в. н. э. на территории Украины[153].

---

147 А. И. Тереножкин, Согд и Чач..., рис. 69, табл. «Чач», XX—12.

148 М. Э. Воронец, Отчет археологической экспедиции музея истории..., стр. 56, рис. 7—1.

149 И. В. Синицын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья..., стр. 33—35, рис. 4, 5, 7.

150 Н. Я. Мерперт, О генезисе салтовской культуры, КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 24, табл., рис. 10.

151 К. Ф. Смирнов, Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа, КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 115, рис. 34—4, 7.

152 Н. В. Анфимов, Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья, КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 82.

153 М. И. Вязьмитина, Изучение сарматов на территории Украинской ССР, Археология, т. VIII, Киев, 1953, стр. 68, рис. 6.

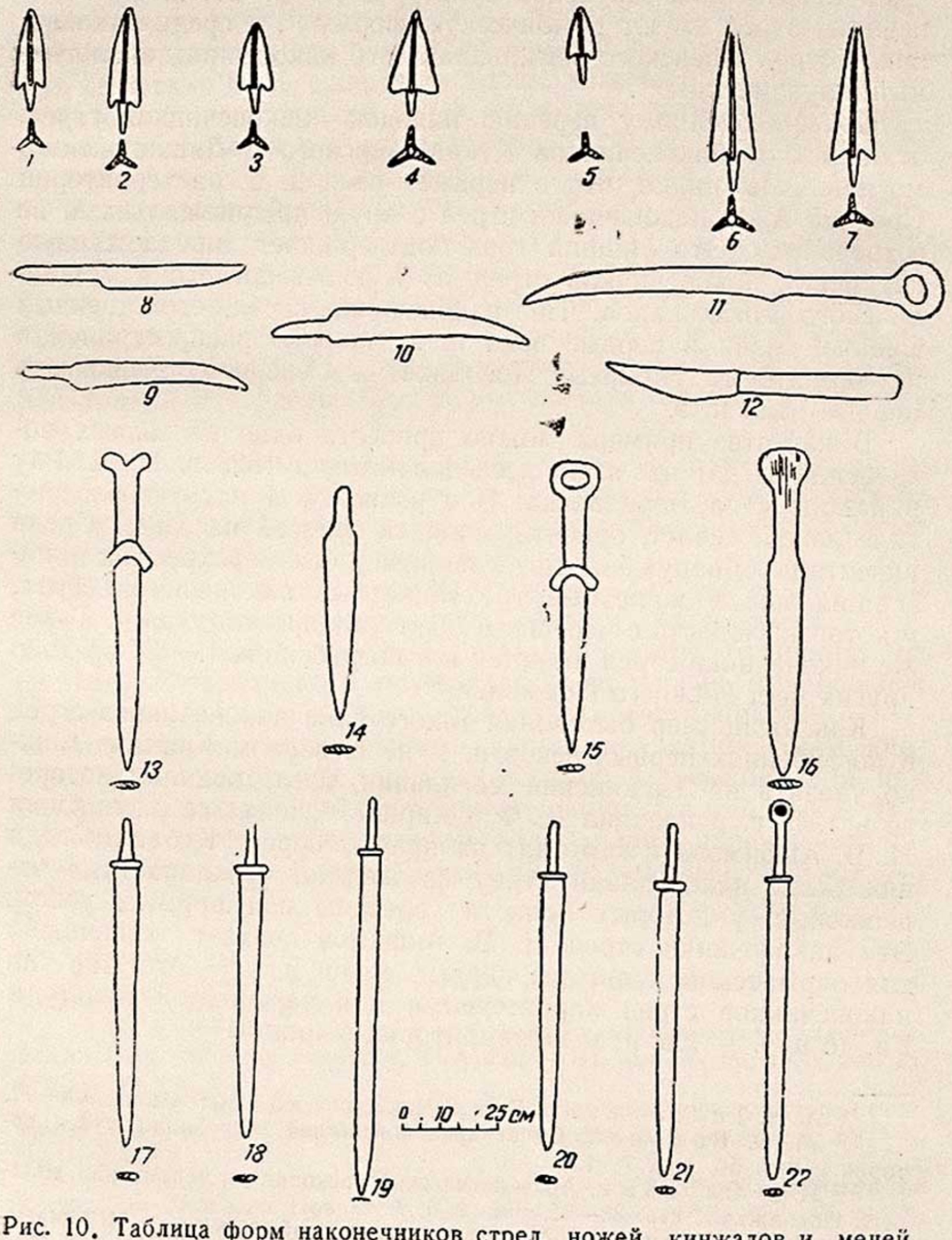


Рис. 10. Таблица форм наконечников стрел, ножей, кинжалов и мечей.

1, 2 – Кую-Мазарский могильник, поле № 2, курган № 20; *3, 4* — Кую-Мазарский могильник, курган близ крепостцы; *5* — Лявандакский могильник, курган № 13; *6* — Кую-Мазарский могильник, поле № 2, курган № 35; *7* – Лявандакский могильник, курган № 1; *8* — Кую-Мазарский могильник, поле № 1, курган № 17; *9* — Кую-Мазарский могильник, поле № 2, курган № 7; *10* — Лявандакский могильник, курган № 2; *11, 12* — Лявандакский могильник, курган № 6 (*1—12*—уменьшено в 5 раз); *13* – Кую-Мазарский могильник, поле № 2, курган № 19; *14* – Кую-Мазарский могильник, курган № 3 близ бугра Соинова; *15* — Лявандакский могильник, курган № 1 (*13—16*—уменьшено в 10 раз); *16* — Лявандакский могильник, курган № 2; *17* — Кую-Мазарский могильник, поле № 2, курган № 20; *18* — то же, курган № 22; *19* — то же, курган № 19; *20* — Лявандакский могильник, курган № 2; *21* — то же; *22* — курган у тригонометрического пункта.

Необходимо коротко остановиться на форме лопастей наконечников стрел из рассматриваемых могильников, которая придает им скифоидный облик. В частности, нужно особо выделить форму лопастей одного наконечника из кургана № 31 на поле № 2 Кую-Мазарского могильника. Лопасти этого наконечника стрелы — округлые, листовидные, т. е. по форме они почти идентичны бронзовым, трехлопастным и двухлопастным наконечникам стрел эпохи Инь и ранней Чжоу (XIV—VIII вв. до н. э.), найденным на территории Монголии[154], и тагарской эпохи в Хакассии[155].

Остальные наконечники стрел своими узкими и длинными лопастями, нижние концы которых образуют острый угол с черешком, напоминают лопасти бронзовых скифских наконечников стрел. Копирование форм лопастей наконечников стрел из бронзы говорит о только что совершившемся переходе к производству наконечников стрел из железа. Из нового материала, по сравнению с бронзой, продолжают выделываться старые, привычные формы наконечников стрел.

Следует также отметить и еще одну особенность находок наконечников стрел. В погребениях Кую-Мазарского и Ляванданского могильников наконечники стрел малых, средних и крупных размеров находились одновременно в одних и тех же погребениях, причем крупные наконечники стрел были такой же формы, как и остальные. Это сходство форм и факт наличия тех и других наконечников в одном погребении позволяет высказать предположение об их сосуществовании, т. е. об одновременном употреблении мелких и крупных наконечников стрел[156]. Однако исследователи до сих пор считали, что крупные наконечники стрел появляются в Средней Азии с III—V вв.[157] При этом они ссылались на А. И. Тереножкина[158], который утверждал, что крупные наконечники стрел характерны для материальной культуры «...почти всего I ты-

---

[154] С. В. Киселев, Монголия в древности, Известия АН СССР, серия истории и философии, т. IV, М., 1947, № 4, стр. 364, рис. 3.

[155] А. Н. Липский, Археологические раскопки в Хакассии, КСИИМК, 64, стр. 24, рис. 53—3 на стр. 123.

[156] Это предположение было высказано автором во время доклада о результатах работ по вскрытию курганов в Бухарской области на заседании сектора неолита и бронзы ИИМК АН СССР 16/I 1954 г. и поддержано К. Ф. Смирновым, который сообщил, что при исследовании курганных погребений первых веков до н. э. на территории Нижнего Поволжья он неоднократно находил в одних и тех же могилах наконечники малых и крупных размеров.

[157] Е. А. Давидович, Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы..., стр. 126.

[158] Там же, стр. 142, см. прим. 15.

сячелетия н. э. в Средней Азии...»[159]. Это положение было высказано им на основании анализа находок на городище Каунчи-тепе[160], среди которых были крупные наконечники стрел[161].

Наконечники стрел, найденные на городище Каунчи-тепе, он сравнивает с наконечником стрелы V в., найденным В. В. Гольмстен в одном из погребений Поволжья[162]. Этот наконечник стрелы действительно одинаков с наконечниками стрел, найденными на городище Каунчи-тепе и в погребениях джунской культуры. Но его форма отличается от формы наконечников стрел из курганов каунчинской культуры и найденных на городище Старая Ниса. Лопасти этого наконечника придают ему форму ромба, у которого нижняя часть почти в два раза длиннее верхней, т. е. лопасти резко выступают у острия, далее сильно уменьшаются и переходят в низкие ребра[163].

Следовательно, при определении датировки наконечников стрел необходимо принимать за основу датировки не величину, а форму. Это объясняется тем, что крупные наконечники стрел характерны не только для материальной культуры I тысячелетия н. э. в Средней Азии, как это считает А. И. Тереножкин, но и для более раннего времени. Как на пример в этом отношении можно указать на находку А. Н. Бернштамом в одном из погребений V—III до н. э. могильника Кургак (Алай) крупного железного наконечника стрелы длиной 9,6 *см*[164].

Только одновременным использованием крупных и мелких наконечников стрел можно объяснить одинаковую форму наконечников дротиков и копий, которые отличаются, как правило, от наконечников стрел только размерами, форма же их часто бывает одинаковой. Однако это не исключает бытования в одну и ту же эпоху разных по форме наконечников стрел и наконечников копий. Так, Г. И. Ионе при раскопках грунтовых погребений в Мингечауре (Азербайджан) нашел в

---

[159] А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), Труды Института истории и археологии, т. I, Ташкент, 1948, стр. 126.

[160] Он же, Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Известия УзФАН СССР, Ташкент, 1940, № 8, стр. 86.

[161] Г. В. Григорьев, Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940, стр. 10, рис. 7; он же, Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции, 1937, Ташкент, стр. 7, рис. 29.

[162] А. И. Тереножкин, указ. соч., стр. 86; В. В. Гольмстен, Археологические памятники Самарской губернии, ТСА РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 135, рис. 62.

[163] В. В. Гольмстен, Археологические памятники..., стр. 128.

[164] А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая..., стр. 190, рис. 76.

одновременных могилах наконечники стрел двугранные, трехгранные, трехлопастные втульчатые из бронзы и четырехгранные костяные[165].

Д. Н. Анучин, описывая употребление стрел бурятскими племенами, пишет, что лучник, стреляющий на близкое расстояние, употреблял стрелы с более узкими наконечниками, а для стрельбы на дальнее расстояние — стрелы с более широким и многогранным наконечником[166].

Размеры наконечников стрел также зависят от тех целей, для которых они предназначены. Применение же разных размеров наконечников стрел требовало в свою очередь применения для них и разных по величине луков. Разбирая костяные наконечники стрел из Кенкольского могильника, А. Н. Бернштам совершенно справедливо заметил, что появление крупных наконечников стрел было вызвано появлением более совершенных оборонительных приспособлений — кольчуг и панцирей[167]. Им высказано также и предположение о том, что у населения, оставившего после себя Кенкольский могильник, существовали два вида луков: маленький и большой[168].

Наконечники стрел в курганах бухарских могильников были найдены в незначительном количестве для каждого погребения. Если сравнить их с находками наконечников стрел в скифских могильниках, то сразу будет видна разница в количестве наконечников стрел, которое клалось в могилу. В погребениях скифской эпохи их находили многими десятками и даже сотнями, а в погребениях Кую-Мазарского и Лявандакского могильников их обнаружено не больше десяти. Во всех почти погребениях они найдены в количестве 4—5 штук и даже меньше. Это, конечно, не относится к женским погребениям, где они, как символы, имеющие совершенно иной смысл, были положены по одному.

Малое количество наконечников стрел, найденных в погребениях, нельзя объяснить только ограблением, ибо почти все наконечники стрел были найдены in situ. Все найденные наконечники стрел лежали у голени правой ноги скелета остриями к ступне и, судя по их положению, даже не были потревожены грабителями, ибо некоторые из них спаялись в пучки.

---

[165] Г. И. Ионе, Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского» типа, Материальная культура Азербайджана, т. III, Баку, 1953, стр. 81—83.

[166] Д. Н. Анучин, О древнем луке и стрелах, Труды археологического съезда в Тифлисе в 1881 г., М., 1887, стр. 411.

[167] А. Н. Бернштам, Труды Семиреченской археологической экспедиции, Чуйская долина..., стр. 67.

[168] Там же.

Стрелам, которые клались в могилу, уже не придавалось того значения, которое они имели в погребениях предшествующей эпохи. Они обозначали уже символ оружия. Вполне возможно, что стрелы, положенные в могилы Кую-Мазарского и Ляваидакского могильников, символизировали и луки, т. е. несколько стрел являлись символом лука и колчана со стрелами.

Такие случаи замены реального оружия его символами — широко распространенное явление в сарматских погребениях и в погребениях первых веков до н. э. и н. э. в Средней Азии. В сарматском погребении на Северном Кавказе в могилу вместо меча был положен обломок клинка. К. Ф. Смирнов, отмечая широкое распространение этого обычая, добавляет, что это, — «...одна из черт погребального обряда, присущая сарматским погребениям Нижнего Поволжья»[169].

М. Э. Воронец, рассматривая находки наконечников стрел в погребениях Средней Азии, обратил внимание на небольшое их количество и предположил, что в этом проявилось изменение верований[170]. Отмечая, что малое количество наконечников стрел в погребениях является символом колчана со стрелами, он также высказывает предположение о том, что обычай класть одну или несколько стрел связан и с другими представлениями древних народов, в частности с представлениями о стреле, или другом остром предмете, ноже и т. д., как об обереге от «злых духов»[171].

Обычай применения стрелы или других острых, режущих или колющих орудий в самых различных обрядах и у различных народов хорошо описан Н. И. Веселовским[172]. Необходимо только подчеркнуть, что стрела в погребальном обряде так же, как и в других обрядах, играла роль оберега.

Показав на многочисленных примерах применение стрелы, Н. И. Веселовский писал: «Стрела, как острый, колющий предмет, подобно иголке, ножу, топору, сабле, мечу, копью, а также колючему растению наводит страх на злого духа»[173].

Вероятно, это значение придавалось и тем немногочисленным стрелам, которые клались в могилы Кую-Мазарского и

---

[169] К. Ф. Смирнов, Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг., МИА СССР, М.—Л., 1951, № 23, стр. 259.

[170] М. Э. Воронец, Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах, Труды музея истории Узбекской ССР, вып. II, Ташкент, 1954, стр. 74.

[171] Там же .

[172] Н. И. Веселовский, Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение, ЗВОРАО, т. XXV, Петербург, 1921, 273—292.

[173] Там же, стр. 288.

Лявандакского могильников. Наряду с этими представлениями, стрела в поверье некоторых народов выступает и как охранитель места погребения и самого погребения.

Это хорошо видно и по одной из легенд, которыми окутана могила Чингиз-хана, вернее место, где он был погребен, которое до сих пор неизвестно. В этой легенде говорится, что когда в XV в. Монголия была завоевана ойратами, хан Адай искал убежища в орде (место погребения. — *О. О.*) Чингиз-хана, но был схвачен ойратами и убит. Ойратский предводитель Тогон-тайши в пылу гнева стал рубить саблей ограду орды и белого дома. Но потом, успокоившись, принес жертву Чингиз-хану. Когда он уходил, то заметил, что большая стрела в золотом колчане Чингиз-хана (конечно статуи Чингиз-хана. — *О. О.*) слегка дрожит. В тот же момент Тогон-тайши упал и лишился чувств, когда его раздели, то увидели у него между лопатками рану, как от стрелы. Когда осмотрели колчан Чингиз-хана, то на большой стреле нашли кровь[174].

В этой легенде стрела выступает не как охранитель от злого духа, а как охранитель могилы от осквернения, причем не духами, а живыми людьми. Этот новый аспект верования заставляет вспомнить свидетельства Геродота о похоронах скифских царей в Геррах. Геродот сообщает, что труп кладут в могилу на подстилке, по обеим сторонам трупа втыкают копья, которые покрывают досками и затем камышом. В остальном же пространстве хоронят наложницу царя, помещают вещи и т. д.[175]

Воткнутые в могилу копья и дротики часто находились археологами. Н. И. Веселовский при вскрытии могилы № 12 некрополя Танаиса в 1908 г. обнаружил копье, воткнутое поверх могилы[176].

Два дротика и одно копье нашел воткнутыми в землю между могилами А. А. Спицын в одном из скифских курганов на юге России[177]. При раскопках Дванского могильника VII—VI вв. до н. э. в Грузии в погребении № 7 был обнаружен железный наконечник копья, вертикально воткнутый в землю[178].

---

[174] В. В. Бартольд, К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов, Записки Восточного отделения Русского Археологического Общества, т. XXV, Петербург, 1921, стр. 71.

[175] Геродот, Книга IV, гл. 71, ВДИ, 1947, № 2, стр. 271.

[176] Отчет археологической комиссии за 1908 год, СПб., 1912, стр. 124.

[177] А. А. Спицын, Курганы скифов-пахарей, Известия археологической комиссии, вып. 65, Пг., 1918, стр. 115—116.

[178] С. И. Макалатия, Раскопки Дванского могильника, СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 229.

Эти копья и дротики не играли никакой конструктивной роли и не являлись погребальным инвентарем, ибо они не лежали около скелетов. Они несомненно втыкались в могилу как обереги, как охранители покойника от злых духов, а может быть и от грабителей. В этом отношении показателен курган № 13 во 2-й группе курганов около городища Лявандак.

При вскрытии насыпи этого кургана в центре была обнаружена длинная палка, нижний конец которой был укреплен над разрушенной могилой кусками гипса. Погребения в кургане № 13 неоднократно подвергались ограблению. Такая же участь постигла и последнее по времени погребение, причем подбой обрушился. Тогда на обнаруженный подбой была поставлена палка, а может быть и копье наконечником вверх, а насыпь возведена заново. Надо отметить, что насыпь не носила никаких следов ограбления, она имела вид полусферы, без всяких вмятин и прочих следов грабежа, поэтому и была намечена к вскрытию.

Нет сомнения в том, что обрушенная в кургане № 13 палка или была копьем, или же имитировала его. Возможно, что конец ее был заострен и она символизировала копье. Заостренная палка также могла служить оберегом от злых духов, как любой острый предмет. Так, заостренная палка применялась при брачных обрядах на Украине. На второй день после венчания на новобрачную надевалось покрывало, которое после определенных церемоний раскрывалось заостренной палкой (за неимением стрелы, как полагает Н. И. Веселовский). В этом обряде заостренная палка служила оберегом от дурного глаза, ибо на раскрываемую невесту смотрело много глаз, среди которых мог оказаться и «дурной»[179].

Известен также и обычай применения веретена, как оберега. У народов Южной Сибири существовал обычай класть в люльку новорожденной девочки веретено, которое должно было, по мнению этих народов, отгонять злых духов, которые могли похитить младенца[180].

Приведенные примеры делают вполне обоснованным предположение о применении палки, найденной в кургане № 13 в качестве оберега покойника от злых духов, а может быть и от грабителей. Причем эта палка, несомненно, имитировала копье, если не являлась его древком. Вполне также обоснованным будет и предположение о том, что это было копье, воткнутое для большего устрашения наконечником кверху, который может быть даже и выступал из насыпи. Для

---

[179] Н. И. Веселовский, указ. соч., стр. 291.
[180] Там же, стр. 278.

обоснования этого предположения можно сослаться на сообщение академика П. С. Палласа, которое приведено И. А. Кастанье при описании погребальных обычаев «киргиз» (нынешние казахи).

Так, П. С. Паллас сообщал, что у «киргиз» существовал обычай втыкания лопаты рукояткой вниз в насыпь, возведенную над могилой, и эти лопаты, по его словам, можно было видеть почти на каждой могиле[181]. Судя по этому сообщению, лопатка играла роль оберега могилы, которая охранялась торчащей кверху острой частью.

У тех же «киргиз» в похоронных обрядах видное место занимало копье или пика. Как только умирал «киргиз», в его юрте тотчас же особым образом устанавливали его найзу, пику. Ставили пику так, чтобы острый конец ее выходил через крышу юрты наружу. На этот конец повязывали особый флаг красного, черного или белого цветов, смотря по тому, какого возраста был умерший — молодой, средних лет или старик. В таком положении пику оставляли в течение года или дольше, до поминок, во время которых при определенных обрядах пику переламывали и затем втыкали обломки в могилу умершего[182]. Много таких пик или кольев, воткнутых в могилу, видел и сам И. А. Кастанье в Сыр-Дарьинской и Тургайской областях.

Обычай втыкать палки в могильный холмик был широко распространен и у народов Поволжья. Калмыки ставили два кола в могильную насыпь в ногах покойника и два в головах. Черемисы ставили кол, который покрывали платком[183]. Об обычае «киргиз» ставить колья или копья на могилах мужчин и повязывать их лоскутьями или связывать этими лоскутьями два кола или копья сообщает также и П. С. Паллас. На могилах же женщин втыкали колышки, употребляемые для установки юрты[184].

В этих сообщениях необходимо отметить указание на обычай втыкать в могилу колья или палки вместе с копьем или только одни колья, заменявшие копье.

Обычай втыкать палки в могильные насыпи существует и до наших дней. На любом из мусульманских кладбищ в Средней Азии можно видеть воткнутые в могильную насыпь одну или две палки, причем в последнем случае одна стоит в головах, а другая — в ногах погребенного в могиле покойника. Так, древний обычай втыкания копья в могилу, потеряв-

---

[181] И. А. Кастанье, Надгробные сооружения киргизских степей, Оренбург, 1911, стр. 83—84.
[182] Там же, стр. 72.
[183] Там же, стр. 81.
[184] Там же, стр. 84—85.

ший уже свой первоначальный смысл, сохранился до наших дней, несмотря на многие сотни лет господства ислама. Много таких палок можно видеть и на современных кладбищах Юго-западной Туркмении, которые М. Е. Массон считает отголоском древнего обычая ставить на могилах фертообразные или столбообразные намогильники[185].

В заключение необходимо добавить, что обнаруженная палка в насыпи кургана № 13 — первый случай такой находки в археологии Средней Азии.

Ножи из железа, найденные в погребениях Кую-Мазарского и Лявандакского могильников, — прямые, серповидные с прямым насадом для рукоятки и с кольцевым навершием на рукоятке — ввиду малых размеров вряд ли можно считать их оружием. Они имели бытовое назначение, что устанавливается по местоположению их в могиле — около передней ноги овцы. Ножи эти имели широкое распространение и являлись атрибутами сарматских погребений Южного Приуралья и Нижнего Поволжья.

Ножи серповидной формы с кольцевым навершием также имели широкое распространение и ведут свое происхождение от бронзовых ножей с кольцевыми навершиями[186]. Ножи с кольцевым навершием встречаются в археологическом материале от Монголии[187] до Кавказа[188].

В Средней Азии ножи серповидной формы, но несколько крупнее, найдены в 1951 году в муг-хона Наманганской области Узбекистана. Погребения в муг-хона М. Э. Воронец датирует I—II вв. н. э.[189].

Каменные оселки из погребений могильников могут найти себе аналогии в материале первых веков до н. э. и первых веков н. э. Южной Сибири[190], Средней Азии[191] и Кавказа[192].

---

[185] М. Е. Массон, О происхождении некоторых каменных намогильников Южной Туркмении, Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 55.

[186] В. В. Радлов, Сибирские древности, Материалы по археологии России, № 3, СПб., 1888, стр. 10—11.

[187] С. В. Киселев, Монголия в древности..., стр. 359, рис. 2.

[188] С. М. Казиев, Новые археологические находки в Минчегауре в 1949 г., Известия АН АзербССР, Баку, 1949, № 9, стр. 92, рис. 3.

[189] М. Э. Воронец, Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук..., стр. 77, см. также рис. 21 на стр. 72.

[190] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири..., стр. 298.

[191] Т. Г. Оболдуева, Археологические наблюдения на Северно-Ферганском канале, Известия УзФАН СССР, Ташкент, 1940, № 10, стр. 30—31.

[192] Е. И. Крупнов, Новый памятник древних культур Дагестана, МИА СССР, № 23, М.—Л., 1951, стр. 217, рис. 8.

Снаряжение, в котором находились погребенные в обоих могильниках, представлено большим количеством железных изделий в виде колец и пряжек. Железные пряжки, найденные в курганах могильников, были нескольких типов. Первый — это круглые пряжки в виде колец с подвижным язычком, второй тип — это пряжки в виде пластин с кнопкой или крючком для застегивания и третий тип — пряжки с фигурной рамкой и длинным лопаточкообразным язычком.

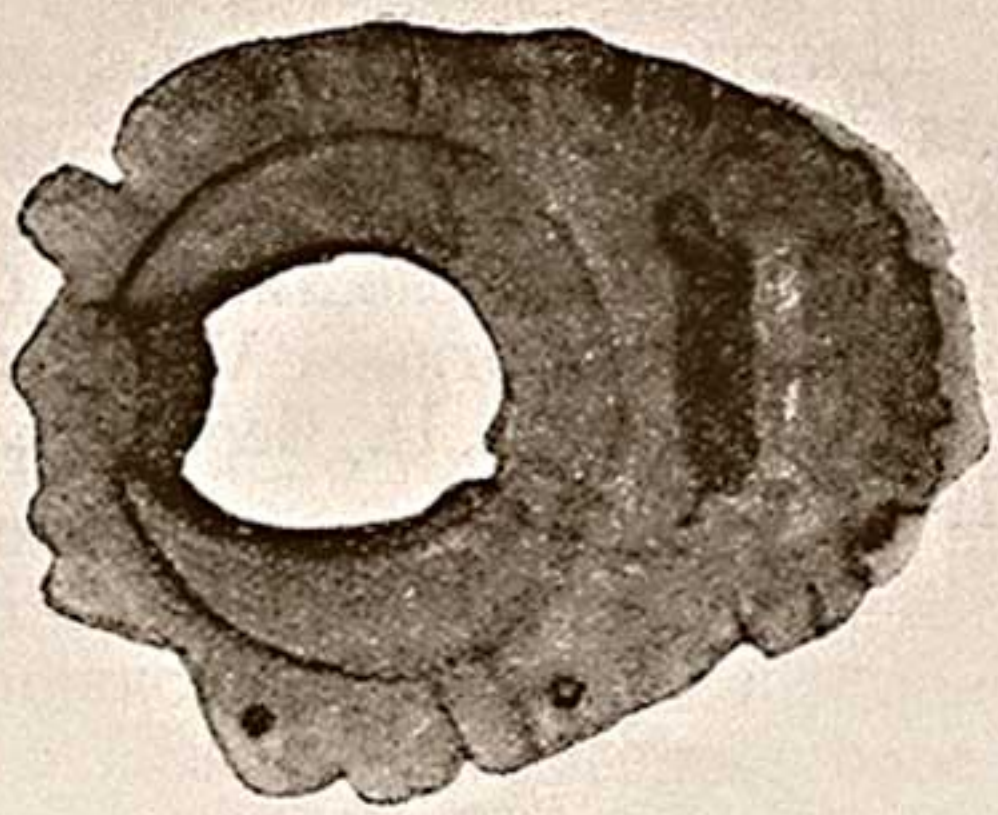


Рис. 11. Пряжка из кургана № 4.

Но пряжки делались не только из железа, в погребениях могильника была найдена пряжка из кости очень плохой сохранности в кургане № 1 1-й группы курганов около городища Лявандак. На некоторых железных круглых пряжках с подвижным языком сохранились остатки сыромятных ремней, к которым они были прикреплены. На конце ремня делалось продольное отверстие в виде полосы, затем этот конец ремня надевался на язычок, а длинный свободный конец пропускался в этот надрез и затягивал образовавшуюся таким образом петлю. Пряжки с круглой рамкой в виде кольца и подвижным язычком широко представлены в находках из погребений Средней Азии, Южного Приуралья и Нижнего Поволжья первых веков до н. э. и н. э., а поэтому и не представляют особого интереса. Более интересные впервые найдены в Средней Азии. К ним принадлежат пряжки с фигурной рамкой и подвижным лопаточкообразным язычком из кургана № 2 1-й группы курганов около городища Лявандак.

Аналогичная пряжка в фрагментарном состоянии найдена была П. Д. Рау в 1927 г. в кургане Е-25 в погребении № 19 (Нижнее Поволжье), которое относится к II—I вв. до н. э. Найденная П. Д. Рау пряжка имеет удлиненную с округлым концом рамку и длинный язычок. Вторая же, округлая часть рамки, у этой пряжки отломана[193]. Найденные в кургане Лявандакского могильника две пряжки дают теперь полное представление об их виде. Судя по обстоятельствам их находки, одна из них лежала ближе к левому плечу скелета, а

---

[193] И. В. Синицын, К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья..., стр. 91, рис. 25.

вторая — выше правого бедра, около которого находился меч, вероятно, были прикреплены к ремню, на который вешался меч.

Пластинчатые пряжки с кнопкой или крючком из железа для застегивания, как в кургане №2 2-й группы курганов около городища Лявандак, и кости известны в археологии по пряжкам такого же типа из бронзы и кости, по находкам из туяхтинских курганов V—IV вв. до н. э. в Южной Сибири[194] и по находке А. Н. Бернштама в Берккаринском могильнике III—I вв. до н. э.

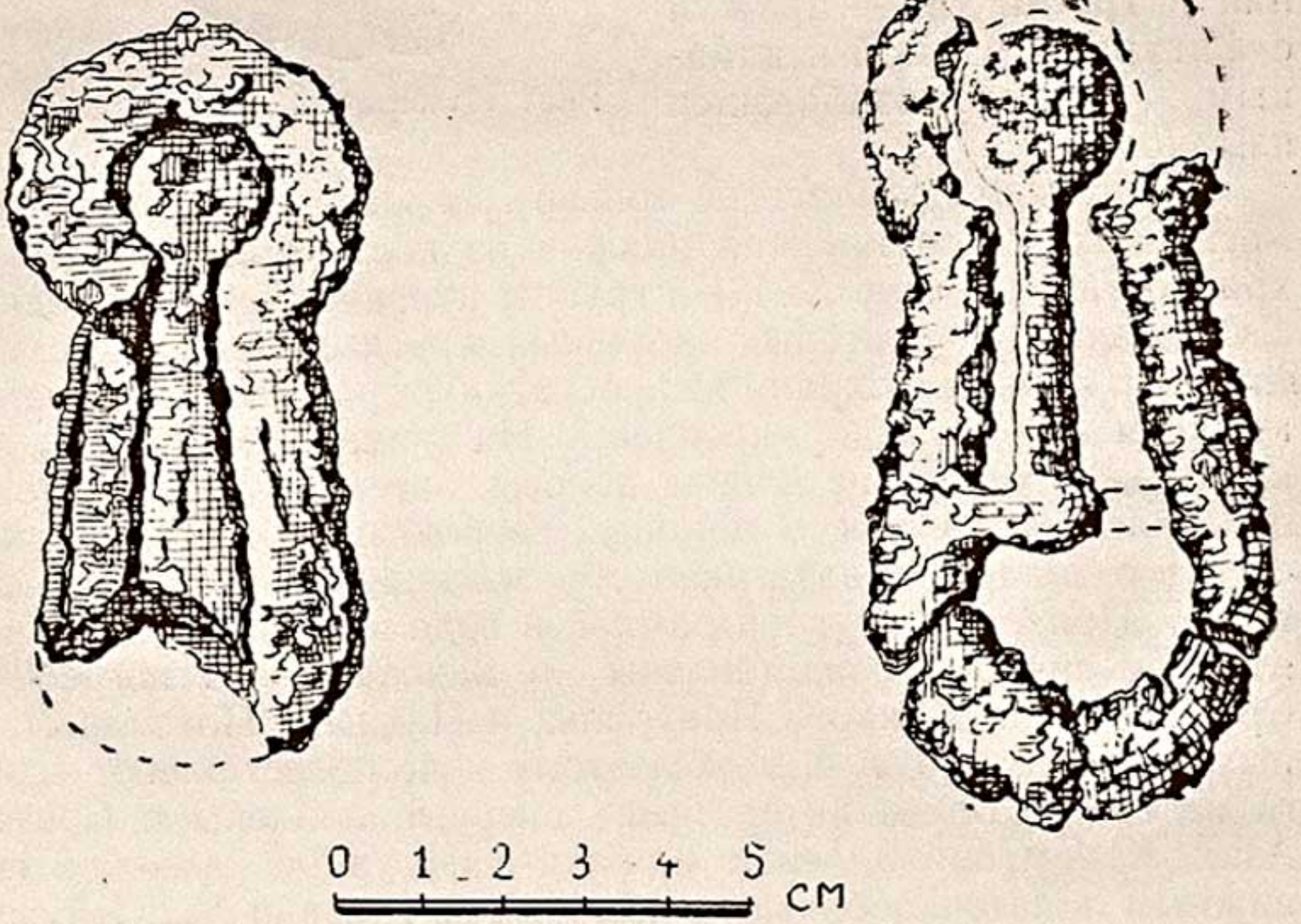


Рис. 12. Пряжки из кургана № 2.

Керамика в погребениях могильника представлена несколькими видами сосудов, которые различны по форме. Самая большая группа сосудов — это кувшины с ручками и без ручки. У всех кувшинов с ручками, за исключением одного, венчики профилированы. Фляга имеет уплощенную одну сторону и прямую горловину. Один из найденных бокалов совершенно целый, а второй представлен фрагментом донца. Имеются также небольшая чаша и миска с круглым поддоном и отогнутым наружу венчиком.

---

[194] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири..., стр. 296 и сл.

Кувшины с профилированными венчиками найдены в Средней Азии впервые. Следовательно, никаких аналогий в керамическом материале Средней Азии подобрать нельзя. Сосуды с такой же профилировкой венчиков, в том числе и кувшины, известны по находкам в Северном Причерноморье.

Они найдены при раскопках на Таманском полуострове, при раскопках Мирмикея, Херсонеса и по форме схожи с кувшинами, найденными в погребениях Лявандакского могильника, в курганах № 1 1-й группы около городища Лявандак, в кургане № 8 2-й группы около того же городища, в кургане № 13 этой же группы и в кургане у тригонометрического пункта. Кувшины из Лявандакского могильника отличаются от кувшинов, найденных в Северном Причерноморье отсутствием росписи по тулову и кольцевой ножки, свойственной кувшинам из Северного Причерноморья. Венчики же тех и других кувшинов схожи своей профилировкой[195].

Кувшины, найденные при раскопках городов Северного Причерноморья Т. Н. Книпович, на основе анализа росписи датируются III—II вв. до н. э.[196]

Профилировка венчиков кувшинов из кургана № 1 и из кургана № 13 отличается тщательностью, изяществом от профилировки венчиков других кувшинов, что сближает эти аккуратно сделанные венчики с профилированными венчиками аттических амфор[197].

Такая же профилировка венчиков и у ионийских амфор, найденных во время раскопок 1920—1921 гг. в Ольвии[198].

Более массивный профилированный венчик у кувшина III в. до н. э., хранящегося в Одесском музее. Этот кувшин схож с кувшинами из Лявандакского могильника только лишь типом профилировки, в остальном же он резко отличается от последних[199].

Кувшины с профилированными венчиками имеют одну особенность техники изготовления. Профилировка венчика сделана до прикрепления ручки, т. е. она делалась по всей окружности венчика, что может навести на мысль о том, что про-

---

[195] Т. Н. Книпович, Из истории художественной керамики Северного Причерноморья, СА, VII, М.—Л., 1941, рис. 4—5, 7.

[196] Там же, стр. 150.

[197] Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма, СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 278, рис. 5—3,5.

[198] С. А. Семенов-Зусер, Отчет о раскопках в Ольвии в 1920—21 гг., Известия Государственной Академии истории материальной культуры, т. X, вып. 5, М. —Л., 1931, стр. 19, рис. 20.

[199] А. П. Иванова, Искусство античных городов Северного Причерноморья, Л., 1953, рис. на стр. 73.

филировка была выполнена так же, как и на сосудах, не имевших таких ручек. В этой особенности техники изготовления можно также усмотреть желание мастера-керамиста подражать этой профилировкой другим, более роскошным керамическим изделиям. Судя по приведенным аналогиям, можно считать, что подобная профилировка венчиков — совершенно новое явление в древней керамике Средней Азии, а сам прием украшения венчиков таким способом заимствован из Северного Причерноморья, ибо керамические изделия Нижнего Поволжья сарматского времени ничего подобного не имеют. Необходимо отметить еще две характерные черты формы этих кувшинов,— это длинная цилиндрическая горловина, очень похожая на горловины античных амфор из Северного Причерноморья, и небольшая кольцевая выемка в месте перехода горловины в плечики кувшина, создающая впечатление, что горловина как бы врезана в тулово кувшина. Это сближает кувшины из Лявандакского могильника с упомянутым выше сарматским кувшином из «Круглого кургана» в окрестностях Танаиса[200].

Вторым видом кувшинов с ручкой является кувшин из кургана № 6 2-й группы курганов около городища Лявандак. Этот кувшин имеет почти шаровидное тулово с плоским дном и плоским венчиком, отогнутым наружу. Причем ручка сделана одновременно с формовкой венчика или же настолько тщательно заглажено место ее прикрепления к венчику, что никаких следов, указывающих на ее прикрепление после выделки венчика, нет. Этот кувшин имеет одну деталь, которая сближает его с кувшином, но без ручки, найденным в погребении эпохи поздней бронзы под Бугурусланом. На обоих этих кувшинах есть небольшой острый бортик, разграничивающий тулово и горло сосуда. Причем этот бортик имеет вид наплыва, как бы нависающий над туловом[201].

Второй, такого же типа выступ, или скорее ребро, имеется у кувшина из Лявандакского могильника на средней части горловины. Это сближает его с кувшином, имеющим такое же ребро на горлышке, из сарматского погребения около с. Бородаевка (Нижнее Поволжье), исследованного П. Д. Рау в 1928 г.[202]

Кувшин без ручки был найден в кургане № 14 2-й группы курганов юго-восточнее городища Ходжа-Аджуванди-тепе и по своей форме идентичен кувшину из кургана № 30 Кую-Ма-

---

[200] Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 114, рис. 50.
[201] В. Я. Толмачев, Раскопки и разведки 1910 года, Известия археологической комиссии, вып. 53, Пг., 1914, стр. 116, рис. 12.
[202] И. В. Синицын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья..., табл. III, рис. 4.

Рис. 13. Кувшины, боковые чаши

1 — бокал из кургана № 4 близ городища Ходжа Аджуванди; *2* — бокал из кургана у тригонометрического пункта; *3* — миска из кургана № 6; *4* — чаша из кургана № 7; *5* — кувшин из кургана № 1; *6* — то же, из кургана у тригонометрического пункта; *7* — кувшин из кургана № 8; *8* — фляга из кургана № 2.

зарского могильника. Этот кувшин был обнаружен разбитым, но судя по сохранившимся фрагментам, он имел такую же форму, как и первый, но несколько большей величины. Оба кувшина по форме очень близки сарматским кувшинам из Нижнего Поволжья[203] и Северного Кавказа[204]. Разница между ними заключается лишь в технике изготовления — сарматские кувшины лепные, а лявандакские сделаны на гончарном круге.

Фляга из погребения находит себе аналогии в материале Средней Азии. Такого типа фляги хорошо известны по находкам в могильнике близ Ширинсая, на Большом Ферганском канале и в Южной Туркмении. По своей форме она одинакова с флягой из погребения № 14 могильника II—III вв. н. э. близ Ширинсая. Последняя покрыта прочерченным спиралевидным орнаментом на выпуклой стороне[205], а лявандакская имеет орнамент в виде концентрических окружностей.

Бокал на ножке, найденный в кургане у тригонометрического пункта, совершенно одинаков по форме тулова с бокалом из Кую-Мазарского могильника[206], но несколько отличается от него по форме ножек и поддонов. Ножка бокала из Кую-Мазара слегка канеллирована, а поддон бокала из кургана у тригонометрического пункта имеет ступенчатый профиль.

Бокалы на ножке в виде целых форм и в фрагментарном состоянии встречаются на территории Средней Азии во многих местах. Они отличны по форме тулова и ножек, по покрытию ангобом и лощением.

Бокалы из погребений рассматриваемых могильников по форме тулова и ножке почти идентичны бокалу II—I вв. до н. э., найденному под Сталинабадом. Небольшая разница между этими бокалами заключается в большей сложности профилировки поддона и тонкостенности бокала из-под Сталинабада[207].

Вторая маленькая чаша из кургана № 7 2-й группы курганов около городища Лявандак аналогична по своей форме и

---

[203] И. В. Синицын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья..., стр. 74, рис. 47.

[204] К. Ф. Смирнов, Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа..., стр. 120, рис. 36—4.

[205] В. Ф. Гайдукевич, Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг., КСИИМК, XIV, стр. 96, рис. 49—I.

[206] О. В. Обельченко, Кую-Мазарский могильник..., стр. 214, рис. 9.

[207] Н. Н. Забелина, Новые археологические находки из Гиссарской долины, Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР, Археология, вып. 1, Сталинабад, 1952, стр. 24, рис. 1.

покрытию серым ангобом чашам из слоя Кобадиан-II на городище Кей-Кобад-шах, который датируется концом II—I вв. до н. э.[208]

Небольшая миска с отогнутым венчиком, найденная в кургане № 6 2-й группы курганов около городища Лявандак, также находит себе аналогии в керамическом материале из слоя Кобадиан-II на городище Кей-Кобад-шах[209].

Заканчивая на этом обзор керамики из погребений, следует отметить, что она в основном среднеазиатского происхождения. Одновременно с этим в керамических изделиях из могильников видны и элементы сарматской керамики Нижнего Поволжья и античных городов Северного Причерноморья. К бытовым предметам, найденным в погребениях могильников, относится железная игла из кургана № 6. Точно такая же игла была найдена в слое Кобадиан-I упомянутого городища[210].

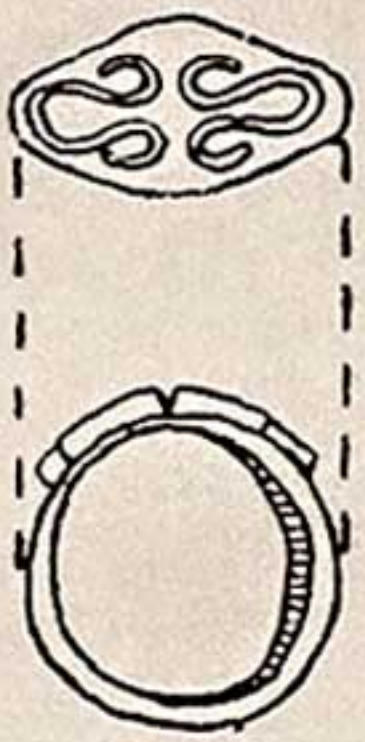


Рис. 14. Перстень из кургана № 6.

Украшения, найденные в погребениях Лявандакского могильника, представлены бусами, золотой плакеткой и височными подвесками.

Бусы найдены в курганах № 6 и 8 2-й группы курганов около городища Лявандак. Большую часть бус составляют сердоликовые круглой и бочковидной форм с узким каналом. Значительную часть составляют и стеклянные золоченые бусы, у которых золотая фольга покрыта слоем стекла. Формы их разнообразны. Имеются бочонковидные и тыквовидно-рубчатые бусы с широким каналом, в виде миниатюрных трубочек с кольцевыми выемками, бородавчатые и мелкий бисер.

Бусы с золотистой фольгой, вплавленной в стекло, хорошо известны и были широко распространены в Средней Азии, в Поволжье и на Кавказе. Бусы этого типа известны с ахеменидского и раннеэллинистического времени на Кавказе по раскопкам кувшинного некрополя в Нижнем Гоми (Западная Грузия)[211]. В Средней Азии они встречаются в различных местах, в том числе и в Хорезме. В частности, они были найдены при раскопках крепости Джанбас-кала. На основании многочис-

---

[208] М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.), МИА СССР, М.—Л., 1953, № 37, стр. 283, 286.

[209] Там же, стр. 283—285, рис. 20.

[210] Там же, стр. 291, рис. 19.

[211] Б. А. Куфтин, Археологические изыскания в Рионской низменности и на Черноморском побережье 1935 и 1936 годов, Материалы к археологии Колхиды, вып. II, Тбилиси, 1950, стр. 53—55.

ленных аналогий этим бусам, а также другим видам их, И. В. Пташникова указывает, что они бытовали в период III в. до н. э. — II в. н. э.[212]

Подвески из кургана № 6 Лявандакского могильника некоторыми деталями сходны с бронзовыми шаровидными подвесками из погребения № 25 кувшинного могильника VI—III вв. до н. э. в Нижнем Гоми (Грузия). Одна из этих подвесок, состоящая из двух полушарий, имеет рифленую поверхность, чем напоминает верхние части подвесок из Лявандакского могильника. Сверху подвески из Нижнего Гоми имеют такие же круглые петельки для подвешивания, как и лявандакские, у которых в эти петельки продета согнутая в кольцо золотая проволока. Б. А. Куфтин, предполагая, что это серьги, не исключал возможности, что они являлись центральными подвесками ожерелья[213].

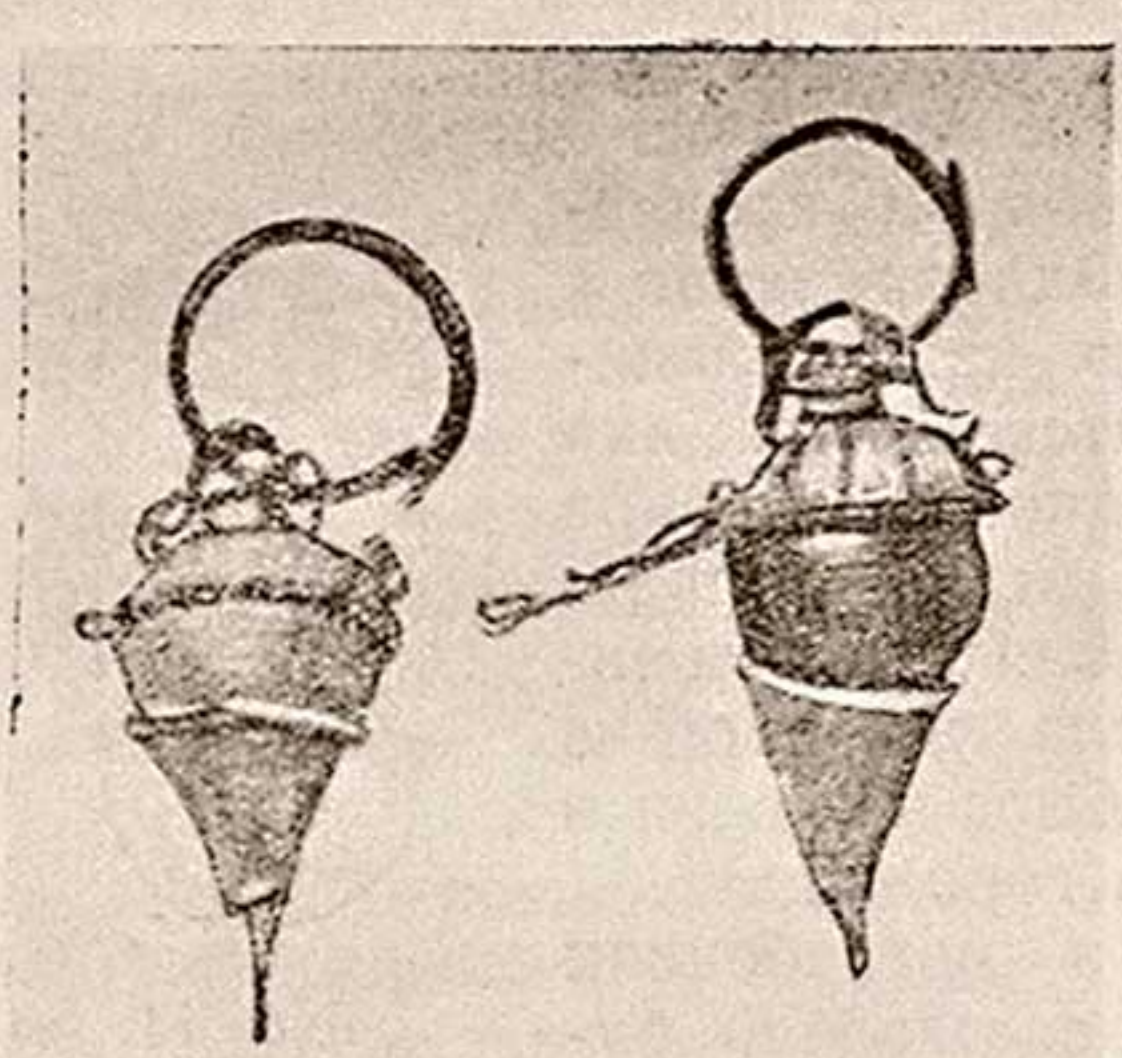


Рис. 15. Подвески из кургана № 6.

Нижние конические колпачки подвесок из Лявандакского могильника очень похожи на серьгу, найденную П. С. Уваровой в Осетии. Серьга состоит из двух конических серебряных колпачков, спаянных широкими частями. Через эту биконическую серьгу пропущена серебряная проволока, согнутая в кольцо, один конец которого заострен, а другой имеет петлю для пропуска в него острого конца проволоки. Интересны конусовидные колпачки этой серьги — они имеют закругленные бортики на широком и узком концах и украшены сканным орнаментом. Правда, эта скань, как и сами колпачки, хорошо выделана, в то время как бортики колпачков Лявандакской подвески покрыты косыми насечками, имитирующими скань[214]. Погребения в Нижнем Гоми датированы, а серьги, приобретенные П. С. Уваровой, даты не имеют. Место и обстоятельства

---

[212] И. В. Пташникова, Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 1, М., 1952, стр. 107—108.

[213] Б. А. Куфтин, указ. соч., стр. 50, табл. 10, 15.

[214] П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, Материалы по археологии Кавказа, вып. VIII, М., 1900, стр. 335, рис. 283.

находки также неизвестны. Последнее несколько затрудняет определение во времени подвесок из Лявандакского могильника, но некоторые указания на их принадлежность к изделиям эллинистического времени можно усмотреть в одинаковой орнаментации биконических серег прохоровской культуры Южного Приуралья. Серьги из погребения прохоровской культуры в месте стыка широких сторон конусов украшены косыми насечками, имитирующими скань, что сближает их со всеми рассмотренными объектами[215] и дает возможность причислить подвески из Лявандакского могильника к изделиям эллинистического времени.

Для подтверждения этого предположения можно указать также на распространенный прием обрамления греко-бактрийских золотых и серебряных фаларов орнаментальным жгутиком[216]. Этот же прием обрамления характерен и для золотых и серебряных плакеток из могильника Ноин-Ула[217].

Плакетка из золота, найденная в кургане № 6 Лявандакского могильника с горельефным изображением женской головки в обрамлении перлов поражает своим удивительным сходством изображения лица с лицом богини-охотницы на серебряном медальоне, найденном в 1886 г. в Тобольской губернии. На серебряном медальоне и на плакетке изображен один и тот же персонаж — богиня-охотница или богиня-воительница. Лицо на плакетке и лицо на медальоне имеют совершенно одинаковые черты с разницей в исполнении. Эта разница обусловлена небольшими размерами изображения на плакетке и некоторой схематизацией, делающей изображение грубоватым, несколько упрощенным. Но несмотря на это отличие, в исполнении лица на плакетке видно желание мастера передать все черты, присущие этому лицу.

На серебряном медальоне дано погрудное изображение богини-охотницы с ее атрибутами. Лицо богини полное, с покатым и узким лбом, узким, расширяющимся книзу носом с приплюснутым кончиком, в углах губ углубленные точки. Над верхней и под нижней губой ямочки. Веки глаз четко выступают так же, как и брови, смыкающиеся на переносье[218].

---

[215] М. И. Ростовцев, указ. соч., табл. VII. Очень близки прохоровским серьги из скифского кургана в бассейне р. Сулы. См. В. А. Ильинская, Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы, КСИИМК, 54, стр. 30, рис. 11—6 на стр. 29.

[216] К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, табл. 7—10.

[217] С. Trever, Excavations in Northen Mongolia (1924 — 1925), Memoirs of the Academy of Nistory of Material Culture, III, Leningrad, 1932, табл. 24, 25, рис. 2, 9.

[218] К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства..., стр. 61—62, табл. 12.

Все эти черты видны на лице, изображенном на плакетке. Тот же нос, расширяющийся книзу, узкая полоска губ с точечными углублениями по углам, те же ямочки над верхней и под нижней губой. Нижние веки глаз для придания им рельефности подчеркнуты резцом. У лица на плакетке такой же узкий покатый лоб, как у лица на медальоне. Волосы, имитирующие валик, как парик обрамляют лицо, закрывая уши. То же самое можно видеть и на медальоне, но с разницей в передаче прически. На медальоне волосы зачесаны отдельными прядями, образующими валик, в середине его

Рис. 16. Золотая плакетка из кургана № 6; увеличено в 3 раза.

линия пробора, которая есть и на плакетке. Мастер, изображая прическу на плакетке, пытался исполнить такую же, однако она получилась схематичной. За этим валиком волосы у изображения на плакетке слегка взбиты так же, как и у изображения на медальоне. Валик из волос у персонажа на медальоне оканчивается свисающими от ушей на плечи завитыми локонами, которые не изображены на плакетке ввиду отсутствия необходимого для этого пространства. Эти два памятника художественной культуры изображают один и тот же персонаж — богиню-охотницу, только на медальоне дано изображение в классической форме, а на плакетке — упрощенное.

Сравнивая изображения на медальоне с изображениями богини Артемиды — покровительницы животных и охоты — на монетах царей Греко-Бактрии и кушанских монетах царя Хувишки (II в. н. э.), К. В. Тревер пришла к выводу, что прототипом этого изображения был образ Артемиды — Дианы, который сложился на основе не дошедших до нас статуй, созданных греческими художниками. Изображение на медальоне, по словам К. В. Тревер,— единственный случай отражения в произведении торевтики, заимствованного из эллинистического мира образа божества, но несколько видоизмененного бактрийским мастером[219].

---

[219] К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства..., стр. 63—64.

По аналогиям с изображением Артемиды на монетах Деметрия она датирует этот медальон первой третью II в. до н. э.[220]

Находку в кургане № 6 можно считать первой находкой изображения Артемиды в виде самостоятельного художественного произведения на территории Средней Азии.

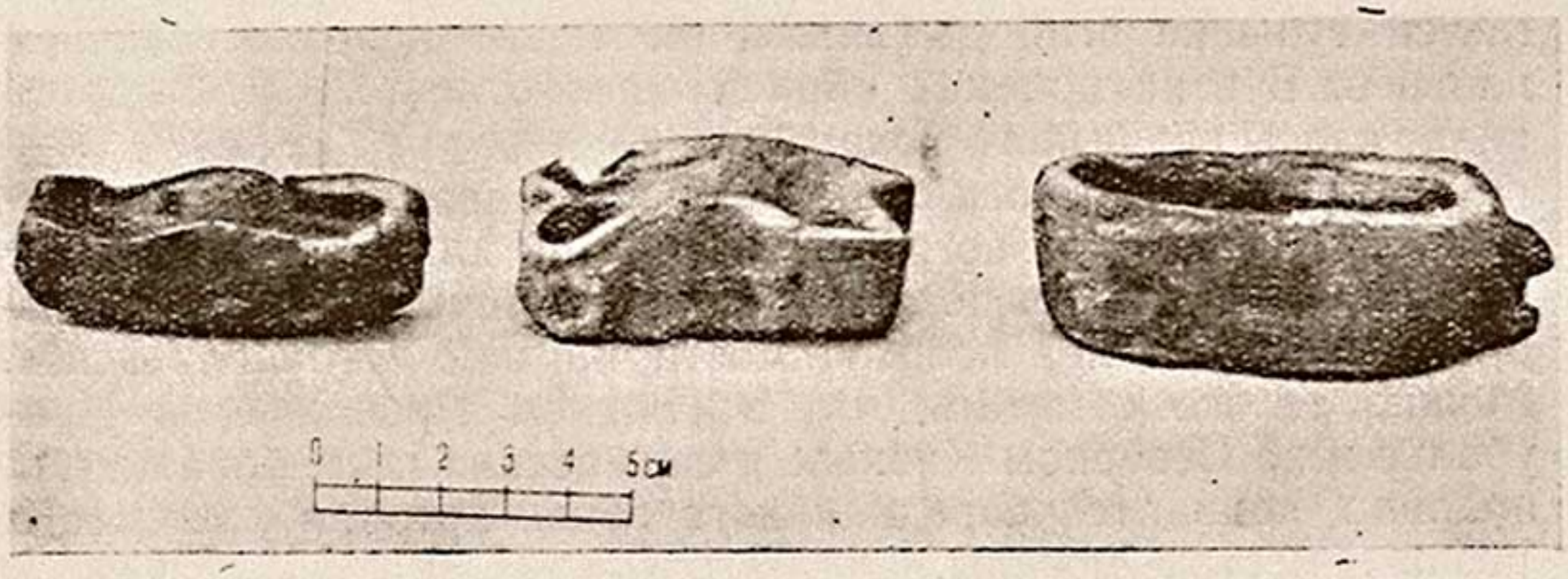


Рис. 17. Курильницы (слева направо: из курганов № 1 и № 8, из кургана у тригонометрического пункта).

Принадлежность находки к головному убору погребенной в кургане № 6 несомненна. Во-первых, плакетка с обратной стороны имеет петлю для нашивания, а во-вторых, она была найдена на затылке черепа, куда могла сползти вследствие тления матерчатого головного убора, видимо, венчавшего его. Около черепа и под черепом было найдено большое количество мелких бус, которыми, вероятно, был расшит головной убор, а по сторонам черепа находились подвески, которые украшали головной убор. При раскопках никаких остатков ткани не встретилось, она полностью истлела.

Курильницы, найденные в погребениях, имели различные формы, но были одинаковыми по технике изготовления. Все они грубой лепки от руки, со следами обжига на костре. Служили они для сжигания в них растений, дым которых должен был отгонять «злых духов» от покойника. Этот обычай воскурения был широко распространен как в древности, так и позже, и как пережиток сохранился в религиозных обрядах до наших дней.

Огонь, как известно, играл большую роль в религиозных обрядах в древности и был объектом поклонения зороастрийцев. В Индии до сих пор существует секта огнепоклонников-гебров. Очевидно, и у оставивших после себя рассматриваемые могильники огонь почитался не только в виде костра, но и

---

[220] К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства..., стр. 63—64.

горевшего в курильнице. Пройдя через много веков и через различные виды поклонения, огонь и до наших дней остается в представлениях некоторых народов стихией, которая требует к себе почтительного отношения.

Следы почтительного отношения к огню видны до сих пор повсюду в Средней Азии — горящие дрова никогда не тушатся, а выносятся из помещения на двор догорать, также избегается тушение огня дыханием, он тушится прикосновением пальцев. В этих приемах обращения с огнем М. С. Андреев видит следы его былого почитания[221].

Кости передней ноги овцы с лопаткой являются неотъемлемым атрибутом всех погребений. Обычай класть в могилу определенную долю мясного рациона покойнику настолько распространен, что нет необходимости на нем останавливаться. Можно только отметить, что в Нижнем Поволжье, в Приуралье и на Северном Кавказе в сарматских погребениях, как правило, находится передняя нога овцы, которая кладется в разных местах могилы.

В курганах карасукской и тагарской эпох в Хакассии преобладают кости передней ноги и передней части туши овцы. Согласно обычаям хакассов эти части считаются почетными, их подают гостю, а при похоронах кладут в могилу[222].

В кургане № 6 2-й группы курганов около городища Лявандак были кости правой передней ноги овцы с лопаткой и ребрами, т. е. в эту могилу был положен бочок. В кургане № 8 той же группы был найден крупный фрагмент обожженной лопатки овцы, кости ног отсутствовали. Явление это не случайное, если учесть, что оба эти погребения женские. Следует вспомнить и инвентарь этих погребений. В обеих могилах были найдены наконечники стрел (по одному в каждой). Богатством инвентаря выделяется погребение в кургане № 6. На покойнице был расшитый стеклянным бисером и бусами головной убор, украшенный на висках подвесками, а на верху этого убора была нашита плакетка с изображением Артемиды-Дианы, в ногах лежали предметы бытового обихода; игла, пряслице, ножскребло. Одета была покойница в одежду, манжеты рукавов которой были обшиты бисером из гишера, под левой лопаткой лежало бронзовое зеркало с костяной оправой рукоятки. В ногах стояла миска, а в головах — кувшин, курильница, нож и бочок овцы. Факт положения в могилу бочка, большего ко-

---

[221] М. С. Андреев, О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии и в сопредельных с нею странах, Труды Института истории, языка и литературы ТаджФАН СССР, т. XXIX, История, археология, этнография, язык и литература, Сталинабад, 1951, стр. 76.

[222] А. Н. Липский, Археологические раскопки в Хакассии..., стр. 128—129.

личества мяса, чем в другие погребения, указывает на особое почтение к погребенной. Наличие бытовых предметов в могиле как бы ограничивает роль женщины домашним хозяйством, но в то же время присутствие наконечника стрелы указывает на ее равноправное участие во всех событиях того времени.

Все эти данные, а также факт захоронения женщин отдельно с несомненной убедительностью говорят о том, что пережитки матриархата были еще очень сильны. По определению В. Я. Зезенковой, череп из кургана № 6 принадлежал очень молодой женщине.

Интересна находка в кургане № 8 крупного фрагмента бараньей лопатки, обожженной огнем. Подобного рода находки в погребениях М. Э. Воронец совершенно справедливо относит к числу культовых предметов. Он напоминает о древних обычаях гадания по бараньим лопаткам, которое происходило иногда по трещинам, образующимся от обжигания лопаток на огне[223]. С этими же культовыми и магическими обрядами связывает М. Э. Воронец и покрытие бараньих лопаток надписями, находки которых известны в различных пунктах Средней Азии[224].

Роль женщины-воина, женщины-жрицы в савромато-сарматском обществе хорошо показана Б. Н. Граковым в его известной работе[225]. Все приведенные им факты полностью совпадают с теми данными, которые были получены в результате раскопок женских погребений в курганах № 6 и 8 (особенно в № 6).

Аналогичное положение женщины характерно и для сарматского общества Северного Кавказа[226].

Погребение в кургане № 4 1-й группы (юго-восточнее городища Ходжа-Аджуванди-тепе) является как бы связующим звеном между описанными погребениями и более поздними Кую-Мазарского могильника[227]. Связь эта видна в следующем. Скелеты обоих погребений находятся в подбойных могилах, в обоих курганах скелеты ориентированы головой в южную

---

[223] М. Э. Воронец, Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР..., стр. 64—65.

[224] С. Б. Певзнер, О двух арабских азбуках из раскопок в Мерве, Эпиграфика Востока, IX, М.—Л., 1954, стр. 37.

[225] Б. Н. Граков, Пережитки матриархата у сарматов..., стр. 118—120.

[226] К. Ф. Смирнов, Археологические исследования в районе селения Тарки..., стр. 259; Б. В. Лунин, Очерки истории Подонья-Приазовья, Ростов-на-Дону, 1949, стр. 89.

[227] О. В. Обельченко, Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника..., стр.109 и сл.

сторону. Но в кургане № 4 имеется парное погребение, причем женский скелет лежит головой на север, и в головах у него находится бокал с изломанным профилем и чернованым ангобом снаружи. Это резко отличает данное погребение от всех погребений первой хронологической группы. Но в том же погребении есть находка, сближающая его с погребениями первой хронологической группы — это костяная пряжка с железной кнопкой для застегивания (такого же типа как пряжки из кости[228] и железа).

Кубок с ломаными контурами стенок из кургана № 4 подобен кубку такого типа с городища Айртам и найденному в районе Катта-Курганского водохранилища. Айртамский кубок имеет удлиненную нижнюю часть, что сближает его с кубком из Ляваидакского могильника[229]. Кубок из района Катта-Курганского водохранилища имеет более вытянутую верхнюю часть и отогнутый наружу венчик, что отличает его от Ляваидакского[230]. Кубки из Айртама и Катта-Курганского водохранилища датируются первыми веками н. э., к этому же времени можно отнести и ляваидакский, если сравнить его с кубками, найденными на городищах Хайрабад-тепе и Балалык-тепе в Сурхан-Дарьинской области. Кубки с Хайрабад-тепе имеют стенки, идущие от места перегиба вертикально вверх, что сближает их с кубками с Айртама. Время их бытования относится к IV—V вв. н. э.[231] Близок по форме кубок из Тулхарского могильника в Южном Таджикистане[232]. Судя по находкам кубков с изломанным профилем стенок в слоях первых веков н. э., очевидно, можно, считать, что это более поздняя форма, в то время как для слоев первых веков до н. э. характерна рюмковидная форма кубков и с плавным переходом стенок от донца к тулову.

Переходя к вопросам датировки, прежде всего, необходимо отметить архаичный облик погребений. Эта архаичность хорошо видна по погребальному ритуалу: втыкание копья в могилу, скорченность, устойчивость южной ориентации, тип погребальных сооружений. Все это является данью традициям, уходящим в глубь веков. Часть инвентаря также носит печать архаики, как например украшения и детали снаряжения.

---

[228] О. В. Обельченко, Кую-Мазарский могильник..., стр. 209, рис. 5.

[229] М. И. Вязьмитина, Керамика Айртама времени кушанов, Труды ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945, стр. 49—50, 57, табл. II, рис. 2.

[230] Т. Н. Книпович, Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода, КСИИМК XXVIII, стр. 76, рис. 17.

[231] Эти сведения любезно сообщены Л. И. Альбаумом.

[232] А. М. Мандельштам, Археологические работы в Бишкентской долине..., стр. 145, рис. 6—1.

Но ориентироваться на обряды нельзя, они, как правило, являются традиционными и могут сохраниться в виде пережитка совсем при ином социально-экономическом строе общества, чем при котором они появились. Особенно живучи пережитки в области религиозных воззрений, к которым и относятся погребальные обычаи и обряды. Религия всегда и во все эпохи была хранительницей всего традиционного и консервативного, по словам Ф. Энгельса. Он писал, что «. . . раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой»[233].

Забвение этого положения приводило некоторых советских ученых к крупным ошибкам при определении археологических памятников во времени. Такого рода ошибка была допущена Г. В. Григорьевым при датировке культуры Каунчи, на что неоднократно указывалось многими исследователями[234].

Оружие и керамические изделия, найденные в погребениях, дают более раннюю дату, нежели украшения и погребальный ритуал. На основании аналогий предметам вооружения и керамики некоторые погребения могильника можно датировать второй половиной II—I вв. до н. э., другие же — рубежом н. э. или же I в. н.э.

Ко второй половине II в. до н. э. можно отнести погребения Ляваидакского могильника в кургане у тригонометрического пункта, в котором весь инвентарь относится к этому времени. Меч, типичный прохоровский, дает даже более раннюю дату. Зеркала, обнаруженные в погребении кургана № 1 1-й группы курганов около городища Ляваидак и в погребении в кургане № 6 2-й группы курганов около того же городища, очень близки по форме диска к прохоровским.

К рубежу нашей эры, а может быть и к I в. н. э. можно отнести погребение в кургане № 2 1-й группы курганов около городища Ляваидак потому, что среди инвентаря этого погребения имеется фляга с уплощенным боком, очень схожая с флягами из погребений каунчинской культуры и могильника близ Ширинсая.

Остальные же погребения можно датировать I в. до н. э. Датировка большей части погребений I в. до н. э. не должна однако считаться прочной для всех погребений, попавших в это число. Тот инвентарь, который найден в этих погребениях,

---

[233] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Госполитиздат, 1953, стр. 52.

[234] См., например, А. Н. Бернштам, К пересмотру формально-типологических схем, КСИИМК, XXIX, стр. 19; А. И. Тереножкин, Литература по археологии в Узбекистане, ВДИ, 1939, № 1, стр. 188—189.

не совсем достаточен для того, чтобы отнести некоторые из них к верхней или нижней границе времени. Среди данных погребений есть часть, которая может датироваться I в. до н. э., — это погребения в курганах № 8 и 13 2-й группы курганов около городища Лявандак. Другие погребения, ограбленные полностью или сохранившие совсем незначительный инвентарь, как например, в кургане № 14 2-й группы курганов юго-восточнее городища Ходжа-Аджуванди-тепе, в кургане № 5 1-й группы курганов около городища Лявандак, ограбленном полностью, нельзя точно датировать. Их можно по отдельным имеющимся находкам отнести или к концу II в. до н. э. или к I в. до н. э. Все погребения можно точно датировать второй половиной II в. до н. э. — I в. н. э.[235] Это подтверждается расстановкой насыпей в могильниках и датировкой погребения в кургане № 4 около городища Ходжа-Аджуванди-тепе.

Беспорядочное расположение насыпей, отсутствие определенной системы их расстановки в Кую-Мазарском и Лявандакском могильниках является характерной чертой для усуньских могильников II—I вв. до н. э. в Семиречье[236].

Несмотря на то, что почти во всех подбоях и катакомбах Лявандакского могильника своды оказались обрушенными, было собрано некоторое количество краниологического материала, который может дать представление об этническом составе насельников этого района, оставивших после себя могильник[237].

Добытые при раскопках черепа, большей частью фрагментарные, дают возможность установить, что на территории, прилегающей к могильнику, в первые века до н. э. жило население, в расовом отношении принадлежащее к европеоидному брахицефальному и долихоцефальному типам.

По археологическим материалам, полученным во время раскопок, можно установить, что погребения в могильнике принадлежали оседлому населению, которое жило в оазисе, обнесенном стеной, и в городках-крепостях, входивших в систему этой стены. Это подтверждается расположением курганных на-

---

[235] Опубликованные ранее С. С. Сорокиным меч, кубок, миска и подвеска, которая ошибочно названа серьгой (без указания места находки и производителя раскопок), датированы им неправильно первыми веками н. э. См. Очерки истории СССР, Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР, М., 1956, стр. 554—556, рис. 1 на стр. 558, рис. 2, 11, 12 на стр. 559.

[236] А. Н. Бернштам, Основные этапы культуры Семиречья и Тянь-Шаня, СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 335.

[237] Определение черепов из погребений могильников сделано антропологом В. Я. Зезенковой, за что автор приносит искреннюю благодарность.

сыпей близ стены, а также находками посуды, которая изготовлена на гончарном круге и из местных глин. Наличие бокалов на ножке, больших кувшинов в погребениях, употребление фрагментов хумов под курильницы служат доказательством принадлежности могильника оседлому населению. Погребальные же сооружения и ритуал являются как бы реминесценцией былого кочевого образа жизни. Устройство курганов и погребений в могилах, свойственных кочевым народам Нижнего Поволжья и Приуралья, а также характерные скорченные трупоположения говорят о том, что еще недавно предки погребенных или же сами погребенные были кочевниками. Однако к моменту возникновения могильника они перешли к оседлости, чем и объясняется сложение могильника на границе оазиса. Перейдя к новому образу жизни, а следовательно, и новым формам хозяйства, насельники этих мест продолжали хоронить своих покойников по старым обычаям.

Сказать что-нибудь об имущественной дифференциации общества, к которому принадлежали похороненные в могильнике, трудно. Все погребения почти одинаковы и по количеству и по ценности положенного в могилы инвентаря. Очевидно, они принадлежали рядовым членам общества. Представления об имущественном неравенстве насельников этих мест могут быть получены только в результате раскопок больших курганов, которые находятся северо-восточнее Лявандакского могильника, к юго-востоку от полотна железной дороги. Эти курганы, отмеченные на карте, были обследованы осенью 1952 г. автором настоящей работы и В. А. Шишкиным. Во время осмотра этих бугров было установлено, что они искусственного происхождения и, вероятно, являются погребальными курганами знатных лиц.

Также затруднительно что-либо сказать о хозяйственной деятельности населения, оставившего эти погребения. Никаких предметов, проливающих свет на этот темный вопрос, при раскопках не было найдено. Исключение составляют железная игла, пряслице и нож-скребло из кургана №6 Лявандакского могильника. Обязательным атрибутом каждого погребения в могильниках была передняя нога овцы. Следовательно, скотоводство, в частности овцеводство, играло немалую роль в хозяйстве. Это подтверждается и находкой ножа-скребка, который, видимо, служил для снятия шкур с овечьих туш, а также географическими условиями — пустынной степью, где можно было заниматься только овцеводством.

На высоком уровне находилось и керамическое производство. Вся посуда сделана на гончарном круге и отличается в некоторой степени тщательностью выделки. Но в сравнении с керамикой того же времени в других областях Средней Азии,

керамика из погребений могильников, конечно, проигрывает, что объясняется плохим качеством местной глины. Она имеет в своем составе некоторое количество гипса, частички которого можно видеть в глиняном тесте каждого сосуда из могильников и с городищ. Недоброкачественная подготовка глиняного теста перед формовкой изделий сказалась на качестве последних. Почти все сосуды имеют снаружи изъяны, образовавшиеся в результате выпадения кусочков гипса при обработке сосудов на круге. Очевидно, посуду изготавливали в тех небольших городках-крепостях, которые входили в систему стены Кампыр-Дувал. В шурфе на городище Лявандак было найдено пряслице, сделанное из куска керамического шлака, что является косвенным указанием на производство керамики в этом поселении. Видимо, посуда изготовлялась не только для удовлетворения спроса обитателей крепости, но и служила предметом торговли.

К предметам ремесленного производства относятся и украшения: бусы, пряжки, плакетки. Бусы из стекла отличаются высоким качеством выделки и в известной степени совершенством производственного процесса, при котором возможно было вплавление в стеклянную массу золотой фольги. Являются ли бусы из стекла привозными или местного изготовления, трудно сказать. Сердоликовые бусы, возможно, привозились из Хорезма, а может быть сердолик обрабатывался в изделия на месте. Находки сердоликовых бус в Средней Азии относятся к очень глубокой древности, а месторождения сердолика в районе Султан-Уиз-Дага эксплуатировались и в XIX в.[238]

Изделия из золота, которое, видимо, добывалось кустарным способом на Зеравшане путем промывки песка, как это делалось еще в начале XIX в.[239], не отличаются большой тонкостью и качеством. Выделка золотых колпачков подвесок, найденных в кургане № 6 Лявандакского могильника, грубовата и в некоторой степени схематична, особенно попытка изобразить окаймление жгутиком отогнутые верхний и нижний концы конических колпачков и нижний бортик верхних полушарий подвесок. Печать схематизма характерна и для изображения лица Артемиды на плакетке. Эти изделия из золота, видимо, являются провинциальным подражанием изделиям, хорошо известным насельникам этих мест. Техника же выделки из бронзы и железа зеркал и оружия является более совершенной. Особенно надо отметить зеркало из кургана № 6

---

[238] М. Е. Массон, К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953, стр. 52.

[239] Там же, стр. 53.

Лявандакского могильника, которое аккуратностью и изяществом выделки заслуживает быть в одном ряду с подобными находками из прохоровских курганов[240].

Многообразие форм наконечников стрел, их симметричность и аккуратность выделки — яркое доказательство практического знания баллистики. Мечи выделывались путем проковки железного бруска в вертикальном направлении, что хорошо видно по сильно расслоившимся клинкам мечей из кургана № 3 у бугра Соинова[241].

Большое количество оружия, найденного в погребениях могильников, свидетельствует о том, что война играла большую роль в жизни насельников этого района.

В могильниках самые ранние погребения относятся ко второй половине II в. до н. э., и, видимо, более древних найдено не было. Местность же эта, как и весь Бухарский оазис, конечно, была обжита с глубокой древности, но в восточной части оазиса более древние памятники, чем описанные выше, не выявлены так же, как не выявлены и погребальные обряды, предшествовавшие курганным погребениям. Может быть здесь существовал обычай выбрасывания людей на съедение собакам, как об этом сообщает Страбон со слов Онесикрита, по которому истощенные болезнью или старые люди у согдиан и бактрийцев выбрасывались на съедение собакам. Причем это поедание собаками живых людей происходило в пределах города[242].

Может быть, этим обычаем и объясняется отсутствие погребальных памятников в прилегающей к оазису части степи, или же захоронения происходили на территории, лежащей внутри стены Кампыр-Дувал, где жизнь не прекращалась, и поэтому они не уцелели до наших дней. В юго-западной части Бухарской области Я. Г. Гулямовым были открыты погребения эпохи бронзы, что подтверждает наличие жизни в оазисе с древнейших времен. Очевидно, появление могильников в степи Карнабчуль связано с приходом в эти места новых групп населения, которое хоронило своих покойников по своим обычаям, в то время как коренное население этого района придерживалось иных погребальных обрядов, которые пока неизвестны. В дальнейшем же пришельцы стали приобщаться к существующим у местного населения религиозным воззрениям и хоронить начали по новым религиозным обрядам. Этим и объясняется уменьшение количества курганных погребений

---

[240] О. В. Обельченко, Автореферат, стр. 18.

[241] Он же, Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника..., стр. 112.

[242] Страбон, География, кн. XI, гл. II, ВДИ, 1947, № 4, стр. 289.

в первые века нашей эры. Позже, в V—VI вв., обряд захоронения костей по зороастрийскому ритуалу полностью вытесняет обычай предания трупа земле. Это знаменует собой завершение процесса ассимиляции пришельцев в среде местного населения. Процесс ассимиляции и прозелитизма отражается в трех последовательных типах погребений кургана №3 у бугра Соинова Кую-Мазарского могильника.

Первоначальной же религией, с которой пришли прозелиты в эти места, было обожествление солнца, с культом которого и была связана южная ориентировка покойников в погребениях первой хронологической группы. Поклонение солнцу, как единому божеству, отмечает Геродот, который, описывая обычаи массагетов, сообщает: «. . . Из богов же чтут только солнце — Гелия, которому приносят в жертву лошадей. Смысл этой жертвы таков: быстрейшему из богов они посвящают быстрейшее животное»[243]. Обычай жертвоприношения коней солнцу отмечается и другими письменными источниками. Ксенофонт сообщает, что он вернул старосте одной из деревень в Армении захваченного в качестве трофея коня, который специально откармливался для того, чтобы быть принесенным в жертву Гелиосу[244].

Почитание коня, как животного, посвященного солнцу, которое входило в пантеон зороастрийских богов, подтверждается и археологическими находками[245].

Следовательно, приобщение к новой религии облегчалось наличием общих черт религии как у пришельцев, так и автохтонного населения.

Погребения II в. до н. э.— I в. н. э. принадлежали обществу, которое находилось на стадии разложения патриархально-родового общества, в котором были сильны пережитки матриархата. С этими наблюдениями перекликаются свидетельства древних источников, в которых подчеркивается высокое положение женщины в обществе рассматриваемого времени[246], армянские же источники прямо указывают, что «. . . жены кушанцев не имеют никакого страха перед мужьями своими, ибо кушанцы жен своих считают высшими себя»[247]. По другим сведениям, во главе союза юечжийских племен, в период завоева-

---

[243] Геродот, указ. соч., кн. I, гл. 216, стр. 256.

[244] Ксенофонт, Анабасис, перевод М. И. Максимовой, М.—Л., 1951, стр. 112—114.

[245] Ш. Я. Амиранашвили, Две серебряные чаши из раскопок в Армази (Грузия), ВДИ, 1950, №1, стр. 93—98.

[246] Сы-ма-цянь, Исторические записки, Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. II, М.—Л., 1950, стр. 162.

[247] В. В. Григорьев, О скифском народе саках, СПб., 1871, стр. 80.

ния Бактрии, находилась женщина-царь[248]. Отголоски пережитков матриархата у древних народов Средней Азии видны и в народном эпосе, уходящем своими корнями в далекое прошлое. Родовые связи членов общества еще были сильны в период образования могильников, что видно по неоднократному использованию могил в погребениях. Брак в этом обществе был матрилокальным, что видно по отдельным захоронениям женщины, которые, вероятно, отправляли и жреческие функции. Но в дальнейшем, в процессе разложения патриархально-родовых отношений эти пережитки матриархата исчезают, брак становится патрилокальным, что объясняется новыми имущественными отношениями, которые возникли в семье. Смерть мужа влекла за собой и смерть жены, которая должна была сопровождать своего господина в загробной жизни. Однако не только это было причиной насильственного умерщвления жены, большую роль играли и имущественные отношения. Интересны в этом отношении погребальные обряды туземцев о-ва Фиджи (Тихий океан). При смерти знатного человека у островитян первой жертвой становилась его жена, причем на смерти ее зачастую настаивали ее родственники, в частности старший брат, а родственники покойного противились этому. Дело в том, что, выйдя замуж, женщина переходила в род мужа и после его смерти с детьми и имуществом она оставалась в этом роде. В случае же ее смерти вслед за мужем дети и все имущество переходило в род жены и наследником считался ее старший брат[249].

Переход к патрилокальному браку виден и по погребениям могильников. В кургане № 4 первой группы курганов юго-восточнее городища Ходжа-Аджуванди-тепе отмечается совместное погребение мужчины и женщины. Появление нового вида погребений в могильнике свидетельствует о происшедших классовых изменениях в обществе. Этот же процесс можно установить и по парным погребениям Кенкольского могильника и в курганах каунчинской культуры. Отголоском этого перехода к патрилокальному браку был и существовавший до недавнего времени у некоторых народов СССР обычай похищения невесты. Похищенная женщина не была равной мужу, а являлась принадлежностью его[250].

Таким образом, по погребениям Кую-Мазарского и Ляваидакского могильников можно проследить изменения форм

---

[248] С. П. Толстов, Древний Хорезм..., стр. 326.

[249] М. И. Артамонов, Совместные погребения в курганах со скорченными окрашенными костяками, Проблемы истории докапиталистических обществ, М.—Л., 1934, № 7—8, стр. 121.

[250] Он же, указ. соч., стр. 123.

погребальных обрядов и отраженные в них изменения брачных отношений, процесс изменения классовой структуры общества, которое оставило после себя эти могильники. Зарождение этого процесса, видимо, началось в среде кочевников, которые пришли как завоеватели в пределы Бухарского оазиса. Здесь под влиянием более высокой культуры и более развитых классовых отношений этот процесс получил интенсивное развитие. То, что это были пришельцы, а не автохтоны древних земледельческих оазисов Средней Азии, можно установить по инвентарю, который был найден в могилах. Прежде всего следует подчеркнуть резкое отличие погребального инвентаря могильников от синхронных погребений в восточной части Средней Азии, наиболее полно изученной советскими археологами. Ни погребальный обряд, ни инвентарь погребений не находят себе аналогий в материалах курганных погребений Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Некоторые черты сходства имеются только с погребениями Ташкентского оазиса. Но много общего и в погребальном обряде и в инвентаре, а порой и полное совпадение можно видеть при сравнении с сарматскими погребениями Нижнего Поволжья и Приуралья, что придает этим погребениям скифо-сарматский облик. Оружие, предметы искусства, а также особенности погребального ритуала имеют свои корни в скифо-сарматской культуре огромных степных пространств, простирающихся от Нижней Волги до Приуралья и Алтая[251].

Все вышеприведенное, в том числе неоднократные указания на наличие сарматских элементов в инвентаре и погребальном ритуале могильников в других районах Средней Азии[252], позволяет утверждать, что исследуемые могильники были созданы пришельцами из степных районов, лежащих к северу от Средней Азии (вторая половина II в. до н. э.).

Вопрос о происхождении народов, которые в середине II в. до н. э. вторглись в пределы среднеазиатского междуречья и положили конец иноземному владычеству, начиная с 1756 г., т. е. с работ Дегиня, не перестает интересовать исследователей. Решению этого вопроса посвящено много работ, главным образом западно-европейских ученых, сводка которых дана И. И. Умняковым[253].

---

[251] Аналогичная картина видна и по материалам Арук-Тауского могильника. См. А. М. Мандельштам, Могильник Арук-Тау в Бишкентской долине (Южный Таджикистан), КСИИМК, 76, стр. 82.

[252] Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович, Археологический очерк Исфаринского района Таджикской ССР, Сталинабад, 1955, стр. 70.

[253] И. И. Умняков, Тохарская проблема, ВДИ, 1940, №3—4, стр. 181—193.

Эти гипотезы появились вследствие того, что в письменных источниках есть две противоречивые версии о приходе этих народов в Среднюю Азию.

По китайским источникам («Исторические записки» Сы-ма Цяня; II—I вв. до н. э.), народ юечжи, занимавший территорию китайской провинции Гань-су, после поражения, нанесенного гуннами в первой половине II в. до н. э., откочевал на запад, прошел Фергану и вторгся в пределы Греко-Бактрийского царства. Покорив народы, жившие в среднеазиатском междуречье, юечжи основали столицу на северной стороне Аму-Дарьи[254]. То же самое сообщает и Бань-Гу (I в. до н. э.) в «Истории старшего дома Хань», но добавляет, что после завоевания единого государства не было создано, а имелось 5 владений[255]. Следовательно, по китайским источникам, народы, разгромившие Греко-Бактрию, вторглись в пределы Средней Азии из районов, граничащих с Восточным Туркестаном.

По сведениям же античных источников, Бактрию у эллинов отняли племена, вторгшиеся в ее пределы из-за Яксарта (Сыр-Дарья). Племена эти, по Страбону, входили в число скифов, кочевавших к северу от Сыр-Дарьи[256].

Попытки примирить эти противоречивые сведения делались многими исследователями, которые оперировали данными лингвистического анализа[257]. Это же делал, следуя целому ряду западно-европейских ученых, и В. В. Григорьев, который считал, что вторжение шло с двух сторон: с севера, из-за Сыр-Дарьи, с востока, из Восточного Туркестана. Причем он считал, что племена, пришедшие с востока, были родственны племенам, кочевавшим в бассейне Сыр-Дарьи, и первые, по его словам, потянулись к своим «однородцам» на запад после поражения, нанесенного гуннами[258].

В. В. Григорьев также поддержал и выдвинутое западно-европейскими учеными уравнение массагеты — да-юечжи[259]. Эти гипотезы были поддержаны и С. П. Толстовым, который при помощи лингвистического анализа также подтверждает тождество массагеты — да-юечжи[260]. Основываясь на том же анализе, их отверг И. И. Умняков[261].

---

[254] Сы-ма Цянь, Исторические записки..., стр. 151.

[255] Бань-Гу, История старшего дома Хань. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. II, М.—Л., 1950, стр. 183—184.

[256] Страбон, География..., стр. 287.

[257] См. И. И. Умняков, указ. соч.

[258] В. В. Григорьев, О скифском народе саках, СПб., 1871, стр. 135—138 и сл.

[259] Там же.

[260] С. П. Толстов, Древний Хорезм..., стр. 242—243, см. прим. I.

[261] И. И. Умняков, Тохары и тохарский вопрос, Труды УзГУ, новая серия № 31, серия историко-филологических наук, вып. I, Самарканд, 1946, стр. 17.

Развивая эти гипотезы, С. П. Толстов пришел к выводу, что массагеты кочевали в низовьях Сыр-Дарьи, а затем часть их откочевала в Восточный Туркестан, где они и были соседями гуннов. Оставшаяся же часть в низовьях Сыр-Дарьи приняла участие вместе со своими сородичами в разгроме Греко-Бактрии, когда последние после нападения гуннов двинулись на запад. Массагетов, оставшихся в низовьях Сыр-Дарьи, он считает народом, который античные авторы называют тохарами[262]. К археологическим памятникам былого расселения этих тохаров в низовьях Сыр-Дарьи С. П. Толстов относит городища Джеты-асара[263]. Языком этих тохаров он считает язык № 1 документов, найденных в Восточном Туркестане, куда этот язык проник, по словам С. П. Толстова, после завоевания Средней Азии тохарами во II в. до н. э.[264]

Новейшие же исследования в изучении языков документов из Восточного Туркестана показывают, что язык № 1, на котором написана часть документов, ничего общего с тохарами, принимавшими участие в завоевании Греко-Бактрийского царства не имеет[265]. Следовательно, гипотеза С. П. Толстова, основанная на анализе этого языка, нуждается в серьезном пересмотре так же, как и попытки приписать городища Джеты-асара тохарам. Значит, попытка видеть в крушении Греко-Бактрии какую-то особую роль Хорезма является необоснованной. Согласно предложенной им схемы завоевания Бактрии центральный участок занимали сыр-дарьинские тохары, правый фланг — сакараваки и апасиаки, а левый фланг наступления — притяньшанские племена саков, которые проникли через Памир в долину Кабула[266]. Главную же роль в этом наступлении кочевых племен на среднеазиатское междуречье, занятое Греко-Бактрийским царством, он приписывает Хорезму и отождествляет последний с Кангюем китайских источников[267]. Однако многие исследователи не принимают это[268], ибо Кангюй — огромное кочевое государство, владения которого простирались от Тянь-Шаня до Каспия, а Хорезм входил в это государственное образование как одна из его составных частей.

---

[262] С. П. Толстов, указ. соч., стр. 244—245.
[263] Он же, По следам древнехорезмийской цивилизации..., стр. 125—137.
[264] Там же, стр. 138.
[265] А. А. Фрейман, Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке, Ученые записки ЛГУ, № 128, серия востоковедческих наук, вып. 3, История и филология стран Востока, Л., 1952, стр. 132—134.
[266] С. П. Толстов, указ. соч., стр. 143, карта 2 на стр. 142.
[267] Там же, стр. 143—146.
[268] См. А. Н. Бернштам, С. П. Толстов, Древний Хорезм, (рецензия), ИАН СССР, серия истории и философии, т. VI, М., 1949, № 1, стр. 96.

Все высказанное до С. П. Толстова, так же как и его гипотезы, к сожалению, археологическим материалом не подкреплялись. Все эти гипотезы основывались исключительно на лингвистическом анализе, главным образом на данных ономастики, что привело к разнобою, а порой и к путанице в освещении событий, происходивших во второй половине II в. до н. э. в Средней Азии.

Несколько иначе выглядит этот вопрос, если учесть археологический материал, полученный в результате раскопок Кую-Мазарского и Ляваидакского могильников.

Выше уже отмечалось резкое отличие инвентаря и погребального ритуала в рассматриваемых могильниках от синхронных могильников в восточной части Средней Азии, а также большая близость (а порой и полные совпадения) с археологическим материалом из савромато-сарматских погребений Приуралья и Нижнего Поволжья.

Возникновение могильника во второй половине II в. до н. э. на территории Бухарского оазиса, скифо-сарматский облик инвентаря, а также характер погребального ритуала позволяют связать его появление с эпохой завоевания Средней Азии народами, известными в истории под названием юечжи. Археологический инвентарь могильников отрицает какую-либо культурную связь их создателей с культурой ханьского Китая и, следовательно, не позволяет видеть в них пришельцев с его территории, как об этом повествуют китайские летописцы. Археологический материал дает возможность предполагать скифо-сарматское происхождение этих народов и локализовать их местонахождение, до вторжения в Среднюю Азию, на территории от Алтая до Приуралья, включая сюда и степи северо-восточной части Казахстана. Именно эта территория была той эйкуменной, откуда эти народы двинулись в Среднюю Азию.

Кочуя на этих огромных просторах, они, несомненно, общались с племенами Средней Азии и Поволжья. Согласно предложенной К. Ф. Смирновым схеме расселения сарматских племен этот район он называл Самаро-Уральским сарматским районом IV—II вв. до н. э.[269]

Основываясь на многочисленных археологических данных, К. Ф. Смирнов отмечает целый ряд новых черт в культуре Нижнего Поволжья в первые века до н. э., появление которых он связывает с передвижением сарматских племен с востока на запад[270].

---

[269] К. Ф. Смирнов, Сарматские племена Северного Прикаспия, КСИИМК, XXIV, 1950, стр. 99, рис. 28.

[270] Там же, стр. 101—103.

Именно с этим движением сарматских племен с востока на запад можно связать движение в Среднюю Азию народов, разгромивших Греко-Бактрийское царство.

Во второй половине II в. до н. э. сарматы появились на Дону и нанесли поражение скифам[271]. В это же время происходит и падение власти иноземных династий в Средней Азии. Одновременность этих событий не случайна. Видимо, какая-то часть племен, двинувшихся с запада на восток, устремилась в пределы Средней Азии и завоевала ее. Только при такой постановке вопроса о происхождении народов, завоевавших Греко-Бактрию, будут вполне достоверны сведения античных источников о племенах, отнявших у эллинов Бактрию, и будет понятна та близость культуры Средней Азии и Нижнего Поволжья в первые века до н. э. и н. э., о которой неоднократно писали исследователи[272]. Предложенное решение вопроса подтверждается и археологическим материалом рассматриваемых могильников. Мечи из погребений могильников и меч, найденный К. Ф. Смирновым на левом берегу Волги в районе с. Политотдельское, являются модификацией мечей, обнаруженных в районе Шадринска и Тюмени. В окрестностях Тобольска был найден и медальон с изображением Артемиды, которое копируется на плакетке из Лявандакского могильника. Близость изображения воина на фрагменте костяной пластинки из Кую-Мазарского могильника с изображениями персонажей на ковре из Пазырыка — еще одно подтверждение урало-алтайского происхождения племен, завоевавших Среднюю Азию. Принадлежностью к племенам сарматского мира завоевателей Греко-Бактрии объясняется наличие некоторых элементов в керамике из могильников, свойственных керамике сармат Нижнего Поволжья.

Весьма убедительной является также находка сарматского сосуда с тамгообразным знаком в низовьях р. Миас (Урал)[273]. Подобный знак известен по находкам в Кривом Роге (УССР) и считается сарматским или аланским. По своему начертанию эти знаки подобны тамгам на хорезмских монетах II—III вв.[274] К. В. Сальников объясняет появление этих знаков на сарматской посуде данническими отношениями сарматов Зауралья к Хорезму и политической гегемонией по-

---

[271] М. И. Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России, Пг., 1918, стр. 127—128.

[272] См., например, А. Н. Бернштам, Новые работы по тохарской проблеме, ВДИ, 1947, № 2, стр. 136—137.

[273] К. В. Сальников, Хорезмийская тамга в Зауралье, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 1, М., 1952, стр. 193—194.

[274] С. П. Толстов, Древний Хорезм..., стр. 182.

следнего в Приуралье[275]. Очевидно, в этом сходстве надо видеть обратное явление, т. е. сходство тамги на кувшине с тамгами на монетах является реминесценцией былого проникновения сарматских племен в Среднюю Азию. Таким же отголоском можно считать и среднеазиатский политический термин афшин, заимствованный из сарматской терминологии[276].

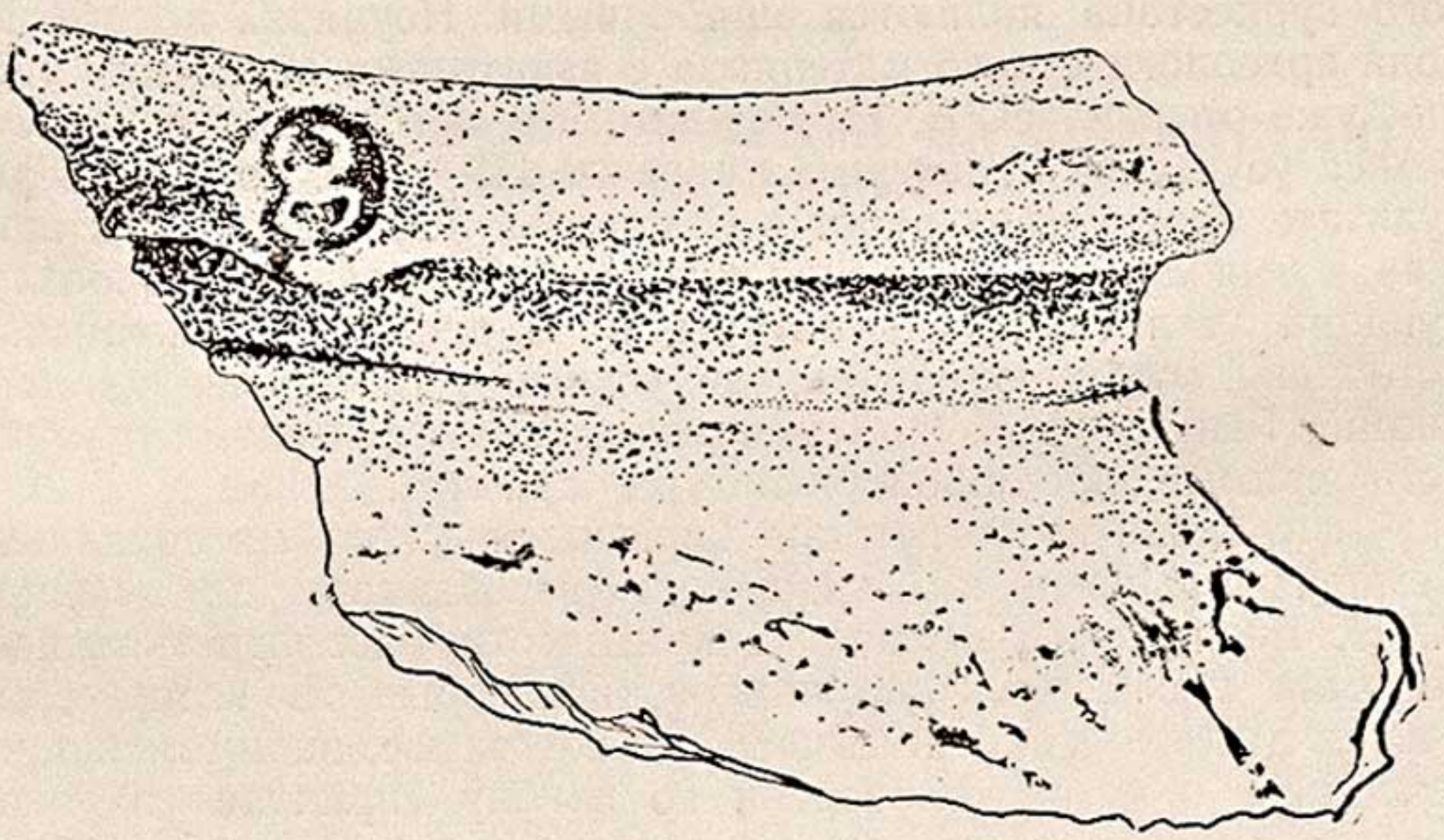


Рис. 18. Фрагмент венчика сосуда с тамгой.

Более вероятной является точка зрения, что не Приуралье зависело от Хорезма, а Хорезм или подпал под власть тех народов, которые завоевали Среднюю Азию во II в. до н. э., или же находился в политической зависимости от них. Это подтверждается тем, что на III в. н. э. падает начало кризиса рабовладельческой формации в Средней Азии, в том числе и в Хорезме. Доказательством былого влияния и проникновения сарматских племен в Среднюю Азию служит находка Л. И. Альбаумом в 1959 г. на Чаян-тепе в руинах усадьбы VI в. н. э., в Джар-Курганском районе Сурхан-Дарьинской области венчика крупного сосуда с оттиснутым на нем знаком, который очень похож на знак сарматского кувшина из Зауралья[277].

---

[275] К. В. Сальников, указ. соч., стр. 195—196.

[276] В. И. Абаев, Среднеазиатский политический термин афшин, ВДИ, 1959, № 2, стр. 112—116.

[277] Пользуюсь случаем поблагодарить Л. И. Альбаума за любезное предоставление материалов раскопок 1959 г.

Этой принадлежностью завоевателей к сарматскому миру можно объяснить и появление предметов среднеазиатского происхождения в погребениях сармат Северного Кавказа[278].

Таким образом, археологический материал рассматриваемых могильников позволяет утверждать, что завоеватели Греко-Бактрии принадлежат к племенам сарматского мира, а сведения китайских источников об их приходе из района Восточного Туркестана являются ошибочными. Неувязка подобного рода археологического материала с известиями китайских хроник уже отмечалась А. Н. Бернштамом при рассмотрении генезиса усуньской культуры Семиречья III—I вв. до н. э. В результате многолетних работ в Семиречье А. Н. Бернштам пришел к выводу, что усуньская культура Семиречья есть последующий этап сакской культуры, в то время как китайские источники сообщают о приходе усуней в Семиречье из провинции Гань-су[279]. А. И. Тереножкин также считает, что усуни есть прямые преемники культуры саков[280].

Отмеченное несоответствие археологического материала из Семиречья и сведений китайских источников, по мнению А. Н. Бернштама, заставляет критически рассмотреть свидетельства письменных источников, некоторые из которых он считал даже «легендарными»[281]. То же самое, видимо, следует сказать и о китайской версии по поводу прихода народов юечжи из провинции Гань-су, достоверность которой уже неоднократно ставилась под сомнение[282].

Результаты исследования Кую-Мазарского и Лявандакского могильников еще раз показывают, что изучение курганных погребений древнего Согда является одной из неотложных задач археологов Узбекистана. Особенно важно исследование курганных погребений на территории Бухарской и Сурхан-Дарьинской областей, где в древности осели племена, завоевавшие Греко-Бактрию.

Дальнейшее изучение вопроса о происхождении этих народов и их роли в создании рабовладельческого государства кушан прольет свет на один из интересных периодов в истории народов Средней Азии.

---

[278] К. Ф. Смирнов, Северский курган, Труды Государственного исторического музея, Памятники культуры, вып. XI, М., 1953, стр. 32—37.

[279] А. Н. Бернштам, Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 356—357.

[280] А. И. Тереножкин, А. Н. Бернштам, Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала (рецензия), ВДИ, 1947, № 2, стр. 89.

[281] А. Н. Бернштам, Очерки истории гуннов..., стр. 96—98.

[282] В. В. Григорьев, О скифском народе саках, СПб., 1871, стр. 130 и сл.

В. Д. ЖУКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА НА ШАХРИСТАНЕ ХАЙРАБАД-ТЕПЕ

В мае 1953 г. на городище Хайрабад-тепе, расположенном в 30 *км* от Термеза близ Большого Узбекского тракта, экспедиция Института истории и археологии АН УзССР проводила археологическое обследование цитадели и шахристана[1].

Городище Хайрабад-тепе входит в число еще мало изученных памятников Анхорской группы[2]. Городище представляет в плане прямоугольник размером около 150 × 100 *м*, вытянутый с севера на юг (рис. 1). Все городище некогда было окружено рвом. Следы последнего еще сохранились в виде широкой ложбины, которую во время полевых работ затопила прорвавшаяся из арыка вода. В результате этого вокруг городища образовалось довольно глубокое озерко, затруднявшее свободный доступ к памятнику. Крутые, оплывшие стены городища поднимаются на 10 *м* над уровнем воды. Выступающие несколько вперед включенные в них бурджи сохранили по сравнению со стеной несколько большую высоту. В юго-восточном углу городища находилась сильно укрепленная

---

[1] Работы на цитадели вел Л. И. Альбаум, а на шахристане — автор статьи. Кроме автора, в работах по обследованию принимали участие заместитель директора Сурхан-Дарьинского областного музея В. А. Козловский и лаборант отдела археологии Т. Агзамходжаев. Настоящая статья является кратким отчетом о результатах проведенной на шахристане этого горидища глубокой археологической разведки. Б. В. Л у н и н, в Институте истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР, «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 177.

[2] Д. Д. Б у к и н и ч, Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации старого Термеза и его района, Труды УзФАН СССР, серия I, История и археология, вып. 2, ТАКЭ 1936 г., Ташкент, 1940. В 1952 г. обследование этого памятника было проведено Л. И. Альбаумом, который с 1948 г. изучал памятники анхорской группы; см.: Л. И. А л ь б а у м, Некоторые данные по изучению анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1956, стр. 115—137; о н ж е, Некоторые результаты изучения анхорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг., «Известия АН УзССР», 1955, № 7, стр. 69—76; о н ж е, Раскопки в Сурхан-Дарьинской области, Труды АН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 117—118.

цитадель, отделенная широким рвом. С трех сторон шахристана отчетливо прослеживаются большие ворота и только с южной стороны их заменяли, по-видимому, узкие проходы. Об этом свидетельствуют промоины, образовавшиеся в мощных стенах городища.

Характерной особенностью шахристана является то, что он состоит из двух частей: южной и северной. Разделявшая эти части стена проходила примерно посредине городища. Ее остатки в виде невысокого вала высотой около 1 *м* четко сохранились на всем протяжении между восточной и западной оградами. По собранному подъемному материалу установлено наличие остатков древнего гончарного производства в северной части шахристана. Здесь были расположены керамические мастерские. От них остались невысокие бугры, на поверхности которых зарегистрированы шлаки, бракованная при обжиге посуда и гончарный производственный инвентарь.

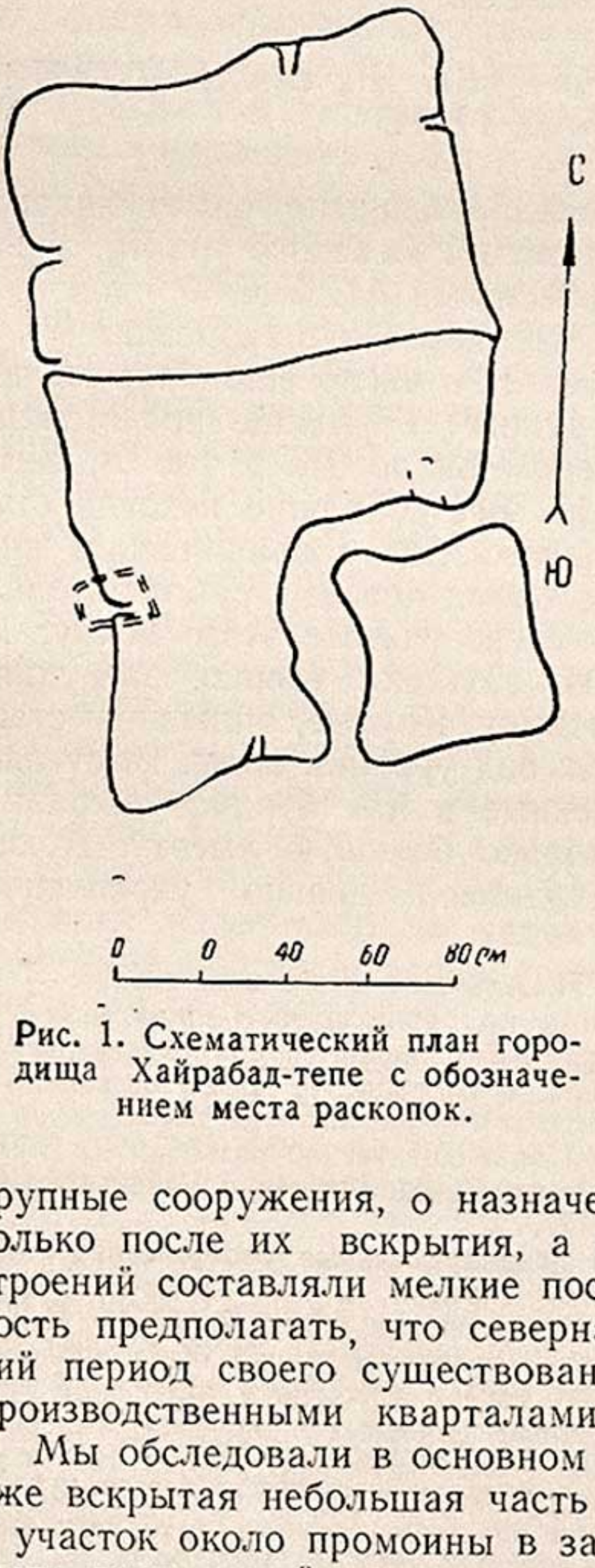


Рис. 1. Схематический план городища Хайрабад-тепе с обозначением места раскопок.

По своему рельефу южная часть шахристана резко отличается от северной: в южной, по-видимому, находились очень крупные сооружения, о назначении которых можно говорить только после их вскрытия, а в северной основную массу строений составляли мелкие постройки. Все это дает возможность предполагать, что северная часть поселения в последний период своего существования была занята ремесленно-производственными кварталами.

Мы обследовали в основном южную часть, где находились уже вскрытая небольшая часть внутренней стены помещения и участок около промоины в западной стене. В этих пунктах было легче подойти к нижним наслоениям городища и получить материалы по его стратиграфии.

В юго-восточной части шахристана был расчищен гребень городской стены, кладка которой в этом пункте состояла из обломков и целых плит сырцового кирпича, пахсовых блоков и пахсы. В стене находилось помещение, позднее заваленное землей. В оборонительную стену на некотором расстоянии друг от друга были включены большие хумы, вероятно служившие для воды на случай осады города. Хумы эти прослеживаются во многих пунктах на всем протяжении стен, в верхней их части.

На глубине 3 *м* от гребня стены был вскрыт юго-западный угол большого помещения, от которого сохранились только две стены: южная на протяжении 4 *м* и западная — 3 *м*. В уцелевшем углу помещения было обнаружено глинобитное полукруглое возвышение высотой (0,4 *м*), с высокой (до 0,3 *м*) подставкой для светильника. Вертикальные плоскости этого возвышения сохранили незначительные остатки росписи по тонкой алебастровой штукатурке. Была произведена попытка расчистить предполагаемую улицу, подходящую к этому помещению с северной стороны. Вскрытые на ней наслоения представляли мусорные отвалы, в которых зольные прослойки проходили по всей толще около 3 *м*.

Судя по находкам, в данном пункте в толще культурных наслоений вместе с черепками характерной глиняной посуды, относящейся к первым векам нашей эры, изредка встречались и фрагменты средневековой керамики, датируемой до XII в. включительно. После небольших зачисток верхних наслоений на глубину до 0,5 *м* в юго-восточной части городища было установлено, что этот участок частично использовался для построек и в средневековье. Обследование, произведенное в юго-западной части городища, около промоины в западной стене, дало возможность установить стратиграфию культурных наслоений, залегающих на глубине до 5 *м* (считая от гребня стен, поднимающихся над площадью городища на высоту около 0,5 *м*). В связи с тем, что вокруг городища образовалось озеро, уровень грунтовых вод стал высоким. Это не дало возможности произвести обследование нижних частей городской стены. Последняя состояла из трех примкнувших друг к другу кладок: пахсы (толщиной 2 *м*), заключенной с обеих сторон в кладки из сырцового кирпича размером от 35 × 35 × × 10—12 до 37 × 37 × 10—12 *см*³. Толщина каждой кирпичной кладки составляла около 3 *м*.

Таким образом, толщина всей стены равна примерно 8 *м*. Очень плотная пахсовая кладка содержит многочисленные посторонние включения в виде мелких угольков, обломков костей животных, мелких черепков неполивной керамики и т. д. Все это заставляет предполагать, что часть стены была

возведена уже на обжитом пункте. Непосредственно с внутренней стороны к стене примыкали помещения, частично вскрытые на северной стороне промоины. В настоящее время высота стен этих помещений составляет около 2,5—3 *м*. С самого низа и до верху они заполнены плотно слежавшимися завалами.

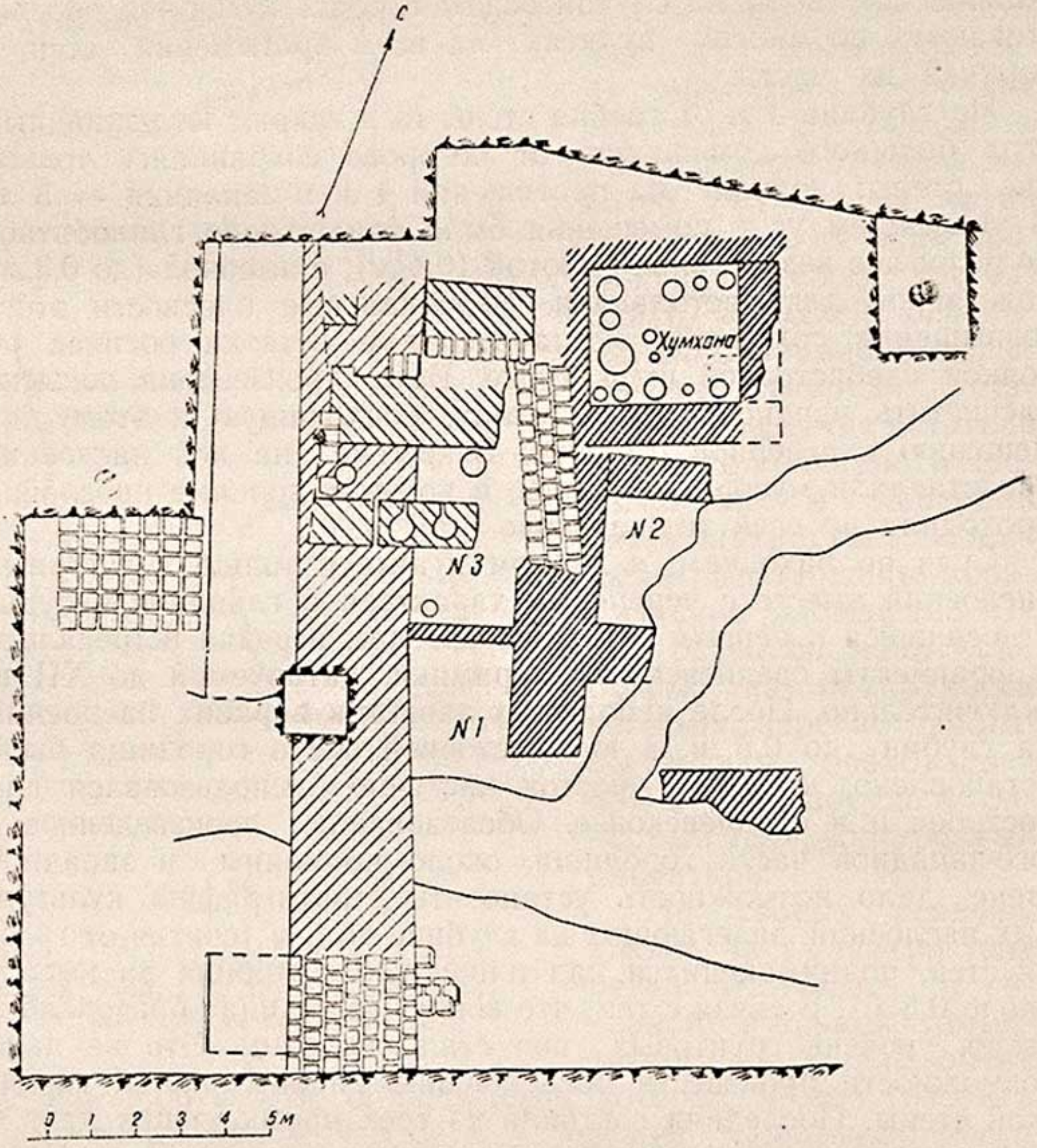


Рис. 2. Площадка раскопа у промоины в западной стене городища.

В южной части шахристана установлена следующая стратиграфия: до глубины 0,5 *м* от поверхности в некоторых пунктах вместе с черепками керамических изделий I—IV вв. н. э. изредка встречаются и фрагменты средневековой посуды, особенно XII в. Из остатков сооружений этого позднего времени уцелели на юго-восточном участке два ряда кладки из

сырцового кирпича размером 27 × 27 × 3—4 *см*³ и суфообразные глинобитные сооружения на гребне городской стены.

Большая часть основной территории, занимаемой в средневековье, располагалась с восточной и южной сторон древнего поселения, где, особенно в первом направлении, сохранились остатки монументальных сооружений. Это расширение поселения XI—XII вв. — занятие новой, более обширной территории для построек — связано, по-видимому, с одновременным запустением или, вернее, только с частичным использованием древней основной обжитой территории, обнесенной стенами, уже в то время потерявшими свое крепостное значение. Это объясняется тем, что гребень ее служил для возведения построек, не имевших оборонного значения. Именно из этой пригородной части местный житель Кучкар Курбанов принес нам стеклянный медальон XI—XII вв., найденный им на участке южной части городища. Стеклянный медальон (по-видимому, он помещался под нижним концом ручки флакона) имеет форму кружка с арабской рельефной надписью. Из последней прослеживаются только له عمل... («работа..»).

Вообще стеклянные изделия в виде мелких тонких осколков встречались во всех наслоениях городища. Но из них в особую группу должны быть выделены изделия с рельефной орнаментацией, характерной для средневековья. Значительное количество осколков стеклянной посуды на этом городище позволяет предположить, что здесь было развито и стеклодувное производство.

Наслоения второго периода, датированные ориентировочно IV—VI вв. н. э., залегают на глубине более 1 *м*. К этому периоду относятся остатки вскрытых у западной стены помещений № 1 (в верхней своей части) и № 2. От последнего сохранились только западная и южная стены (высотою до 0,3—0,4 *м*), покрытые тонким слоем белой штукатурки.

Верхний горизонт наслоений третьего периода залегает, считая от поверхности, на 1 *м* и глубже. Из выявленных сооружений к этому периоду относятся: помещение № 1 (в нижней своей части), помещение № 3 и хумхана. Нижней границы культурных наслоений проследить не удалось.

Особенно четко выявляются на городище два последних наслоения второго и третьего периодов. Во вскрытых помещениях граница между ними устанавливается уровнем полов. Так, в помещении № 1, верхняя часть которого была использована и во втором периоде, пол был выложен плитками обожженного кирпича размером 32,5 × 32 × 5; 32 × 31,5 × × 4 *см*³. Такое же четкое разделение между этими двумя нижними наслоениями было отмечено и во время обследова-

ния цитадели, произведенного Л. И. Альбаумом. Причем, и там и здесь нижние наслоения имеют значительно большую толщу, и находящиеся в них сооружения носили более капитальный характер.

Для данного типа поселения особенно характерным из выявленных наслоений безусловно является самое нижнее. Образование его датируется находками монет и керамической посудой, относящихся ко времени Кушан. Толща наиболее мощных культурных наслоений (более чем 2—3 *м*) и количество находок, зарегистрированных во время обследования как на самой поверхности, так и в слоях свидетельствует о том, что Хайрабад-тепе в основе является памятником кушанского времени. Судя по материалам, это городище наиболее ярко представляет материальную культуру первых веков нашей эры.

К числу выявленных сооружений средневекового периода относятся незначительные остатки кое-где уцелевших в самых верхних наслоениях построек, а культурные наслоения этого периода полностью развеяны или смыты. В лучше сохранившихся наслоениях второго периода заключаются остатки построек, по которым уже можно судить о планировке самого строения. Остатки монументальных сооружений третьего периода, судя по очень незначительным по площади зачисткам, дадут возможность в большинстве случаев полностью установить их планы. К этому периоду относятся помещения № 1 и 3. Первоначально они состояли из одного коридорообразного помещения вдоль западной стены, которое, по-видимому, было создано в первый период существования здесь поселения и являлось, вероятно, одним из караульных помещений, расположенных у одного из проходов в западной стене шахристана. Позднее это помещение было разделено поперек стеной, толщиной в один кирпич. В настоящее время высота стен его составляет около 3 *м*. Все оно заполнено мусором и обломками глинобитной кладки. Эта плотная забивка с трудом поддается сильному удару кетменя. Для вскрытия всего помещения необходимо провести значительные земляные работы, так как толща заполнения определяется в 3 *м* и больше.

Более доступным для обследования оказалось прямоугольное в плане помещение размером 3,5 × 3,2 $м^2$. Здесь было обнаружено около 15 хумов. Некоторая часть их была разбита, опрокинута и находилась в верхних наслоениях этого помещения, названного нами «хумханой». Стены помещения сохранились на высоту до 1 *м*. Произведенное частичное вскрытие в 1953 г. дало возможность установить, что культурные наслоения, относящиеся, по-видимому, к еще более

ранним периодам существования этой кладовой, залегают глубже уровня земляного пола, на котором был размещен северный ряд хумов. Этот горизонт датируется по находкам, обнаруженным в этом помещении, первым столетием нашей эры.

Рис. 3. Помещение с хумами на городище Хайрабад-тепе.

К востоку от хумханы на краю промоины зарегистрированы остатки еще одного помещения, от которого уцелела только небольшая часть западной стены. Здесь около узкого прохода в городской стене, вдоль которой были расположены караульные комнаты, находилась кладовая с полутора десятками крупных глиняных сосудов, емкостью около двадцати ведер каждый[3].

В нижнем наслоении, вскрытом только в верхней своей части, зарегистрировано большое количество находок. Всего во время работ на шахристане собрано около сорока монет, основная масса которых относится к кушанским, затем по

---

[3] Недочищенная до конца кладовая с хумами после окончания работ была засыпана отвалами земли, чтобы сохранить для последующих исследований этот чрезвычайно интересный пункт на городище. Особенно интересными являются хумы, на шейке которых знаки процарапаны и написаны тушью. Они были перевезены в Термезский областной музей. Остальные сосуды были закопаны на месте их нахождения.

численности следуют сасанидские монеты, представленные несколькими экземплярами, и только одна средневековая (по-видимому, XVIII в.). Встречались также обломки медных, бронзовых и железных изделий: ножи, колокольчик, кольца и обкладки (последние, вероятно, служили для конской сбруи), фрагменты наконечников, двузубец и крючки. На этом городище регистрировалось большое количество находок из металла в наслоениях, относящихся главным образом к древнейшим периодам его существования.

Рис. 4. Сестерций Нерона, обнаруженный в кушанских наслоениях на городище Хайрабад-тепе.

К числу единичных находок принадлежит одна римская монета, обнаруженная лаборантом Т. Агзамходжаевым при расчистке помещения с хумами. Римские монеты на территории Средней Азии встречаются довольно редко[4]. Из всех монетных находок на Хайрабад-тепе (всего не менее 100 экз.) только одна относится к этому чекану. На лицевой стороне изображена голова Нерона (54—68 гг. н. э.) в лавровом венке, влево, кругом легенда: NERO CLAVD CAESAR AVG GER P M TR P IMP PP. На оборотной стороне между двумя буквами S C изображения двух всадников с копьями на скачущих конях, вправо (Диоскуры ?). Внизу под чертой надпись: DECVRSIO. Диаметр монеты — 35 *мм*; вес — 24,75 *г*.

[4] М. Е. Массон, Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Киргизской ССР до 1947 года, Труды ИЯЛИ КиргФАН СССР, вып. 2, Фрунзе, 1948, стр. 135. Это установлено и по сводкам нумизматических находок в Средней Азии, опубликованных М. Е. Массоном и Е. А. Давидович. Имеющиеся в собраниях музеев Средней Азии и находящиеся в частных коллекциях римские монеты, как правило, не имеют паспорта: указание места и обстоятельства их находки. В связи с этим нет уверенности, что они обнаружены именно на территории Средней Азии. Поэтому приобретает исключительный интерес находка римской монеты именно в кушанских наслоениях на территории Южного Узбекистана.

По-видимому, монета представляет сестерций (4 асса), введенный в обращение уже в императорскую эпоху, о котором говорит А. Н. Зограф[5].

В нумизматических собраниях Музея истории АН УзССР зарегистрированы 164 римских монеты. В этой коллекции имеется и одна монета Нерона (№ 89/11). Откуда она поступила в музей, пока не установлено. На лицевой стороне ее — голова императора в венке, вправо — круговая легенда: NERO CAESAR AVG CERM JMP. На оборотной стороне между буквами S O — крылатая Победа со щитом, влево. Диаметр монеты — 28 *мм*, вес — 10,16 *г*[6].

Из обнаруженных при расчистке наслоений этого помещения с хумами других монет, сравнительно легко поддающихся определению благодаря относительной сохранности изображений, могут быть указаны следующие: 1) на лицевой стороне — голова царя вправо, со скипетром в руке. На оборотной стороне — с протянутой вперед рукой всадник в головном уборе на крупной лошади вправо. Из легенды прослеживаются EV и тамга справа перед лошадью в форме Ψ. Диаметр — 20 *мм,* вес — 7,98 *г.*

Этот тип монет «безымянного царя», по классификации М. Е. Массона, относится к наиболее распространенной установленной им первой группе[7]. Время выпуска их определяется им «промежутком между 30—40 и 70—60 годами первого века н. э.»[8].

Две медные монеты разного номинала Васудевы II с характерным изображением стоящей фигуры на лицевой стороне и Шивы с быком на обратной. На более крупной монете хорошо прослеживается тамга с четырехзубчатым венчанием, отнесенная проф. М. Е. Массоном к характерным признакам кушанского чекана[9].

---

[5] А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, 1951, № 16, стр. 52—53.

[6] По-видимому, этот тип монет Нерона указан в Каталоге римских монет нумизматического кабинета Московского публичного и Румянцевского музеев, вып. II, М., 1885, стр. 57—58, № 112—115. Эпитеты, сопровождающие на римских монетах имя императора, по большей части даются в сокращенном виде: Nero Clavd(ius) Caesar avg(ustus) Jer (manicus) P(ontifex) M(aximus) Tr(ibunieia) P(otestate) Imp(erator) P(ater) P(atriae). S C-Senatus consulto: особые „чиновники, уполномоченные сенатом, заведывать чеканкою монеты, что выражается надписью: Ex S C-ex senatus consulto или S C-senatus consulto, Е. М. Придик, Римские монеты, СПб., 1902, стр. 24 и 40.

[7] М. Е. Массон, Происхождение безымянного «царя царей» — великого спасителя, Труды САГУ, вып. XI, кн. 3, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 18 и 44.

[8] Там же, стр. 38.

[9] Там же, стр. 37.

Почти во всех обследованных пунктах Шахристана зарегистрированы обломки различных каменных изделий. Встречались целые зернотерки, ручные жернова, грузила, терки, пряслица и бусы; при расчистке наружного склона западной стены была обнаружена крупных размеров каменная ступка. Большое количество зернотерок зарегистрировано в завалах помещения хумханы, использовавшейся, вероятно, как кладовая и как мукомольное помещение. Вероятно, здесь, в этих хумах, хранилось зерно. Из всех каменных изделий своей хорошей обработкой выделяются оселки из сланца с отверстием для шнура и пряслица из мраморовидного известняка.

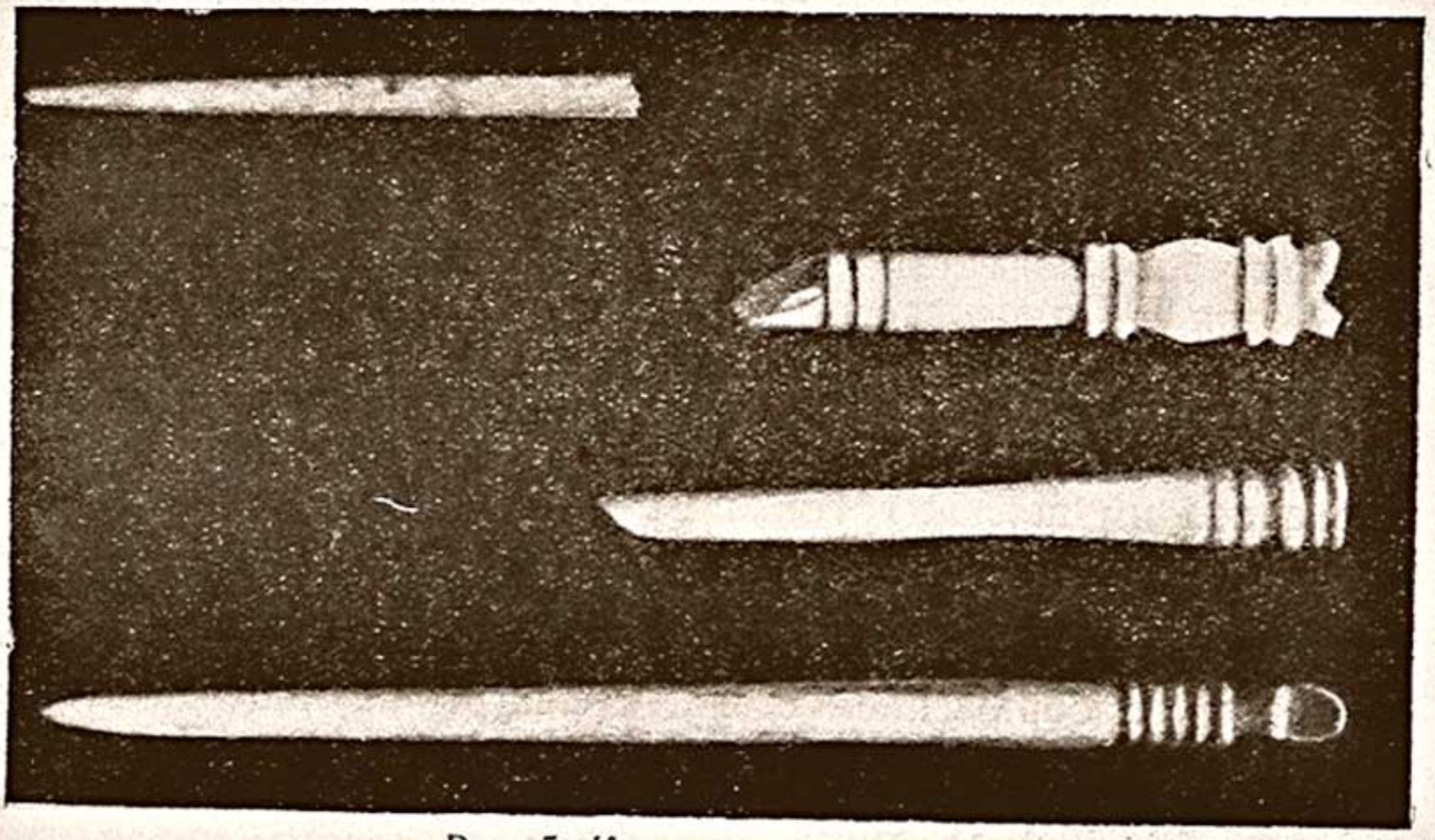


Рис. 5. Костяные заколки.

Костяные изделия представлены просверленными астрагалами, обломками обработанного рога (джейрана?) и четырьмя экземплярами (один целый и три фрагмента) тщательно отшлифованных остроконечных палочек, верхний конец которых украшен резьбой.

О подобных находках, зарегистрированных при обследовании усадьбы № 1 кушанского периода около Аяз-калы № 3, сообщает С. П. Толстов. Он предполагает, что это были «стили для письма»[10]. Палочки эти (длина их — 11 *см*, диаметр в утолщенной части — 5 *мм*), по-видимому, имели различное назначение: они употреблялись и для чистки ушей и накладывания сурьмы[11], они могли быть использованы и для

---

[10] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 3, табл. 27, рис. 1.

[11] Н. Н. Ершов, О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков, Доклады АН ТаджССР, вып. III, 1952, стр. 27—32.

письма (стили), но наиболее широкое распространение они получили в качестве заколок для волос, шпилек.

Очень близки по форме к этим изделиям костяные и металлические находки, приведенные Дж. Маршаллом. Эти находки он датирует временем от V в. до н. э. — I в. н. э.[12] Такие же остроконечные палочки из кости были обнаружены и при обследовании цитадели этого городища. Форма резной головки до некоторой степени определяет их назначение. Интересно отметить в связи с нашими находками, что дунгане до сих пор закрепляют прически своих волос костяными шпильками, которые по своему виду очень напоминают найденные нами заколки.

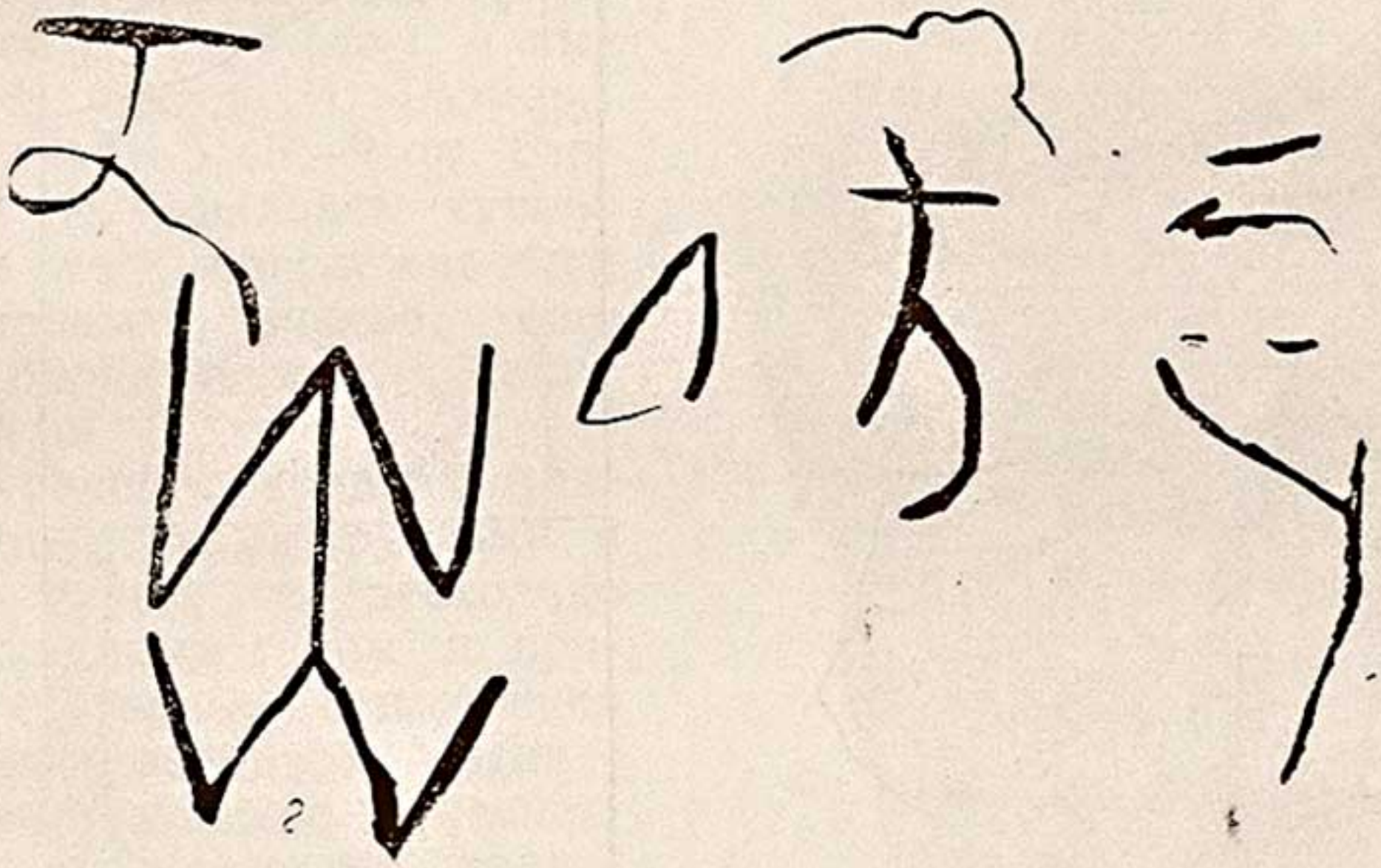


Рис. 6. Знаки на плечиках хумов с городища Хайрабад-тепе.
1— тамгообразный процарапанный знак (1 й тип); *2*— остаток надписи тушью (2-й тип).

Керамические изделия обычно по количеству и разнообразию превосходят все другие находки. Значительная часть их представлена мелкими фрагментами, по которым вся форма не может быть восстановлена. Хумы являются здесь одним из наиболее распространенных типов глиняной посуды; служили они и для хранения воды и продуктов. Хайрабад-тепинские хумы имеют низкое горло, отогнутый венчик, нижняя часть которого с наружной стороны обозначена выступающим обводом, крутые плечики, постепенно сужающиеся к низу стенки и несколько выпуклое дно, что придает сосуду неустой-

---

12 J. Marshall, Taxila, An Illustrated Account of archaeological Excavations, Cambridge, 1951, vol. II, s. 656, 660–661; vol, III, plates 199, 206.

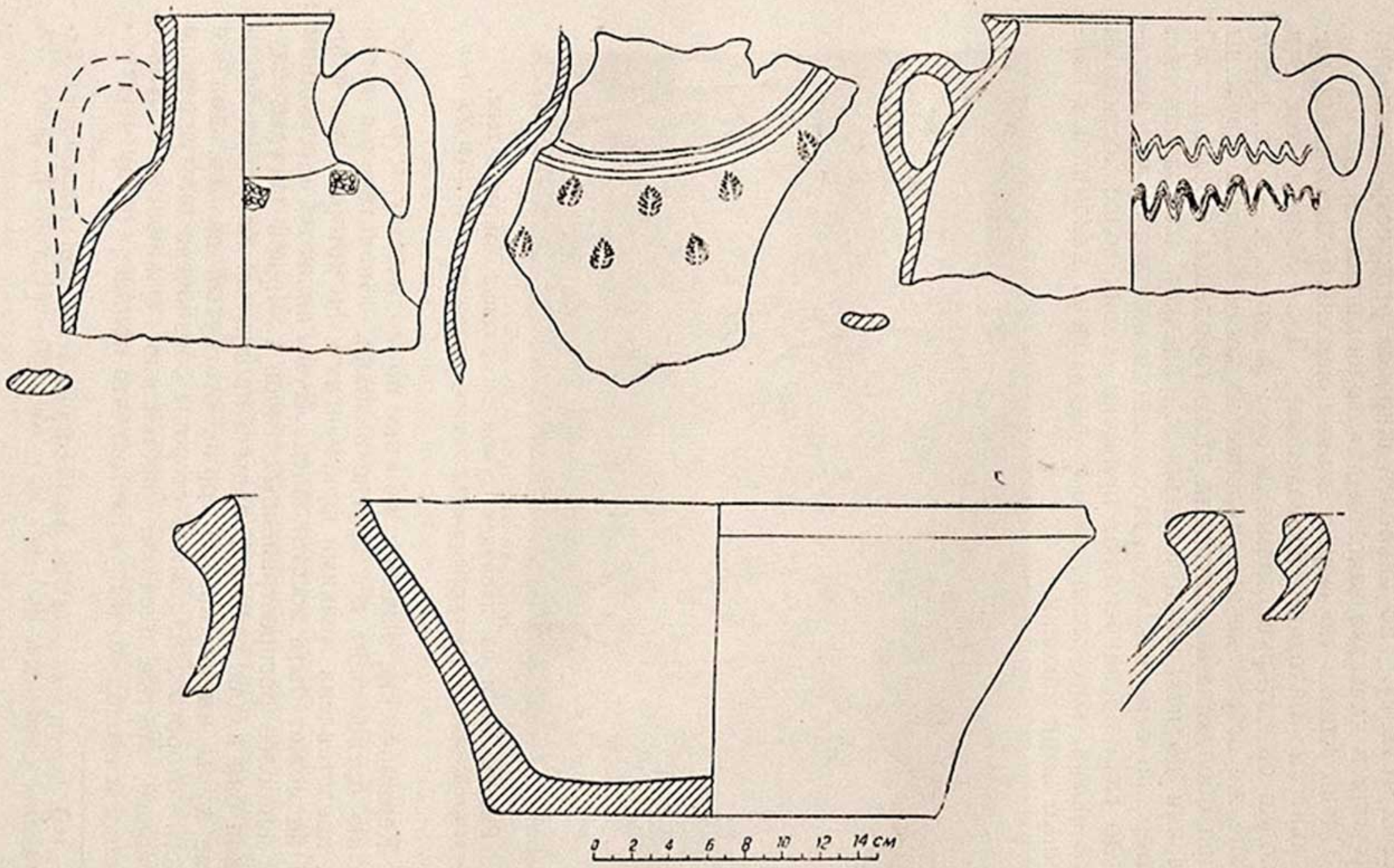


Рис. 7. Глиняная посуда с городища Хайрабад-тепе.

чивость. Обычная высота их около 1 *м* или немного больше. Близки к нашим хумы в форме «яйца со срезанными концами, более заостренной частью вниз». Эти хумы В. М. Массон относит к парфянским и датирует их III в. до н. э. — III в. н. э.[13]

В помещении хумханы на плечиках трех хумов были обнаружены знаки двух типов: 1) тамгообразный (в виде двух перевернутых, вертикально расположенных букв *м*, соединенных посредине чертой), процарапанный довольно глубокими бороздками и точно повторяющийся на двух (до 1 *м* высотой) сосудах[14]. Размеры знака — 4—5×8—9 *см*. Второй тип — надпись тушью на хуме[15]; прослеживается несколько знаков, еще не определенных, каких именно.

Рис. 8. Статуэтка женщины с лотосом в правой руке.

Кувшины средних размеров с двумя ручками и без ручек, с несколько утолщенным дном и профилированным с наружной стороны венчиком. Миски — очень хорошего ремесленного производства, тонкостенные, широкие, низкие, с полого расходящимися стенками и круто загнутыми вверх прямыми венчиками. Они покрыты красным ангобом.

Толстостенные плошки (0,5—1 *см*) имеют профилированный широкий венчик. Средний размер этих плошек: высота их составляет 6 *см*, диаметр дна—4,5—5 *см*, наружный диаметр венчика — 13,5 *см* и внутренний — 10,5 *см*. Они покры-

---

[13] В. М. Массон, Хумы Нисы (о некоторых формах неполивной керамики), Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 418—419.

[14] Один из этих сосудов, хорошо уцелевший, перевезен в Термезский областной музей, а от другого сохранилось только несколько обломков верхней части с процарапанным на них тамгообразным знаком. Они хранятся в Институте истории и археологии АН УзССР.

[15] Этот хум также передан в фонды Термезского областного музея.

ты темно-красным или коричневым ангобом. Сосуды, близкие к ним по своей форме, но несколько меньших размеров и с небольшим носиком, употреблялись как светильники, хотя были распространены также сосуды обычных форм — низкие, с выступающим носиком.

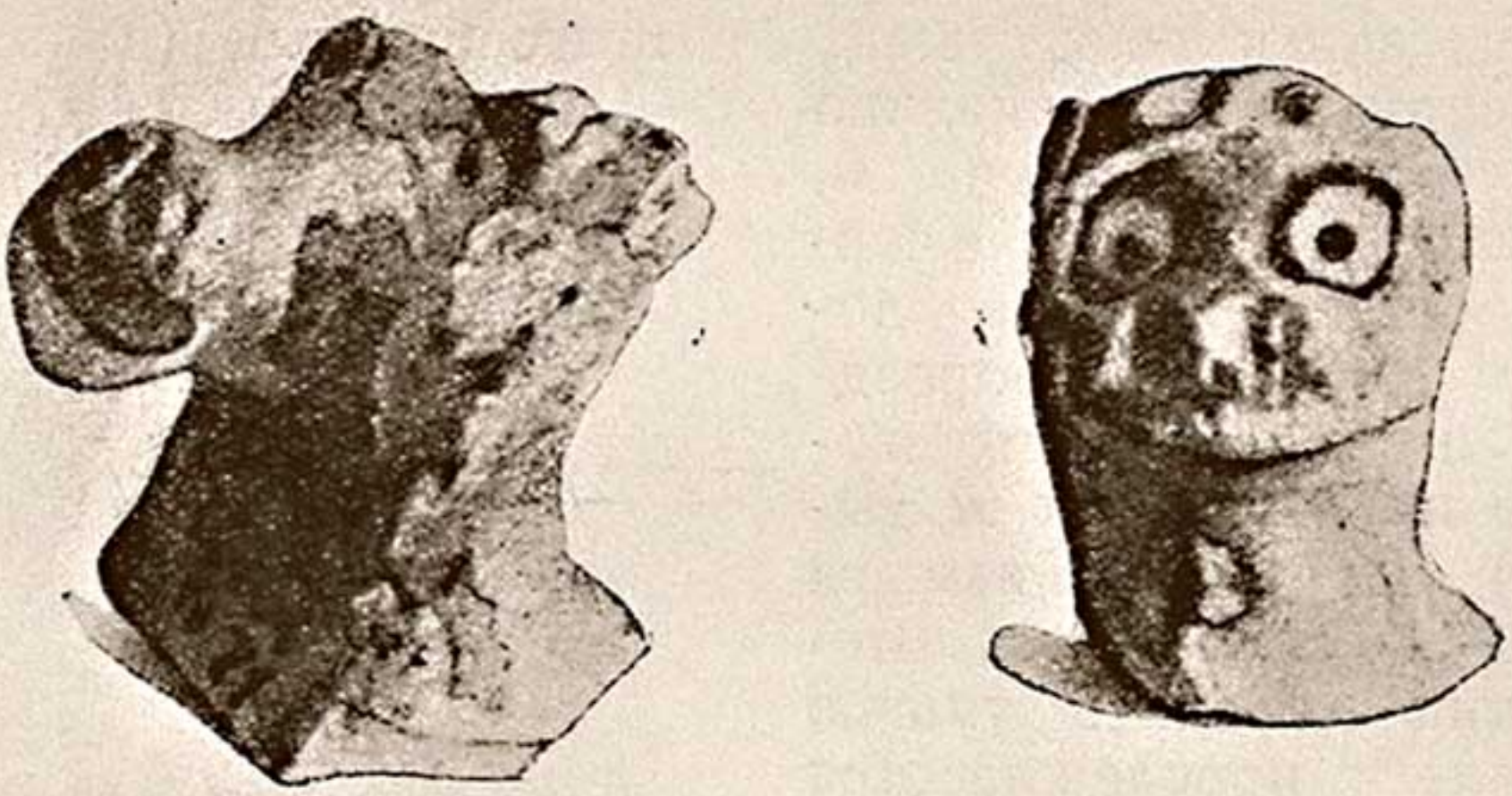


Рис. 9. Обломки от ручек сосудов с изображением верблюда и мартышки.

Бокалообразные сосуды представлены только небольшими фрагментами и, вероятно, стенки их имели довольно толстый черепок в нижней части (до 0,8 *см*). Сосуды были покрыты красным ангобом. В значительно большем количестве представлены среди находок обломки толстостенных корчаг, покрытых красным ангобом, с выступающими фестончатыми краями и витыми ручками. Судя по материалам М. И. Вязьмитиной и Л. И. Альбаума, посуда эта относится к кушанскому времени[16]. Круглые плоские крышки большого диаметра, с выступающей посередине ручкой иногда орнаментированы круговыми бороздками. При расчистке хумханы отмечалось, что крышками для некоторой части хумов служили обожженные кирпичи размером 32 × 32 ×4 *см*³. Пуговицы и пряслица обычных форм представлены довольно разнообразным набором.

Из других находок на этом городище следует отметить терракотовую статуэтку, обнаруженную в нижних слоях помещения № 1. Она изображает женщину с лотосом (?) в

---

[16] М. И. Вязьмитина, Керамика Айртама времени Кушанов, Труды АН УзССР, серия I, История и археология, Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 35—64; Л. И. Альбаум, Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949), Труды Института истории и археологии АН УзССР, Материалы по археологии Узбекистана, вып. 7, Ташкент, 1956, стр. 115—137.

правой руке. Были найдены также два обломка — головы мартышки и верблюда, представляющие, по-видимому, фрагменты от ручек сосудов.

Хайрабад-тепе является исключительно интересным памятником для изучения древних поселений. Верхние наслоения его в значительной степени относятся к IV—VI вв. н. э. Жизнь в этом пункте замирает до арабского вторжения. Расцвет жизни в нем относится ко времени правления Кушанов.

Существование же здесь такого большого поселения без искусственного орошения в данном пункте является маловероятным предположением. Изучение Хайрабад-тепе может быть успешным, поскольку здесь установлено наличие важных материалов по истории культурной жизни древних народностей на территории Южного Узбекистана.

Г. В. ШИШКИНА

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ СЕЛЬСКАЯ УСАДЬБА ПОД САМАРКАНДОМ

В 1956 и 1957 гг. в течение двух полевых сезонов одним из археологических отрядов Института истории и археологии АН УзССР производились раскопки на городище Кафыр-кала под Самаркандом. Объектом работ автора было тепе, расположенное примерно в 170 *м* на юг-восток-восток от городища и отделенное от него широким руслом впадающего в Даргом Илансая с обрывистыми лессовыми берегами.

Степная полоса, тянущаяся вдоль левого берега Даргома и сильно изрезанная глубокими оврагами, покрыта самыми разнообразными по размерам и форме тепе, среди которых есть и подобные нашему. Поскольку величина последних незначительна, у местного населения они называются просто тепе и специальных названий не имеют.

К началу раскопочных работ обследуемое тепе[1] представляло собой подквадратный в плане холм (около 36 *м* в стороне по основанию) с крутыми склонами высотой 7 *м* и с плоской вершиной (рис. 1). Юго-западный склон был поврежден чабанами, вырывшими здесь два больших помещения для скота. По другим склонам были лишь небольшие ямы, как выяснилось в процессе раскопок, существенно не повредившие сооружения. Вдоль северо-восточного края холма проходит глубокий овраг, выходящий к Илансаю.

Остатки большого здания, почти квадратного в плане (31×29 $м^2$), стоят на пахсовом основании и ориентированы углами по странам света (рис. 2). Хорошо сохранилась центральная часть здания; внешние стены сохранились на небольшую высоту, а с северо-западной и юго-западной сторон размыты до основания. Нами определено, что сооружение имеет несколько периодов существования. План его, в своем первоначальном виде, четко делится на две части. Центральная группа помещений, включающая десять комнат, образует

---

[1] В работе принимали участие в 1957 г. Э. Коржиневич и И. Гусева. Руководитель отряда — О. В. Обельченко.

квадрат со сторонами 18,3 *м*. Вторая группа из 11 комнат, вытянутых одна за другой в ряд, окружает центральную группу с трех сторон и отделяется от нее узким коридором. Первая группа помещений более монументальна и отличается большой толщиной стен (2 *м*), в то время как в помещениях за коридором стены, являющиеся одновременно и наружными, гораздо тоньше (1—1,5 *м*).

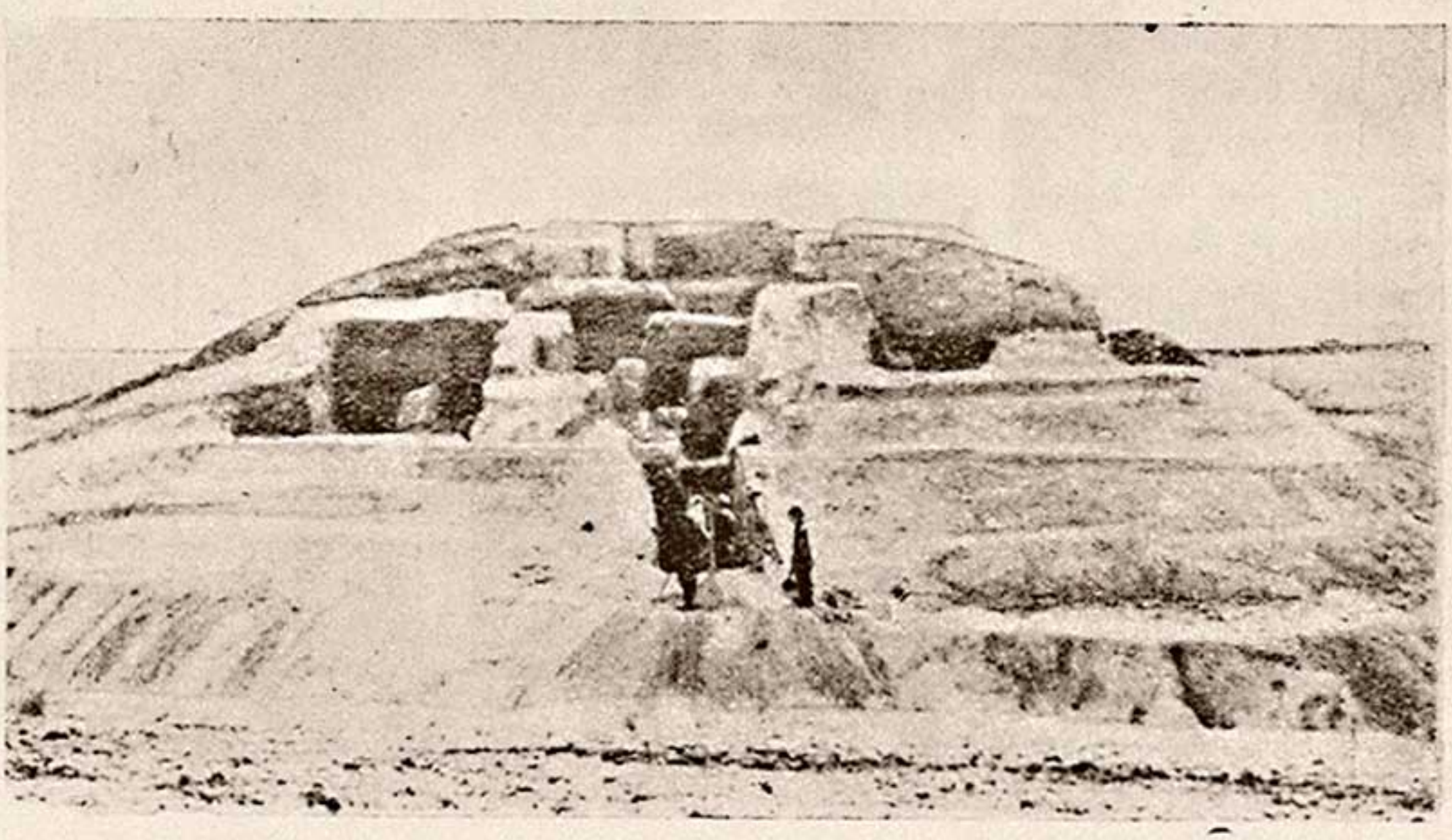


Рис. 1. Вид раскопа с северо-восточной стороны. Сохранены первоначальные контуры холма.

Вся планировка здания, вплоть до мелких деталей, подчинена строгой симметрии. Углы центральной части здания заняты квадратными комнатами $3{,}3 \times 3{,}3$ *м*^{2}, дверные проемы которых прорезают угол и обращены к двум внутренним помещениям размерами $7{,}5 \times 2{,}2$ *м*^{2} и $7{,}5 \times 3$ *м*^{2}. Между двумя угловыми комнатами расположено по одной продолговатой размером $4{,}2 \times 2{,}5$ *м*^{2}, сообщающейся с коридором. Симметрия нарушается только массивной кладкой в комнате № 10 и вторым дверным проемом в комнате № 8, так как иначе нельзя было бы попасть во внутренние и угловые помещения. Квадратные и продолговатые комнаты были перекрыты сводами, причем пяты сводов в первых лежат на высоте 3,85 *м*, а во вторых на 1,8 *м*. В комнате № 4 кривая свода сохранилась полностью, и высота помещения до замка свода составляет 3 *м*. Сохранившаяся высота угловых помещений равна 4,95 *м*, кладка свода отрезками начинается на высоте 4,75 *м*. Если восстановить кривую свода этих помещений, то высота их будет около 6 *м*. В двух центральных больших ком-

натах перекрытие, видимо, было плоским, что подтверждается отсутствием в них завалов свода, прослеженных в остальных

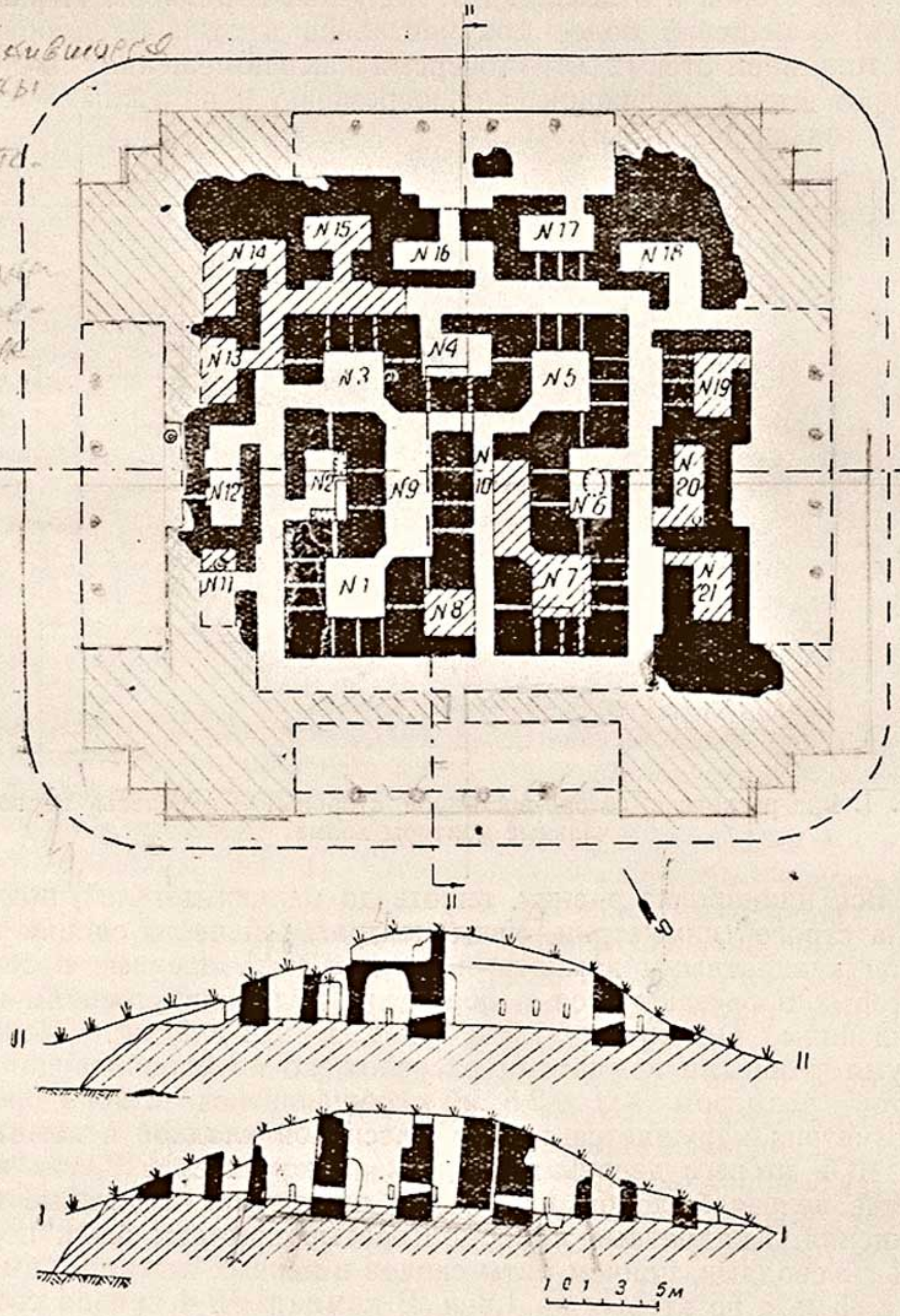


Рис. 2. План и разрезы через здание.

комнатах, и наличием остатков значительного количества дерева на полу комнаты № 9. В пользу плоского перекрытия

этих комнат говорит то обстоятельство, что до высоты 4-х *м* на стенах их не имеется никаких признаков перекрытия, а на этом уровне они образуют полочку (рис. 2).

Здание имело второй этаж, стены которого сохранились местами на высоту до 0,5 *м*. Подъем мог осуществляться только из комнаты № 10, где у дверного проема комнаты № 5 к стене пристроен непонятный, на первый взгляд, массив в виде мощного столба. По-видимому, он служил опорой для деревянной лестницы. Второй этаж не мог занимать всей площади центрального квадрата, так как угловые комнаты были настолько высоки по сравнению с другими помещениями, что замки их сводов должны были лежать на уровне перекрытия второго этажа. Только в случае плоского перекрытия над комнатами № 9 и 10 уровни полов во всех остальных помещениях второго этажа могли совпадать. Возможно, над продолговатыми помещениями были только айваны, поскольку их обращенные к коридору стенки не рассчитаны на несение нагрузки стен второго этажа. Скорее всего на втором этаже было два больших вытянутых помещения (над комнатами № 9 и 10) с выходом на четыре открытых айвана. Размеры предполагаемых айванов были больше расположенных над ними комнат за счет внутренней стены, суженной до 0,8 *м*. Помещения второй группы, располагающиеся за обходным коридором, были одноэтажными, поскольку стены их гораздо тоньше, а толща завалов незначительна. Перекрытия и здесь были сводчатыми. Симметричность в расположении этих помещений соблюдается также строго — по три помещения на каждом фасе и два коленчатых в северном и восточном углах. Вход в здание находится в центре северо-восточного фаса и с северной стороны был оформлен двумя выступами, утолщающими наружную стену. Никаких следов подъема на пахсовую платформу не обнаружено. Вероятно, и здесь существовала деревянная лестница.

Пахсовая платформа, на которой возведено здание, стоит на материковом лессе. Высота ее равна 3,6 *м*, размеры — 43×43 $м^2$, углы закруглены, боковые грани имеют наклон около 60°. Углы здания укреплены мощными контрофорсами из пахсы, имеющими общий с платформой скос. Перед каждым из фасов стена дома и два контрофорса образуют открытую террасу.

О том, что подобная планировка дома не является случайной, а представляет собой уже выработанный тип постройки, свидетельствует не только явная продуманность плана с четким членением его на отдельные части, но и здание, раскопанное С. К. Кабановым в долине р. Кашка-Дарьи (Аул-те-

пе)[2]. Уже внешний вид Аул-тепе до раскопок близок к Кафыр-калинскому тепе (крутые склоны, плоская вершина), приземистость же его по сравнению с нашим тепе объясняется фактическим отсутствием платформы. Платформа Аул-тепе создана за счет рва вокруг площадки, на которой возводилось здание. Сами же здания являются двумя вариантами одного и того же типа сооружений. Принимая во внимание первоначальные планы без учета позднейших перестроек, оба здания обводным коридором делятся на две части: центральный квадрат и окружающий его с трех сторон ряд помещений. В Аул-тепе подъем на второй этаж осуществлялся из помещения центральной части дома и, видимо, только над ней и был возведен. Наружные углы Аул-тепе также укреплены массивной кладкой. Несмотря на почти одинаковые размеры (разница в 1—2 *м*), кафыр-калинское здание отличается бо́льшей монументальностью и более усложненным планом. Кроме того, оно было выше на 3,5 *м* за счет пахсового основания.

Отличительной особенностью кафыр-калинского здания является обилие узких щелевидных продухов, прорезывающих стены. Наличие продухов предусматривалось при планировке. Об этом свидетельствует выведение их от основания стен, лежащего ниже уровня пола на 1 *м*. Часть продуха, находящаяся под полом, закладывалась обломками кирпича и нижняя плоскость его делалась наклонной, так что отверстие продуха с одной стороны стены приходилось на высоте 0,5 *м* от пола, а с другой — на уровне пола. Продухи имели ширину 0,2 *м*, а высоту в зависимости от направления наклона — 0,5 и 1 *м*. В распределении продухов соблюдена также строгая симметрия. В угловых квадратных комнатах центральной группы их было девять. Стены, смежные с коридором, прорезывают три продуха на расстоянии 1 *м* друг от друга с наклоном в сторону коридора, в двух других стенах было по одному продуху с наклоном в сторону продолговатых помещений.

Кроме восьми продухов, расположенных в нижней части стен, один прорезывал правую, противоположную входу стену под пятой свода с наклоном в глубь комнаты. Такие продухи в верхней части стен были только в угловых помещениях по одному в каждом (рис. 3). В продолговатых помещениях, кроме двух продухов, ведущих в квадратные комнаты, в стене, противоположной входу, располагается еще два с расстоянием между ними около 2 *м*. Здесь все четыре продуха имеют наклон в сторону комнаты. В стене, разделяющей комнаты

---

[2] О. К. Кабанов, Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан), СА, 1958, № 3, стр. 144—151.

№ 9, 10, три продуха почти не имели наклона. Всего в центральной части дома было 46 продухов. За обводным коридором продухи прослеживаются только в трех комнатах. Больше всего их в комнате № 17. Здесь они расположены в два яруса в шахматном порядке с наклоном в глубь комнаты (рис. 4): три в нижнем ряду и два в верхнем. В комнате № 19 три продуха находятся в нижней части стены, а в № 12 один — в наружной стене.

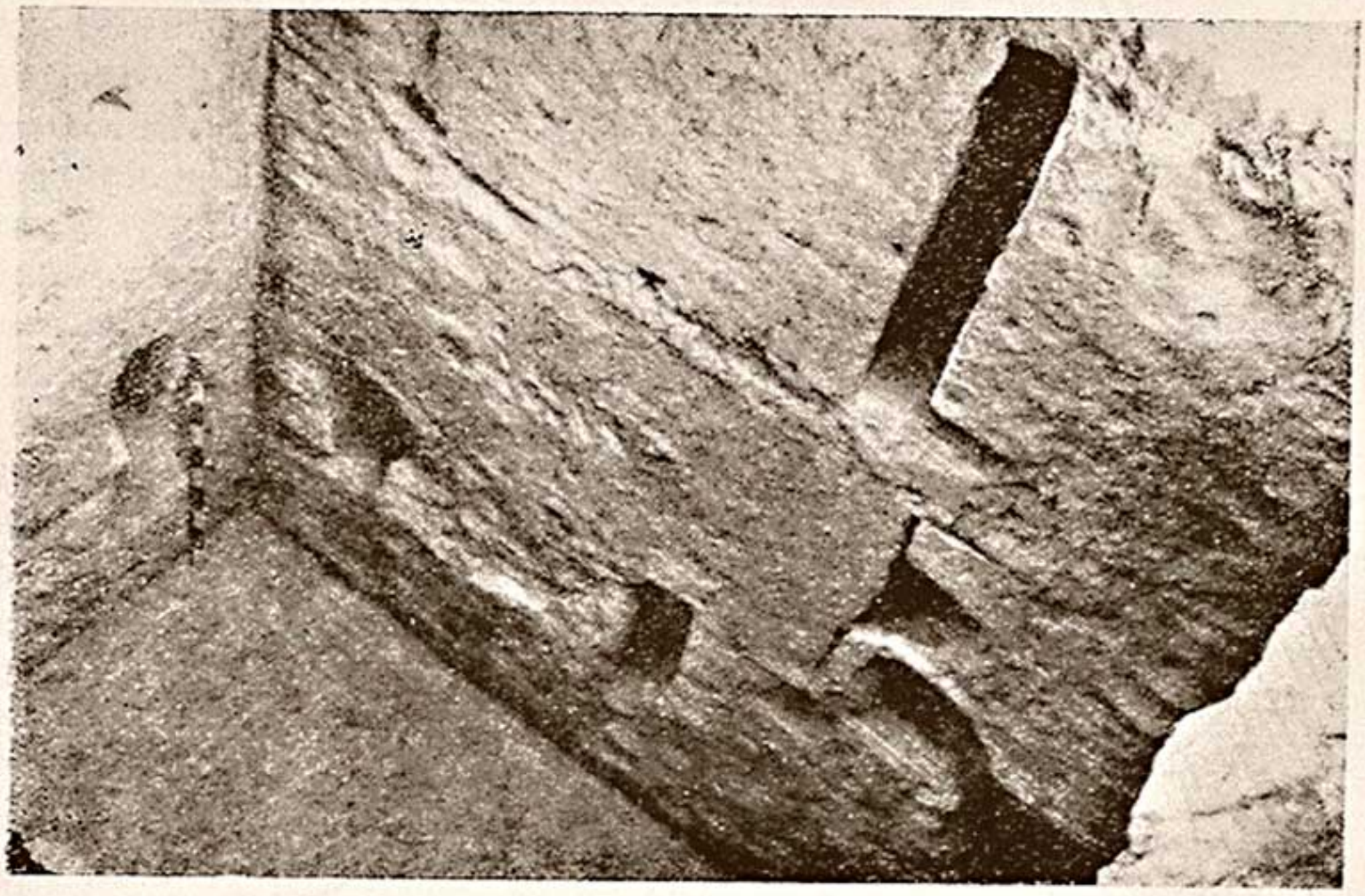


Рис. 3. Продухи в комнате № 5.

Что можно сказать о назначении этих многочисленных продухов? Пол комнаты № 17, особенно в части, примыкающей к стене с продухами, и низ этой стены сильно обожжены и закопчены. Вся поверхность пола покрыта слоем золы с угольками. Большое количество золы с углем находится и за пределами помещения на террасе. То же самое можно сказать и о комнате № 19, где вокруг продухов обгорели и закоптились несколько слоев штукатурки.

Следует отметить, что в связи с «грязной» функцией этих комнат, вход в них располагался не со стороны коридора, как в остальных, а со стороны террасы, причем от главного входа в дом вход в семнадцатую комнату отделен еще дополнительной стенкой. По-видимому, оба помещения № 17 и 19 служили отопительными камерами, где разжигался огонь, при этом продухи должны были закрываться, чтобы копоть и угар не могли проникнуть в жилые помещения. После того, как

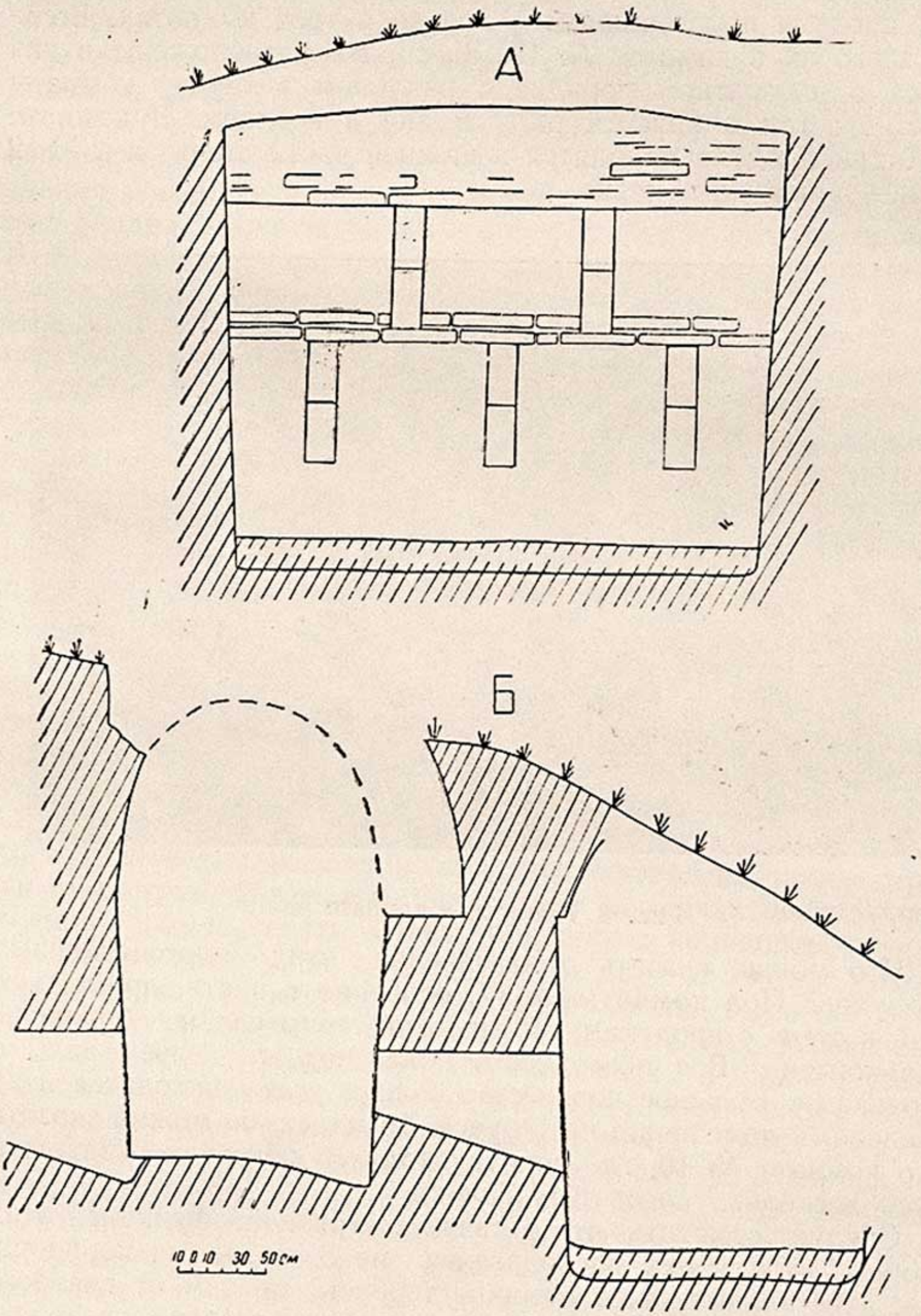


Рис. 4. Стена комнаты № 17 с продухами (*А*) и разрез через комнату № 17 и коридор (*Б*).

топливо прогорало, продухи открывались, и горячий воздух от тлеющего угля распространялся по всему дому, угарный же воздух вытягивался через продухи под сводами.

Полы комнат № 17 и 19 значительно ниже полов всех остальных помещений и коридора, что сделано для того, чтобы продухи отопительных и отапливаемых комнат не были на одном уровне (см. рис. 4). Для дополнительного же обогревания помещений применялись, возможно, переносные жаровни с горячим углем. Фрагменты жаровен из слабообожженной глины с прямым бортиком найдены в нескольких продухах, а на участках стен, прилегающих к последним, ясно заметны следы огня (но не копоти). Во второй период существования дома, когда были произведены значительные переделки, в комнате № 2 около двух оставшихся незаложенными продухов были вырыты прямоугольные углубления (глубина 10 *см*), поверхность которых обожжена без следов копоти. Они выполняли роль жаровен и обогревали смежные комнаты № 1 и 3. Один продух в стене, противоположной входу, не функционировал. К нему примыкала суфа.

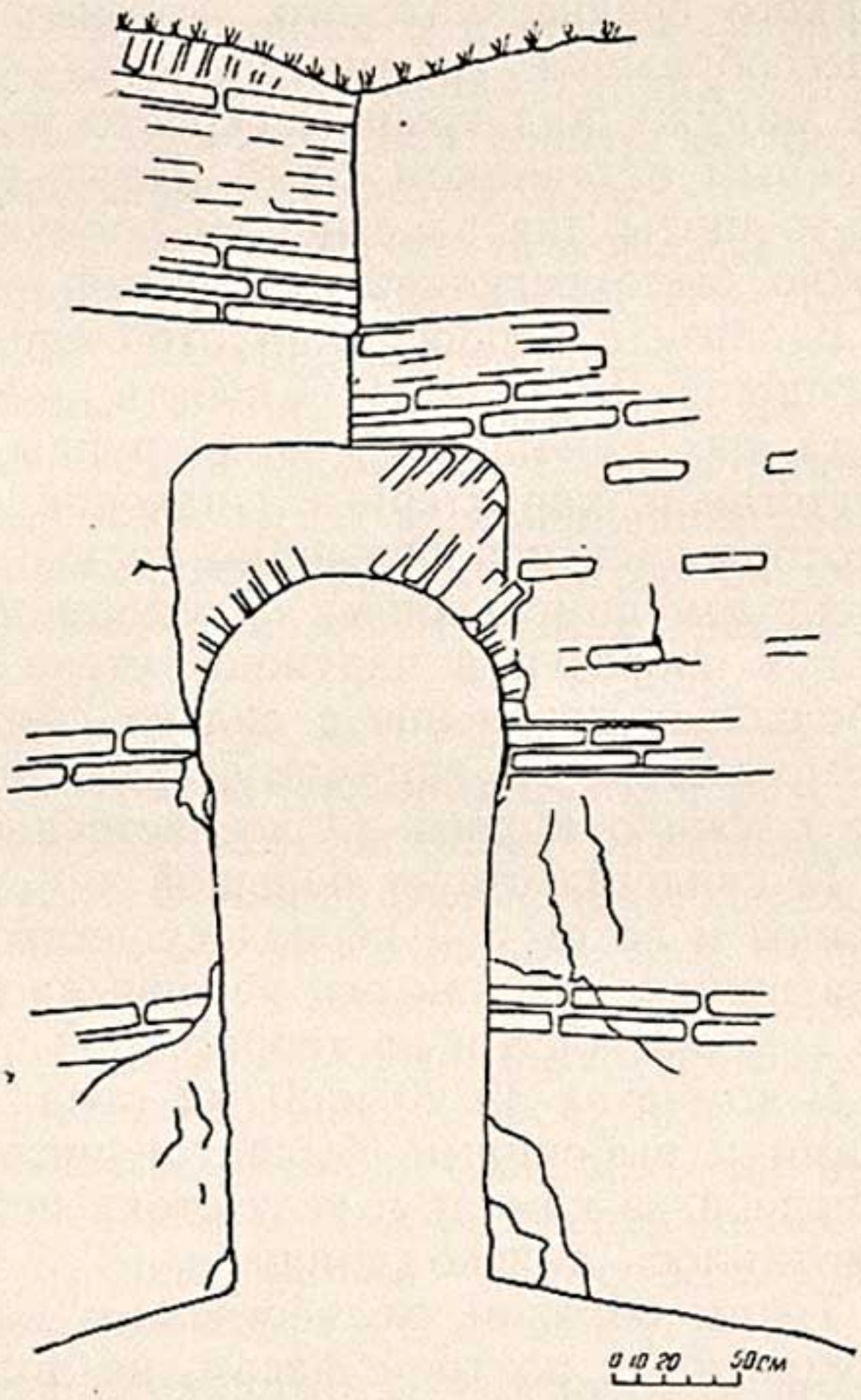


Рис. 5. Арка углового дверного проема.

Если предположение о назначении продухов считать правильным, то такая система отопления обнаружена впервые. Возможно, нечто подобное было на городище Тали-Барзу, расположенном в нескольких километрах от нашего тепе, правда, в слое, относящемся к более позднему времени (слой Тали-Барзу VI). Г. В. Григорьев пишет о непонятой им отдушине, которая, прорезывая стену не на всю толщину, «на

глубине 50 *см* поворачивала под прямым углом и выходила в проход»[3].

Продухи, по-видимому, предназначались не только для отопления, но и для вентиляции летом. В тех комнатах, где стены сохранились на значительную высоту, после расчистки продухов стал чувствоваться сильный сквозняк. В условиях жаркого среднеазиатского климата такое устройство было целесообразным. Верхние продухи угловых комнат, выходящие наружу над крышей первого этажа, служили также единственным источником света. Надо думать, существовали какие-то щиты для закрывания продухов, с помощью которых можно было регулировать приток воздуха.

В связи с вопросом об отоплении выяснилось назначение помещений № 17 и 19. Сказать что-либо определенное об остальных помещениях этой группы очень трудно в связи с отсутствием характерных находок и плохой сохранностью некоторых из них. Очевидно только то, что они были хозяйственными помещениями. В одном из них, единственном, где продух прорезан в наружной стене, против продуха сделано небольшое углубление с сильно обожженной и закопченной поверхностью. По-видимому, здесь находился очаг, а помещение служило кухней. О хозяйственном назначении комнаты № 11 свидетельствует большой хум, вкопанный в пол до горловины и во второй период существования здания не использовавшийся, так как его перекрыла ремонтная кладка. Такой же хум оказался и на террасе.

В комнатах № 20 и 21 на полах, местами обожженных, с ямами и выбоинами, была значительная прослойка золы. В первой из комнат в углу стоял небольшой хум, от которого сохранилось только днище.

Таким образом, хозяйственное назначение помещений, расположенных по трем фасам, не должно вызывать сомнений. Сходство планировки обследованного нами здания со зданием Ауль-тепе заставляет предположить одинаковые функции отдельных частей дома. Следовательно, размещение в Ауль-тепе кухни и кладовых на втором этаже совершенно не обосновано, тем более, что для этого нет никаких данных[4]. Самой планировкой уже подчеркивается разница в назначении двух групп помещений — жилой (центральной) и хозяйственной.

Все вышеизложенное относится к первому периоду существования здания.

Во второй период были произведены значительные переделки. Тогда были забиты пахсой вперемежку с небрежной

---

[3] Г. В. Григорьев, Отчет о раскопках на городище Тали-Барзу в 1937 и 1938 гг., рукопись Республиканского музея в Самарканде, стр. 6.

[4] С. К. Кабанов, указ. соч., стр. 149.

кирпичной кладкой три хозяйственных помещения в северном углу и прилегающая к ним часть коридора. К моменту их закладки стены здесь были уже сильно разрушены. Все три помещения юго-западного фаса оказались забутованными. Комната № 7 центральной части засыпана песком с галькой и сверху забита пахсой, а вход в нее загорожен массивной кладкой, примыкающей к стене комнаты и к столбу — опоре для лестницы. Поскольку эта дополнительная кладка поднималась на всю высоту стены или на значительную ее часть, подъема на второй этаж здесь уже не могло быть.

Сырцовым кирпичом были заложены часть комнаты № 8 и дверной проем, соединяющий комнаты № 9 и 10. В угловой части третьей комнаты пробит дополнительный дверной проем в коридор и отремонтированы стенки углового проема. Во второй комнате пристроена суфа и около нее вырыты прямоугольные углубления — жаровни. Полы в помещениях повысились либо за счет глиносаманной заливки, либо за счет забутовки и выстилки сырцовым кирпичем, как в третьей и четвертой комнатах.

Около восточного угла и в центре юго-западного фаса обнаружены следы дверных проемов. Следовательно, в результате всех переделок и ремонтов дом оказался разделенным на три самостоятельные части. Большая часть продухов оказалась заложенной, но комната № 17 сохранила свое назначение. На первоначальном полу к моменту переделки дома скопился значительный слой золы, который был утрамбован и залит глиной с саманом. Этот второй пол носит, как и первый, следы длительно горевшего огня, а слой золы на нем достигает 10 *см* толщины. Топочная комната обогревала только два помещения (№ 5, 6) центральной части, остальные обогревались жаровнями из комнаты № 2.

Между первым и вторым периодами не могло быть большого промежутка времени (об этом свидетельствуют керамический и строительный материалы), но все же он был достаточным для того, чтобы успели значительно разрушиться стены хозяйственных помещений в северо-западном углу дома.

Основным строительным материалом, использованным при постройке дома и его переделках, были сырцовый кирпич и пахса. Интересно отметить, что кирпичи были сделаны из глины серо-голубого оттенка, в то время как пахса и раствор для кладки — из желтого лесса. При различных комбинациях кирпичных кладок с пахсой получалась своеобразная декорировка стен, оштукатуренных не после постройки, а значительно позднее в связи с ремонтом. Размеры кирпича как в кладке стен, так и в позднейших закладках составляют 47—55 × 25—34 × 8—9 *см*. Вдоль плоскости кирпича, обращен-

ной вниз, слабым нажимом трех пальцев проведены борозды. Глина для кирпича замешивалась без самана.

Толщина стен составляла 1—2 *м*. Стены сужаются кверху с наклоном плоскости их около 15°. Обычный вид кладки — это чередование полос пахсы (от 0,5 до 1 *м* шириной) с одним или чаще двумя рядами сырцового кирпича. В кладке не наблюдается чередования кирпича тычком и ложком, положение его произвольно. Наиболее сложная и декоративная кладка наблюдается в угловых комнатах, где щековые и щипцовые стены отличаются друг от друга (рис. 6). До пяты свода дверного проема кладка общая для всех стен — нижний, метровый, слой пахсы отделен двумя рядами кирпича от 80-сантиметрового, на котором в свою очередь положены два ряда кирпича. Выше, до пяты свода, щековые стены сделаны из пахсы. Основание свода выложено из восьми рядов кирпича с очень незначительным напуском. На щипцовых стенах над вторым кирпичным поясом в слое пахсы (1,15 *м*) уложено три ряда кирпича в шахматном порядке тычком. Выше проходит кладка из четырех рядов кирпича и затем пахса. Комбинированная кладка применялась уже в Кызыл-Кыре Бухарской области[5] и широко была распространена в раннесредневековой архитектуре Средней Азии — в Ауль-тепе[6], Ак-тепе[7], Пянджикенте[8], на Варахше[9], в Шахристане[10]. Хорезме[11].

Все своды выложены наклонными отрезками. Полностью кривая свода сохранилась только в четвертой комнате, замок свода низкий (1, 2 *м*). Судя по остаткам, свод в другой продолговатой комнате тоже был пониженным, но очертания его отличаются от предыдущего. Пяты сводов продолговатых помещений лежат на разных уровнях (разница 0,15 *м*), ниже со стороны коридора. Еще больше разница в уровнях пят свода наблюдается в самом коридоре (до 25 *см*). Такой способ уравновешивания распора, идущего изнутри здания,

---

[5] В. А. Нильсен, Кызыл-Кыр, История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 65.

[6] С. К. Кабанов, указ. соч., стр. 145.

[7] В. Л. Воронина, Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента, по данным работ 1940 г., Труды Института истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1948, вып. I, стр. 137, 143.

[8] В. Л. Воронина, Архитектурные памятники древнего Пянджикента, МИА СССР, М.—Л., 1953, № 37, стр. 102.

[9] В. А. Шишкин, Варахша, СА, XXIII, М., 1955, стр. 107.

[10] Н. Негматов, Т. И. Зеймаль, Усрушанский замок в Шахристане, СА, 1959, № 2, стр. 242.

[11] В. Л. Воронина, Строительная техника древнего Хорезма, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 92 и рис. 10.

применялся в постройках Усрушаны, Хорезма[12], Шаша[13]. Своды в коридоре и остальных помещениях были более высокими, чем в продолговатых.

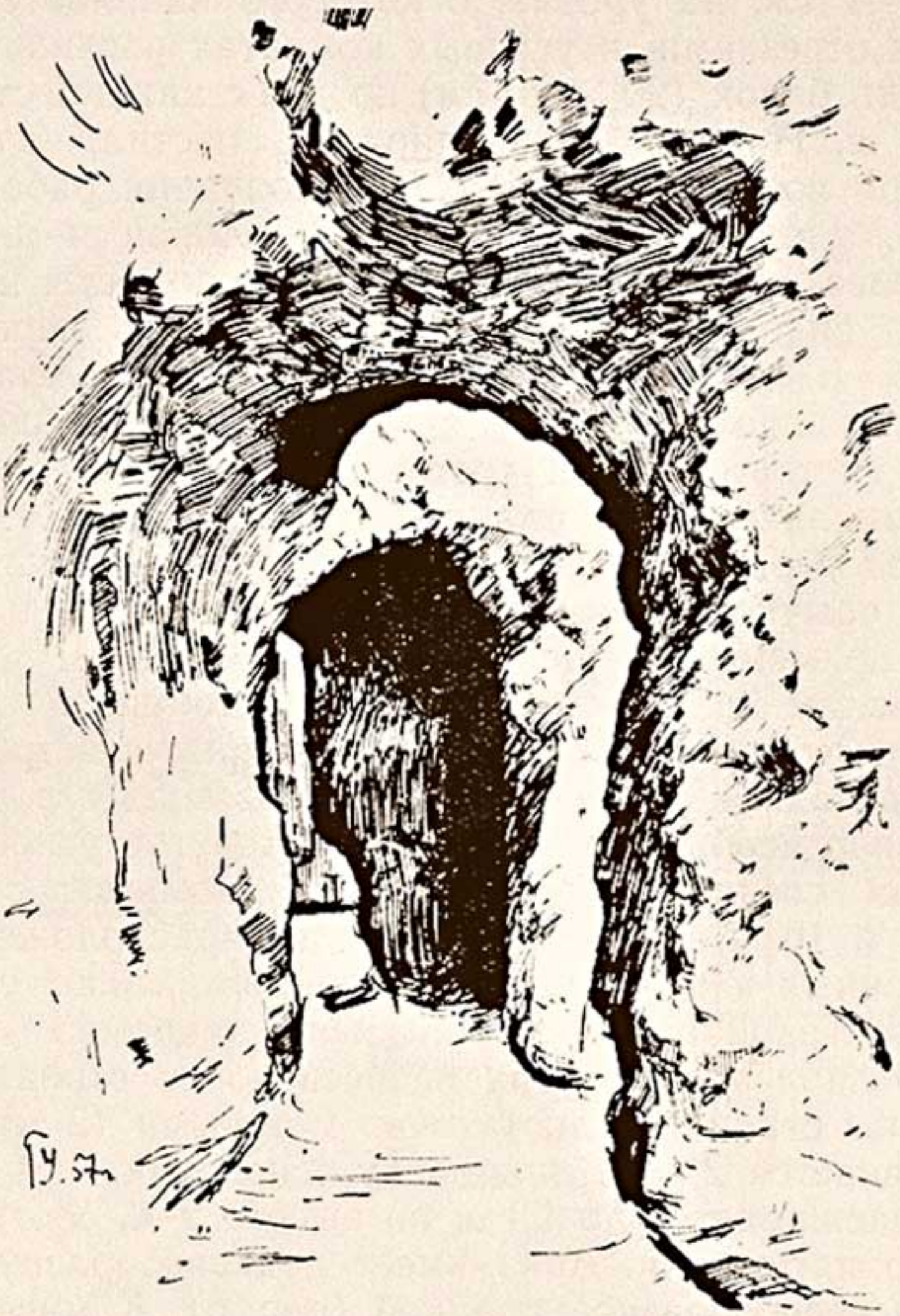


Рис. 6. Переход из комнаты № 9 в комнаты № 10 и 5 (рисунок Г. И. Улько).

Наклон отрезков делался в разные стороны: если в комнате наклон был в одну сторону, то в прилегающей к ней части коридора он был сделан в другую. Квадратные угловые комнаты также перекрывались сводами. По-видимому, купольное перекрытие не было еще освоено среднеазиатскими строи-

---

[12] В. Л. Воронина, Строительная техника..., стр. 98.

[13] Она же, Элементы архитектуры замка Ак-тепе близ Ташкента, по данным археологических работ 1941 г., Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 141.

телями или не было достаточно распространено. Во всяком случае, оно известно нам по сооружениям VII в. н. э.[14]

Над пятой свода, выступающей по отношению к плоскости стены на 5—7 *см*, на уровне, с которого начинается кладка наклонными отрезками, в угловых комнатах расчищены квадратные гнезда балок (20 × 20 *см*) по два с каждой стороны на высоте 4,55 *м*. На эти балки опирался настил, служивший помостом при возведении свода. По окончании работы балки вынимались, а отверстия забивались глиной и штукатурились[15]. В более низких помещениях такие помосты не устраивались, там, видимо, обходились с помощью передвижных помостов. В. Л. Воронина считает, что балки клались для укрепления слишком широкого свода[16]. В Ак-тепе ширина помещения с гнездами балок составляет 2,3 *м*, в обследованном же нами здании ширина помещения — 2,5 *м*. Причем, никаких следов балок здесь найти не удалось. В кладке сводов, кроме обычного прямоугольного кирпича, в небольшом количестве применялся трапециевидный. Об этом можно судить по завалам во втором и четвертом помещениях и в коридоре, где вместе с обломками такого кирпича встречен один целый длиной 52 *см* с шириной сторон 32 и 22 *см*.

Совершенно необычным является устройство угловых дверных проемов, соединяющих квадратные комнаты с помещениями № 9 и 10. Дверные проемы здесь расположены в углах, обращенных к центру здания, и прорезывают стены под углом в 45°. Такой прием значительно экономил полезную площадь. Ослабление же угла не беспокоило строителей, поскольку стены строились достаточно мощными (2 *м*). Высота проемов равняется 2,75 *м*, ширина у основания — 1 *м*. Дверной проем расширяется до 1,1 *м* на высоте 2 *м*, соответствующей уровню пяты арки. Арка имеет подковообразную форму и выложена веерообразной кладкой (рис. 5). К массиву, служившему опорой лестнице, сходились три арки (дверного проема комнаты № 5, проема, соединяющего помещения № 9 и 10 и арка между массивом и стеной помещения № 10). Здесь они объединялись и образовывали узкий сводчатый коридор с выходами в комнаты № 5, 9, 10 (рис. 6). Из всей

---

[14] Помещение с купольным перекрытием вскрыто во втором ярусе Ак-тепе. См.: В. Л. Воронина, Элементы архитектуры..., стр. 144—146; она же, Строительная техника..., стр. 99.

[15] Она же, Архитектура замка Ак-тепе..., стр. 142.

[16] На Варахше гнезда балок во многих помещениях были заложены и оштукатурены. В. А. Шишкин (Некоторые итоги работ на городище Варахша, Труды Института истории и археологии, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 24) и В. А. Нильсен (Варахшская цитадель, там же, стр. 88) считают их гнездами балок, служивших опорой помоста для возведения свода.

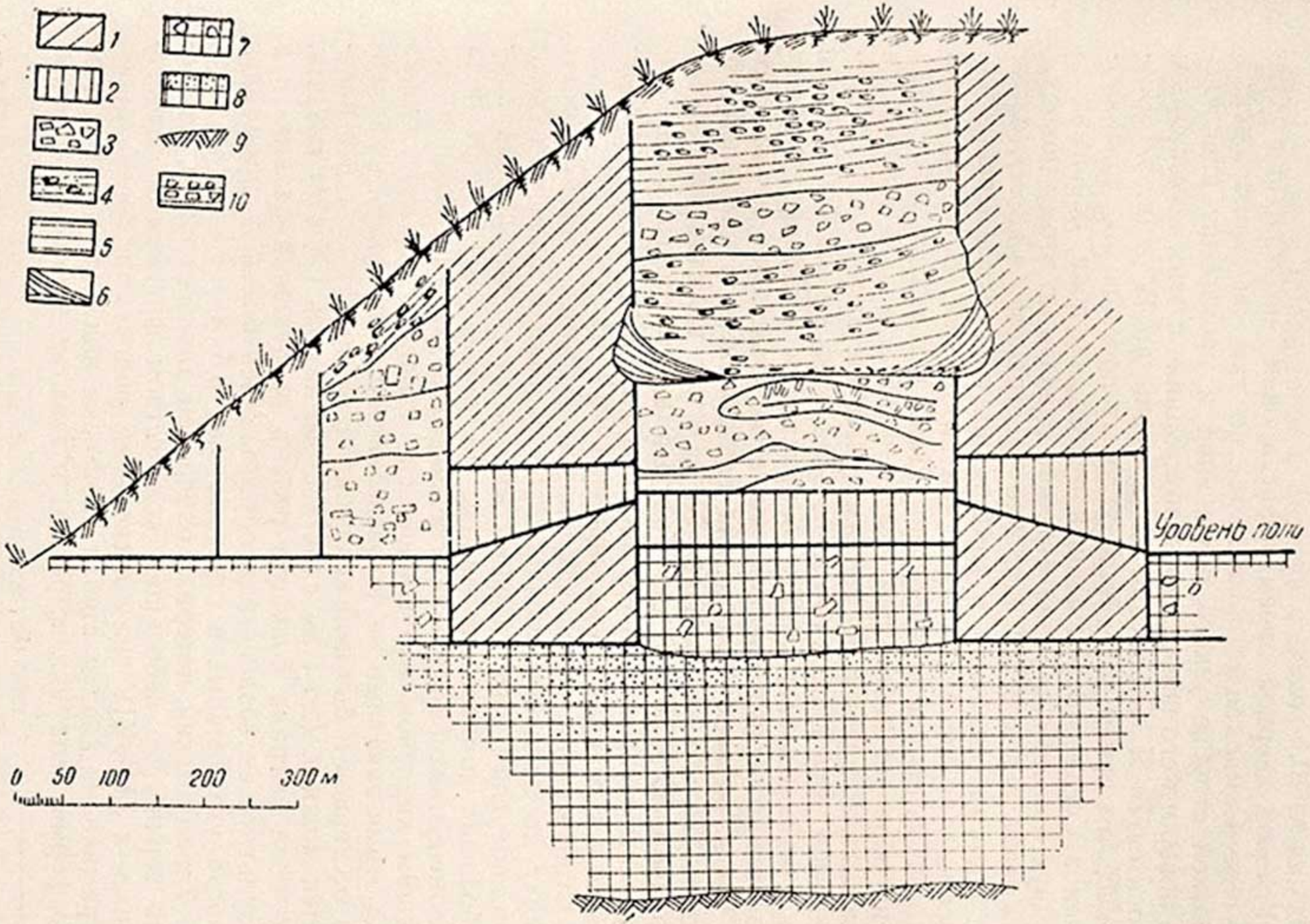


Рис. 7. Стратиграфический разрез через комнату 3 и коридор.

1— стены, *2*— закладка продухов и забутовка под вторым полом, *3*— завалы, *4*— размытые завалы, *5*— слой плотной земли, *6*— натечные слои, *7*— пахсовое основание, пахса с кусками сырцового кирпича, *8*— пахсовое основание, пахса с песком, *9*— материковый слой, *10*— уровень и разбросанные вдоль него кости.

этой сложной конструкции сохранились два дверных проема с перекрытием и незначительные остатки свода на стене помещения № 10.

Угловой дверной проем зафиксирован на городище Кулдор-тепе Самаркандской области, но там он расположен в короткой стороне узкого помещения и производит впечатление поворота его под тупым углом. Здание с этим помещением относится Б. Я. Стависким ко времени до IV в. н. э.[17] Возможно, что прием устройства угловых проемов был распространен в Согде в определенный период, но пока, основываясь на двух примерах, трудно что-либо сказать по этому поводу.

Умение перекрывать широкие пространства (3,3 *м*), сложная система отопления и комбинации сводчатых перекрытий, говорят о большой квалификации строителей. В то же время ни один из стыков не перевязан. Даже в таких случаях, когда стена образует небольшой выступ в 0,5 *м* в виде пилона, он приставлен впритык. То же самое явление отмечено А. М. Беленицким для Пянджикента[18]. Если этот прием был удобен при стихийных застройках, то при таком четко продуманном и до конца осуществленном плане он объяснения не находит.

Полы во всех помещениях глинобитные, с саманной обмазкой. Только в комнатах № 3, 4 пол выстлан сырцовым кирпичом 50 × 30 × 8 *см*. Толстые двухметровые стены заглублены относительно уровня пола на 0,8 *м*, более тонкие — только на толщину двух кирпичей (0,2 *м*).

Стратиграфия здесь несложная. Большая часть комнат сверху до пола заполнена сильно размытым слоистым завалом, по углам имеется слоистый натек и только на полу небольшие комковатые завалы. На уровне 1—1,5 *м* от пола в помещениях № 3 и 6 прослеживались завалы с наклонно лежащим кирпичом обрушившегося свода, а непосредственно над этими завалами — человеческие кости и черепа, фрагменты оссуариев и бытовой керамики. В комнатах № 1 и 9 находятся мощные (до 1 *м*) слои чистого натека. Следует сказать, что вода сыграла большую роль в разрушении здания, и в результате ее воздействия образовались большие промоины, иногда углубленные в стену до 0,5—0,6 *м*.

Керамический материал однороден для всех слоев, не считая верхнего с небольшим количеством фрагментов, относящихся к XII—XIV вв. и нескольких фрагментов более ранней керамики из кладки стен и забутовки под полом. Одни и те же формы керамики встречены в завалах, закладках, сделан-

---

[17] Б. Я. Ставиский, Раскопки городища Кулдор-тепе в 1957 г., Сообщения Государственного Эрмитажа, XV, Л., 1959, стр. 57—59.

[18] А. М. Беленицкий, Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг., МИА СССР, М—Л., 1953, № 37, стр. 56.

ных во второй период, и под обмазкой полов. Керамика представлена значительным количеством форм, среди которых преобладают кубки-чаши и корчаги с носиком. Форма кубков

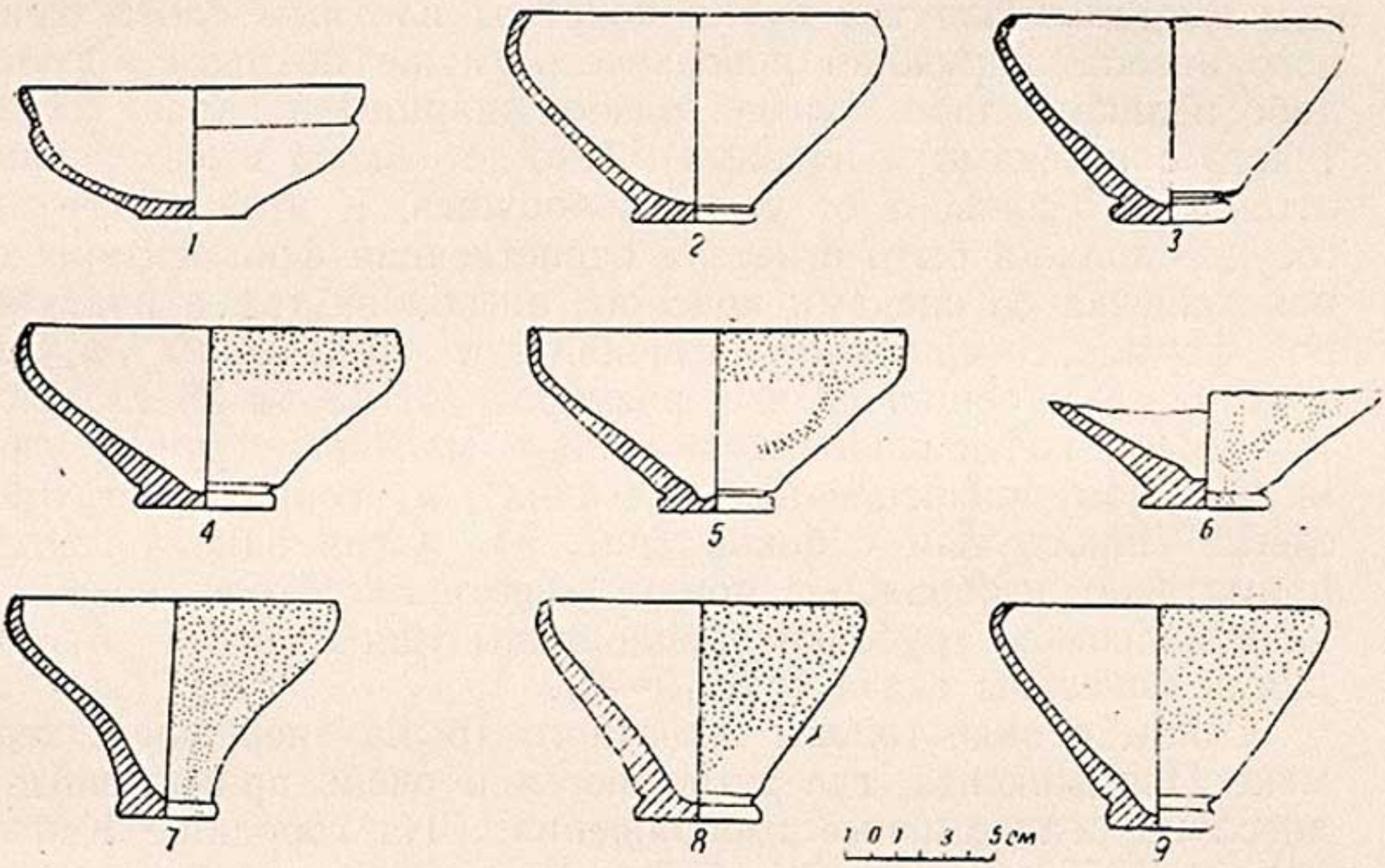


Рис. 8. Кубки, светильники.

приближается к конической (рис. 8). Пропорции их различны: одни более вытянуты, другие приземисты и скорее могут

быть названы чашами. Размеры их варьируют в пределах 7,4—9 *см* по высоте и 13,2—15,5 *см* по диаметру. Края либо плавно загнуты внутрь, либо они сделаны вертикальными. Плоский поддон обычно отделен от корпуса глубоким кольцевым вырезом. Изнутри кубки покрыты плотным слоем красного ангоба, наружная поверхность также покрыта ангобом либо целиком, либо полосой разной ширины по краю сосуда (часто с потеками и пятнами). Иногда ангоб имеет черный оттенок, что зависит от условий обжига. К этой же группе сосудов должна быть отнесена единственная фрагментированная чашечка со следами красного ангоба внутри и снаружи, по форме совершенно отличная от конических кубков (рис. 8—1). Горшки разных размеров (от 18 до 35 *см* высоты) имеют почти шаровидное тулово, маленькие ручки, верхним концом прикрепленные к венчику, и носики раструбом, слегка сплюснутым с боков (рис. 9). Слив одного горшка примитивно изображает морду животного: около носика в виде маленькой трубочки процарапаны уши и двумя углублениями показаны глаза (рис. 9—8).

Сливы в виде головы животного (быка) нередки в керамике Пянджикента, где встречаются и очень примитивные и довольно реалистичные изображения[19]. На городище Кафыркала в 1956 г. найдена тщательно выполненная головка-слив[20]. Однако по примитивности выполнения описываемая нами форма слива ближе всего к сливу, найденному в кафыр-калинском наусе, только у последней проколоты ноздри, а уши изображены двумя круглыми налепами. Такой же налеп сделан над глазами[21].

Третью характерную, но несколько менее многочисленную группу представляют крупные сосуды (высота 33—36 *см*, диаметр 29—31 *см*) с шаровидным туловом, относительно узким невысоким горлом с венчиком валиком, иногда профилированным уступами (рис. 9—9, 10, 11).

Маленькие кувшинчики вытянутых пропорций с орнаментацией красным ангобом двумя широкими перекрещивающимися полосами по тулову и полосой вдоль ручки (рис. 10—13) одного типа с сосудами Тали-Барзу-II, только на последних широкие полосы красного ангоба образуют круги. У тех и

---

[19] А. М. Беленицкий, Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.), МИА СССР, М.—Л., 1958, № 66, стр. 128—130.

[20] Раскоп, выполненный О. В. Обельченко.

[21] И. А. Сухарев, Наусы Кафыр-калы, рукопись Института истории и археологии АН УзССР, № 316, рисунок.

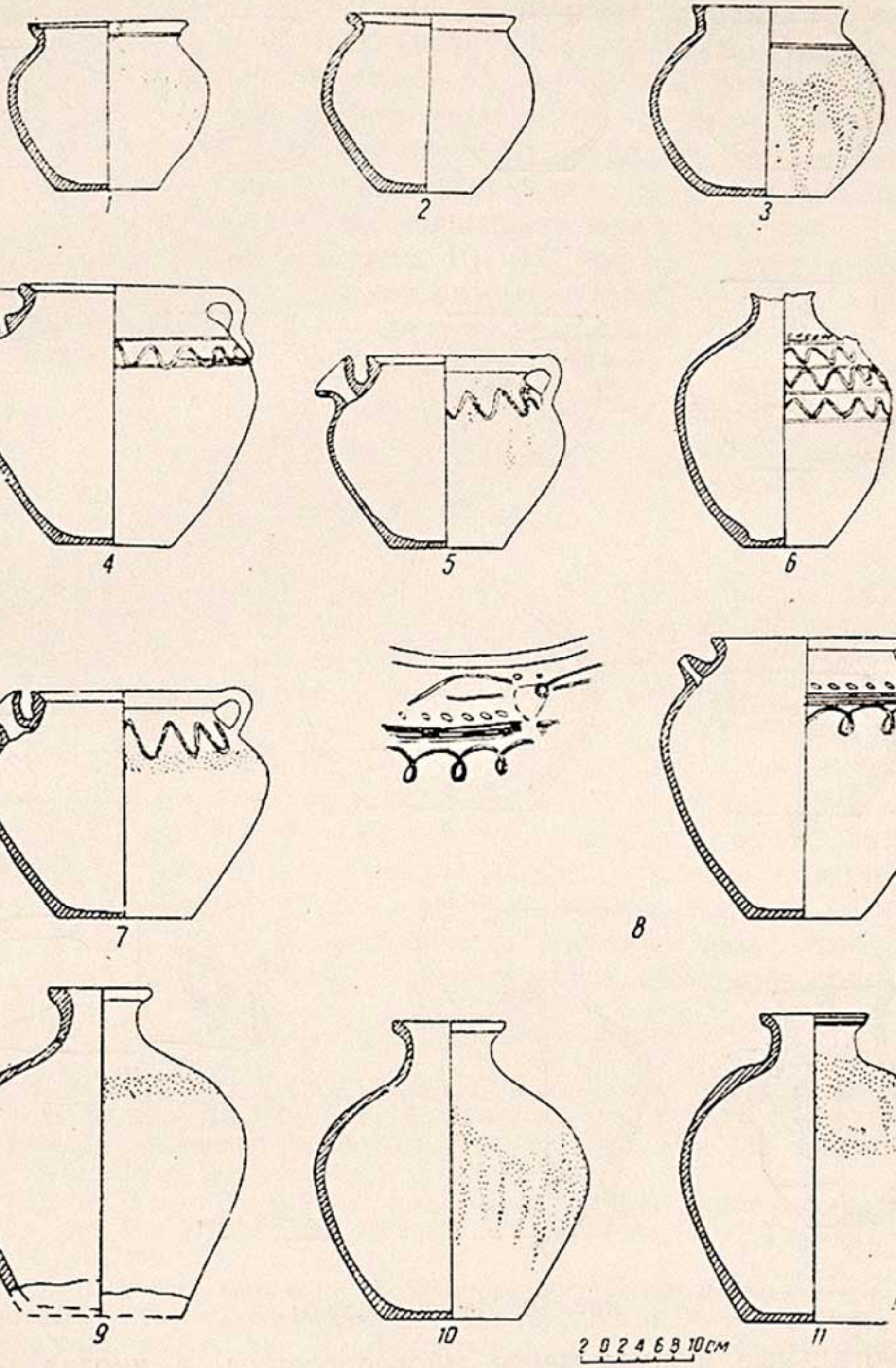


Рис. 9. Крупные сосуды.

у других кувшинчиков переход от тулова к горлышку подчеркнут тремя-четырьмя углубленными линиями[22].

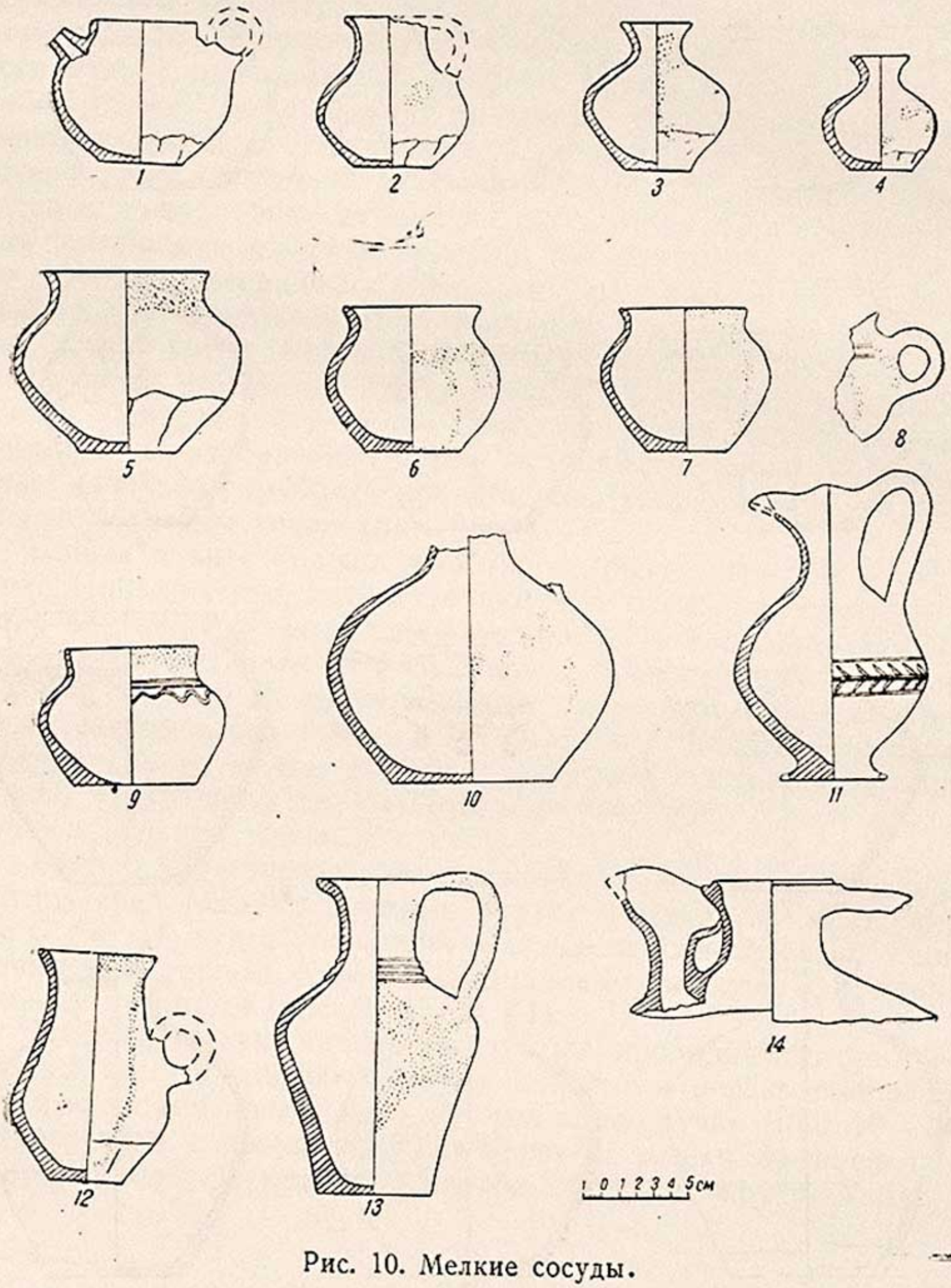


Рис. 10. Мелкие сосуды.

Остальные формы менее многочисленны, а иногда представлены единственным экземпляром (рис. 9—6; 10—2,8, 11, 12, 14). Среди них один фрагмент кружки с кольцевой

[22] Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, Л., 1940. стр. 93, рис. 3 ж 93; А. И. Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК XXXIII, М.—Л., 1950, рис. 69, VII.

ручкой и потеками красного ангоба, найденный в хуме, использованном во второй период. Кружки с кольцевыми и петлеобразными ручками были широко распространены в VII в. в керамике Пянджикента[23], Кафыр-калы, Тали-Барзу[24], Ак-тепе[25], где являются одной из ведущих форм этого периода. Находка только одного фрагмента кружки среди очень большого количества керамических изделий свидетельствует о только начавшемся распространении сосудов этого типа в период существования изучавшегося нами здания.

Сосудики с носиком (рис. 10—1), так называемые поилки, представлены двумя целыми экземплярами, один из которых измят и оплавлен, т. е. представляет собой гончарный брак. Подобные сосуды разных форм широко были распространены в среднеазиатской керамике со времени до начала нашей эры вплоть до современности. По форме и орнаментации потеками темного ангоба наиболее близка к нашей поилка из Кюмазарского кенотафа, датируемого II—IV вв. н. э.[26].

На донце мелких сосудов имеются следы подреза нитью. Более крупные сосуды формировались на песчаной подсыпке, нижняя треть сосудов обрабатывалась ножом. То же самое наблюдается и в керамических изделиях Пянджикента[27]. Красный ангоб наносился либо поверх светлого, либо непосредственно на черепок (но это делалось значительно реже). Наиболее распространенным является способ нанесения красного ангоба небрежными брызгами по плечику с потеками, реже широкими, пересекающимися полосами, опоясывающими сосуд по плечику или образующими крупные завитки[28].

Обычай нанесения пятен на поверхность сосудов был широко распространен в древности и, вероятно, имел определенный смысл. Этот обычай сохранился и в настоящее время.

---

[23] А. И. Тереножкин, Раскопки в кухендизе Пянджикента, МИА СССР, № 15, М.—Л., 1950, стр. 86, табл. 41, рис. 2; И. Б. Бентович, Керамика Пянджикента, МИА СССР, № 37, 1953, стр. 138, табл. X.

[24] Г .В. Григорьев, указ. соч., стр. 96.

[25] А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), Труды Института истории и археологии, т. I, Ташкент, 1948, стр. 114, рис. 16.

[26] О. В. Обельченко, Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника, Труды САГУ, новая серия CXI, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 128.

[27] Б. И. Маршак, Керамика нижнего слоя Пенджикента, «Известия отделения общественных наук ТаджССР», Сталинабад, 1957, стр. 92.

[28] В. Ф. Гайдукевич, Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане, СА, XVI, 1952, стр. 336; О. В. Обельченко, Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса, История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1959, рис. 1, 2, 3.

Основываясь на этнографических материалах, Е. М. Пещерева приводит ряд примеров, показывающих, что пятна на различных бытовых предметах имели значение оберега от «сглаза»[29].

Керамические изделия из грубого теста с примесью большого количества дресвы представлены выполненными от руки и сформованными на гончарном круге котлами и плоскими с невысоким бортиком сковородами[30]. Преобладают котлы с вертикальными ручками, имеющими наверху круглое утолщение.

Светильники имеют форму полусферических чаш на полой или частично полой ножке (рис. 9). Чаще всего они хорошо обожжены и вылеплены из глины с примесью дресвы. Иногда обжиг слабый и черепок крошится. Светильники орнаментированы также пятнами и потеками красного ангоба. Подобные светильники типичны для материалов V в. в Кашка-Дарье[31] и Сурхан-Дарье[32].

Двумя экземплярами представлены подставки из сырой глины, обожженной только в процессе пользования ими. Форма их напоминает массивный широкий рог, на противоположных узких сторонах которого имеются круглые углубления. Совершенно аналогична им подставка из Шурабашата Ферганской долины с той лишь разницей, что углубления здесь расположены на широкой стороне.

Наиболее близкие аналогии описываемым керамическим изделиям обнаружены в Тали-Барзу. Сосуды со сливом и маленькой ручкой характерны для слоя Тали-Барзу-III, а вышеописанные маленькие кувшинчики связывают наш комплекс с комплексом Тали-Барзу-II. Однако форма кубков наиболее характерна для Тали-Барзу-IV[33], так как в предшествующем ему слое поддон менее четко отделен от корпуса и не выступает в стороны по отношению к стенкам. Опираясь на этот материал и учитывая появление кружек, — формы, не получившей распространения раньше VI в., — керамику из описываемого здания следует датировать V—VI вв. н. э.

---

[29] Е. Н. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 79—81.

[30] Глиняные сковороды для печения блинов бытуют сейчас в Таджикистане; там же, стр. 45.

[31] С. К. Кабанов, указ. соч., стр. 149, рис. 7.

[32] Л. И. Альбаум, Некоторые культовые предметы из раскопок Балалык-тепе. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, XXX, М., 1958, стр. 74—77; он же, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 75, рис. 52.

[33] Кубки, аналогичные ТБ-IV, найдены в одном из слоев городища Кулдор-тепе: Б. Я. Ставиский, М. Х. Урманова, Городище Кулдор-тепе, СА, 1958, № 1, стр. 234.

Керамика, найденная в наусах Кафыр-калы с оссуариями и согдийскими монетами, датированными. И. А. Сухаревым VII в., представлена фрагментами корчаг со сливами того же типа, что и наши. Но в материалах из наусов уже намечаются признаки перехода к тому периоду, когда для керамики Кафыр-калы становится обычной слюдяная обсыпка Тали-Барзу-V (один фрагмент и овальная крышка оссуария из науса покрыта слюдой)[34]. Полочка для крышки на одном из фрагментов корчаги со сливом указывает на более позднее время, чем наши материалы. В таком случае слой ТБ—V не может быть датирован временем раньше VII в. н. э.[35]. Обследованное нами здание связано с Аул-тепе не только сходством керамики, но и керамических изделий. Оба комплекса имеют свои особенности. Однако одни и те же ведущие формы — конические кубки, корчаги со сливами и маленькой ручкой, светильники на полой ножке[36] — свидетельствуют о единстве культуры. К этому можно добавить котлы одной формы с нашими из соседнего с Аул-тепе Таш-тепе[37].

В нижнем слое Пянджикента обнаружены те же формы корчаг со сливами и конических кубков, но венчики корчаг, как правило, сделаны с уступом для крышки, а кубки встречаются единичными экземплярами[38]. Однако в орнаментации красным ангобом обнаруживается большее сходство с пянджикентскими керамическими изделиями, нежели с аул-тепинскими. Очень близки нашим материалам материалы одного из слоев Кала-и-Муг: корчаги со сливом, конические кубки, очажные подставки[39].

Описываемый комплекс керамических изделий имеет общие черты с ак-тепинским из нижнего слоя VI—VII вв. Особенно сближает их орнаментация пятнами с потеками жидкого коричневатого (Ак-тепе) ангоба. Другие способы орнаментации на изделиях из Ак-тепе почти совсем отсутствуют[40].

Интересные результаты дает сопоставление керамических форм исследованного нами комплекса с керамическими изделиями Кызыл-кыра, относящимися ко времени его возведения.

---

[34] И. А. Сухарев, указ. соч., стр. 20.

[35] А. И. Терешожкин, Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, стр. 153 и рис. 69, X.

[36] С. К. Кабанов, Согдийское здание..., стр. 149, 150, рис. 7, 8.

[37] М. Д. Корзухина, Л. П. Матвеева, Отчет о раскопках городища Таш-тепе в районе будущего Чим-Курганского водохранилища, рукопись, стр. 18.

[38] Б. И. Маршак, указ. соч., стр. 195.

[39] Б. Я. Ставиский, Археологические работы в бассейне Магиан-Дарьи в 1957 г., Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. CIII, Сталинабад, 1959, стр. 76—78, рис. 6.

[40] А. И. Терешожкин, указ. соч., стр. 117.

Здесь преобладают чаши и кубки с полосой красно-коричневого ангоба по краю, горшки со сливом и маленькой ручкой и большие кувшины без ручки с потеками темного ангоба[41]. Правда, чаши и кубки в верхней части имеют перехват (впрочем, как и единственная чашка из обследованного здания), горшки со сливом — полочку для крышки, кувшины — более широкое дно. Сочетание одних и тех же форм в керамике кафыр-калинского тепе и Кызыл-кыра не может быть случайным и вводит последний в один культурный круг с памятниками согда.

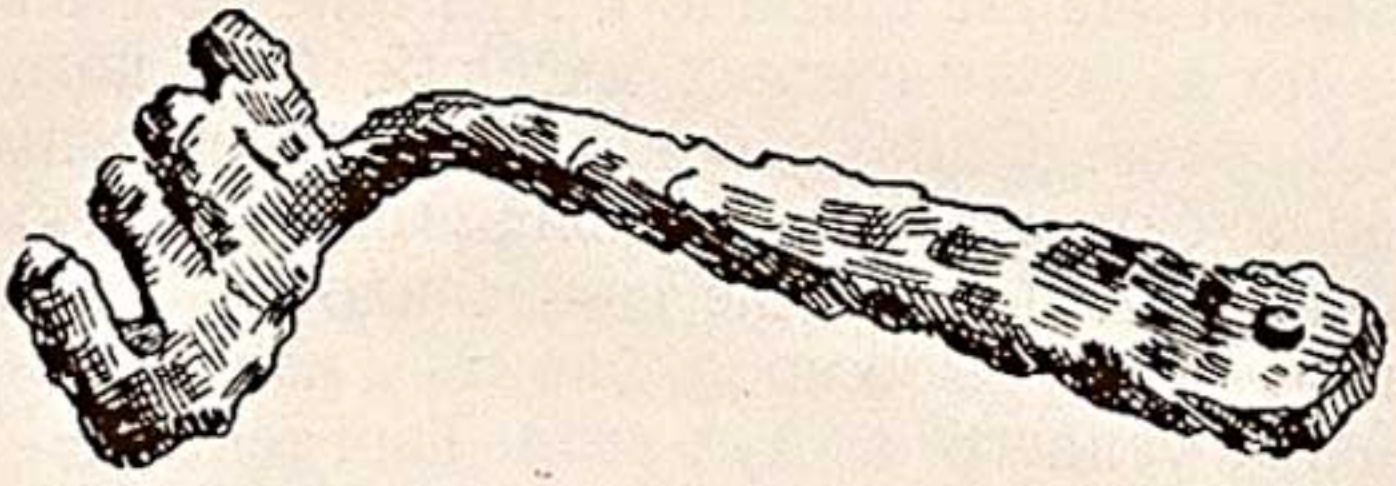


Рис. 11. Железный ключ.

К первому периоду существования дома относится интересная находка железного ключа (рис. 11) в песчаной засыпке седьмой угловой южной комнаты. Бородка ключа (4 *см*) в виде четырех зубцов высотой 1,5 *см* располагается перпендикулярно к плоскому стержню (длиной 9 *см*, толщиной 0,6 *см*), расширяющемуся к концу с небольшим отверстием для подвешивания. Насколько известно, это вторая находка такого ключа на территории Средней Азии. Первая была сделана в 1947 г. в Пянджикенте[42]. Пянджикентский ключ имеет те же размеры и форму и отличается только количеством зубцов. Находка на территории Средней Азии двух ключей, сходных с изображенным на Бия-Найманском оссуарии, устраняет сомнение А. Я. Борисова[43] по поводу назначения предмета, определенного Б. Н. Кастальским[44] и А. Калмы-

---

[41] В. А. Нильсен, Кызыл-кыр, История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, стр. 76. Его же доклад на заседании Отдела археологии Института истории и археологии АН УзССР, существенно дополняющий статью в интересующей нас части.

[42] А. М. Беленицкий, Находка железного ключа в Пянджикенте, КСИИМК, вып. XXIX, М.—Л., 1949, стр. 100—105, А. М. Беленицкий, Железний ключ из Пянджикента, МИА СССР, М.—Л., 1950, № 15, стр. 221—223.

[43] А. Я. Борисов, К истолкованию изображений на Бия-Найманских оссуариях, ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 43. Борисов считал это изображение деталью оросительного сооружения.

[44] Б. Н. Кастальский, Бия-Найманские оссуарии, ПТКЛА, т. XIII, приложение, Ташкент, 1909.

ковым[45] как ключ. Б. Н. Кастальскому пришлось обращаться за слишком далекими аналогиями — в Новгородскую деревню XX в.

Рис. 12. Терракотовые фигурки и налеп с оссуария.

Железные ключи той же формы, что и описываемый, применялись к внутренним деревянным замкам с «желудями» в Новгороде X—XI вв.[46] Конструкция замков с «желудями» и железные и деревянные ключи к ним в близких один к другому вариантах имели очень широкий ареал распространения

[45] А. Калмыков, Открытия Б. Н. Кастальского «Бия-найманские ассуарии», ПТКЛА, т. XIII, стр. 52, Ташкент, 1909.

[46] Б. А. Колчин, Хронология новгородских древностей, СА, 1958, № 2, стр. 96.

в течение длительного времени. В Египте они были известны уже в XIII в. до н. э., до V в. до н. э. бытовали в Греции[47], а в горном Таджикистане[48], Бухаре, деревнях Эстонии, Латвии, Польши, Чехии, Кипра они применяются и ныне.

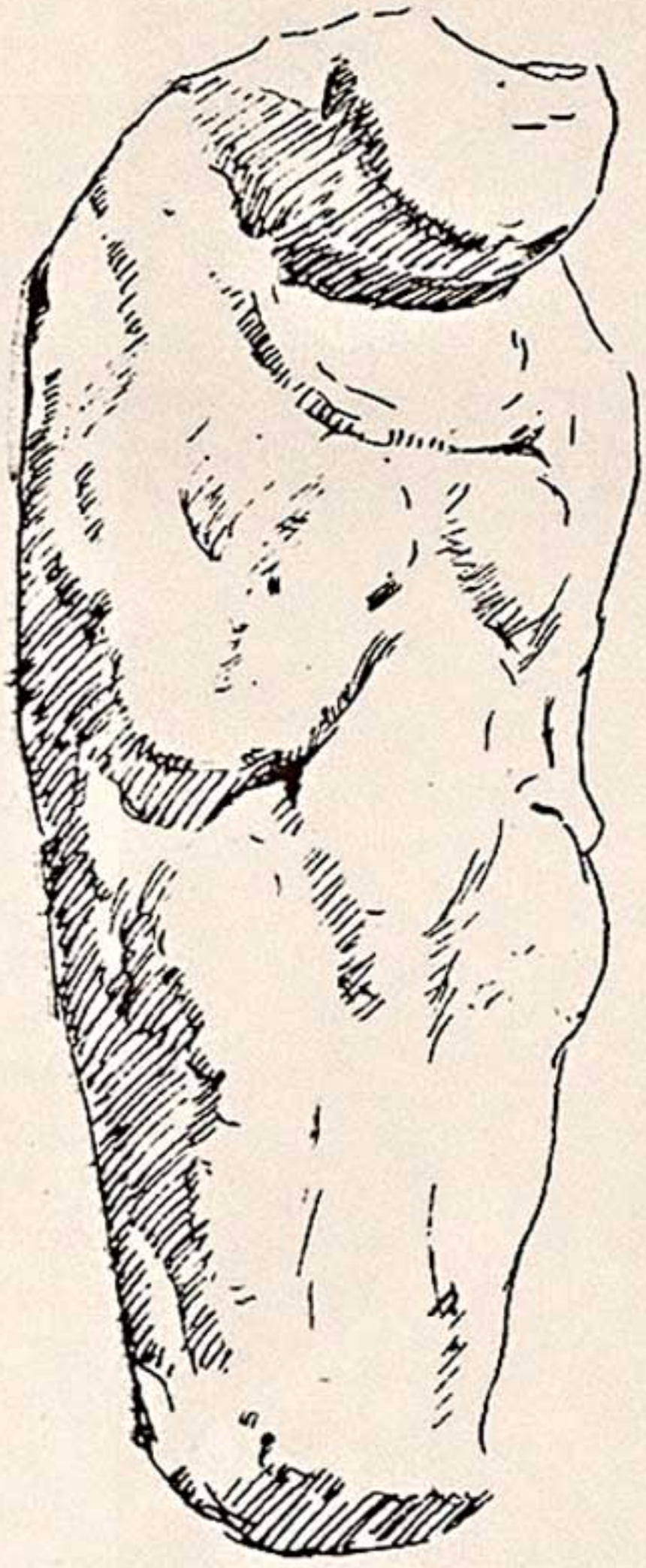


Рис. 13. Терракотовая фигурка сидящей женщины.

Широко распространены были фигурки животных из обожженной глины. Найдено шесть фрагментированных фигурок, четыре из которых изображают лошадь (рис. 12), одна—головку верблюда. Одним фрагментом представлено хищное животное из породы кошачьих с разинутой пастью, высунутым языком и двумя торчащими клыками, причем один клык изображен на нижней челюсти, а другой — с противоположной стороны на верхней (рис. 12). Животное в упряжке, по-видимому, изображает гепарда.

В верхних слоях обнаружены две терракотовые статуэтки, изготовленные с помощью штампов. Одна из них размером в 12 *см* изображает сидящую женщину, правая рука которой лежит на бедре, а левая поддерживает грудь (рис. 13). Лицо округлое, голова большая, верхняя часть ее отбита. На шее у нее ожерелье. Женщина изображена, по-видимому, обнаженной. Поверхность статуэтки сильно испорчена, терракота слоится и лишь местами сохранился красный ангоб. Другая фигурка значительно меньше. Сохранилась только верхняя часть по пояс (рис. 12). На голове — убор типа кокошника, в ушах — крупные серьги, на шее — ожерелье. Обе руки

---

[47] Г. Дильс, Античная техника, М.—Л., 1934, стр. 51—53.

[48] Г. А. Пугаченкова, Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда, «Известия отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. II, Сталинабад, 1952, стр. 61. Изображение ключа от «желудевого» деревянного замка вошло в очень распространенный чулочный орнамент горных таджиков. См.: М. Андреев, Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, Ташкент, 1928, стр. 24.

согнуты в локтях на уровне груди. Правая рука держит конический кубок той же формы, что и в керамическом материале, левая — непонятный предмет. Статуэтка была покрыта красным ангобом, от которого остались только следы.

Большая часть ручных жерновов, многочисленных пряслиц и грузил относится ко второму периоду. К первому периоду можно отнести только два грузила и чернолощенное прясло с рубчатой поверхностью, найденные на полу заложенных комнат № 13, 20, 21. Одно из грузил в форме четырехгранной усеченной пирамиды имеет следы плотного красного ангоба, другое — каплевидное из плохо обожженной глины — ничем не отличается от такого же из Хайрабад-тепе[49]. На полу двенадцатой комнаты недалеко от очага лежали вместе два прясла из круглых плоских галек, подвеска из белой гальки асимметрично расположенным отверстием, грузик из гальки неправильной формы и три необработанные гальки. На полу юго-восточной террасы в углу около выступа стены были найдены также маленький сосудик, два прясла, сделанные из гальки, три из обожженной глины и три из ножек ранних, по отношению к данному комплексу, кубков. Два грузила сделаны из ножек красноангобированных кубков-ваз.

Найденная в завалах тщательно отшлифованная подвеска из пестрой красновато-коричневого оттенка гальки аналогична подвеске из Балалык-тепе (не отличаясь от нее даже формой отверстия) и подвескам, изображенным там же в настенных росписях[50].

В центральной части дома определенные слои комнат № 1, 3, 9 (в части, примыкающей к третьей) и № 6 насыщены находками фрагментированных оссуариев, человеческих черепов и костей, а также бытовыми керамическими изделиями. Незначительное количество фрагментов оссуариев и раздробленного черепа обнаружено в комнате № 5, а случайные обломки нескольких оссуариев найдены в верхних слоях вместе с керамикой XII в.

Наибольшее количество оссуариев было в комнате № 6 в слое сильно размытого рыхлого завала на глубине 1—3 *м*. Среди обломков оссуариев попадались разрушенные и фрагментированные кости человека. На глубине около 3 *м* в разных положениях один около другого лежали семь черепов и большой, перевернутый кверху дном, горшок. Черепа и горшок сохранили свою форму. Расположение фрагментов оссуариев и костей в этой комнате свидетельствует о том, что ос-

---

[49] Материалы из раскопок, произведенных Л. И. Альбаумом.

[50] Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 100, рис. 81, 118.

суарии, поставленные на втором этаже, с обрушением свода падали вниз, равномерно распределяясь по всей толще завалов (над завалом свода с хорошо прослеженным наклонно лежащим кирпичом). В остальных трех комнатах картина иная: к моменту появления здесь оссуариев над полом появились завалы и натеки. Особенно четко картина разрушения видна в комнате № 3 (рис. 8), где над уровнем второго пола прослеживается несколько слоев разрушения свода. Над завалами свода виден четкий горизонтальный уровень, с которого началось интенсивное разрушение стен дождевыми водами. На этом уровне и находились разбросанные по всей площади комнаты тазовые кости, позвонки, фаланги пальцев, нижние челюсти и два черепа — детский и взрослого человека. Здесь же стояли два совершенно целых горшка (рис. 10—1, 2), в одном из которых было семь астрагалов, а в другом— галька кубической формы. В юго-западном углу комнаты кости человека перемешаны с обломками хума, двумя фрагментами оссуария и нижними челюстями собак. Находка челюстей собак (при отсутствии остальных ее костей) вместе с оссуариями и человеческими костями, видимо, можно объяснить той ролью собаки, какую она играла в погребальном обряде зороастрийцев. Нижние челюсти собак были найдены в суфах вместе с бытовой керамикой[51] в предполагаемом зороастрийском святилище на Балалык-тепе.

В не тронутой чабанами части комнаты № 1 человеческий череп, кости, крышка оссуария и фрагменты бытовой керамики лежали в промоине стены на метровом слое натека. В эти комнаты кости попали уже спустя какое-то время после разрушения кровли и кем-то нарочито разбросаны. Признаки преднамеренного разрушения отмечены в наусах Кафыр-калы, раскопанных И. А. Сухаревым[52], и, вероятно, должны быть отнесены ко времени арабского нашествия и начала распространения ислама. Характер распределения фрагментов оссуариев и костей в слоях создает картину использования заброшенного дома в качестве науса. Это же явление отмечено работами в Пянджикенте[53].

Сильно фрагментированные оссуарии в большинстве случаев дают возможность восстановить их форму. В основном они имеют прямоугольную форму, с закругленными углами, иногда углы закруглены настолько, что их скорее можно наз-

---

[51] Л. И. Альбаум, Раскопки Балалык-тепе, КСИИМК, вып. 73, М.—Л., 1959, стр. 86; Он же, Балалык-тепе, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 101.

[52] И. А. Сухарев, указ. соч., стр. 17.

[53] А. М. Беленицкий, Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.), КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 87.

вать овальными. Орнаментирована только передняя стенка оссуария, в боковых и задних стенках изредка делались прорези в виде стрелы, замочной скважины, или узкой щели.

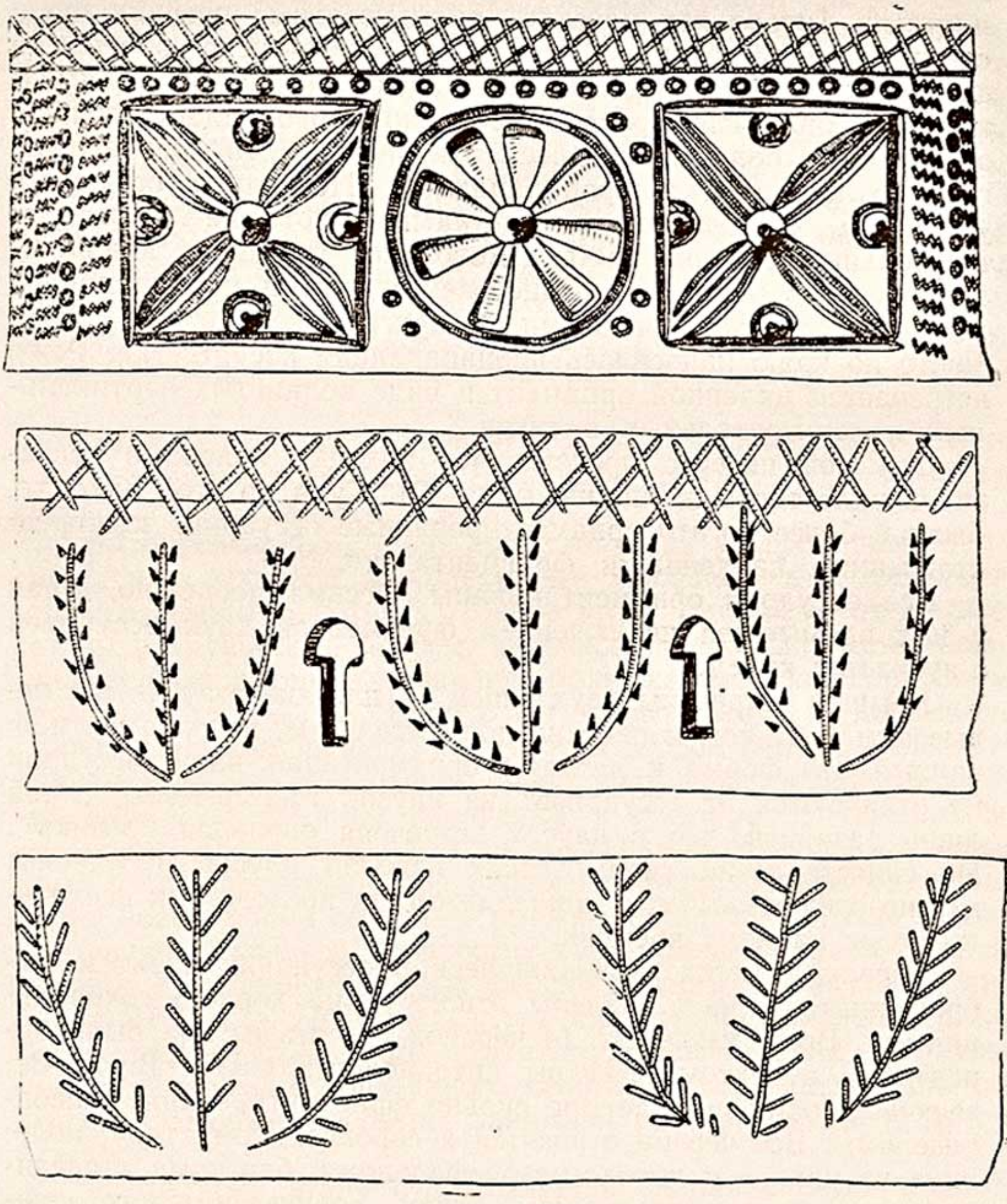


Рис. 14. Передние, орнаментрированные стенки оссуариев с элементами реконструкции.

Кроме того, отверстия делались с помощью круглой палочки в центре орнаментальных розеток (рис. 14) и по самому краю оссуария.

По внешнему облику, тщательности отделки и обжигу оссуарии отличаются друг от друга. Все они сделаны из глины с большей или меньшей примесью дресвы или самана. В большинстве случаев обжиг хороший, ровный, черепок плотный. Только две плоские прямоугольные крышки представляют собой брак со спекшимся черепком, а фрагменты двух-трех оссуариев недообожжены и рассыпаются. Орнаментированы они очень просто. В основном преобладает елочный орнамент то более или менее аккуратный, то небрежный, глубоко или слегка процарапанный. Несколько оссуариев украшены «веточками» с «листками», которые оттиснуты треугольным концом ножа. Довольно большое количество оссуариев украшалось многолепестковыми процарапанными розетками, заключенными в круги и квадратные поля. Часто по краю наносилась процарапанная косая сетка. Реже встречается налепной орнамент в виде волнистых вертикальных и горизонтальных валиков.

Большой интерес представляет находка налепа с оссуария в виде торса женщины (рис. 13). Судя по этой находке, были и более богато орнаментированные оссуарии, чем представленные найденными фрагментами.

Все оссуарии орнаментированы весьма небрежно. Края у них прямые, за исключением фрагментов двух оссуариев с зубчатым краем.

Крышки встречены двух типов — плоские с зубчатым невысоким бортиком и плоские прямоугольные, не орнаментированные. По форме и деталям орнаментации наши оссуарии не отличаются от оссуариев из наусов Кафыр-Калы, с той лишь разницей, что в наусах встречена овальная крышка[54]. Из сопоставления керамических изделий наусов и усадьбы можно сделать вывод о принадлежности последних к несколько более раннему времени.

Черепа, некогда помещавшиеся в оссуариях и затем выброшенные из них, найдены относительно хорошо сохранившимися. Всего извлечено 14 черепов. Десять из них были определены доцентом кафедры антропологии САГУ В. Я. Зезенковой, остальные четыре сильно фрагментированы и неопределимы. Все черепа относятся к европеоидному типу, половина из них — к долихо-мезоцефальному, близкому к средиземноморскому, с переходом к типу среднеазиатского междуречья. Другая половина — к брахицефальному типу, близкому расе среднеазиатского междуречья.

Раскопанное здание, располагавшееся близ города-крепости, вероятно, представляло собой загородную усадьбу.

---

[54] И. А. Сухарев, указ. соч., стр. 20.

Монументальность здания, его значительные размеры, тщательность постройки — все это говорит о том, что оно принадлежало довольно крупному землевладельцу и являлось центральным домом усадьбы, вокруг которого должны были располагаться подсобные постройки (например, помещения для скота, конюшни и т. п.). Вряд ли можно ожидать хотя бы незначительную их сохранность, так как местность изрезана оврагами в результате большой разрушительной роли дождевых вод (как это видно по основной постройке).

Основным датирующим моментом в определении времени возведения усадьбы служит керамический материал. Присутствие отдельных фрагментов кубков в первоначальной кладке стен и ножки красноангобированного кубка-вазы в пахсовом основании под стенами, которые по известным материалам Афрасиаба и Тали-Барзу датируются временем не позднее IV в. н. э., и отсутствие этих форм в керамическом комплексе периода жизни дома заставляет отнести его постройку ко времени не ранее V в. н. э.

На определенном этапе существования усадьба была брошена или захирела настолько, что владелец не в состоянии был ее ремонтировать. В течение этого времени отдельные стены разрушились, причем, повреждения носили чисто механический характер — появились большие выбоины, сломались углы некоторых стен. Кровля оставалась целой, по-видимому, даже в тех помещениях, которые во второй период существования дома были заложены. К моменту перестройки и ремонта дома существенных изменений в культуре его обитателей не произошло. Сохранились те же керамические формы, которые были характерны для первого периода. Появилась лишь одна новая форма сосуда — кружка, по-видимому, еще не получившая большого распространения. Следовательно, второй период существования дома следует отнести к концу V — началу VI в. н. э. Новый владелец дома не мог занимать то же общественное положение, что и его первый хозяин. Дом уже не представлял собой единого целого, а был разделен на три отсека, которые, вероятно, занимали родственные друг другу семьи.

К третьему этапу существования здания следует отнести использование его в качестве науса. К этому времени частично обрушились своды некоторых помещений № 1, 3 и началось интенсивное разрушение их водой. Усадьба пустовала незначительное время, и третий период ее использования относится к VI в., поскольку в VII в. в керамике Кафыр-калы появляются специфические формы и наблюдается обсыпка сосудов слюдой, чего не было обнаружено в материалах усадьбы.

Таким образом, все три периода существования здания занимают промежуток времени между V и VII вв. После этого здание было окончательно заброшено. В верхних слоях размытых завалов попадаются случайные фрагменты керамики XI—XII вв. К XV в. еще в какой-то степени сохранились стены второго этажа (над четвертой комнатой). Здесь было найдено небольшое количество поливной керамики и раздавленный хум.

Сельские усадьбы Согда широко не исследовались. Первые из них, полностью раскопанные (Аул-тепе и Кафыр-кала), уже дают целый ряд новых материалов по планировке, строительной технике, отопительной системе и пр., что делает особенно интересным и необходимым их тщательное и всестороннее изучение.

Т. АГЗАМХОДЖАЕВ

РАСКОПКИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КУРГАНОВ БЛИЗ СТАНЦИИ ВРЕВСКОЙ

В 1957 г. были возобновлены раскопки могильников близ ст. Вревской Ташкентской области, которые в 1947 г. производил М. Э. Воронец совместно с В. И. Спришевским.

Летом 1957 г. автор данной статьи и Т. Г. Оболдуева произвели предварительное обследование и обмер погребальных курганов для последующих раскопок. Из десяти курганных насыпей, описанных М. Э. Воронцом и отнесенных им к первой группе, расположенной на расстоянии 1 *км* к юг-юго-востоку от ст. Вревская у самого обрыва террасы над поймой р. Чирчик, осталась одна. Остальные курганы были снесены весной 1957 г. в процессе перепланировки земель садсовхозом.

Из 50 курганов, находившихся на полях современного колхоза «Кизил Октябрь» (бывший колхоз «Айдын») в 3 *км* на запад от ст. Вревская, сохранился один. Остальные были срыты при освоении новых земель. В четвертой группе курганов, расположенных около железнодорожного полотна, оказалось 10, а не 8, как считал М. Э. Воронец[1].

Оставшиеся 12 курганных насыпей были раскопаны в том же году. В них удалось обнаружить 8 захоронений. Под тремя насыпями не оказалось дромоса и никаких следов захоронения, а в одном из курганов были обнаружены дромос и камера, но скелета в ней не было. Все курганы сооружены из насыпной земли.

Курганные насыпи оплыли, их поверхность покрылась низкорослой травой. Размеры курганов этой группы колеблются в пределах 8—14 *м* при высоте от 0,75 до 2 *м*. Предварительно была проведена планировка, затем курган был разделен на четыре равных сектора (ориентированных по странам света) радиусом в 4 *м* каждый. На каждом секторе оставлялась

[1] М. Э. Воронец, Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР, О раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская 1947 г., Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1951, стр. 43—73.

50-сантиметровая бровка для вычерчивания разрезов. После вычерчивания разрезов бровки сносились, и вскрывались погребальные камеры.

Ниже приводятся результаты раскопок курганов.

Курган № 1. Насыпь кургана земляная, имеет форму усеченного конуса диаметром в 10 и высотой в 1,1 *м*. Толщина верхнего дернового слоя — 10—12 *см*. Следующий, очень твердый слой, откалывающийся большими комками, состоит из сухого лесса темно-серого оттенка. На глубине 25—30 *см* он приобретает светло-коричневатый цвет. В юго-западном секторе на глубине 50 *см* от дневной поверхности обнаружен фрагмент глиняного сосуда со следами грубой материи. В юго-восточном секторе на глубине 0,5 *м* найден плоский камень без каких-либо следов обработки.

В разрезе насыпи прослежены очень частые гнезда личинок каких-то насекомых. В юго-западном секторе на глубине 0,7 *м* обнаружен фрагмент котелка темно-серого цвета в изломе, изготовленного из глиняной массы с примесью дресвы и песка.

На уровне былой дневной поверхности, под всей насыпью были встречены белые пятна. На этом же уровне в юго-западном секторе найден разбитый сосуд (рис. 1), сделанный без гончарного круга, на подсыпке из мелкозернистого песка. Красноглиняный сосуд покрыт светло-серым ангобом среднего обжига. Между венчиком и плечиком находится слегка овальная в сечении ручка. На венчике, где прикреплена ручка, сделана вмятина пальцем. На наружной поверхности ручки процарапан орнамент в виде плетения. На стороне, противоположной ручке, приделан слегка приподнимающийся носик.

Орнаментальное убранство сосуда выполнено до обжига путем нанесения глубоких бороздок, образующих полосы, заполненные точечными вдавлениями. Полосы образуют весьма сложное орнаментальное плетение, с отдельными сюжетами возле ручки и возле слива: точечные вдавления имитируют чешую змеи. Орнамент в виде змеи как бы оплетает ручку у основания и образует под ней узел, концы которого плавным изгибом вытянуты вдоль плечиков сосуда: голова — вправо, окончание хвоста не сохранилось.

Орнаментальный узор, нанесенный у слива и, по-видимому, охватывавший его, плохо сохранился. Сюжет его значительно сложнее первого: он представляет собою вензель, сплетенный из двух змей с головами, обращенными вправо, причем от головы нижней змеи отходит волнистая полоса, нанесенная гребенчатым инструментом, а около головы верхней процарапан знак — тамга. Последняя состоит из горизон-

тальной линии, от концов которой вверх нанесены скобы, загнутые наружу, причем левую скобу можно принять за язык змеи. Вниз от середины горизонтальной линии отведена скоба, загнутая вправо.

Рис. 1.

Левая сторона орнамента у слива сохранилась плохо (отбит ангоб). По намечающимся линиям можно заключить, что изгибы змеи переданы симметрично правой стороне без знака. Оба крупных элемента орнамента разделены процарапанным в той же технике треугольником, вершиной вниз. Основание примыкает к пояску, обрамляющему основание горлышка сосуда. На уровне туловища процарапана волнистая линия, которая опоясывает сосуд, вторая такая же линия опоясывает сосуд повыше дна. Диаметр венчика сосуда — 12 *см*, диаметр туловища — 35, дна —22, носика —6,5 *см*, полная высота не установлена — приблизительно около 40 *см*.

На глубине 30 *см* от былой дневной поверхности под насыпью обнаружен прямоугольный в плане дромос, ширина которого вначале с юго-восточной стороны составляет 0,5 *м*, а у входа в катакомбу — 0,9 *м*. Дромос начинается за пределами насыпи на расстоянии 2,2 *м* от южного края кургана. Длина его по дну равна 6,3 *м*. Понижаясь, он расширяется и упирается перед входом в катакомбу. Пол дромоса,

с юго-восточной стороны углубленный на 0,5 *м*, постепенно понижается у входа в катакомбу до 2,1 *м*. Вход в катакомбу имеет форму полуциркульного свода высотой 0,46 *м*, шириной 0,55 *м*. Вход был заложен с наружной стороны продолговатыми гуваляками на глиносаманном растворе. Закладка толщиной в 50 *см* покрыта глиносаманной штукатуркой.

Катакомба, расположенная перпендикулярно к оси дромоса, представляет сводчатое, овальное в плане помещение, вытянутое с северо-востока на юго-запад. Длина ее определена в 2,1 *м*, ширина — 1,2, высота до свода в центре — 0,95 *м*. На внутренних стенках катакомбы сохранились следы инструмента, которым ее копали. Катакомба была засыпана рыхлой, измельченной, влажной землей розоватого оттенка. Горизонт пола катакомбы с уровня плечевой кости скелета постепенно понижается к ногам на 10 *см*. В катакомбе был обнаружен один скелет. Он лежал на спине, головой на восток-северо-восток; руки уложены вдоль тела и слегка раскинуты. Правая нога вытянута, а левая согнута и откинута в сторону.

Положение ребер и тазовых костей нарушено, вероятно, мелким грызуном, нора которого была у черепа скелета. Кости плохо сохранились. С правой стороны, возле тазовых костей, лежали остатки проржавевшего железа. Определить этот предмет не удалось. У левого бока скелета лежал массивный железный однолезвийный кинжал с заостренным концом и черенком для насадки (рис. 2—2). Длина лезвия кинжала—24 *см*, черенка—5 *см*. На поверхности кинжала сохранились остатки древесины, по-видимому, от ножен. Рядом с кинжалом лежал железный однолезвийный ножик с черенком для насада, конец ножика не сохранился (рис. 2—1). Длина сохранившегося лезвия — 10 *см*, черешка для насада — 2,6 *см*. На поверхности ножика сохранились остатки дерева, вероятно, от ножен. С правой стороны, у бедра, обнаружена небольшая (3 *см* в диаметре) железная пряжка с откидным язычком (рис. 3). На ее поверхности сохранились остатки истлевшей материи.

Курган № 2. Земляная насыпь кургана имеет форму усеченного конуса, диаметр ее равен 9 *м*, высота —1,2 *м*. Толщина верхнего дернового слоя — 10—12 *см*, который откалывается большими комками. На глубине 20—22 *см* от дневной поверхности обнаружен фрагмент сосуда, изготовленного на гончарном круге. В изломе глина имеет розовый оттенок. С наружной стороны фрагмент покрыт светлым ангобом.

В центре курганной насыпи на глубине 50 *см* обнаружен целый кувшин, стоявший на уровне былой дневной поверхности. Сосуд среднего обжига, сделан без гончарного круга.

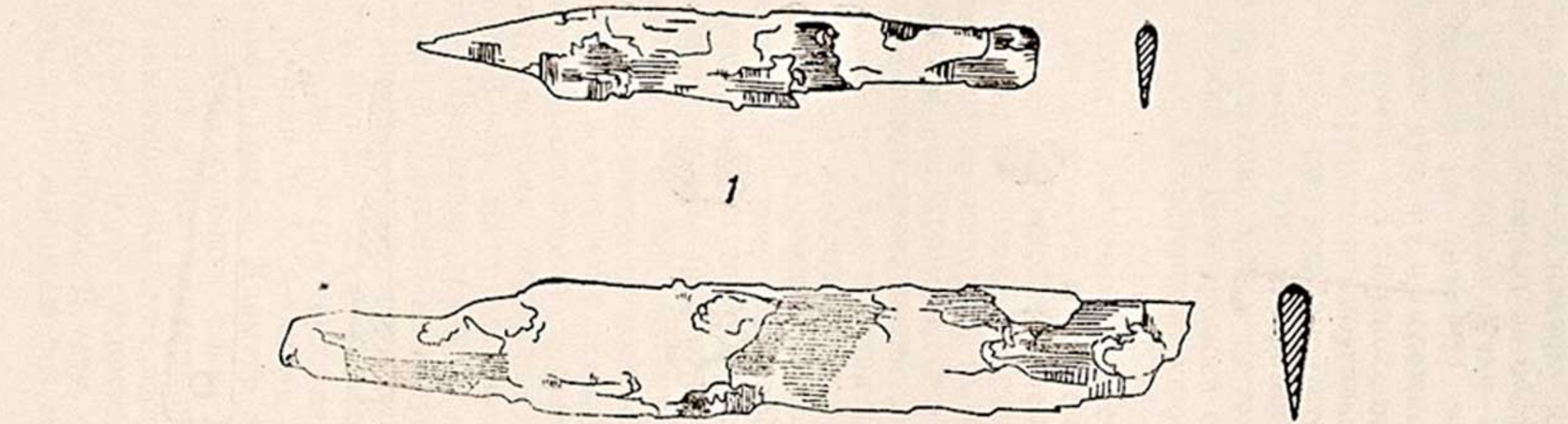
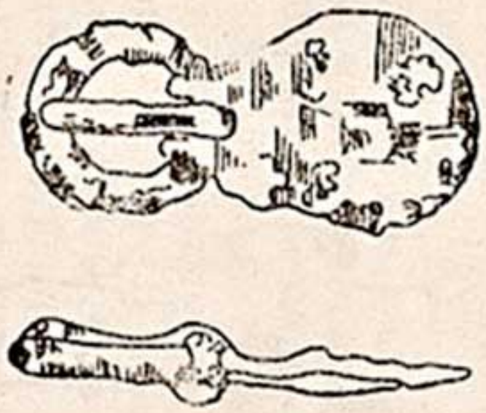
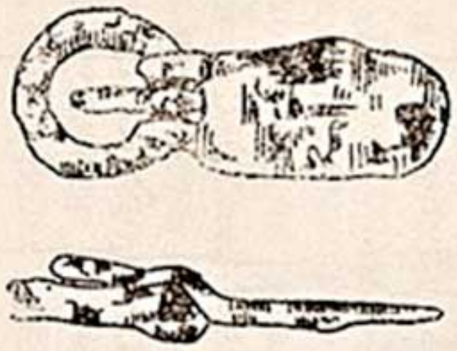


Рис. 2.



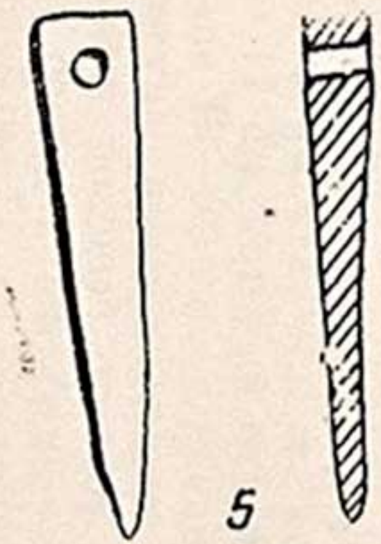
1



2

3

4



5

6

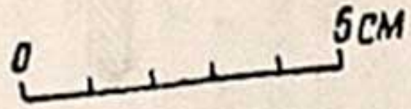


Рис. 3.

Ручка в виде полукольца одним концом прикреплена к венчику, другим — к плечику кувшина. С наружной поверхности сосуд покрыт серым ангобом. Высота —44 *см*, ширина венчика —12,5 *см*, длина ручки —8 *см*, наибольший диаметр туловища — 34 *см*, дна — 24 *см*. После снятия насыпи на всех секторах кургана прослеживались белые пятна. В юго-западном секторе под насыпью, на уровне былой дневной поверхности, обнаружен прямоугольный в плане дромос. Ширина его вначале с юго-восточной стороны составляет 0,7 *м*, а у входа в катакомбу — 0,88 *м*. Дромос начинается за пределами насыпи на расстоянии 3,20 *м* от южного края кургана, длина по дну — 6,4 *м*. Пол дромоса с юго-восточной стороны углублен на 0,5 *м* и постепенно углубляется у входа в катакомбу на 2,4 *м*.

Вход в катакомбу имеет форму полуциркульного свода, высота арки — 0,5 и ширина — 0,55 *м*. Вход в катакомбу заложен с наружной стороны продолговатыми гуваляками на глиняном растворе. Закладка толщиной 45—50 *см* покрыта саманной штукатуркой. Катакомба расположена перпендикулярно к оси дромоса. Она представляет собой сводчатое в плане помещение, вытянутое с востока на запад. Длина катакомбы — 2,5 *м*, ширина в середине — 1,4, высота свода в центре — 1 *м*. Катакомба была засыпана рыхлой, измельченной, влажной землей розоватого оттенка. Горизонт пола катакомбы с уровня плечевой кости скелета постепенно понижается к ногам на 7—8 *см*.

В катакомбе был обнаружен один скелет женщины примерно 40—50 лет. Скелет лежал на спине, без подстилки, голова обращена на восток, руки уложены вдоль тела, а ноги согнуты в коленях и откинуты в сторону. Близ головы находилась уплощенная в сечении каменная палочка «сурьматаш», которая служила для натирания бровей графитом (рис. 3—5). На утолщенном конце палочки имеется отверстие. На уровне груди, с правой стороны, обнаружена тыквообразная бусина из голубой стеклянной пасты, орнаментированная десятью вертикально выступающими линиями. Диаметр бусины — 2 *см*. Рядом лежала еще одна восьмигранная бусина из горного хрусталя диаметром 1,5 *см* (рис. 3—6).

Курган № 3. Земляная насыпь кургана имеет форму усеченного конуса. Диаметр ее — 9 *м*, высота — 2 *м*. Толщина верхнего дернового слоя — 10—12 *см*. Следующий слой состоит из очень твердого сухого лесса темно-серого оттенка, откалывавшегося большими комками. В юго-западном секторе на глубине 10 *см* обнаружены мелкие камни без каких-либо следов обработки. В этом же секторе найдены фрагменты сосуда, изготовленного без гончарного круга из глины розова-

того цвета, покрытой серым ангобом. В южном секторе, на уровне былой дневной поверхности, под насыпью обнаружен прямоугольный в плане дромос, ширина которого с южной стороны вначале равна 0,5 *м*, а у входа в катакомбу — 0,8 *м*, длина по дну — 6,2 *м*. Вход в катакомбу имеет форму полуциркульного свода, высотой и шириной по 0,5 *м*. Пол дромоса с южной стороны углублен на 1 *м* и постепенно углубляется у входа в катакомбу на 2,8 *м*. Закладка гуваляками входа в катакомбу нарушена, разбитые гуваляки лежали на полу у входа в катакомбу.

Катакомба расположена перпендикулярно к оси дромоса. Она представляет собою сводчатое, овальное в плане помещение, вытянутое с восток-северо-востока на запад-юго-запад. Длина катакомбы — 2,3 *м*, ширина в середине — 1,7 *см*, высота свода в центре — 0,96 *м*. Катакомба была засыпана рыхлой измельченной, влажной землей розоватого оттенка.

В катакомбе лежал один скелет, по-видимому, мужчины. Череп скелета разбит и находился в восточном углу катакомбы. Положение рук и ребер нарушено. Первоначальное положение костей правой ноги восстановить не удалось. Левая нога согнута в коленях и откинута в сторону.

Горизонт пола с уровня шеи скелета постепенно понижается к ногам на 10—11 *см*. На уровне тазовых костей обнаружена круглая в плане железная пряжка с откидным язычком. На поверхности пряжки сохранились остатки истлевшей кожи. Диаметр пряжки — 3 *см*. На полу, соприкасаясь с северо-западным углом стенки, стоял сероглиняный хорошего обжига кувшин с ручкой. Он был сделан без гончарного круга и покрыт светло-серым ангобом. Кувшин овальной формы сужался к тулову. На противоположной стороне ручки вделан носик со сливом. От венчика к пологому плечику прикреплена ручка. Венчик кольцеобразной формы. Кувшин был орнаментирован до обжига гребенчатым инструментом. Тулово верхней части в середине опоясано волнистыми линиями. Две извивающиеся линии спускаются от ручки и носика сосуда и расходятся в противоположные стороны. Около ручки до обжига процарапан знак тамги. Высота кувшина — 27 *см*, наибольшая часть туловища — 18, ширина венчика — 10,5, высота носика — 3, диаметр дна — 15 *см*.

Курган № 4. Земляная насыпь кургана имеет форму усеченного конуса диаметром 12 *м*, высотой 1,5 *м*. Толщина верхнего дернового слоя — 10—12 *см*. Следующий слой составляет очень твердый сухой лесс темно-серого оттенка, откалывающийся большими комками. На глубине 50—55 *см* от дневной поверхности обнаружен венчик сосуда сильного обжига, сделанный из глины с примесью дресвы.

В юго-западном секторе на уровне былой дневной поверхности, под насыпью, обнаружен прямоугольный в плане дромос, ширина которого вначале с южной стороны равна 0,8 *м*, а у входа в катакомбу — 0,98 *м*. Он начинается с южного края насыпи, длина по дну — 6 *м*. Вход имеет форму полуциркульного свода высотой и шириной по 0,48 *см*.

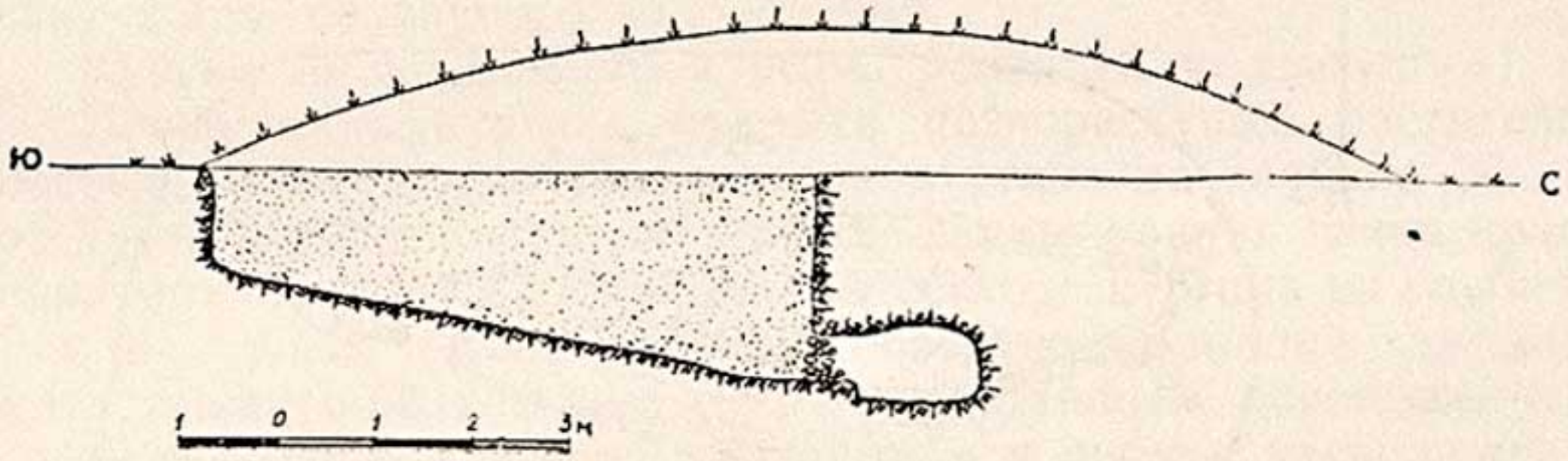


Рис. 4.

Пол дромоса с южной стороны углублен на 0,7 *м* и постепенно углубляется у входа на 2 *м*. Вход в катакомбу был заложен с наружной стороны продолговатыми гуваляками на глиняном растворе. Закладка толщиной 50 *см* покрыта саманной штукатуркой. Катакомба обнаружена в северо-западном секторе насыпи. Она расположена перпендикулярно оси дромоса. Катакомба представляет собою сводчатое, овальное в плане помещение, вытянутое с востока на запад. Длина катакомбы — 2,1 *м*. ширина в середине — 1,38 *м*, высота свода в центре — 80 *см*. Катакомба была засыпана рыхлой, измельченной, влажной, розоватого оттенка землей. Горизонт пола с уровня плечевых костей скелета постепенно понижается на 13 *см*.

В катакомбе обнаружен скелет (рис. 5), по-видимому, мужчины. Он лежал без подстилки, головой на восток, лицом на юг. Руки его уложены вдоль тела, правая нога вытянута, а левая согнута в колене и откинута в сторону. С правой стороны возле тазовых костей находилась проржавевшая, круглая в плане пряжка с откидным язычком (рис. 3—1). Вторая аналогичная пряжка лежала с левой стороны. Диаметр пряжки — 3,5 *см*, длина площадки — 3,5 *см* (рис. 3—2).

Слева от входа около южной стены на уровне голени, соприкасаясь друг с другом, стояли два сосуда: кувшин и кружка с ручками, обращенными в разные стороны. Сероглиняный кувшин (рис. 1—2) хорошего обжига сделан без гончарного круга, покрыт светло-серым ангобом. Кувшин имеет овальную форму. На противоположной стороне ручки вделан

носик со сливом. Верхний конец ручки приделан к венчику, а нижний — к пологому плечику. Венчик кольцеобразной формы. Кувшин орнаментирован до обжига гребенчатым инструментом. Верхняя, средняя и нижняя части тулова опоясаны волнистыми линиями. Кроме того, две извивающиеся линии

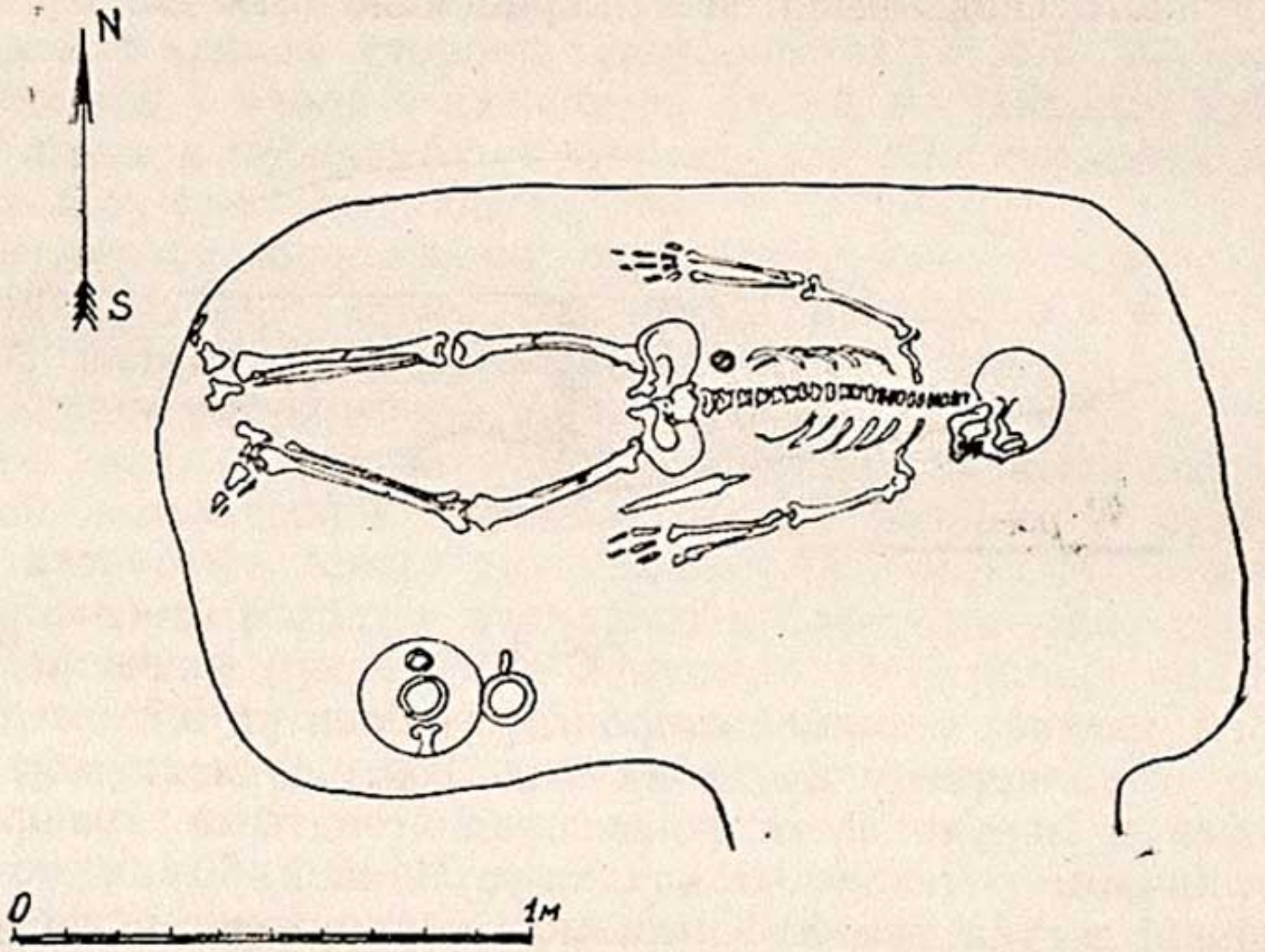


Рис. 5.

спускаются от ручки и носика сосуда и расходятся в противоположные стороны. На уровне тулова орнамент, нанесенный путем точечных вдавлений, опоясывает нижнюю часть ручки и носик. До обжига на тулове процарапан в виде зигзага знак тамги. Высота кувшина — 34 *см*, ширина венчика — 10,5, наибольшая часть тулова — 26, высота носика —4, диаметр дна — 18 *см*. Другой сосуд (рис. 1—3) сделан без гончарного круга из розовой глины. Толстостенный корпус сосуда имеет шаровидную форму и невысокую шейку, венчик слегка отогнут наружу, ручка посажена кольцом в верхней части корпуса. Поверхность сосуда покрыта светло-серым ангобом. Высота —10 *см*, диаметр устья кружки —8 *см*. Наибольший диаметр туловища — 12 *см*, донышка — 7 *см*.

Курган № 5. Диаметр кургана составляет 10 *м*, высота — 0,75 *м*. Поверхность оплывшей насыпи кургана покрыта низкорастущей растительностью. Толщина верхнего дернового слоя равна 10—11 *см*, который откалывается большими комками. На глубине 50 *см* от дневной поверхности находится рыхлый крупнозернистый лесс.

Под насыпью дромос и вход в катакомбу не обнаружены, так как земля была, по-видимому, перекопана грабителями. На глубине 2,5 *м* сохранилась половина сводчатой катакомбы. Длинная ось катакомбы имеет направление с востока на запад. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад, лицом на юг. Сохранившиеся плечевые кости рук вытянуты, положение ног нарушено.

В юго-западном углу катакомбы были сложены человеческие кости первичного захоронения.

Курган № 6. Диаметр кургана равен 12 *м*, высота — 1 *м*. Поверхность кургана покрыта низкорастущей растительностью. В юго-восточном секторе кургана на глубине 30 *см* от дневной поверхности обнаружена обожженная глина красноватого оттенка. В юго-западном секторе кургана на глубине 1 *м* на уровне былой дневной поверхности найден дромос, представляющий в плане открытую траншею, основание которой обращено к камере. Катакомба и дромос расположены в юго-западном секторе курганной насыпи. Камера перпендикулярна оси дромоса. Ширина дромоса — 0,75 *см*, длина — 1,8 *м*. Дромос с южной стороны имеет одну ступеньку глубиной 30 *см* и постепенно углубляется у входа в катакомбу на 2,5 *м*.

Катакомба, представляющая собой полукруглое в плане помещение, вытянута с востока на запад. Пол камеры по отношению к дромосу на 10 *см* ниже. Высота свода — 0,95 *см*, длина и ширина — по 1,5 *м*. В камере захоронение не обнаружено.

Курган № 7. Он расположен на второй террасе р. Чирчик, возвышающейся над поймой реки на 30—35 *м*. Курган находится к востоку в 5 *м* от края обрыва и в 1 *км* к юго-востоку от ст. Вревская. Диаметр кургана — 14 *м*, высота — 1,4 *м*. Верхний слой сильно задернован, толщина дернового слоя равна 0,15 *м*. Следующий слой представлен сухим лессом темноватого оттенка, откалывающимся небольшими комками. На глубине 0,6 *м* обнаружен фрагмент керамики, сделанный без гончарного круга. Глина имеет розовый оттенок, ангоб не сохранился.

В юго-западном секторе на уровне былой дневной поверхности обнаружен дромос. Катакомба расположена в северо-западном секторе курганной насыпи. Пол дромоса с южной стороны углублен в виде ступеньки на 70 *см*. Он, понижаясь, упирается на глубине 3,2 *м* в полуциркульный вход катакомбы. Длина дромоса — 5,5 *м*, ширина — 1,4 *м*. Вход был заложен с наружной стороны продолговатыми гуваляками на глиняном растворе. Закладка толщиной в 50—55 *см* покрыта саманной штукатуркой.

Катакомба, расположенная перпендикулярно к оси дромоса, представляет сводчатое, овальное в плане помещение, вытянутое с северо-востока на юго-запад-запад. Длина ее составляет 270 *см*, ширина в середине — 170 *см*, высота свода в середине — 110 *см*.

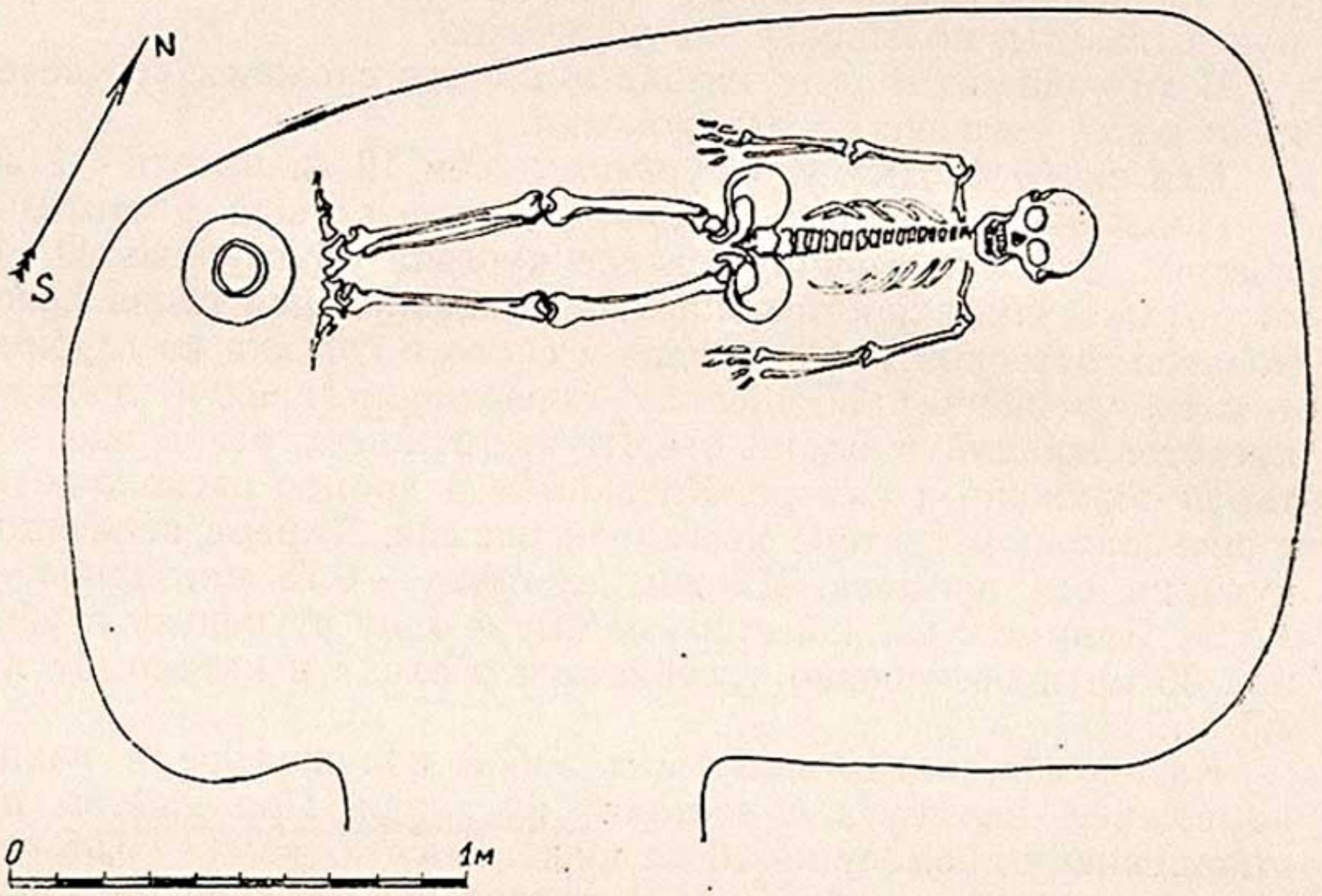


Рис. 6.

В катакомбе лежал на спине скелет головой на восток-северо-восток, обращенный лицом вверх. Руки уложены вдоль тела, а ноги вытянуты. Ступни ног повернуты в противоположные стороны. У ног стоял плоскодонный глиняный горшок хорошего обжига, сделанный без гончарного круга. Поверхность горшка покрыта светло-серым ангобом и орнаментирована потеками красной краски от плечиков до донца. Высота горшка равна 2,5 *см*, диаметр венчика — 11 *см*, наибольшая часть тулова — 18 *см*, диаметр донышка — 16 *см*.

Погребальные сооружения, вскрытые нами в районе ст. Вревской, по своему устройству имеют некоторое сходство с ранее исследованными курганными захоронениями возле ст. Вревской[2], Той-Тюбе[3] и Кенкольского могильника[4].

[2] М. Э. Воронец, указ. соч.

[3] М. Е. Массон, Ахангеран. Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 22.

[4] А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. 2, Л., 1940.

Из керамического материала вревских курганов обнаружены три целых кувшина и один разбитый, а также кружка и горшок. Все сосуды сделаны без гончарного круга, из розоватой глины и снаружи покрыты светло-серым ангобом. Следует отметить, что каменная палочка, сделанная для подведения бровей, на утолщенном конце снабжена отверстием для ношения его на веревочке. Такая же каменная палочка была обнаружена в одном из курганов у ст. Вревская М. Э. Воронцом в 1947 г.

Ближайшую аналогию кувшину с носиком мы видим среди находок из захоронений в Бурджарских могильниках, датируемых VI—VIII вв.

Среди кувшинов привлекает внимание один из них, описанный выше, на поверхности которого нанесен процарапанный орнамент в виде змеи. Во время археологических раскопок на территории Средней Азии сосуды с изображением змеи встречались часто. Е. М. Пещерева, изучавшая изображения змей на сосудах, приходит к выводу, что орнамент имел магическое значение: он оберегал как от злых сил, так и был средством вызывать добрые силы[5].

Ближайшие аналогии кружке из кургана № 4 имеются среди находок из раскопок Ак-тепе, датируемых VI—VII вв.[6]

Таким образом, на основании сопоставления керамики, найденной нами при вскрытии вревских могильников с предметами из других мест и датируемых VI—VII вв., мы наши находки также можем датировать этим же временем. Подобной точки зрения придерживается и участвовавшая в раскопках курганов Т. Г. Оболдуева.

---

[5] Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 108.

[6] А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки), Труды Института истории и археологии, т. I, Ташкент, 1948, стр. 115.

Ю. Н. ЗАВАДОВСКИЙ

АРАБСКАЯ НАДПИСЬ НА КАМЕННОМ ВОДОЕМЕ ИЗ ДЖАМБУЛЬСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ, ДАТИРОВАННАЯ IV/XI В.

(Предварительное сообщение)

Текст, نصبت هذه السقايه فاطمه خاتون بنت عبدالملک قتلغ [س]لموکا لوجه الله و ابتغا [ء] رضائه و ايضا [ء] بفيظه[1] غفرالله لها ولوالديها ولجميع المس]لمين والمسلمات وكان هذ[ا] [فى]شهر ربيع‌الاول سنه..... ....عين و ربعمائه

Перевод..... (1) Воздвигла этот водоем Фатима хатун, дочь Абдалмалика Кутлуга, (2) ради следования по пути к лицезрению Аллаха и желая [обрести] его благосклонность и удостоиться его щедрости. Да простит Аллах (3) ей и обоим родителям ее и всем мусуль[манам] и мусульманкам. И было э[то] (4) [в] месяце р а б и' а л-а у у а л года... [единицы] [десятки] .... аго и четырехсотого.

Почерк и дешифровка. Четыре строки неровного куфи по фасаду выдолбленного камня (мрамор?) сразу же приковали мое внимание. Еще до прочтения даты можно было понять, что это письмена тысячелетней давности и что они достойны немедленной публикации, ибо не каждый день встречаются арабоязычные надписи столь почтенного возраста из отдаленнейшей восточной окраины халифата. Любопытен был и тот факт, что надпись опровергает замечание Н. В. Ханыкова, приведенное в статье В. А. Крачковской: «Чем больше мы удаляемся к Востоку от центра арабской цивилизации, тем более мы уверены, что встретим надписи сравнительно новейшие («modernes»), начертанные округленными буквами...»[2]. Перед нами же надпись архаически простая и угловатая, вполне отвечающая определению, данному В. А. Крачковской ранним «служебным» надписям из Средней Азии: «На предметах утилитарного характера, где орнаментация излишня, куфи в конце III/IX в. прямолинеен и прост; такова надпись на бронзовой гире с именем Исма'ила Самани или штемпеля на кирпиче»[3].

---

[1] Sic!

[2] В. А. К р а ч к о в с к а я, Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX—XI вв. Эв, X, М.—Л., 1955, стр. 40.

[3] В. А. К р а ч к о в с к а я, Эволюция куфического письма в Средней Азии, Эв, III, М.—Л., 1949, стр. 4.

Рис. 1. Каменный водоем из Джамбульского краеведческого музея.

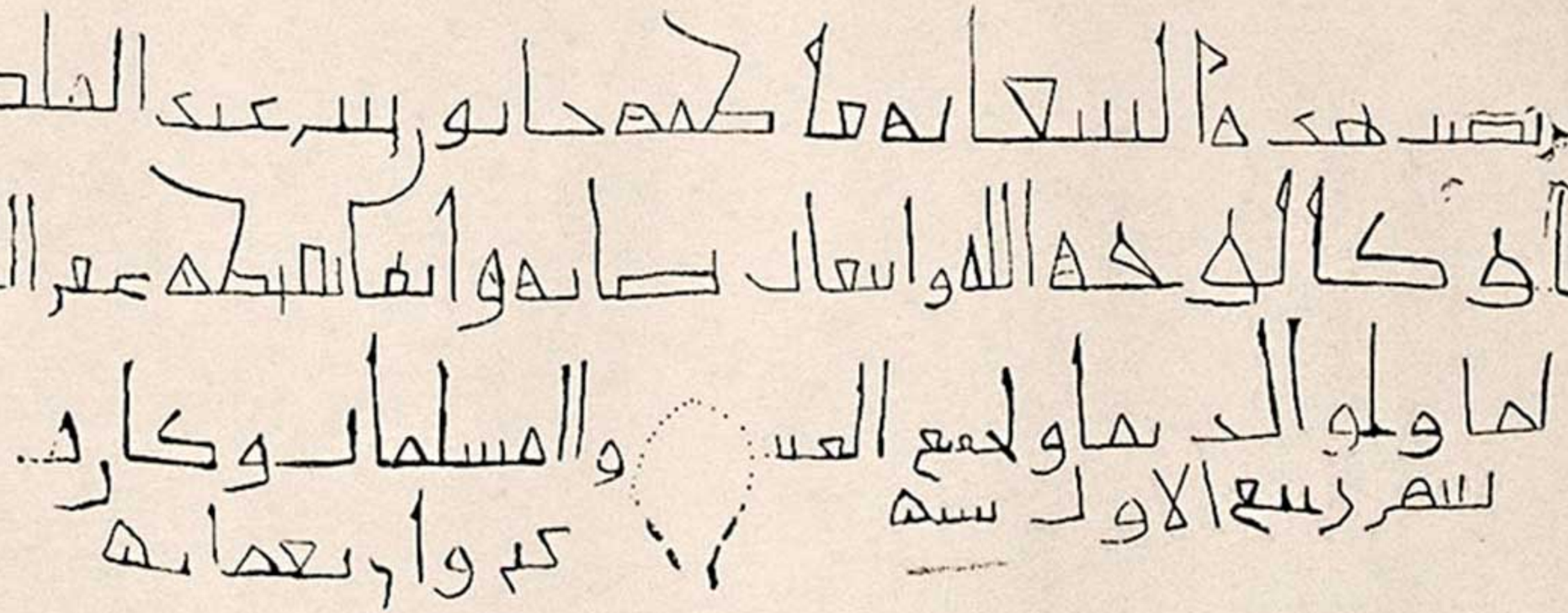


Рис. 2. Прорисовка надписи на водоеме.

Но при дешифровке джамбульской надписи я все время помнил о надписи на деревянных колоннах Джум'а — мечети в Хиве, которые мне довелось обследовать в апреле 1957 г. Сходство треугольных мимов и ха показалось вполне ощутимым и сразу же позволило определить эти буквы на джамбульской надписи. После этого дело пошло быстрее, но затруднял текст второй строки, который долго не поддавался интерпретации. Сопоставление с аналогичной надписью 194/809—810 г. на водоеме для паломников в Мекке[4] дало возможность полностью, как я думаю, ее расшифровать.

Я, к сожалению, не видел джамбульской надписи в подлиннике, но работал по достаточно хорошим фотографиям и считаю, что обследование надписи in situ вряд ли что изменит в публикуемой интерпретации ее основного текста.

Определение предмета, на котором выбита надпись. Работники Джамбульского краеведческого музея сомневались в назначении корытообразного каменного сосуда, на котором сделана надпись. Текст на этот счет не оставляет никаких сомнений. Слово سقايه означает «водоем», а не что-либо другое. Обычные словари переводят سقايه как имя действия от глагола يسقى/سقى «поение», но Дози приводит и значение «aquarium», т. е. «резервуар для воды, водоем»[5].

Сооружение водоемов считалось богоугодным делом, весьма подходящим для царственных дам, желавших обеспечить себе уютное место в раю. Так, в аналогичной надписи на водоеме для паломников в Мекке указывается, что он воздвигнут «по приказу Умм Джа'фар дочери Абулфадла сына повелителя правоверных ал-Мансура»[6].

Ономастика и титулатура. Джамбульский водоем был также сооружен женщиной, вероятно мусульманской принцессой по имени «Фатима хатун дочь Абдалмалика», возможно Кутлуга. Последнее слово и каф от слова كلك написаны на боковой стороне и не видны на фотографии[7]. Это тюркское имя лишено здесь точек и огласовки и нельзя быть совершенно уверенным в его чтении. Тем не менее, оно лучше всего здесь подходит.

Фатима — это, конечно, жена или дочь местного правителя, но в таблицах Лэн-Пуля и Цамбаура нет ни имени Абдалмалика Кутлуга, ни, тем более, ее имени.

---

[4] Repértoire chronologique d'Epigraphie arabe, vol. I, Le Caire, 1931, p. 69, надпись № 88.

[5] Supplément aux Dictionnaires arabes, vol. I, Paris, 1927, p. 665.

[6] Repértoire ..., надпись № 88.

[7] Их зарисовка была мне сообшена особо.

М. Е. Массон указывает, что термин х а т у н в значении «дама», «госпожа из высшего общества», «султанша» особенно широко применялся в Средней Азии при монголах[8]. Однако он был распространен и раньше, начиная с VII в. Хатунями титуловались жены и дочери каракитайского гурхана, хорезмшаха и других династов.

Датировка. Дата надписи читается не полностью, но сотни — главное! — уцелели: «400». Четырехсотые годы хиджры приходятся на XI в. н. э. (точнее между 1009 и 1106 гг.). От *десятков* читается только окончание, позволяющее предполагать: 40, 70, или 90. Начало десятков и *единицы* разрушены отверстием в водоеме, которое пробили после того как была сделана надпись. Во всяком случае, в точности чтения «четырехсотый год»=XI в. сомневаться не приходится. Слова «месяц раби' ал-аввал» ясно видны, однако на месте, где могло быть число, камень отбит.

Построчные замечания. Первая строка читается полностью, но два-три слова над ней, в правом верхнем углу, добавленные, вероятно, после выполнения всей надписи, трудно разобрать по фотографии. Продолжение надписи, как было уже сказано, находится на боковой поверхности.

Во второй строке хамзы нигде не проставлены, что нормально. Слово فيض написано с типичной для Средней Азии ошибкой فيظ ибо ض и ظ одинаково звучат как «з».

В третьей строке окончание слова المسا ... مين приходится на отверстие, а конец слова ذا ... ه неясен.

Четвертая строка пострадала более всего. Не достает начала (возможно, слова في или числа месяца) и, как уже говорилось, единицы и десятки даты пришлись на отверстие водоема.

---

[8] М. Е. М а с с о н, Время и история сооружения «Гумбеза Манаса», ЭВ, III, М.— Л., 1949, стр. 36—37.

М. АМИНДЖАНОВА

О НЕКОТОРЫХ СТЕКЛЯННЫХ СОСУДАХ МАВЕРАННАХРА

В данной статье описываются интересные по форме и назначению сосуды, сделанные из стекла. Это — ритоны и алхимические приборы. Изучение их, а также стекла, хранящегося в музеях Узбекской ССР, Москвы и Ленинграда, дает возможность познать особенности развития стеклоделия в Мавераннахре. Они являются также доказательством развития научной мысли в Средней Азии в средние века.

О СТЕКЛЯННЫХ РИТОНАХ

Четыре стеклянных предмета повторяют форму хорошо известных сосудов — ритонов, служивших для питья и может быть для ритуальных целей. Два стеклянных ритона обнаружены на развалинах Варахшского дворца, где позже, в X—XI вв., были жилые помещения. В одном из них в яме с материалом X—XI вв. и были найдены эти ритоны. Два других обнаружены в Ташкенте[1]. Эти четыре ритона и два таких же, хранящихся в Самаркандском и Андижанском музеях, являются как бы миниатюрой обычных роговых или металлических ритонов[2] (рис. 1).

Идентичность формы и орнамента всех шести ритонов позволяет остановиться на описании одного, лучше сохранившегося — варахшского. Размеры его следующие: диаметр отверстия — 7,2 *мм*, расстояние от венчика до узкой части — 14 *см*, толщина стенок — 3, емкость ритона — около 200 *см*^{3}. Орнамент прост: накладные стеклянные нити спирально идут вокруг широкой части ритона, ниже, по всему тулову, волнообразные нити опущены вертикально. Ритоны сделаны из

[1] Один из них — археологом В. А. Булатовой в 1957 г. в медресе Кукельдаш, в шурфе № 5, другой — И. Е. Скорлыковым на крыше этого же медресе. Оба ташкентских ритона находились с керамикой XI—XII вв.

[2] Аналогичные ритоны из стекла не только по форме, но и по орнаменту отмечены автором в собраниях Самаркандского и Андижанского музеев.

прозрачного светлого стекла, а орнаментирующие нити — из темного. Одинаковы, видимо, они и по технике изготовления: выдувались по форме, сечение стенок ровное; след от выдувной трубки сохранился в нижнем конце ритона.

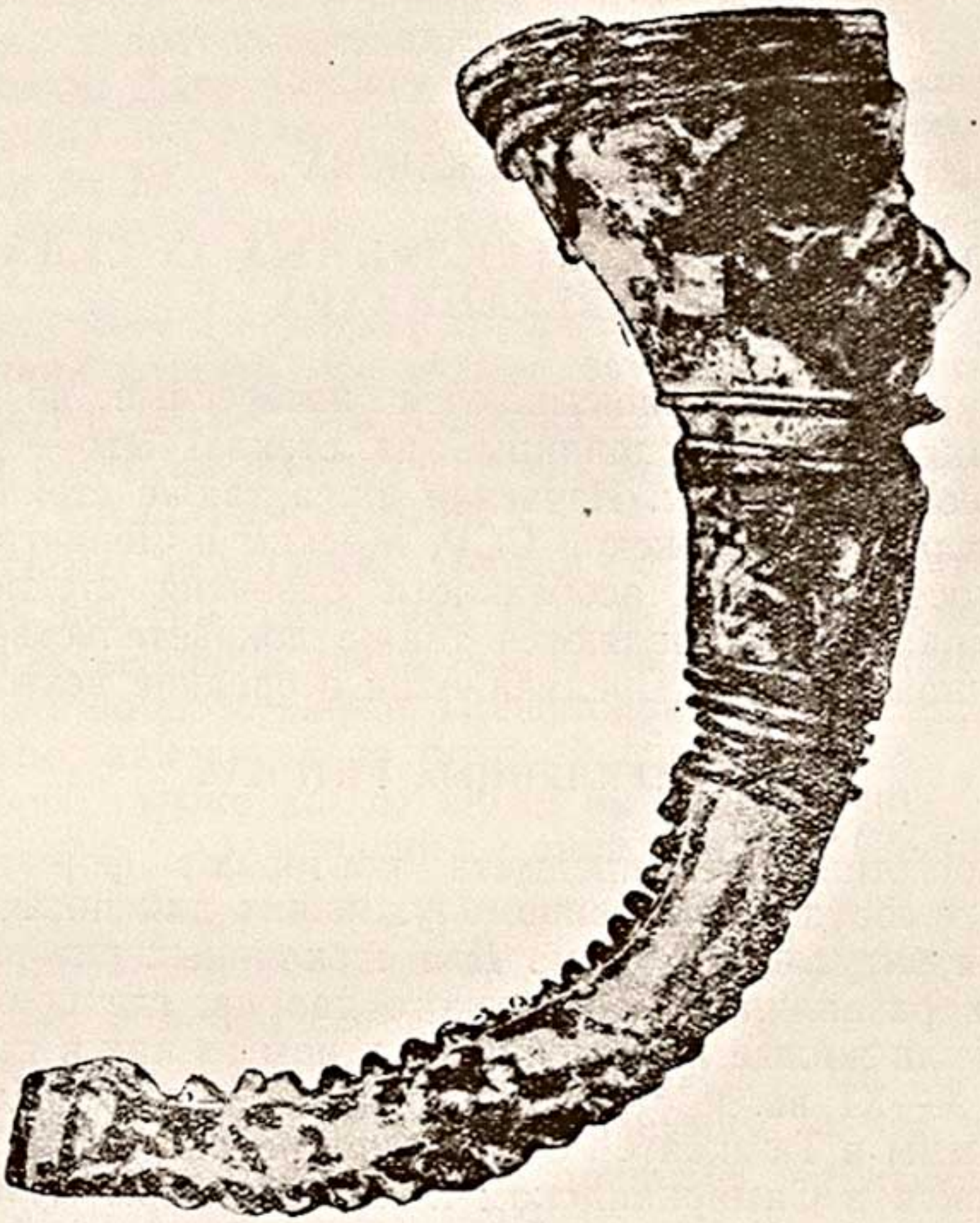


Рис. 1. Стеклянный ритон с Варахши.

Находки разных ритонов можно зарегистрировать во многих местах. Ритоны же из стекла в просмотренной археологической литературе не отмечены. Видимо, стеклянные ритоны изготовлялись в средневековом Узбекистане, может быть Средней Азии.

Хронологические рамки и ареал распространения ритонов (керамических, металлических, костяных) очень широки. Самым ранним по времени является изображение рога на барельефах, обнаруженных во Франции (в Дордони в гроте Лоссель). Из шести известняковых барельефов четыре воспроизводят стилизованные фигурки женщин, держащих рога. Эти барельефы относятся к ориньякскому времени. С. Н. Замятнин считает, что эти рельефы Лосселя представляют одну

композицию — сцену коллективного магического действия, а рог в руках женщин — ритуальным атрибутом[3].

Видимо, уже в эпоху палеолита рог, служа бытовым целям, имел и ритуальное назначение. Хорошо известны ритоны из серебра, золота, слоновой кости, найденные в Персии, Индии, Месопотамии, Сирии, Малой Азии, Греции и Италии[4].

Из среднеазиатских находок замечательными и уникальными являются парфянские ритоны из слоновой кости, найденные на Старой Нисе ЮТАКЭ[5]. К парфянскому времени относится керамический ритон из Вавилона[6], который по форме не повторяет металлические. Ритон из глины с протомой крылатого коня был найден в здании Калалы-Гыр в Хорезме[7] и относится к кангюйскому времени. Почти подобен этому ритону керамический ритон из Мингечаура[8]. Наличие двух отверстий на груди оленя позволило исследователю этого ритона считать его предназначенным для культовых церемоний при погребении[9].

Славяне в средние века также были знакомы с ритоном. Русский археолог Д. Я. Самоквасов в Черной могиле — славянском кургане X в.— обнаружил среди прочих вещей захороненных двух воинов, два сосуда из рогов тура, окованных серебром[10]. Б. А. Рыбаков считает их сосудами для питья — ритонами (питье из этих сосудов было одним из элементов языческого празднества)[11]. Золотые ритоны из Семибратного кургана были специально изготовлены как декоративные предметы церемониального или культового обихода[12].

---

[3] С. Н. Замятнин, Раскопки у села Гагарина. Палеолит СССР, М.— Л., 1935, стр. 74—75.

[4] БСЭ, т. 37, стр. 554.

[5] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Парфянские ритоны Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. IV, Ашхабад, 1959; Альбом иллюстраций, М., 1956.

[6] Ритон хранится в Берлинском музее См.: A Serwey of Persian art, ed. A. V. Pope, London — New York, 1838 — 1839, vol. IV, tabl. 184.

[7] С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР за 1949—1953 гг. Археологические этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг., т. II, М., 1958, стр. 159.

[8] Т. М. Голубкина, О зооморфной керамике, «Материальная культура Азербайджана», т. II, Баку, 1951.

[9] С. М. Казиев, Археологические раскопки в Мингечауре, «Материальная культура Азербайджана», т. I, Баку, 1946.

[10] Д. Я. Самоквасов, Могилы Русской земли, М., 1908; он же, Могильные древности Северянской Черниговщины, М., 1917, стр. 11.

[11] Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, МИА СССР, М., 1949, стр. 43.

[12] К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 108—109.

Золотые ритоны, представленные в экспозиции музея г. Пловдива, очень напоминают хорезмский и мингечаурский, хотя относятся, видимо, к римской эпохе[13].

Скифские ритоны Б. А. Рыбаков относит к предметам ритуального назначения: скиф перед богиней стоит с рогом в руках (Чертомлык), всадник торжественно держит в руках рог-ритон, преподнося его богине (Керчь, Карагодеуашх), каменная баба (Нижний Днепр) с большим рогом тура[14]. Несомненно, это ритуал, а последнее — изображение богини. Богиня, атрибутом которой является рог изобилия, известна из античного мифа. Это — рог козы Амалфей, вскормившей Зевса своим молоком. Зевс подарил этот рог нимфам Адрастее и Идее, обещая им, что они получат из этого рога все, что они пожелают. Хозяйкой этого божественного рога считалась богиня Тюхе (у римлян Фортуна)[15]. Изображения богини Тюхе — богини счастья и благоденствия,— распознающиеся по атрибуту — рогу, были очень распространены[16], и во многих случаях образ богини упростился до ее атрибута — рога.

Однако эту богиню с ее атрибутом нельзя считать греческой, хотя бы потому, что сам ритон не греческого происхождения. Он заимствован, как и многое другое, вероятно, с Востока, где, может быть, до того, как греки к мифу о козе Амалфей и богине Тюхе присочинили рог, он был ритуальным предметом, символом счастья и удачи.

Стеклянные ритоны, рассматриваемые в данной работе, возможно, предназначались для питья, но не могли быть использованы на церемониальных пиршествах или празднествах ввиду их небольших размеров (около стакана). Известны ритоны феодальной Абхазии, называемые «апатх», емкостью 1,5—2 *л*[17]. В повседневном быту такой сосуд не удобен, хотя все же употребление его как сосуда для питья полностью не исключается.

Мнение о применении ритонов как ритуальных сосудов для возлияний также неприемлемо, ибо они бытовали в эпоху господства ислама.

---

[13] «Пловдив», София, 1957, таблица «Золотые вещи музея».
[14] Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 45.
[15] Н. А. Кун, Легенды и мифы древней Греции, М., 1957, стр. 18, 19, 24.
[16] М. И. Максимова, Боспорская камнерезная мастерская, СА, 1957, № 4, рис. на стр. 81.
[17] И. А. Аджинджал, Материалы к изучению резьбы по дереву, камню, металлу в дореволюционной Абхазии, Труды Абхазского музея, вып. II, Сухуми, 1957, стр. 119.

Может быть, изящные ритоны из стекла имели не бытовое назначение, а служили украшением дома (михманханы) и являлись символом счастья и благополучия. Существование отголосков различных культов древнейших периодов особенно характерно для Средней Азии[18]. Небезынтересно в этом отношении вспомнить идиому, часто встречающуюся в узбекском и таджикском языках. «Шохинг чикдими?», «шохат пайдо шудми?». Они употребляются обычно в разговоре двух собеседников, один из которых хочет себе пожелать или сделать что-то необычное. Но идиомы применяются видимо не в смысле «вырос ли у тебя рог?» (тогда было бы «усдими»), а в смысле «появился ли у тебя рог?» (изменилось ли что-нибудь у тебя к лучшему?, так как «пайдо-шудан» означает появляться, возникать). Этот вариант бытования стеклянных ритонов может оказаться вероятным, хотя для полной уверенности нужны дальнейшие исследования.

Стеклянные ритоны являются свидетельством развитого стекольного дела на территории средневекового Узбекистана. Относятся они к X—XI вв., хотя стеклянные ритоны, можно предполагать, изготавливались и были распространены вплоть до XII в., особенно, если учесть, что развитие ремесел Средней Азии характерно для X—XII вв.

Однотипность рассмотренных стеклянных ритонов позволяет предположить единое место их изготовления, хотя указать его сейчас трудно. Возможен факт перевозки формы стеклянного ритона в различные центры стеклоделия. Примером этого может служить перевозка форм из мастерской Инаятона, расположенной в Мерве. Изделия с его маркой найдены на Новой Нисе.

Мы не отрицаем возможности применения стеклянных ритонов также и в быту, так как ритуал питья в Средней Азии, по которому нельзя ставить сосуд на дастархан,— древний[19]. С другой стороны, китайские источники еще II в. до н. э. определенно говорят о виноделии в больших размерах в Фергане, о страсти согдийцев смаковать виноградные вина, со-

---

[18] Отголоском почитания огня со времени зороастризма является бережное отношение узбеков и таджиков к огню, домашнему очагу. См. Г. А. Пугаченкова, Элементы Согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, Труды Института истории и археологии АН УзССР, Материалы по археологии Узбекистана, т. II, 1950, стр. 10—48; М. Аминджанова, Средневековые терракотовые «очажки» в собрании кабинета археологии САГУ, Сборник студенческих работ САГУ, вып. XV, Ташкент, 1956, стр. 61—74.

[19] Е. М. Пещерева, Гончарное производство в Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 295.

провождая это пением и танцами. Даже считают, что само название винограда занесено к ним из Ферганы[20].

Е. Пещерева считает, что еще с кушанского времени для питья вина изготавливались бокалообразные сосуды с неустойчивой ножкой[21]. В IX—XII вв. для питья, видимо, применяли стеклянные сосуды — пиалы и кадахи. Может быть, и стеклянные ритоны также использовались как чаши для питья.

СТЕКЛЯННЫЕ ПРИБОРЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХИМИКОВ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Археология, кроме изучения историко-археологических объектов и восстановления по ним фактов истории, занимается вопросом изучения истории науки, основываясь при этом не только на письменных данных, но и на вещественных материалах.

История народов Средней Азии богата и многогранна. Если исследований по искусству, живописи, архитектуре достаточно, то по истории науки таких работ очень мало. Однако изучение этого вопроса имеет большое значение, ибо без определения научных знаний в какую-либо историческую эпоху нельзя понять духовную жизнь и культуру того или иного народа. В этом отношении очень важна работа А. С. Садыкова, который в своем докладе на I Всесоюзном съезде химиков кратко изложил с использованием археологического материала историю развития химической мысли в средние века на территории Средней Азии[22].

Когда и где возникла химия, определенно сказать нельзя. Во всяком случае, химические знания начали зарождаться уже с первых шагов человечества. Как говорят исследователи истории химии, первым химиком был дикарь, который сумел добыть огонь[23]. Отрасли производства в глубоком прошлом (окраска тканей, изготовление кирпича, дубление кожи, выплавка железа, изготовление керамики, получение стекла

---

[20] А. А. Семенов, Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии, Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 18.

[21] Е. М. Пещерева, Указ. соч., стр. 295.

[22] А. С. Садыков, К вопросу возникновения химии в Средней Азии. Тезисы докладов к совещанию по истории русской и советской химии 12—15 мая 1948 г., М.— Л., 1948.

[23] М. Г. Центрершвер, Очерки по истории химии, Одесса, 1912, стр. 4.

и глазури) — все они в той или иной степени относятся к химии.

В Средней Азии, в частности Узбекистане, издревле были распространены почти все ремесла. Археологические находки на территории Средней Азии и письменные источники свидетельствуют о горных разработках и выплавке металлов, об изготовлении предметов вооружений и труда, о ткацком и гончарном деле. Наряду с посевами сельскохозяйственных культур, население занималось виноградарством, в некоторых местах подати уплачивали вином.

Большой славой пользовались ткани Бухары не только в Мавераннахре, но и далеко за его пределами. Составной частью ткачества была окраска тканей, требовавшая не только большого опыта, но и близкого знакомства с технологией изготовления краски.

Шаг за шагом производство выставляло все новые требования, которые стимулировали развитие науки в средние века. Большой расцвет научной и культурной мысли наметился в эпоху Саманидов. На почве традиционной среднеазиатской культуры сформировался как ученый Абу Али ибн Сина.

С. А. Садыков делит все развитие средневековой химии Средней Азии на два этапа: в первый (до Ибн Сины) среднеазиатские алхимики[24], как и арабские, стремились превратить металл в золото, второй этап наступает с деятельностью ибн Сины — энциклопедиста, философа, химика, медика[25].

В средние века на Востоке приготовление лекарств входило в задачи алхимии. Поэтому в средневековой алхимической лаборатории можно было часто встретить и медицинские приборы. Изучение их важно, так как аппаратура и техника лабораторной работы нередко обусловливали степень развития химической науки. Неизученность среднеазиатских рукописей по химии (около 200 рукописей хранится во всех институтах и библиотеках Академии наук УзССР)[26] не дают возможности с исчерпывающей полнотой остановиться на них. Поэтому особый интерес и значимость представляет работа У. Каримова, сделавшего перевод ранее неизвестного сочинения выдающегося ученого средневекового Востока Абу Бак-

---

[24] Приставку «ал» дали арабы, широко развившие эту науку. О терминах «химия», «ал-химия» см. Т. Т. Казанджян, Очерки по истории химии в Армении, Ереван, 1955, стр. 80; П. Н. Герасимов, О происхождении некоторых терминов в общей химии, «Химия в школе», 1941, № 3, стр. 39.

[25] А. С. Садыков, указ. соч., стр. 179.

[26] Там же, стр. 177.

ра Мухаммада ибн Закарийа ар-Рази (856—925 гг.). В алхимической части книги «Книга тайн» особенно важен для нас второй раздел, который посвящается описанию приборов. Ар-Рази делит их на две группы: приборы для изготовления металлов и приборы для других химических операций с неметаллическими веществами. Многие из приборов второй группы должны быть «сделаны из стекла, что будет лучше, ибо такие приборы нисколько не стираются и не смешиваются с веществами. Такое смешение очень вредно, а стеклянные приборы (для сего) не опасны и хороши»[27].

Имеющиеся в экспозиции Музея приборы алхимиков сделаны именно из стекла. Один из них (шифр 235) упомянут А. С. Садыковым как «стеклянная насадка для улавливания паров ртути»[28]. Этот прибор состоит из колбообразного резервуара, воронкообразная широкая горловина заходит внутрь резервуара и плавно переходит в боковые стенки колбы, которая заканчивается сверху сплошной массивной круглой ручкой. От внешней стенки резервуара идет трубка с уклоном вниз — широкая в устье и суживающаяся к середине. Оттуда начинается трубка примерно одинакового диаметра. Длина трубки — 27 *см*. Стекло зеленоватое, но прозрачное, ручка из темно-зеленого стекла. Как пишет А. С. Садыков, она найдена проф. М. Е. Массоном в Бухарской области вместе с керамической ретортой для перегонки ртути.

Хронологические и территориальные рамки распространения этого прибора велики. Ар-Рази включает этот прибор в список описанных приборов и называет его алембиком с носиком. В нем производилась возгонка. Ар-Рази упоминает об алембике в главах о минеральных веществах.

Еще у греческих алхимиков существовал прибор, называемый анбиком (имеющий хобот). Он предназначался для перегонки без холодильника. Он состоял из котла (лопаса) и наклонной трубки, по которой продукт перегонки переходил в приемники. Причем, в зависимости от сточных труб он носил названия дибикос или трибикос. Арабы прибавили приставку «ал» к слову анбик и получалось алембик или аламбик.

В армянской алхимической литературе X в. аламбик носил название «сосуда очистителя и испарителя», как части дистилляционного аппарата[29]. Видимо, существовали аламбики не-

---

[27] Данные А. С. Садыкова, указавшего на необходимость изучения приборов.

[28] У. И. Каримов, Неизвестное сочинение Ар-Рази «Книга тайны тайн», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 121, прим. 34; А. С. Садыков, указ. соч., стр. 174.

[29] Т. Казанджян, указ. соч., стр. 104.

скольких разновидностей. Так, Ар-Рази в главе «О животных веществах» упоминает анбик с широким носиком[30].

Они изготавливались не только из стекла, но и из фаянса. «Слепые» анбики[31] Ар-Рази не описывает, но, видимо, это те же приборы с трубкой, но употреблявшиеся без приемника. Пары собирались в трубке.

Таким образом, прибор перегонки широко применялся во всех алхимических лабораториях.

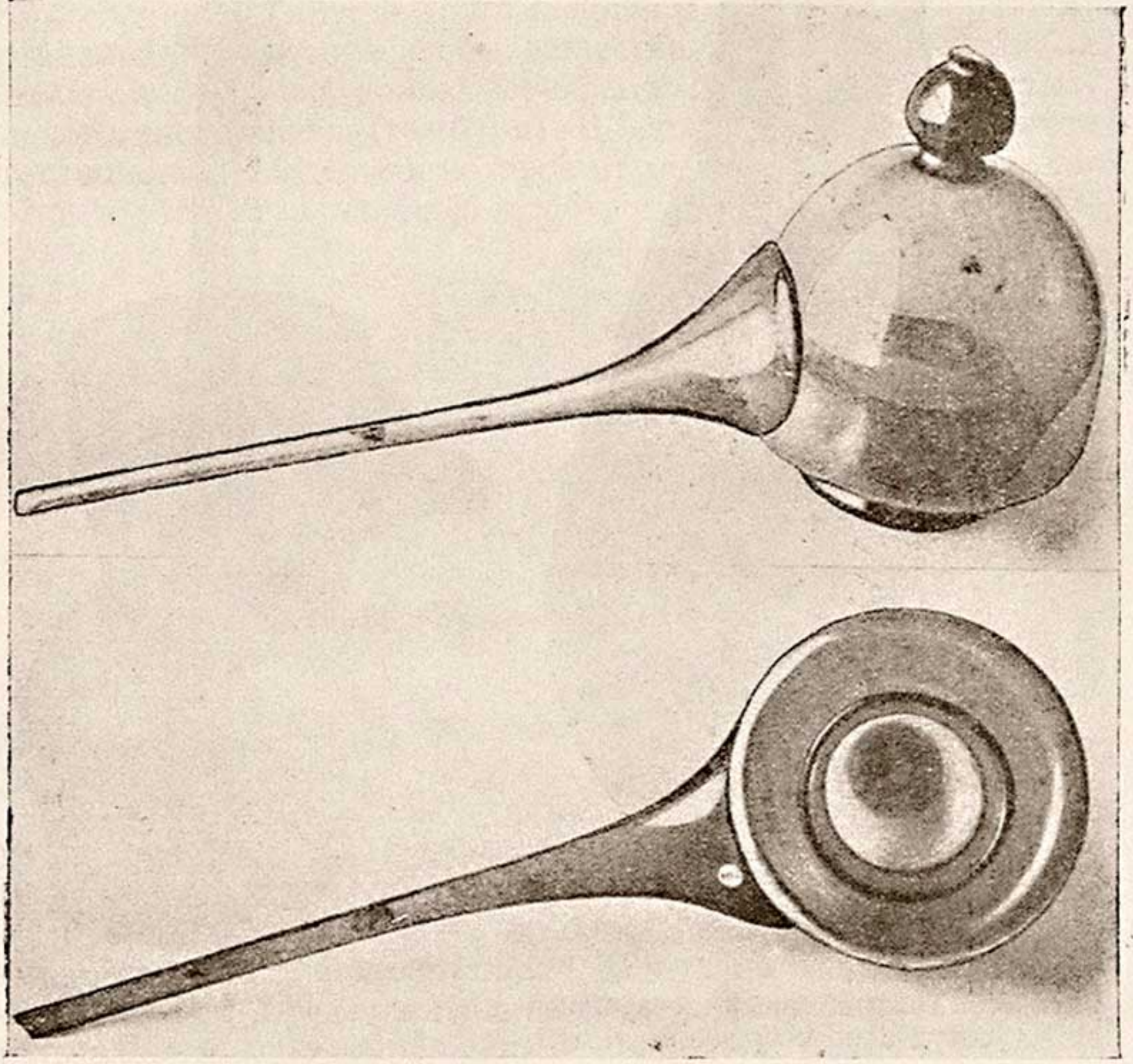


Рис. 2. Насадка для улавливания паров ртути (аламбик).

В другом приборе, видимо, приготавливались душистые вещества или лекарства. Это двухслойный сосуд типа кувшина с двумя спаренными внутри сосудами: меньшим и большим. Меньший сосуд приделан сбоку к большему. Отделялись они, вероятно, тонкой перегородкой, но не сплошной, а с маленькими отверстиями (которая, не оказавшись устойчивой, разби-

---

[30] У. И. Каримов, указ. соч., стр. 108.
[31] Там же, стр. 118—125.

лась). Оба сосуда имеют отдельные носики, но не сливы, так как у большого он глухой и сделан лишь для гармоничности облика сосуда. Симметрично носику расположена общая ручка (от которой сохранились лишь концы). Нижняя часть кувшина орнаментирована в виде 10 полос кружочков, причем

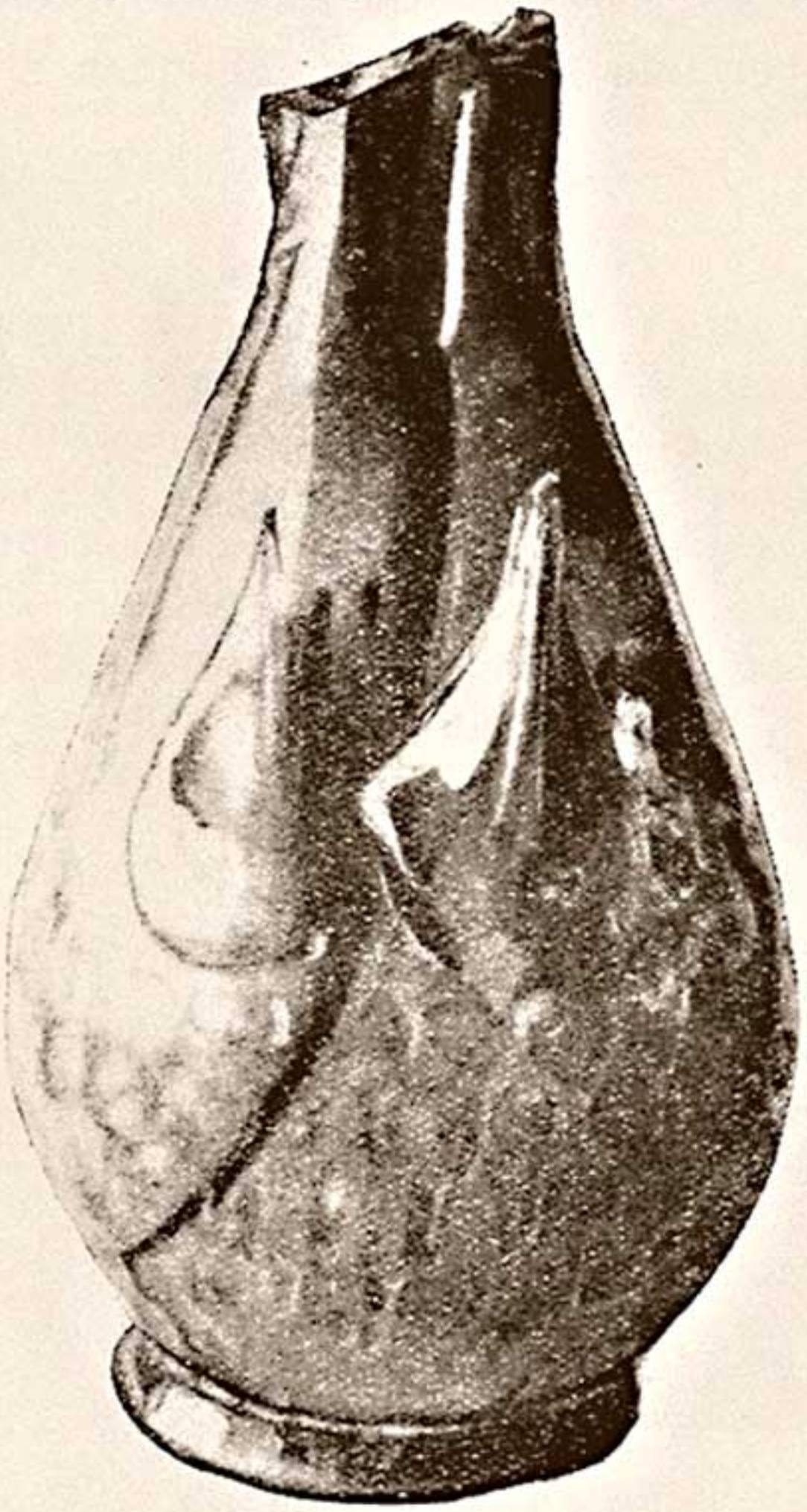


Рис. 3. Толстостенный спаренный сосуд с перегородкой.

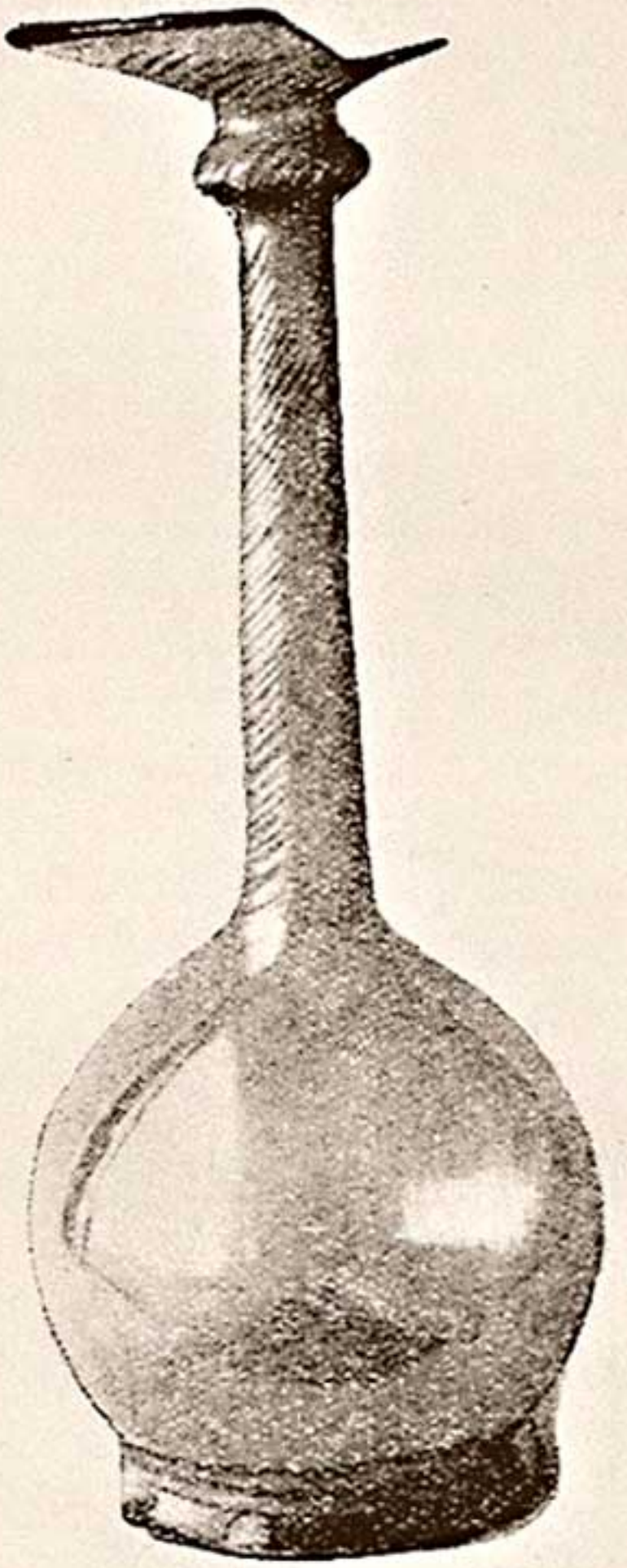


Рис. 4. Колба.

нижние более крупные[32]. Горловина орнаментирована общей стеклянной нитью. Стекло зеленое, полупрозрачное. Высота кувшина — 26,5 *см*, диаметр широкой части — 15 *см*. Поддон имеет диаметр 9,8 *см*, сечение у горловины — 0,7 *см* (рис. 3). Прямого указания на подобные сосуды в книге Ар-Рази нет. Однако из описания процессов смешения веществ и сжатия можно понять, что спаренные сосуды применялись для при-

[32] Такой орнамент имеется и на гарнийском сосуде. Орнамент произведен шлифовкой на точильном кругу. Археологические раскопки в Армении, № 7, Гарни, II, Ереван, 1957, стр. 65.

готовления лекарств. У меньшего сосуда не было дна, но имелся слив, откуда и выливали приготовленную жидкость — медицинский препарат или же благовоние.

Сосуд представляет большой интерес, и дальнейшее изучение химических рукописей, может быть, подскажет его определенное назначение. В этом отношении некоторое прояснение дает описание сосуда в армянских алхимических рукописях XI в. Этот сосуд состоит из двух колб, горлышки которых соединены друг с другом, причем обе они установлены вертикально. Для того чтобы вещества из верхней колбы не сыпались в нижнюю, колбы перекрыты сеткой из струн музыкального инструмента (тамбура). В верхней колбе помещается дигестационное вещество, которое от медленного огня выплавляется и стекает в нижнюю колбу, служащую приемником[33].

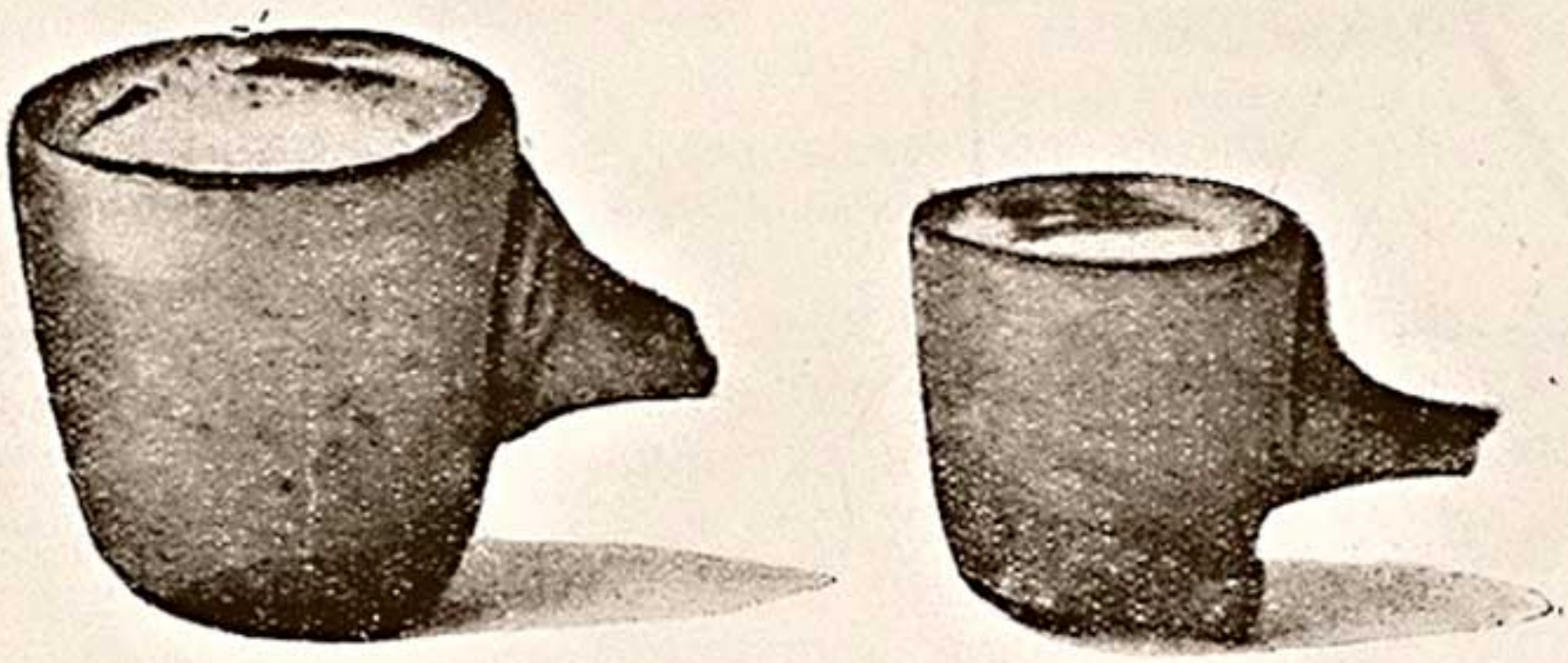


Рис. 5. Маленькие „аламбики".

Разновидностей этого аппарата также очень много, что можно установить, как по армянским рукописям, так и по книге «Книга тайн» Ар-Рази.

Другим сосудом, также применявшимся средневековыми химиками, является колба, мало отличающаяся от современных. В нашем представлении это скорее графин с длинным горлышком и ясно выраженным поддоном. Высота колбы — 24 *см*, длина горлышка — 15 *см*. Известно, какое значение имеет колба в лабораторной практике в настоящее время. Еще большую роль играла она в начальные этапы развития химии. В химическом словаре Шарля Луи Кадета написано: «Колба — это бутыль с шейкой более или менее длинной, которую употребляют для настоек или мочения. Колбы служат также приемниками. Вид их весьма различен. Называются они колбами с круглым дном, с плоским дном, яйцами фило-

---

[33] Т. Казанджян, указ. соч., стр. 124.

софическими, когда имеют вид яйца»[34]. Ар-Рази не дает специального описания колбы, но частое употребление слов колба, бутыль свидетельствует о широком применении колбы. Причем Ар-Рази дает два названия колбы; «карур» (мн. ч. каварир), употребляемая при поджаривании веществ (растворение путем нагрева) и «киннина» (мн. ч. канани), применяемая в процессе «тахник»[35], когда в колбу помещают вещество и медленно нагревают, пока не улетучится вся влага. Затем колбу закрывают и продолжают сильно нагревать до тех пор, пока все возогнанное вещество не соберется в горлышке колбы. В одной из армянских рукописей приводится описание «колбы с длинной шейкой, плоскодонной»[36].

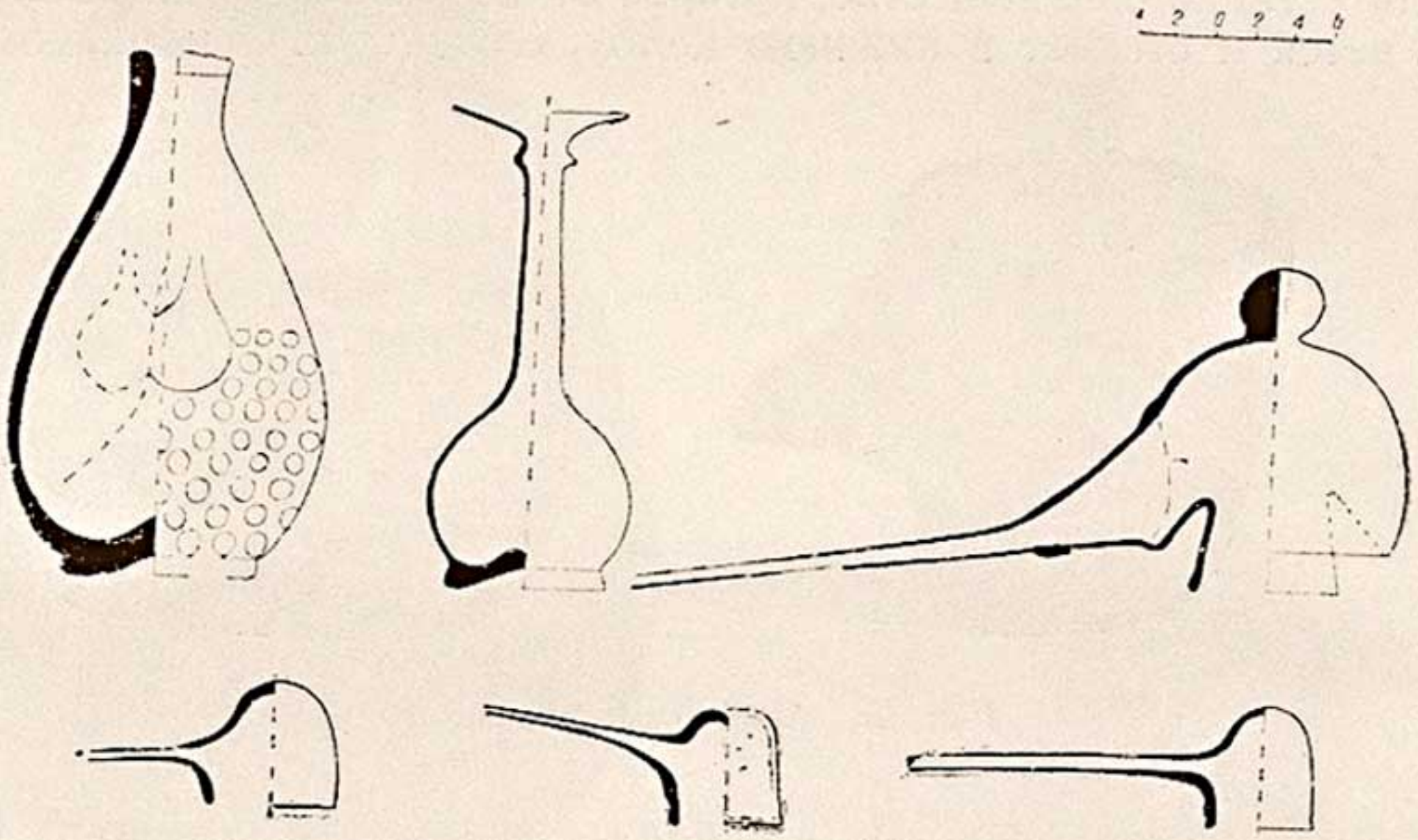


Рис. 6. Алхимические приборы (прорисовка).

Колба и другие вышеописанные приборы требовали создания герметичности для того, чтобы не улетучивались пары. Для этого алхимики применяли глину, придавая ей огромное значение. Ар-Рази называет ее «тин ал хикма» — глиной мудрости — и специально пишет об ее изготовлении[37]. Глиной мудрости, или, по армянским источникам, «философской глиной» покрывали сосуды, чтобы они не лопались от огня.

Интерес представляет еще один стеклянный предмет, который, несомненно, применялся алхимиками для производственных целей. Это сосуд небольшого размера (емкость резер-

---

[34] Шарль Луи Кадет, Словарь химический, т. II, стр. 241.
[35] У. И. Каримов, указ. соч., стр. 135.
[36] Т. Казанджян, указ. соч., стр. 129.
[37] У. И. Каримов, указ. соч., стр. 156, прим. 358.

вуара около 100 *г*), но с длинной утончающейся полой трубкой. Он встречается в больших количествах почти во всех культурных слоях Узбекистана, датируемых X—XII вв. Несколько штук (с отбитыми трубками) хранится и в Музее АН УзССР. На наш взгляд, эти сосудики нужно рассматривать вместе с так называемым симаб-кузача или сфероконическими сосудами. Последние поражают своим обилием во

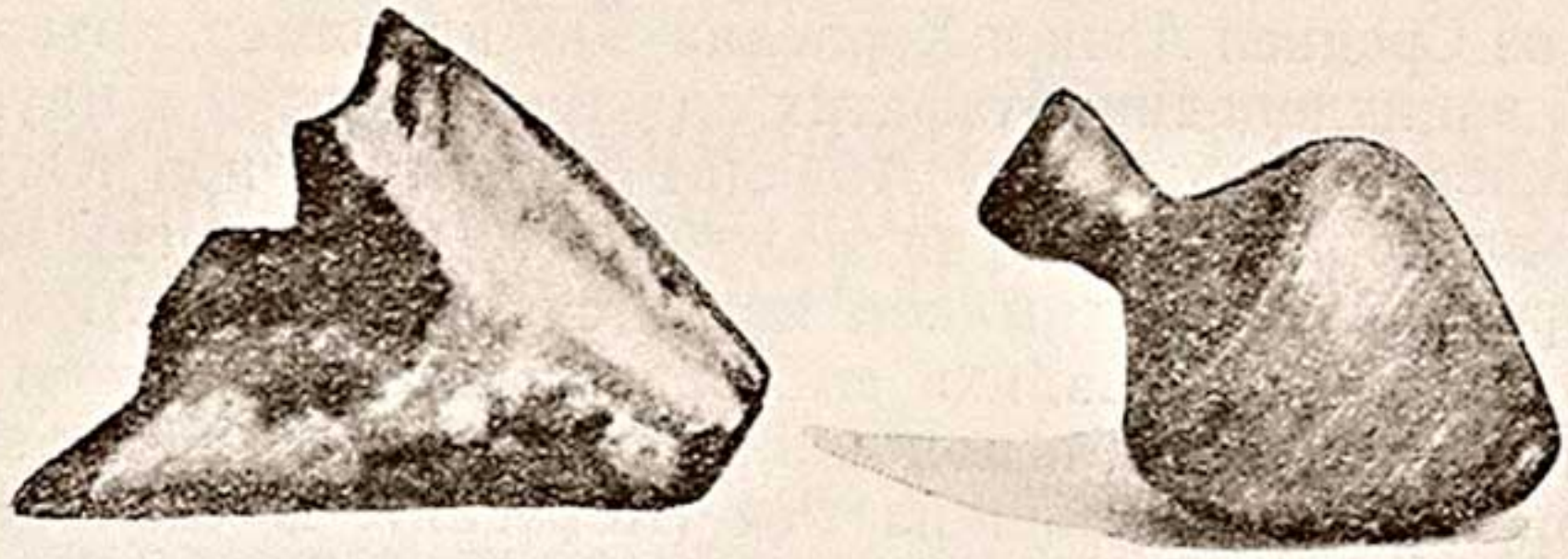


Рис. 7. Стеклянные сфероконические сосуды (фонды Самаркандского музея).

многих местах (Средняя Азия, Кавказ, Поволжье, Древняя Русь). Вопрос о назначении их до сих пор является спорным[38]. Но мнение большинства исследователей все же склоняется к признанию их как сосудов для хранения ртути, флаконов для благовоний, настоек, химических веществ[39]. Отсюда его и форма и узость горлышка, препятствующие улетучиванию веществ. Естественно, что такие улетучивающиеся вещества алхимики не переливали из одной посуды в другую, а видимо, заполнение их производили непосредственно при изготовлении ртути или других химических веществ. В качестве алембика применялись кружечки с носиком, конец которого вполне подходил к горлышку сфероконика, который являлся как бы приемником. Отсюда и такое обилие этих «алембиков», соответствующее обилию сферокоников и добыче ртути в Средней Азии.

---

[38] «Фан ва турмуш», 1959, № 11, стр. 26—27; Т. Т. Казанджян. Очерки по истории химии Армении, Ереван, 1955, стр. 108. Они рассматриваются как нефтяные бомбы. Эта точка зрения отвергнута многими исследователями.

[39] Интересно отметить, что существовали и стеклянные сфероконические сосуды. Один из них целый (из коллекции Беркли, хранится в Британском музее), другой, такой же целый, из высококачественного зеленого стекла — на Кавказе. Н. М. Джанпаладян, Сфероконические сосуды из Двина и Оки, СА, 1958, № 1, стр. 210, 211, рис. 7. В фондах Самаркандского музея сохранилась нижняя часть сфероконика из толстого стекла зеленоватого оттенка и меньшего размера. В отличие от глиняных сферокоников последний имеет расширенное горлышко с толстым венчиком (рис. 7).

Приведенное выше описание сосудов может быть подтверждением неправильности термина «арабская химия» в применении к Средней Азии. Видимо, в Средней Азии еще задолго до прихода арабов существовали лабораторные алхимические приборы. «...Если до нас не дошло химической литературы на среднеазиатских языках доисламовской эпохи, то это не значит, что ее не существовало»[40]. Нельзя забывать, что многие крупнейшие химики средневекового Востока не арабы, а выходцы из Средней Азии и Хорасана, как например, автор древнейшей энциклопедии Мафатих ал-улум («Ключи к наукам»), хорезмийский ученый Абу Абдалах Мухаммед ибн Юсуф ал-Катиб ал-Хоразми (вторая половина X в.). Другим известным хорезмийским алхимиком является Абул Хаким Мухаммад ибн Абдалмалик ас-Салихи ал-Хоразми ал Каси, автор книги «Сущности искусства и помощь работникам». И, наконец, сам Ар-Рази, происходивший из Рея (Хорасан). В своих трудах они использовали многовековый фактический материал, накопленный народами Средней Азии, и дали много ценных сведений. Их смело можно назвать химиками-учеными, так как они не ставили конечной целью найти способ изготовления золота, а стремились к разрешению другой задачи: выделению чистых веществ, изготовлению лекарств, красок, химикатов, сплавов. Ар-Рази писал: «Такие операции (получение золота или серебра.— *М. А.*) являются хитростями ученых на чужбине во время нужды и необходимости»[41].

---

[40] Л. С. Салыков, указ. соч., стр. 71.
[41] У. И. Каримов, указ. соч., стр. 91.

Б. В. ЛУНИН

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ СФЕРОКОНИЧЕСКИХ СОСУДОВ В СВЯЗИ С ОДНИМ РУКОПИСНЫМ ИСТОЧНИКОМ XVI В.

В археологии широко известны так называемые сфероконические глиняные толстостенные сосуды, в большом количестве обнаруживаемые на территории СССР (Средняя Азия, Закавказье, Крым, Поволжье) и за рубежом: в Азии (Иран, Сирия) и Африке (Египет). Время их бытования определяется IX—XIV вв., возможно, с теми или иными отклонениями во времени для отдельных местностей. Для Поволжья оно датируется предположительно XV в.

Описания этих специфических по форме сосудов и обсуждение вопроса об их назначении вызвало к жизни обширную литературу, отразившую самые различные предположения о назначении сфероконических сосудов.

В них видели элементы архитектурных украшений зданий, разновидность голосников, сосуды для духов или для хранения воды из священных источников Мекки и других мест, особую форму светильников, сосуды для хранения ртути, зажигательные снаряды, разрывные гранаты[1].

С течением времени многие предположения не подтвердились и отпали. Однако и сейчас вопрос не может считаться окончательно решенным, тем более, что временами исследователи вновь и вновь возвращаются к защите казалось бы уже

---

[1] Ср. сводку гипотез о назначении сфероконических сосудов в кн.: А. В. Арциховский, Введение в археологию, изд. 3-е, переработанное и дополненное, М., 1947, стр. 160—161. Присовокупим сюда также гипотезу усердного собирателя среднеазиатских сфероконических сосудов И. Т. Пославского. По его мнению, загрязненность и замасленность некоторых сосудов свидетельствуют об употреблении их для хранения масла и других веществ. «Это именно домашняя утварь различного назначения, игравшая, может быть, совершенно такую же роль, какую играет у нас стеклянная посуда» (И. Т. Пославский, О глиняных сосудах с коническим дном, Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, г. X, Ташкент, 1905, стр. 6, 7, 12, 13).

отвергнутых ранее точек зрения, и дискуссия о сфероконических сосудах возобновляется[2].

В специальной литературе довольно подробно освещен вопрос о назначении сфероконических сосудов[3].

Насколько слабо еще изучен вопрос о сфероконических сосудах, свидетельствует тот факт, что Н. П. Сычев (1947 г.), например, утверждал, что сфероконические сосуды Булгар и Биляр «привозились сюда из Средней Азии», а Р. М. Джанполадян (1958 г.) констатировал, что «от среднеазиатских и закавказских резко отличаются сфероконусы, найденные на Волге, в Болгарии, Биляре и Сарай-берке»[4].

---

[2] См. Л. Д. Дмитров, К вопросу о загадочных сфероконических сосудах, как зажигательных бомбах XIII столетия н. эры, Научные записки Института истории и археологии Украины, кн. 1, Киев, 1943, стр. 117—138.

[3] Р. М. Джанполадян, Сфероконические сосуды из Двина и Ани, СА, М., 1958 № 1, стр. 201—213; он же, Сфероконические сосуды из двинских раскопок, Труды исторического музея Армянской ССР, т. 3, Ереван, 1950, стр. 147—167. Автор ссылается на ряд случаев обнаружения в сфероконических сосудах, в том числе найденных в закупоренном виде, остатков ртути. В связи с этим укажем на одну весьма важную, но оставшуюся забытой и незамеченной попытку проанализировать остатки содержимого в закупоренном сфероконическом сосуде. В Ташкенте 28 марта 1905 г. на заседании членов Туркестанского кружка любителей археологии было произведено вскрытие сосуда, сохранившего «смоляную» закупорку. На дне сосуда оказалось «темно-бурое пылеобразное вещество, перемешанное с такими же пленками, среди которых засверкали небольшие шарики ртути» (Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, г. X, Ташкент, 1905, стр. 2, 17). Анализ вещества произвел химик-фармаколог Н. Б. Тейх. По заключению Н. Б. Тейха, смесь была «серовато-коричневого цвета, в виде мелких липких комочков и ртути в шариках разной величины, от булавочной головки до мельчайших ее частиц. Комочки эти состоят из смеси глины (лёсса) и мума — продукта, получаемого при сгущении сырой нефти, встречаемого также в природе, как земляной воск (озокерит)»; Н. Тейх, Химический анализ содержимого в разбитом на заседании сосуде, Протоколы..., стр. 18—19. Сам анализ показал, что в ста частях по весу содержимого в сосуде оказалось: 40,5 частей мума, 31 ртути и 28,5 лёсса (почвы, анализ которой дан отдельно); ср. Б. В. Лунин, Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1958, стр. 199, 200, 310., М. Е. Массон указывает на находку в 1920 г. при рытье арыка в ферганском селении Сох трех сосудов с ртутью (М. Е. Массон, К истории горного дела на территории Узбекистана, Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1953, стр. 30, подстрочное примечание).

Среди находок в других местностях СССР следует выделить виденный проф. Н. Ф. Высоцким в Эски-Крыме сосуд булгарского типа, наполненный ртутью. Горлышко сосуда было заткнуто деревянной пробкой и залито воском. Одновременно были обнаружены монеты крымских ханов (ср. Н. П. Сычев, К вопросу о булгарских сфероконических сосудах, Краткие сообщения Института истории материальной культуры, XIV, Л., 1947, стр. 71).

[4] Н. П. Сычев, указ. соч.; Р. М. Джанполадян, указ. соч.

Цель данной статьи — обратить внимание на один из неопубликованных письменных источников восточного средневековья, содержащий редчайшее иллюстративное изображение сфероконических сосудов.

Упомянутое изображение в сочетании с сопутствующим ему текстом рукописи может рассматриваться в качестве важного свидетельства для объяснения назначения сфероконических сосудов.

Интересующая нас рукопись находится в составе фондов собрания восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР (Ташкент) и в каталоге названного собрания описана следующим образом: اختیارات بدیعی... Избранная (фармакопея), посвященная Бади ал-Джемал. Медико-фармакологический трактат. Автор علی بن حسین الانصاری Али б. Хусейн ал-Ансари, известный более под прозвищем Ходжа Зайн ал-аттар (ум. в 807/1404), придворный врач ширазского музаффарида Шах-Шуджа (760/1359—786/1384); он написал этот труд в 770/1369 году для принцессы Бади ал-Джемал («Чудо красоты».—Б. Л.), на что указывает само название сочинения. Описываемый список изготовлен для шейбанида Абдуллатиф-хана в 948/1541 г. некиим Мухаммед Хусейн б. ал-Мирeки ас-Самарканди...»[5]

Текст рукописи известен и по зарубежным собраниям. Однако особенностью полного текста рукописи «Ихтийарат-и-Бади'й» в собрании Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР является наличие в ней многочисленных рисунков в красках (601 рис.)[6]. Рисунки эти выполнены безымянным автором, судя по всему являвшимся одним из придворных художников шейбанида Абдуллатиф-хана[7]. На богатство и значение иллюстративной части текста «Ихтийарат-и-Бади'й» обратила внимание Г. А. Пугаченкова[8]. Более подробно говорится о них в работе искусствоведа В. Г. До-

---

[5] Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, под редакцией А. А. Семенова, т. I, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1952, стр. 282—283 (порядковый № 636, инвентарный № 1598). О рукописи «Ихтийарат-и-Бади'й см.: А. А. Семенов, Описание персидских, арабских и турецких рукописей фундаментальной библиотеки Средне-Азиатского государственного университета, Ташкент, 1935, стр. 25, № 31.

[6] В кн. «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР» (т. I, Ташкент, 1952, стр. 283), количество рисунков определено цифрой 594. Сам текст написан черной тушью, почерком насталик, на высококачественной глянцевитой бумаге кремового цвета (с выделением красной тушью названий растений, минералов, животных и т. п.).

[7] По мнению искусствоведов, правильнее, быть может, говорить о двух художниках, так как различаются две неодинаковые по индивидуальной манере письма группы рисунков, одна из которых характерна своей реалистичностью, другая — стилизацией изображений.

[8] Г. А. Пугаченкова, По листам миниатюр, ИАН УзССР, Ташкент, 1953, № 4, стр. 110.

линской[9], которая считает, что рисунки выполнены самаркандским или бухарским мастером (мастерами?), представителем талантливой плеяды среднеазиатских художников-миниатюристов, что подтверждается и палеографическими данными рукописи. В совокупности рисунки (дающие изображения деревьев, кустарников, цветов, трав, животных, птиц, насекомых, металлов, минералов, драгоценных камней и т. д.) образуют вместе с текстом едва ли не уникальный для своего времени обширный иллюстрированный естественнонаучный атлас.

Особую группу рисунков составляют (что весьма важно для историков материальной культуры, интересующихся вопросами керамического производства в Средней Азии) изображения посуды для приготовления и хранения лекарств и жидкостей: блюдо с семенами, сосуд с уксусом, сосуды с вином, закваска в миске, сосуд со смолой, ваза с кишмишом, чаша с мускусом, медная чаша, покрытая ярь-медянкой, сосуд с топленым маслом, кувшин с маринадом, чаша с кишмишом, миска с молоком, кувшин с нефтью[10].

В данном конкретном случае нас особенно интересует изображение трех сосудов на листе 128*б* рукописи «Ихтийарат-и-Бади'й»[11]. Этот рисунок совершенно точно троекратно воспроизводит облик типичных средневековых сфероконических сосудов. Закупоренные сосуды снабжены опоясывающим их в верхней части тулова растительным орнаментом.

Изображение сфероконических сосудов фигурирует в данном листе описываемой рукописи не случайно. Оно сопутствует определенной части текста рукописи, а именно той, которая повествует о различных способах применения ртути (рис. 1).

На *л.* 128*а,б* — 129*а* рукописи содержатся данные о ртути, ее особенностях, целительных или вредных качествах. Текст гласит:

«Ртуть по-персидски называют симаб, у нее есть много (других) наименований. На языке алхимиков она называется (следует символическое обозначение ртути у алхимиков). На ширазском языке ее называют «жизнь». Лучшая ртуть — живая, не бывшая в употреблении и до крайности упругая; если

---

[9] В. Г. Долинская, Рисунки красками в рукописи «Ихтийарат-и-Бади'й» (1541 г.), Сборник работ аспирантов, Отделение общественных наук Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 139—164 (в приложении к статье дан полный список рисунков рукописи).

[10] Там же, стр. 154—163 (порядковые № 65, 188, 190, 191, 234, 246, 249, 271, 308, 331, 349, 427, 461, 508, 517, 578).

[11] Там же, стр. 149, 158.

ее накрошить на кусок холста и давить, пока не уйдет [ее чернота], цвет холста станет черным, и тогда ее употребляют.

Рис. 1. Страница из рукописи „Ихтийарат-и Бади'й“ с текстом о ртути и изображением сфероконических сосудов.

Естество ртути горячее, сжигающее, а говорят — холодное и влажное во второй степени; она вызывает головную боль и

связывает (т. е. оказывает вяжущее действие). «Убитая» ртуть имеет свойство убивать вшей и убивать также кирданов, а кирданы, это животные, которые по-ширазски называются кана (т. е. вши, водящиеся на скоте). С розовым маслом ртуть приносит пользу при парше и чесотке. Если смешать ртутную пыль с чем-нибудь съедобным, она убивает мышей. Ртуть с уксусом, если употреблять ее в виде мази, помогает (полезна) от парши и чесотки.

Дым (т. е. пары) ртути вызывает нехорошие болезни — паралич, паралич лицевого нерва, трясение и глухоту и лишает разума, вызывает потемнение в глазах, делает цвет лица желтым и порождает трясение в теле, зловоние изо рта и сухость мозга («rsp-нёба). Змеи, скорпионы и гады бегут из тех мест, где курят ртутными парами, или умирают. Ртуть, подвергнутая возгонке, убивает; если в ухо человеку налить ртуть, наступает умопомешательство, иногда она (при этом) убивает, вызывая падучую апоплексию. Лекарство от этого такое: берут оловянную (или свинцовую) иглу и вводят человеку в ухо, чтобы ртуть пристала к ней и вышла.

Если выпить ртути, не подвергнутой возгонке и не убитой, она тотчас же выходит низом и не причиняет большого вреда, а если ртуть живая, то человека, который ее проглотил, лечат также, как того, кто проглотил окись свинца.

Автор (этой книги) говорит: есть много способов возгонки ртути, например, такой: берут ртуть и смешивают со свинцом или оловом, взятыми в половинном против ртути количестве по весу. Смесь растирают с равным ей количеством жженого купороса и таким же количеством жженого кирпича, добавляют столько же прокаленной соли, сколько весит весь состав. Все это растирают на камне и осторожно подливают лимонной кислоты, пока (смесь) совершенно не разотрется (т. е. не станет однородной). Потом ее поджаривают в обмазанной глиной бутыли или в новом котле, обмазанном глиной. Так делают семь раз, потом снова растирают и возгоняют три раза, пока ртуть не станет белой, как зерно жемчуга. Это убийственный и крайне губительный яд, а Аллах лучше знает истину»[12].

Этот отрывок из рукописи «Ихтийарат-и-Бади'й» не лишен некоторого интереса. В целом он не является оригинальным и в значительной мере повторяет сведения о ртути и ее применении, встречающиеся в более ранних восточных рукопи-

---

[12] За оказание содействия в наиболее точном переводе текста на русский язык приносим благодарность канд. фил. наук М. А. Салье и У. И. Каримову.

сях (вплоть до Авиценны и его предшественников) и более поздних[13].

Подробное описание ртути, ее свойств, способов приготовления и употребления дано, например, в алхимическом трактате крупнейшего ученого средневековья Абу Бакра Мухаммеда Ар-Рази (865—925), чье имя стоит в триаде с именами Абу Али ибн Сины и ал-Бируни[14].

Ар-Рази посвящает ртути специальную главу своего сочинения («О растворении ртути и превращении ее в твердое состояние»). Из предшественников Ар-Рази создателем сернортутной теории происхождения металлов можно считать Джабира ибн Хайана.

Таким образом, цитированный выше отрывок из рукописи «Ихтийарат-и-Бади'й» не представлял бы особого интереса, если бы не отмеченное выше наличие в рукописи специального рисунка к этому разделу текста. Художник, иллюстрировавший рукопись, в ряде случаев считал необходимым изобразить сосуды различных форм, предназначенные для хранения вина, уксуса, масла и т. п. Так и в данном, конкретном случае, художник, в связи с рассуждениями автора о ртути, дал рисунок соответствующих сосудов для ее хранения. Изображая на своем рисунке сфероконические сосуды, художник не сомневался, что он воспроизводит сосуды, типичные именно для хранения ртути или ее препаратов.

Здесь следует учесть, что текст сочинения Али б. Хусейна ал-Ансари датируется третьей четвертью XIV в. (770/1369 г.), а рисунки иллюстрируют текст этого сочинения в рукописной копии, выполненной среднеазиатским (самаркандским) каллиграфом в первой половине XVI в. (1541 г.). Следовательно, мы вправе придти к выводу, что перед нами одно из ранних изображений типичных сфероконических сосудов, отдаленное от времени их бытования временем, не бóльшим полутора столетий. Мы говорим — не бóльшим, вспоминая, например, замечание В. А. Городцова, что время «наибольшего распространения сфероконических сосудов совпадает с XIII

---

[13] См.: Абу Али ибн Сина (Авиценна), Канон врачебной науки, кн. II, О простых лекарствах, Институт востоковедения АН УзССР, Ташкент, 1956, стр. 229—231 («Зибак-ртуть»). В разделе «Ихтийарат-и-Бади'й» использованы материалы более ранних медико-фармакологических трактатов, в том числе и труды Авиценны (см. А. К. Арендс, Восточные предшественники Ибн Сины и значение их трудов для изучения «Канона», Материалы Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г., Ташкент, 1958, стр. 961—969).

[14] Ср. У. И. Каримов, Неизвестное сочинение Ар-Рази «Книга тайны тайн», Институт востоковедения АН УзССР, Ташкент, 1957, стр. 79—86 и др.

и XIV веками, но они *существовали и позже* (курсив наш. — *Б. Л.*); есть основание полагать, что они существуют еще и до сих пор, ютясь, в форме пережитков, в глухих местностях Восточной России, Туркестана и других областях Азиатского Востока»[15].

В пользу такого высказывания В. А. Городцова говорит, в частности, то обстоятельство, что народная память в Средней Азии удержала до наших дней самые живые представления о сфероконических сосудах и именно, как о сосудах для хранения ртути. Отсюда же специфическое местное название сфероконических сосудов — «симобкузача» (ртутные сосудники, от «симоб», «симаб» — серебряная вода, т. е. ртуть, и «кузача» — глиняный кувшинчик, сосудик).

В этом отношении заслуживает также внимания книга медицинского работника М. В. Борзова, изучавшего проблему времени и обстоятельств возникновения сифилиса в Средней Азии[16].

Не будучи специалистом в области истории и археологии, М. В. Борзов придерживался ряда наивных, недостаточно критических воспринятых им представлений по ряду деталей освещаемого вопроса. В то же время некоторые из опубликованных в книге материалов и суждений автора весьма небезынтересны для решения проблемы назначения сфероконических сосудов. Эта категория средневековой керамики заинтересовала М. В. Борзова как убежденного сторонника так называемой «ртутной теории» в объяснении их назначения. Обширный раздел его книги посвящен сфероконическим сосудам Средней Азии и истории их изучения. Оставляя сейчас в стороне общую характеристику рассуждений и выводов М. В. Борзова, отметим в данном случае приводимые им данные опроса старожилов Узбекистана. Этот опрос позволил М. В. Борзову предположить, что «сфероконические» сосуды вышли из употребления сравнительно недавно, около 150—200 лет назад»[17], т. е. примерно в XVIII в.

Правильно это или нет, но характерно, что о сфероконических сосудах и их «ртутной» функции говорят местные народные врачеватели (табибы) и в наши дни.

---

[15] В. А. Городцов, Древние мусульманские светильники в виде сфероконических глиняных сосудов, Труды Государственного исторического Музея, вып. I, раздел археологический, М., 1926, стр. 152. «На Волге они (сфероконические сосуды) держались, — замечает Р. М. Джанполадян, — дольше, — до начала XV в.» (указ. соч., стр. 213).

[16] М. В. Борзов. Проблема древности сифилиса в Средней Азии, Узбекистанский Государственный научно-исследовательский институт венерологии и дерматологии, Ташкент, 1936, стр. 128.

[17] Там же, стр. 55.

9 марта 1935 г. группа врачей во главе с профессором Узбекистанского государственного дермато-венерологического института Картамышевым составила акт опроса 68-летнего табиба Бабахана Рахимбаева, прошедшего в качестве врачевателя соответствующую подготовку среди табибов Бухары. Осмотрев типичный сфероконический сосуд, найденный в 1929 г. в селении Кассансай, он сказал, что они ему известны.

Коренное население называет сосуды «семоб-кузача», а также «бальсанг». Они выделывались всегда конической формы. Ему известен сорт глины, служивший для их изготовления. Сосуды употреблялись для перевозки ртути из Индии и других стран и отличались большой прочностью. Перевозимая в сосудах ртуть шла преимущественно для лечебных целей и отчасти для технических (наводка зеркал, золочение). Ртуть, привозившаяся в этих сосудах, применялась внутрь в форме «раскапыр» и «купороса». Последний, по объяснению гр. Рахимбаева, представляет собою продукт ртути в кристаллах. Точно также ртуть употреблялась в виде мазей при кожных болезнях, зуде и, главным образом, при сифилисе. Ему известно также, что ртуть из этих сосудов употреблялась иногда и для лечения животных[18].

Таким образом, в 1541 г., когда художник иллюстрировал изображениями сфероконических сосудов текст рукописи «Ихтийарат-и-Бади'й», сами сосуды эти вполне могли еще бытовать.

Художнику, по-видимому, не нужно было искать прототипов сфероконических сосудов, еще недавно широко употреблявшихся для хранения и перевозки ртути.

Таким образом, рисунок середины XVI в. в рукописи «Ихтийарат-и-Бади'й», иллюстрирующий рассуждения автора ее о ртути, несомненно является весьма ценным источником и для археолога при решении вопроса о назначении сфероконических сосудов. Этот рисунок дает возможность утверждать, что в основном подобные сосуды служили целям перевозки и хранения ртути и ее препаратов.

Конечно, и сейчас еще недостаточно выяснены многие вопросы, связанные с решением проблемы сфероконических сосудов. Ждет своего истолкования семантика разнообразной и нередко весьма богатой и сложной (иногда сплошной) орнаментации сосудов этого типа, видимо отнюдь не только декоративного характера и назначения[19]. Некоторые существенные отклонения в конструктивных вариантах данных со-

---

[18] См.: М. В. Борзов, указ. соч., стр. 101. Заметим, кстати, что купорос упомянут Ар-Рази в числе веществ, «с которыми возгоняется ртуть».

[19] Вплоть до присутствия на одном сфероконическом сосуде из Бозсу

судов также еще не объяснены, вплоть до обнаружения типичных «сфероконических» сосудов с обычным узким горлом и общей формой, лишенных, однако, остроконечного дна и снабженных плоским дном[20]. Не прослежены точно сферы территориального распространения сфероконических сосудов из определенных производственных центров, недостаточно изучена технология изготовления, особенности, присущие сфероконическим сосудам отдельных местностей и т. д.

Не случайно, конечно, что некоторым среднеазиатским сфероконическим сосудам придавался иногда вид рыб, на что указывает Р. М. Джанполадян, ссылаясь на находки из Афрасиаба в Самарканде (коллекция Б. Н. Кастальского) и развалин Ахсыкета в Наманганской области Узбекской ССР[21].

При этом нельзя не считаться с тем фактом, что в случае нахождения сфероконических сосудов с остатками их содержимого, едва ли не непременным компонентом последнего являлась ртуть.

Однако отсюда не следует делать прямолинейного и одностороннего вывода, что данная категория сосудов предназначалась обязательно для хранения чистой ртути. Точно также не обязательно полагать, что ртуть выступала здесь только как лечебное средство именно против сифилиса.

В этом отношении анализы содержимого сфероконических сосудов в сочетании с данными о ртути и ее применении, содержащимися в письменных источниках средневековья, хорошо дополняют друг друга. Речь идет о широком и многообразном применении ртути не только в медицинских, но и в технических целях (наводка зеркал, золочение и пр.). Что касается медицинских целей, то несомненно весьма высокий спрос на ртуть и ртутные препараты не должен удивлять исследователей. Совершенно очевидно, что с помощью различных ртутных препаратов в те времена пытались вести борьбу с самыми различными заболеваниями, среди которых

(Узбекистан) трех налепных кружков, воспроизводящих, очевидно, государственный герб Тимура (Д. Д. Букинич, Новые данные о назначении загадочных сфероконических сосудов (по Боз-Суйским материалам), «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1938, № 8, стр. 57—58, рис. 9). В орнаментах одного бозсуйского сосуда обнаружены штампованные «гербы двух противолетящих птиц» (стр. 58, рис. 10). На валике другого сосуда — куфическая надпись с эпитетом «величайший» (чтение А. Э. Шмидта).

[20] Д. Д. Букинич, указ. соч., стр. 55—56, рис. 1—2. Находки сфероконических сосудов с плоским дном зарегистрированы также в районе Термеза.

[21] Р. М. Джанполадян, указ. соч., стр. 206—207, рис. 6. Автору остались, видимо, неизвестными сфероконические сосуды «с рыбьими хвостами и имитированными плавниками», обнаруженные в местности Бозсу близ Ташкента (Д. Д. Букинич, указ. соч., стр. 55).

сифилис и его последствия далеко и отнюдь не были единственными. Мы имели дело с лекарственными снадобьями для внутреннего и наружного употребления, в том числе для лечения широко распространенной тогда чесотки и других накожных заболеваний. Больше того, имеются данные, что в качестве лечебных мазей ртутные препараты применялись и в средневековой ветеринарии при лечении накожных заболеваний животных, что было особенно важно в среде кочевников-скотоводов[22].

Анализами установлено, что очень важно, присутствие ртути в сочетании с воском в содержимом сфероконических сосудов.

М. В. Борзов с полным основанием указал, что ртуть в сочетании с воском свидетельствует скорее всего именно о предназначении ее для лечебных целей, для изготовления мазей и пластырей[23].

В этом отношении характерно и присутствие в сфероконических сосудах лёссовых остатков, как например, в содержимом закупоренного сфероконического сосуда, найденного в 1905 г., из собрания А. А. Половцева. На дне этого сосуда оказалась «смесь серовато-коричневого цвета» при наличии ртути в шариках разной величины и остатков горного воска (озокерита)[24].

К мысли о наличии в сфероконических сосудах лечебных препаратов приводят и данные Г. Н. Прозрителева о сосудах сфероконического типа с сохранившимися в них остатками содержимого (сосуды хранятся в г. Новочеркас-

---

[22] Ср. Р. Паальм, Описание фармакологических веществ, встречающихся в Средней Азии, «Военно-медицинский журнал», 1871, № 12; Р. Карутц, О способах врачевания в Туркестанском крае, Сборник материалов для статистики Туркестанского края, вып. II, Ташкент, 1873; Л. Мейер, Киргизская степь Оренбургского ведомства, Материалы для географии и статистики России, СПб., 1865, стр. 66, 253; А. П. Шишов, Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование, ч. I. Этнография, Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. XI, 1904; Р. Каруц описывает, в частности, употребление ртути в лечебных целях путем окуривания. Смешанная с бараньим жиром ртуть накладывается на значительной величины тряпку, прикладываемую к телу. Около больного ставили зажженную свечу и его накрывали вместе с ней.

[23] Воском пользовались и для заливки (укупорки) сосудов, что препятствовало вытеканию из них ртути.

[24] В этой связи интересно устное сообщение покойного археолога, Турды Миргиязова (Ташкент) о том, что «в 1919 г. в сел. Ивановке, б. Пишпекского уезда, во время земляных работ по прорытию магистрального канала, он видел открытый и разбитый рабочими сфероконический сосуд. Содержимое его имело коричневато-серый цвет и изобиловало многочисленными маленькими шариками ртути» (разрядка наша.—Б. Л.); ср. М. В. Борзов, указ. соч., стр. 50—51.

ске в Донском музее). Прозрителев считал их остатками лечебной жидкости, напоминавшей ихтиол[25].

Поскольку Средняя Азия один из районов широкого распространения и массового изготовления сфероконических сосудов, остается напомнить, что сбыт сочетался здесь с производством в силу того естественного обстоятельства, что Средняя Азия являлась одним из районов получения ртути.

Добывание ртути в средние века на территории Средней Азии — общеизвестный факт (Мавераннахр, Фергана, в частности, горы Сох в южной Фергане, где добывалась киноварь — главный минерал ртутных руд)[26]. Местонахождения озокерита также известны на территории Ферганской долины и Хорезмского оазиса[27].

В связи с этим в значительной мере снимается вопрос, «откуда брали столько ртути, чтобы наполнить эти многочисленные сосуды и чем объясняется такое громадное ее количество»[28].

Сказанным мы отнюдь не хотим утверждать, что сфероконические сосуды могли употребляться для хранения и перевозки исключительно одной ртути и ее препаратов[29]. В той или иной мере они могли, конечно, служить целям хранения и перевозки масел, благовоний и др., тем более, что сама форма сосудов с их остроконечным дном была весьма удобна при упаковке на вьюках.

Так или иначе, но описанный выше рисунок художника первой половины XVI в., запечатлевшего типичные сфероконические сосуды в качестве характерной иллюстрации к рукописному тексту, повествующему о ртути и способах ее применения, заслуживает несомненного внимания археологов и должен быть учтен. Он является одним из важных и своеобразных новых источников при дальнейшем изучении и окончательном решении вопроса о функциональном назначении сфероконических сосудов — этой любопытной и примечательной категории керамики восточного средневековья.

---

[25] Г. Н. Прозрителев, Таинственная жидкость, хранящаяся в Донском музее в г. Новочеркасске, Ставрополь-Кавказский, 1907.

[26] М. Е. Массон, К истории горного дела на территории Узбекистана, Институт истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1953, стр. 17, 29, 30; он же, К истории добычи ртути в Средней Азии, «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1930, № 5.

[27] В прошлом столетии, например, месторождения озокерита («сарыкум», «каракум») разрабатывались в нескольких пунктах Кокандского ханства: Майбулаке, Мумкансае и др. (ср. М. Е. Массон, К истории горного дела..., стр. 65).

[28] Р. М. Джанполадян, указ. соч., стр. 210.

[29] Разбор различных точек зрения на сфероконические сосуды см.: H. Seyrig, Flacons? Grenades? Eoliples? — Svria. t. XXXVI, 1959, p 81—89 (за указание на эту работу благодарим Г. А. Пугаченкову).

Я. Г. ГУЛЯМОВ

О НАДГРОБИИ ЗЕНГИ-АТА

Еще в 1927 г. была опубликована статья В. А. Шишкина[1], содержащая сведения о личности и генеалогии Зенги-Ата и хронограмму года его смерти. Кроме того, в статье дано обстоятельное описание мазара.

Дата возведения, а также имя строителя мазара Зенги-Ата пока неизвестны. В настоящее время многие ученые исследуют этот архитектурный памятник; надо полагать, что в скором времени вопрос о датировке здания будет разрешен.

Что касается надгробия Зенги-Ата, то оно в те годы, когда В. А. Шишкин описывал мазар, было совершенно недоступным из-за слежки шейхов-фанатиков. Это обстоятельство заставило В. А. Шишкина ограничиться устными сообщениями шейхов о том, что «кирпичное надгробие окрашено в черный цвет»[2].

В 1935 г. мне и фотографу И. П. Завалину удалось проникнуть в помещение с надгробием Зенги-Ата. Надгробие было покрыто покрывалами из бархата, парчи, сюзане, различных шелковых и хлопчатобумажных тканей. Оно сделано из мергелистого известняка желтовато-серого цвета, имеет форму параллелепипеда и находится на низком постаменте, облицованном плитами из того же камня (рис. 1).

Верхняя площадка надгробия окаймлена тройным бордюром с чередующимися цветками. Второй бордюр (внутри первого) шире и разбит на рамки-картуши, между которыми помещены четырехлепестковые розетки, характерные для архитектуры времени Тимура и ранних Тимуридов. Внутри рамок—надпись, исполненная красивым почерком сульс. Она начинается в первой рамке, расположенной на правой половине северной части надгробия, где читается обычное: «во имя аллаха милостивого, милосердного». Остальные рамки содержат текст молитвы «Аят ал-курси». Третий (внутренний) бордюр почти аналогичен первому (внешнему).

---

[1] В. А. Шишкин, Мазары Занги-Ата, В сб.: «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927.

[2] Там же.

Рис. 1. Общий вид надгробия Зенги-Ата.

Середина верхней площадки (в головной части) заключена в квадратную рамку. В центре рамки находится большая розетка, образованная четырьмя полукругами. В каждом из ее секторов — молитва سبحان‌الله العظیم

Рис. 2. Верхняя площадка (северная часть) надгробия (сверху).

Площадь вокруг розетки заполнена мелким орнаментом. Почти всю нижнюю часть верхней поверхности занимает рисунок большой фестончатой ниши с крупным растительным орнаментом; в тимпанах арки — мелкий цветочный узор (рис. 2).

В верхней части восточной стенки надгробия имеется бордюр, который состоит из повторяющихся рамок, заполненных стихами дидактического содержания на персидском языке. Ниже идет сталактитовый карниз, а затем второй бордюр, обрамляющий среднюю полосу крупных арабских надписей. В рамках-картушах этой полосы также помещены персидские стихи (рис. 3).

В среднем поле — арабские стихи:

٣ تصیح حمامه فی ایکه متمتعین بصحه و سیاحت دخل الزمان بنا ففرق بیننا ان الزمان مفرق الا حباب

(«Кричит голубь в роще: мы наслаждаемся здоровьем и путе-

шествием, но приходит время и разъединяет нас, ибо время — разлучитель любящих»).

В эту надпись, в верхней части, вплетена строка арабского текста, исполненная почерком куфи. Прочесть ее нам не удалось. Надписи четко выделяются на фоне цветочного орнамента, заполняющего всю площадь полосы.

Рис. 3. Деталь восточной стенки надгробия.

Поверхность боковых стенок нижней части надгробия-постамента занимает сложный геометрический орнамент из пересекающихся полос, которые образуют десятиугольники, десятилучевые звезды, малые пятиугольники и другие фигуры.

Внутри пятиугольников читаются имена Мухаммеда, Абубекра, Омара, Османа и Али. Остальные фигуры заполнены цветочным орнаментом.

Южная стенка надгробия оформлена так же, как восточная (рис. 4). Здесь в гладкой раме читаем:

١ بسم‌الله‌الرحمن‌الرحيم كل نفس ذايقه الموت صدق‌الله

٢ العظيم هذا القبر الشيخ المرحوم المغفور السعيد

٣ الشهيد الصالح العابد الزاهد شيخ زنكى اتا

٤ عليه الر.....

Такая надпись характерна для надгробий шейхов: в ней сообщается, что это могила шейха Зенги, сына Ата. Дальше в подобных надписях обычно следует дата смерти, но, к сожалению, это место повреждено и грубо замазано.

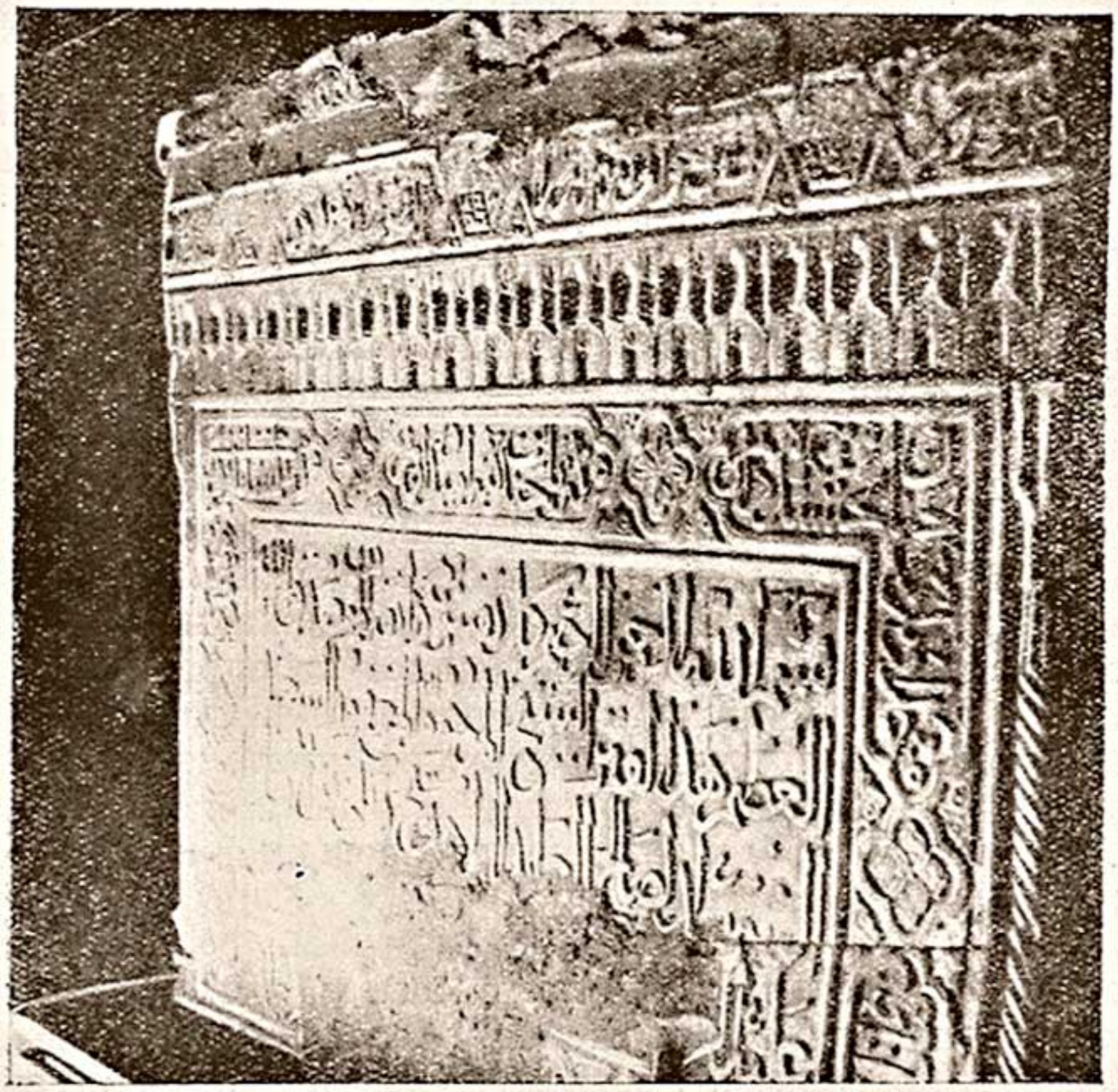


Рис. 4. Южная стенка надгробия.

По оформлению ряда деталей надгробие Зенги-Ата имеет много общего с надгробием Али Хакима Термези в Старом Термезе.

Мы не располагаем точными данными о времени сооружения мазара и надгробия. Однако, как нам кажется, дальнейшее исследование здания мазара подтвердит предположение о том, что народные предания, связывающие строительство мазара с Тимуром, соответствуют действительности.

В заключение приношу благодарность Абдукадыру Мурадову за помощь в чтении надписей.

И. М. ДЖАББАРОВ

ИЗ ИСТОРИИ ТЕХНИКИ И КУЛЬТУРЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЮЖНОГО ХОРЕЗМА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)[1]

Хорезм является одним из самых древних земледельческих районов Средней Азии. Археологические исследования, проведенные в течение последних двадцати с лишним лет на огромной территории низовьев Аму-Дарьи, показали, что примитивное земледелие в Хорезмском оазисе зародилось еще в ранний период первобытно-общинного строя на основе неолитической кельтеминарской культуры[2]. Орошаемое земледелие возникло здесь в эпоху бронзы на естественных боковых протоках реки, искусственно отводившихся на ближайшие участки[3]. О расселении первобытных земледельцев на окраинах разливов Аму-Дарьи свидетельствуют памятники того времени, встречающиеся на территории древних протоков в районе Турткульско-Шаббазского оазиса, т. е. в южной части правобережного Хорезма. Следы древнего орошения и земледелия сохранились также на юге левобережного Хорезма.

Исследуемый нами Хазараспский район расположен на юго-восточной окраине Хорезмского оазиса, где находятся головные ирригационные сооружения, обеспечивающие ныне водой Хорезмскую область Узбекской ССР и частично Ташаузскую область Туркменской ССР.

Имеющаяся историческая и этнографическая литература о Хорезме рассматриваемого периода, прямо или косвенно касаясь земледелия, лишь отчасти затрагивает вопросы техники земледельческого хозяйства.

Однако известно, что без всестороннего изучения техники и средств труда невозможно представить «характерные отли-

---

[1] Статья написана на основе полевых этнографических материалов, собранных автором летом 1958 г. во время его экспедиционной поездки в Хазараспский район Хорезмской области УзССР.

[2] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 59; он же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 32—52, 256; Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма, Ташкент, 1957, стр. 54.

[3] Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма, стр. 60.

чительные признаки определенной эпохи общественного производства»[4], ибо только «технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений»[5].

Среди дореволюционных исследований наиболее ценные сведения по земледелию Хорезма содержат работы С. К. Кондрашева[6] и О. Шкапского[7]. В весьма интересном агробиологическом труде С. К. Кондрашева затрагиваются многие стороны земледелия только северной части ханства. Кроме того, в нем совершенно недостаточно охарактеризованы земледельческие орудия. В работах О. Шкапского рассматриваются лишь отдельные вопросы земледелия.

Общее состояние земледелия правобережного Хорезма освещено в опубликованных в 1915 г. материалах по обследованию кочевых и оседлых хозяйств Аму-Дарьинского отдела[8]. Беглое описание земледельческого хозяйства изучаемого района дореволюционного периода встречается также в работах Каульбарса[9], Гиршфельда и Галкина[10], Ф. И. Лобысевича[11], В. Лобачевского[12], в статьях Л. Костенко[13], И. Краузе[14], А. Куна[15] и др. Однако в большинстве из них интересующие нас вопросы рассматриваются с точки зрения военной экспансии, что не могло не отразиться на их содержании. О технике земледелия указанные авторы ничего не сообщают.

В советский период вопросы земледелия Хорезма конца XIX— начала XX в. были вновь затронуты в работе С. К. Кон-

---

[4] К. Маркс, Капитал, т. I, М., Госполитиздат, 1949, стр. 187.
[5] Там же, стр. 378, прим. 89.
[6] С. К. Кондрашев, Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса, М., 1916.
[7] О. Шкапский, Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900; он же, Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях., М., 1900.
[8] Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области, вып. I, текст, Ташкент, 1915.
[9] Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г., ЗРГО, кн. IX, СПб, 1881.
[10] Военно-статистическое описание Хивинского ханства, составленное Генерального штаба капитаном Гиршфельдом, переработанное генерал-майором Галкиным, ч. I, II, Ташкент, 1902—1903.
[11] Ф. И. Лобысевич, Описание хивинского похода 1873 г., СПб., 1898.
[12] В. Лобачевский, Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район, Ташкент, 1912.
[13] Л. Костенко, Хивинское ханство в сельскохозяйственном отношении, «Военный сборник», 1874, № 4.
[14] Краузе, Хивинское земледелие, ИРГО, т. X. СПб., 1874, № 1.
[15] А. Кун, Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи, в кн.: «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. II, Ташкент, 1876.

дрышева[16], в основу которой положены материалы, собранные автором еще в 1914 г. Техника ирригации и земледелия в Хорезме того времени освещена также в монографии Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма». Некоторые материалы к истории земледельческой техники Хорезма содержатся и в статье М. В. Сазоновой[17]. Совершенно не касаются техники земледелия П. П. Иванов[18] и М. Ю. Юлдашев[19], рассматривающие вопросы социальных отношений в Хиве.

Данная статья ставит целью в некоторой мере восполнить имеющийся в литературе пробел в изучении техники земледелия Хорезмского оазиса.

Прежде чем перейти к изложению основного вопроса, следует отметить, что принятое деление (в этнографическом отношении) Хорезмского оазиса на северную и южную части оправдывается и с точки зрения характера земледелия и экономико-географического положения. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют данные дореволюционных авторов. «Линиею Куня-Ургенч — Ходжейли Хивинская часть оазиса (т. е. ханства.— *И. Дж.*),— писал В. Лобачевский,— делится на два участка: южный, пересеченный множеством арыков, в которых вода держится круглый год, и северный, в немногочисленных арыках которого вода бывает в половодье, а в остальное время вода получается исключительно из колодцев»[20]. С другой стороны, южная часть Хорезма являлась более густонаселенной, чем северная, и жители ее в основном занимались «земледелием, которое служит почти исключительным источником жизни...»[21].

По словам того же автора, из 646 044 человек населения Хивинского ханства в 1909—1910 гг. более 487 800 человек[22],

---

[16] С. К. Кондрашев, Орошаемый Хорезм, в кн.: «Организация орошения, территории и труда в дехканских хозяйствах низовьев р. Аму-Дарьи», М., 1931.

[17] М. В. Сазонова, К этнографии узбеков Южного Хорезма, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 253—260.

[18] П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии, Л., 1940; он же. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, «Известия АН СССР по отделению общественных наук», 1935, № 8 и др.

[19] М. Й. Йулдошев, Хива хонлигида феодал ер эгалиги ва давлат тузулиши, ЎзССР давлат нашриёти, Тошкент, 1959.

[20] В. Лобачевский, Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район, стр. 14.

[21] Там же.

[22] Там же, стр. 64, приложение № 1. Цифровые данные о составе населения получены В. Лобачевским, по его словам, непосредственно от хана.

т. е. около 75%, жили в южной его части, где находилось 200 127 десятин посевных площадей из 221 127 десятин, имеющихся в ханстве[23], т. е. более 93%.

Еще в середине XIX в. побывавший в изучаемом районе Данилевский писал, что «деятельное земледелие жителей покрывает всю поверхность этой полосы пашнями, садами и жилищами, близко одно от другого расположенными среди обработанных полей»[24]. Об этом писали также участники хивинского похода 1873 г. этнограф А. Кун[25], Ф. И. Лобысевич[26] и др.

Следовательно, Южный Хорезм был районом интенсивного земледелия, причем основывалось оно исключительно на искусственном орошении, которое серьезно отличалось от орошения других районов Средней Азии. Благодаря слабому уклону местности и постепенному напластованию земельных удобрений и ила на орошаемых участках, вода в местных каналах находилась ниже поверхности полей, и поэтому ее поднимали специальным водоподъемным сооружением, называемым чигирь («чикир»). В начале 20-х годов текущего столетия в Хорезмском оазисе насчитывалось 66 тыс. чигирей[27]. По словам старейшего ирригатора Хорезма Бабаджана Атабаева, в то время в Хазараспском районе количество чигирей доходило до 4 тыс. Среднее число чигирей в одном хозяйстве в Южном Хорезме, по подсчетам С. К. Кондрашева[28], равнялось 1,4 (включая и бесчигирные хозяйства), а по отдельным хозяйствам — 3—4.

Хотя вопросы ирригации в Хорезмском оазисе, в том числе и характеристика чигиря, достаточно хорошо изложены в работе Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма», мы, основываясь на собственных наблюдениях, затронем в той или иной мере отдельные стороны местного орошения, без которого трудно выявить специфику земледелия Хорезма.

Нами произведено рекогносцировочное обследование селений Питнак, Янги-Базар, Овшар, Мухаман, Мутбири, Бешта, Жувондир, Пичакчи[29]. Стационарному обследованию были

---

[23] В. Лобачевский, военно-статистическое описание Туркестанского военного округа, Хивинский район, стр. 100, приложение № 1.

[24] Г. И. Данилевский, Описание Хивинского ханства, ЗРГО, кн. 5, СПб., 1851, стр. 96.

[25] А. Кун, Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. II, стр. 250—251.

[26] Ф. И. Лобысевич, Описание хивинского похода 1873 г., стр. 205.

[27] Журн. «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1925, № 8—9, стр. 187—188.

[28] С. К. Кондрашев, Орошаемый Хорезм, стр. 128.

[29] Названия селений даны на местном хорезмском диалекте. В дальнейшем на этом же диалекте приводятся все наименования, слова и выражения, полученные от информаторов.

подвергнуты селения Мутбири и Бешта, расположенные вдоль арыка Хаса-яб, проходящего через центр бывшего Хазараспского бекства Хивинского ханства, где находится раннесредневековая крепость с античным слоем.

Хаса-яб брал свои воды из Палвана — главной водной артерии левобережного Хорезма. Палван питается водами Аму-Дарьи[30], которая, как известно, часто меняет свое русло. Ввиду того, что река течет в собственных наносах выше культурных земель Хорезма, огражденных от нее дамбами, она постоянно угрожала разрушить оросительную систему, особенно в период весенних и летних паводков. В это время могучее течение реки может снести береговые сооружения, постройки, затопить огромные массивы посевов и тугаев. С. К. Кондрашев в 1916 г. писал: «Аму-Дарья, ее блуждание для туземной гидротехники непобедима. Едва река отходит в каком-либо месте к востоку, перед западными ее берегами наносятся песчаные косы и острова,— головы каналов этого участка обсушаются, и район западного берега остается без воды до прорытия новых водоприемников. Идя на запад, река к восточному берегу приносит безводье. . . Разрушая селения, унося посевы и головы каналов, Аму-Дарья, физически уничтожая ближайший к ней фронт страны, обезвоживает ее тыл. Унося водоприемники каналов, она встречается с ними в том месте, где уровень дна канала выше, чем он был в его голове, и вода из реки при новых условиях заходит в канал в меньшем количестве. В результате — недостача воды по периферии орошавшихся этим каналом земель, а иногда и движение на них песков. . . Кроме того, при высокой воде (во время паводков. — *И. Дж.*) Аму-Дарья затопляет иногда пониженные районы. Небольшие уклоны и низкие берега благоприятствуют разливам при каждом повышении уровня»[31].

В прошлом подобные явления в силу господствовавших отсталых социально-экономических отношений создавали угрозу земледелию ханства. Однако местные жители предугадывали заранее сроки паводков. Различались три периода паводков: первый («сунник дашуви») происходил в начале апреля, второй («ида сасуви») — в мае, третий («кирк чилгав дашуви») — в июне[32].

---

[30] Я. Г. Гулямов отмечает, что древнейшие магистральные каналы левобережного Хорезма — Палван и Газиабад — возникли на базе Доудана, протекавшего за Сарыкамышской котловиной, и относятся к Кушанскому, а может быть и более раннему времени (см. История орошения Хорезма, стр. 86—96).

[31] С. К. Кондрашев, Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса, стр. 23—24.

[32] См. Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма, стр. 237—238.

Когда паводок был особенно многоводен и мог вызвать наводнение, то вдоль реки воздвигали земляные дамбы («качи»). На случай недостатка воды на головных частях магистральных каналов сооружалось несколько дополнительных примыкающих каналов («сака»), которые во время маловодья открывались один за другим. На Палван-ябе, как нам сообщил Бабаджан Атабаев, было 6 «сака»—Ташсака, Пирярган,Чагаллакарна, Кавазак (Беш арик), Качакава, Тогри-тешик.

С целью увеличения количества воды несколько раз в год производились очистка и углубление всех оросительных сетей. Особенно трудоемкой была работа по очистке магистральных и местных каналов («казув») и сооружению дамб. Кроме того, осуществлялись различные дополнительные мероприятия, считавшиеся обязательной натуральной повинностью («бегар»),— ремонт дорог, крепостей, оросительных систем, проведение новых каналов.

Чистка магистрального канала — Палвана, по словам информаторов, начиналась ранней весной и длилась 12 дней и более. С каждых 10 танапов земли (1 «сув») выставляли по одному работнику («казувчи»). Хозяйства, имевшие менее 10 танапов, образовывали маленькие водные общины («джабди»). Один из «казувчи» был старшим («джабдибаши»). Объединившись в группу из 20 человек (как правило, односельчане), «казувчи» выделяли двух лиц — «кошчи» и «хизматкар»,— обслуживавших их во время работы.

Достоверность этих сведений информаторов подтверждается дореволюционными авторами. Так, С. К. Кондрашев пишет: «С каждых десяти танапов земли по расчету хозяин должен дать одного работника на целый месяц, а иногда и больше, для прочистки магистрального арыка. Кроме того, на обязанности каждого хозяина лежит чистка своего яба совместно с соседями, пользующимися водой из одного канала. На своем хозяйстве необходимо прочистить аяки и салмы до прихода воды... Все эти работы производятся весной до прихода воды и носят, так сказать, экспедиционный характер. Впрочем, не исключены возможности среди лета вторичной очистки магистрального канала»[33].

Необходимое продовольствие, орудия труда и постельные принадлежности доставляли сами работники. Более того, они платили еще налог («афанак-пули»).

Возглавлял работы один из высших ханских сановников («сахибгор»). Ему подчинялись ёсовулы, отвечавшие за каж-

---

[33] С. К. Кондрашев, Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса, стр. 45.

дое селение. На группу в 20 человек выделялся определенный участок («чак» или «бир-йип»).

По окончании работ на Палване переходили к очистке отводных каналов («яб») и их более мелких ответвлений, находящихся на территории одного мечит-кавма (мечетный приход) или нескольких хозяйств.

Лишь после очистки всех основных оросительных систем открывали головную запруду Палвана, которая была забита укатанными глыбами, состоящими из ветвей деревьев и земли («вард»). Вода, наполнив магистральный канал, распределялась по местным ябам, обслуживавшим отдельные селения, а оттуда — по более мелким ответвлениям («салма»). Эти ответвления были двух видов: «чикир салма»— вода из яба подавалась по канаве («тартма») к водоподъемному колесу («чигиру»), которое, в свою очередь направляло ее на поля («аты-зы»),— и «аяк-салма»— вода распределялась непосредственно по орошаемым участкам; это считалось наиболее удобным и выгодным.

Аячное орошение возможно было не только во время многоводья, но и в том случае, если участки располагались ниже уровня воды магистрального канала. Поэтому существовала такая поговорка: «Отанг мироб бўлса ҳам, еринг ўй бўлсин» («Если даже твой отец мираб, пусть земля будет находиться на низине»). Хозяин земли и усадьбы, находившихся поблизости от основного канала, считался счастливым человеком. Земледельцы говорили: «Давлатлини эшикиннан ёп ўтсин, бедавлатни эшикиннан йўл ўтсин» (У порога счастливца проходит яб, у порога несчастливого — дорога»).

Ввиду того что в изучаемых селениях земледелие основывалось главным образом на чигирном орошении, следует остановиться на описании оригинального водоподъемного механизма — чигира (рис. 1, 2)[34].

На расстоянии 6—7 *м* друг от друга установлены два столба («ора»). Высота надземной части их колеблется от 2 до 2,5*м*. На столбы положена поперечная балка («маслик»). В центре между столбами на деревянной подставке («ялак») с железным или деревянным гнездом укреплена вертикально ось («дик оки»), верхний конец которой свободно вращается в выдолбленном углублении балки, а нижний — на подставке. На этой оси устроено колесо («улли комач») с 24 деревянными зубцами, находящееся на расстоянии около 1 *м* от подставки. К колесу привязывались длинные шесты («оклик» и «готлик»),

---

[34] В настоящее время в селении Мутбири сохранился единственный чигир, который уже не действует и, видимо, представляет редкий экземпляр всего Хазараспского района.

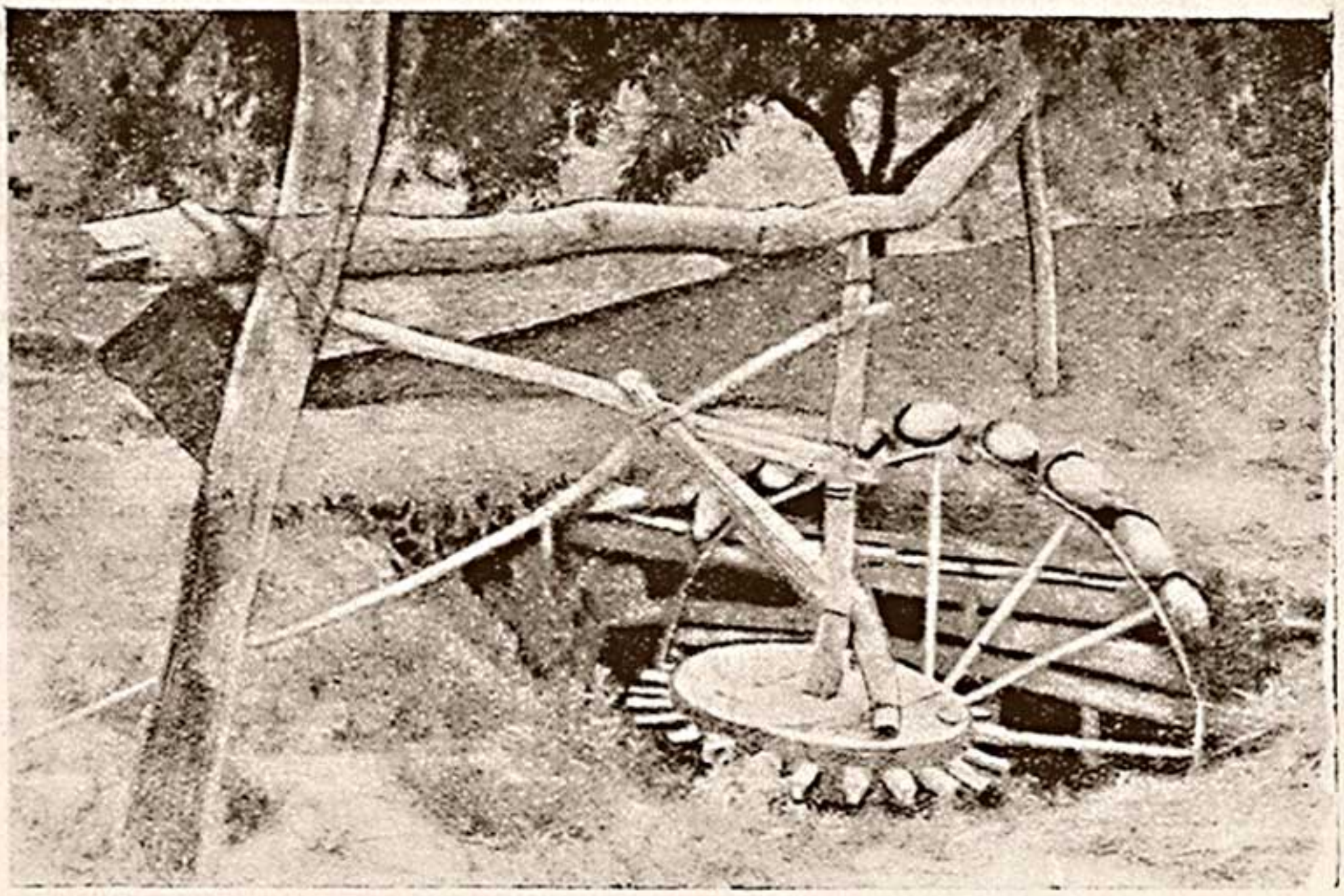


Рис. 1. Общий вид малого водоподъемного колеса — „кичи чигир“ (селение Мутбири).

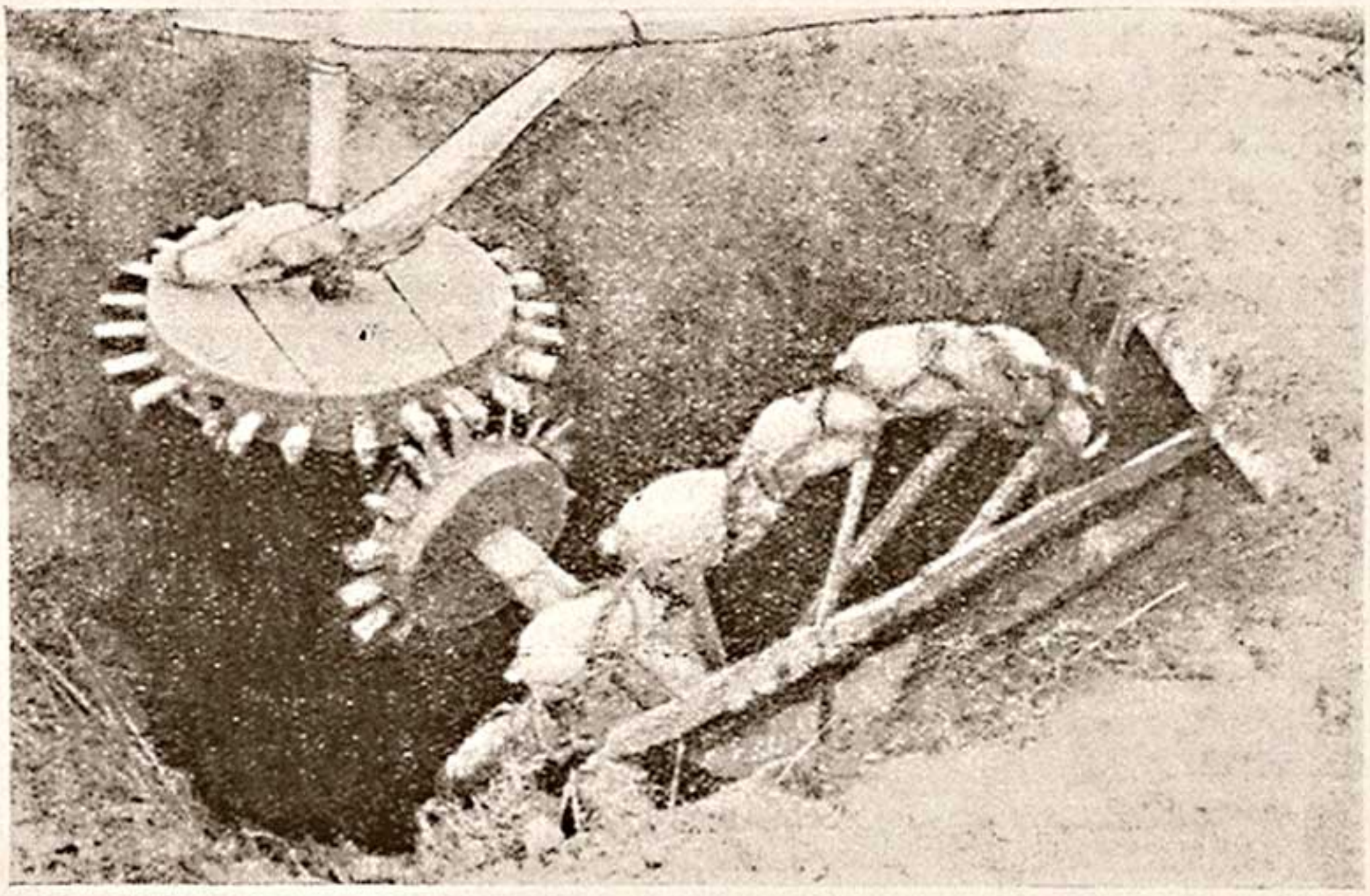


Рис. 2. Основные части малого чигира (селение Мутбири).

куда впрягалось животное (верблюд, лошадь или осел). Для прочности крепления установлен вспомогательный шест («комак агачи»). Зубчатое колесо приводилось в движение животным. На подставку этого колеса по направлению к чигирной яме («бадак») горизонтально с незначительным наклоном вниз положена вторая ось («сув оки»). Один конец ее лежит на такой же деревянной подставке, находящейся напротив первой. На оси установлено малое зубчатое колесо («кичи комач»), сцепляющееся своими зубцами (16 штук) с зубцами большого колеса. Таким образом, вращение вертикальной оси передавалось посредством шестерни на горизонтальную ось, имеющую на другом конце водоподъемное колесо, немного вогнутое внутрь (диаметром около 2,5 *м*). Это колесо прикреплено к горизонтальной оси при помощи спиц («кия») и оглобель («каснак») и вращается в углублении чигирной ямы на 3/4 своего диаметра, остальная же часть его поднимается над поверхностью земли. На оглобли водоподъемного колеса между небольшими колышками («чиллик»), тополевыми или таловыми жгутиками («баг»), под углом 45° к его плоскости прикреплены 30 глиняных горшков («дигир»). Параллельно к водоподъемному колесу на уровне поверхности земли установлен деревянный желоб («нава»), куда выливалась из горшков зачерпнутая в чигирной яме вода, стекавшая в отводной канал, идущий на поле.

Этот малый чигир отличался от большого («уллы ок чикир») по диаметру водоподъемного колеса и количеству установленных на нем горшков[35], а также впрягаемых животных. Кроме того, работавшее на малом чигире животное, описывая окружность, оставляло водоподъемное колесо внутри круга, тогда как при работе на большом чигире — за кругом. Поэтому у малого чигиря горизонтальная ось укорочена, водоподъемное колесо сильно не выступает над поверхностью земли, а шесты, куда впрягалось животное, удлинены.

Чигири изготовляли местные деревообделочники («ёнигчи»). Основные части чигиря выделывались из следующих пород деревьев: «ора» и «комак ягач»— из тутовых или джидовых; «оклик»— из таловых («кара савут»); «комач» и «сув оки»— из карамана или тутовых; зубцы «комача»—из урючных; «каснак» и «нава»— из таловых («ак савут»); «маслик» и «готлик»— из пирамидального тополя («бой дарак»); «дик оки»—

---

[35] С. К. Кондрашев пишет, что на водоподъемных колесах чигиров насчитывалось от 24 до 38 горшков в зависимости от высоты стояния воды в каналах (см. «Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса», стр. 47).

из определенного рода карагачей («гужум»); «кия»— из серебристого тополя («кия дарак»).

По словам информаторов, через 8—10 лет все части чигиря обновляли; зубцы же ежедневно обмазывались хлопковым маслом («чигит яги»), а концы вертикальной оси — мылом.

Кроме упомянутых двух основных типов чигирей, иногда по берегам магистрального канала устанавливали водоподъемное колесо, приводившееся в движение течением воды. Однако они не имели большого значения в дехканском хозяйстве.

До революции, как сообщают информаторы, в изучаемых селениях основная масса дехканских хозяйств пользовалась собственными чигирями. Но часто несколько малоземельных хозяйств имели общий чигир; в этом случае каждое из них употребляло свой рабочий скот.

В посевной и вегетационный период, когда особенно ощущался недостаток воды в магистральном канале, при водопользовании устанавливалась строгая очередность («асвак»). При регулировании подачи воды важную роль играли сооруженные, главным образом в низовой части отводного канала, на котором расположены селения, специальные запруды («бобат»).

Сооружали «бобат» (рис. 3) коллективно несколько хозяйств или целый кавм, а иногда — богатый человек, имя которого он получал.

В селении Мутбири был лишь один «бобат», называвшийся «Баджиман бовати», а в селении Бешта — девять: Бова-салман бовати, Араб бовати, Куллар бовати, Эшматбек бовати, Эшонлар бовати, Таранги бовати, Катаган бовати, Гарилар бовати и Чинчил бовати.

Первыми получали воду жители, участки которых находились по нижнему течению канала. Для этого закрывалась сооруженная здесь плотина. Затем наступала очередь владельцев следующего «бовата», расположенного выше и т. д. Если кто-либо нарушал очередность, что выражалось в пуске своего чигира, то его лишали воды. В этом случае аксакал запечатывал чигир нарушителя, т. е. на прилепленный к колесу кусок глины ставил свою печать («мухрини басади»). При повторном нарушении аксакал и мираб разбивали чигирные горшочки и подвергали владельца чигиря штрафу, что также означало лишение его права водопользования.

Очередность соблюдалась и внутри группы, владеющей «салмой» или «боватом», и каждый земледелец дорожил своей очередью, стараясь не потерять ее. Недаром мудрая поговорка гласила: «Сув газикини қўлдан барсанг, йил оч қоласан, дитирмон газикини қўлдан барсанг, гун оч қоласан» («Если упустишь свою очередь в водопользовании, то останешься голод-

ным весь год, если упустишь очередь в пользовании мельницей, то останешься голодным один день»). За порядком водопользования наблюдала водная администрация, состоящая из мираба и сакачи, а при необходимости — и аксакал.

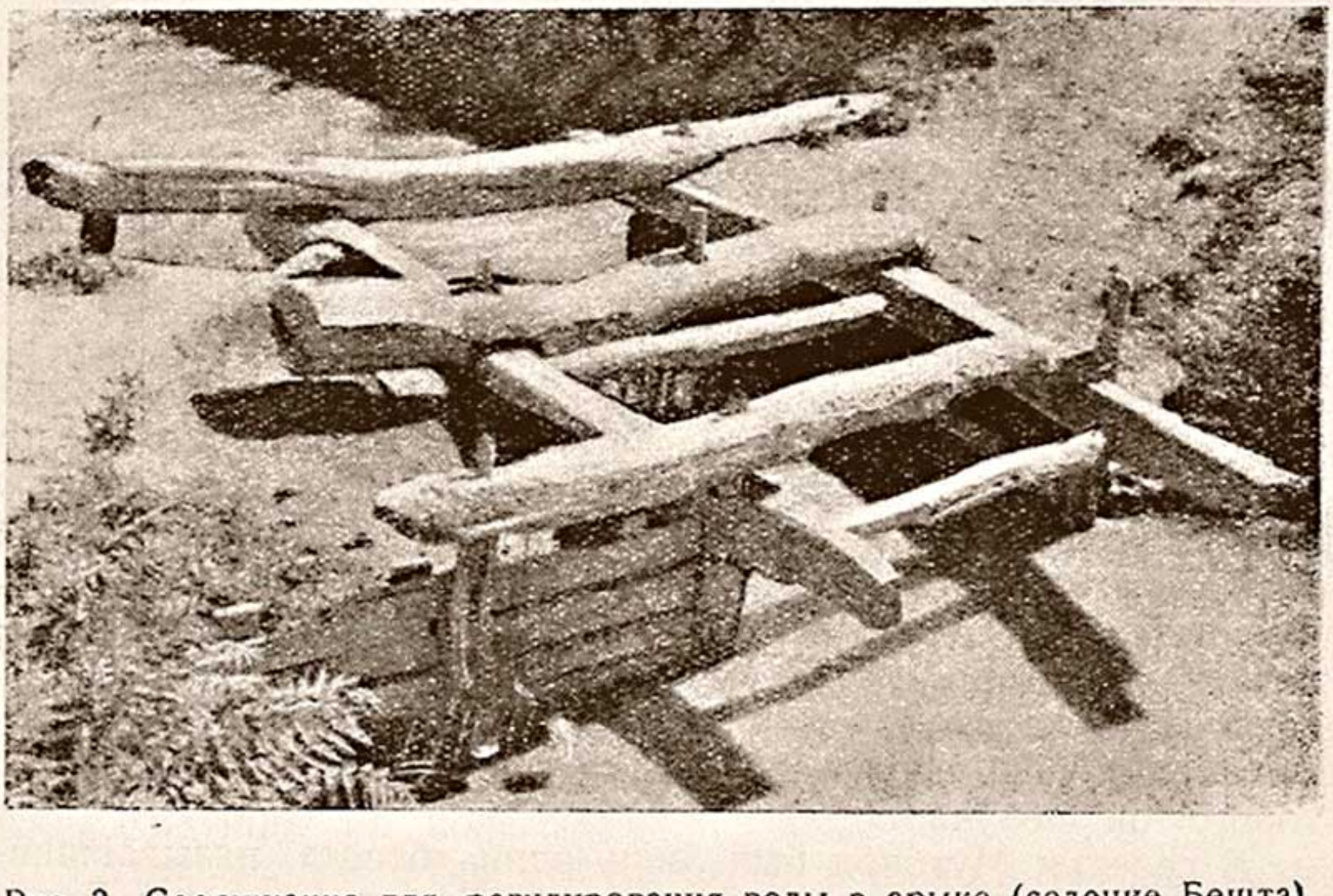


Рис. 3. Сооружение для регулирования воды в арыке (селение Бешта).

Основным приемом полива было затопление участка водой. При этом никакими нивелировочными инструментами не пользовались, все определялось на глаз, что свидетельствовало о большом умении и навыке, приобретенных земледельцами в процессе многовековой практики.

Распределение воды по орошаемому полю обусловливалось его планировкой. Поле разбивалось на несколько (обычно 4—5 при чигирном орошении, 2—3 при самотечном) небольших участков («кулча»)[36], отграниченных друг от друга невысокими валиками («чел»). По данным информаторов, площадь каждого поля не превышала 0,5 танапа.

Перед поливом поле многократно вспахивалось и тщательно бороновалось. В результате поверхность его становилась строго горизонтальной. Местные земледельцы считают, что если поле хорошо выровнено, то это повысит качество полива, уменьшит расход воды и, главное, предупредит засоление оро-

---

[36] Средняя площадь одного кулча, по словам С. К. Кондрашева, равнялась около 700 $м^2$ (см. «Орошаемый Хорезм», стр. 14).

шаемых почв, так как на выровненном поле отсутствуют неполивные бугры и возвышения, которые обычно на неровных полях превращаются в солончаки.

Касаясь планировки полей в Хивинском ханстве, О. Шкапский в конце XIX в. писал: «Выровнять свои поля хивинцы стараются так, чтобы они были ровны, как стол. Это нужно для того, чтобы при поливах вода ровным бы слоем закрывала пашню... Так как выровнять большое пространство очень трудно, то хивинцы выравнивают поле участками в 200 или 300 кв. сажен, а то и меньше, глядя по месту, и огораживают эти участки со всех сторон небольшими валиками. Такие выровненные участки называются атызами, а валики кругом них — щелями («чел».—*И. Дж)*. Если местность позволяет, то делают так, чтобы один атыз был выше другого на полтора или два вершка»[37]. При этом в отличие от других районов Средней Азии, где предпосевной полив производился лишь один раз, здесь перед посевом земельные участки подвергались 5—6-кратному поливу.

Помимо орошения, важнейшим процессом в земледелии Хорезма являлась обработка почвы.

Местные земледельцы различают два вида почвы. Один из них называется «асил кизил чакка тўпрок» и считается лучшим. Вероятно, это незасоленные или слабозасоленные (такировидные) почвы, отличающиеся весьма высоким плодородием при орошении.

Второй вид почвы «шўр чага тўпрок» — аллювиальные с поверхностным засолением, широко распространенные на территории низовьев Аму-Дарьи. Эти почвы обычно имеют значительный ирригационный нанос ила. Сильнее засолены залежи и перелоги, распределенные, хотя и в незначительном количестве, отдельными массивами между поливными участками. Особенно сильное засоление наблюдается в концевых частях оросительных систем.

Поле вспахивали примитивным деревянным плугом. В Хорезме, в отличие от других районов Средней Азии, он назывался «кунда»[38]. Основой этого орудия служил большой вер-

---

[37] О. Шкапский, Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях, стр. 24—25.

[38] Одни исследователи называют среднеазиатский «омач» плугом, другие — сохой, не придавая значения конкретному смыслу этих терминов. Нам кажется, что оба названия ошибочны. В Хорезме «омач», или «кунда», является как бы промежуточным сельскохозяйственным орудием между примитивной сохой и плугом. «Омач» в отличие от сохи имеет подошву, которая придает ему большую устойчивость, позволяет сохранить прямолинейность борозды и лучше регулировать глубину обработки почвы, т. е. он усовершенствован, хотя по устройству и напоминает соху. По сравнению с плугом «кунда» более примитивна (у нее нет отвала).

тикальный кол или остов, изогнутый в нижней части («нештар»), которая была заострена (рис. 4, *1*). На нее надевали отлитый из чугуна лемех («паза»), напоминающий по форме сплюснутый конусообразный треугольник (рис., *1и*)[39]. Верхняя часть «кунда» называлась «кундани дастаси». К ней прикреплялся колышек («тутка»), служивший рукояткой, которую держал пахарь во время пахоты.

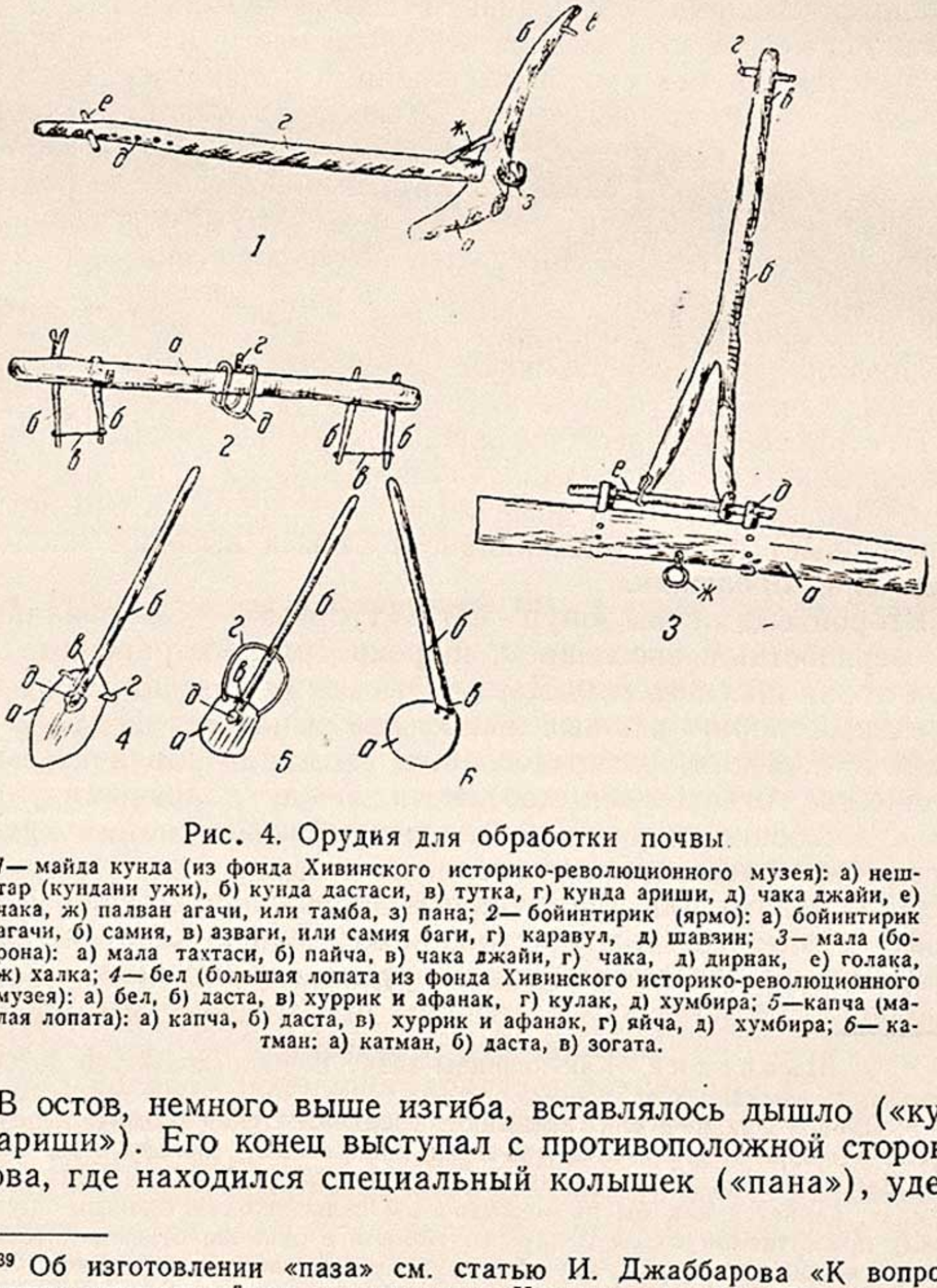


Рис. 4. Орудия для обработки почвы.

1— майда кунда (из фонда Хивинского историко-революционного музея): а) нештар (кундани ужи), б) кунда дастаси, в) тутка, г) кунда ариши, д) чака джайи, е) чака, ж) палван агачи, или тамба, з) пана; *2*— бойинтирик (ярмо): а) бойинтирик агачи, б) самия, в) азваги, или самия баги, г) каравул, д) шавзин; *3*— мала (борона): а) мала тахтаси, б) пайча, в) чака джайи, г) чака, д) дирнак, е) голака, ж) халка; *4*— бел (большая лопата из фонда Хивинского историко-революционного музея): а) бел, б) даста, в) хуррик и афанак, г) кулак, д) хумбира; *5*—капча (малая лопата): а) капча, б) даста, в) хуррик и афанак, г) яйча, д) хумбира; *6*— катман: а) катман, б) даста, в) зогата.

В остов, немного выше изгиба, вставлялось дышло («кунда ариши»). Его конец выступал с противоположной стороны остова, где находился специальный колышек («пана»), удер-

---

[39] Об изготовлении «паза» см. статью И. Джаббарова «К вопросу о технике чугунолитейного производства Хорезма» (в сб.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 208—215).

живавший дышло. Остов с дышлом скреплялся дугообразной деревянной распоркой («палван агачи»)[40]. В передней части дышла имелись 4 или 5 отверстий («чака жайи»). С помощью палочек («чака»), вставлявшихся в них, дышло соединялось с ярмом. Кроме того, помещая палочку в то или иное отверстие, можно было изменять угол наклона по отношению к земле, что позволяло регулировать глубину пахоты.

В исследуемом районе существовали две разновидности этого орудия. Более массивное с толстой в нижней части основой («ярма кунда») употреблялось для рытья мелких каналов и разрыхления твердых почв, а другое — меньших размеров («майда кунда») — использовалось во всех процессах обработки почвы. Несмотря на внешнее сходство с омачом из других районов Средней Азии, особенно Узбекистана, хорезмский, или, как его называют в литературе, хивинский омач, имел некоторые отличия. Лемех его шире и более сплюснут, что позволяло несколько подрезывать пласт и тем самым уничтожать большое количество сорных трав. «Сартовский омач» (среднеазиатский.—*И. Дж.*) имеет более массивную часть корпуса,— писал в начале текущего столетия агроном Н. Н. Александров,— с округлым в поперечнике крючком и более высокой точкой прикрепления грядиля к корпусу. У хивинского омача («кунда».—*И. Дж.*) центр тяжести перенесен на крючок, который более удлинен и широк, снизу плоский, имеет как бы подошву, почему отличается большей устойчивостью. Ширина подошвы иногда достигает до 6 вершков. Тонкий, иногда кривой грядиль у хивинского омача прикрепляется к корпусу наглухо (без клиньев), а для прочности вставляется также дугообразная деревянная распорка (она отсутствует у омача других районов Узбекистана.—*И. Дж.*). Рукоятка у хивинского омача прикрепляется иногда спереди»[41]. Н. Н. Александров указывал, что омач используется преимущественно в местностях с тяжелой глинистой почвой, а «кунда»— при пахоте рыхлых песчаных почв.

Для боронования применялось специальное орудие («мала»). В Хазараспском районе были две разновидности «мала». Одна из них («мала дандана», или «дандана»), изготовленная из прочных сортов дерева (тутового или абрикосового), имела прямоугольную форму; длина такой бороны достигала 2 *м*. На доске под небольшим углом в два ряда были укреплены железные зубья, причем располагались они так, что зубья од-

---

[40] Остов изготовлялся из тутового или абрикосового дерева, дышло — из местного тополя («дарак») или ивы («кара савут»).

[41] Н. Н. Александров, Земледелие в Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1916, стр. 80.

ного ряда приходились в промежутках между зубьями другого. «Дандана» служила для боронования сухой задернованной почвы, а также разравнивания крупных комков земли. Особенно широко она использовалась при обработке почвы на площадях, предназначенных под посев риса.

У второй разновидности «мала» зубья отсутствовали. Она состояла из доски длиной 213 *см*, шириной 22 *см* и толщиной 3 *см*. (рис. 4, 2) .В толщине доски были выдолблены два отверстия, куда наглухо вставлялись две дощечки («дирнак»), выступавшие за передние края бороны. Они также имели два отверстия, в которые вставлялись палочки («голака»). К этим палочкам прикреплялось дышло. Кроме того, посередине бороны, с противоположной стороны дощечек, было вдето специальное колечко («халка»). К нему привязывали веревку, за которую держался пахарь во время работы. Дышло бороны («пайча») представляло собой шест (длиной 220 *см* и диаметром 25 *см*) с развилками на концах. На них укреплялись гвоздями железные кольца, в которые вдевалась палка («голака»). Дышло соединялось с ярмом таким же образом, как у «кунда». Поэтому у него спереди также имелось несколько отверстий («чака жайи). Однако у бороны дышло было съемным, что позволяло прикреплять к нему различные виды «мала».

Ярмо («бойинтирик») было сделано из местного вида тополя («кия дарак» или «кара дарак») и представляло собой обтесанное бревно (рис. 4, 2). С обоих концов его имелось по два небольших вертикальных отверстия. В каждое из них вставлялась палочка («самия») длиной до 30 *см*. Эти палочки под шеей быка, впрягаемого в ярмо, попарно связывались веревкой («азваги», или «самия баги»). Посередине ярма находился небольшой колышек («каравул»), на который набрасывался изготовленный из сыромятной кожи жгут-тяж («шавзин»). К нему с помощью палочки («чака») прикреплялось дышло «кунда» или «мала».

Для обработки почвы использовались различные лопаты («бел и «капча») и кетмень («катман»). «Бел» представлял собой массивную тяжелую, расширяющуюся к заостренной части железную лопату с двумя дужками («кулак»), служившими для упора ноги при копании (рис. 4, *4*). Ручку обычно делали из ивового дерева. Она вставлялась в гнездо («хумбира») и прикреплялась гвоздем («хуррик») с металлической пластинкой («афанак»).

Очень удобным орудием была «капча»— легкая с овальным лезвием и дужком («яйча») лопата (рис. 4, *5*). Обе лопаты по форме и назначению были характерные лишь для Хорезма.

Напротив, хазараспский кетмень был очень похож на кетмени из других районов Средней Азии. Он представлял собой железный диск яйцевидной формы с деревянным черенком (рис. 4, *6*). Диск был заострен в нижней части и имел слегка выпуклую поверхность. В верхней половине диска находилось отверстие с приподнятой втулкой («зогата»), которая насаживалась на черенок. Сфера применения кетменя была здесь более ограничена, чем в других районах Узбекистана.

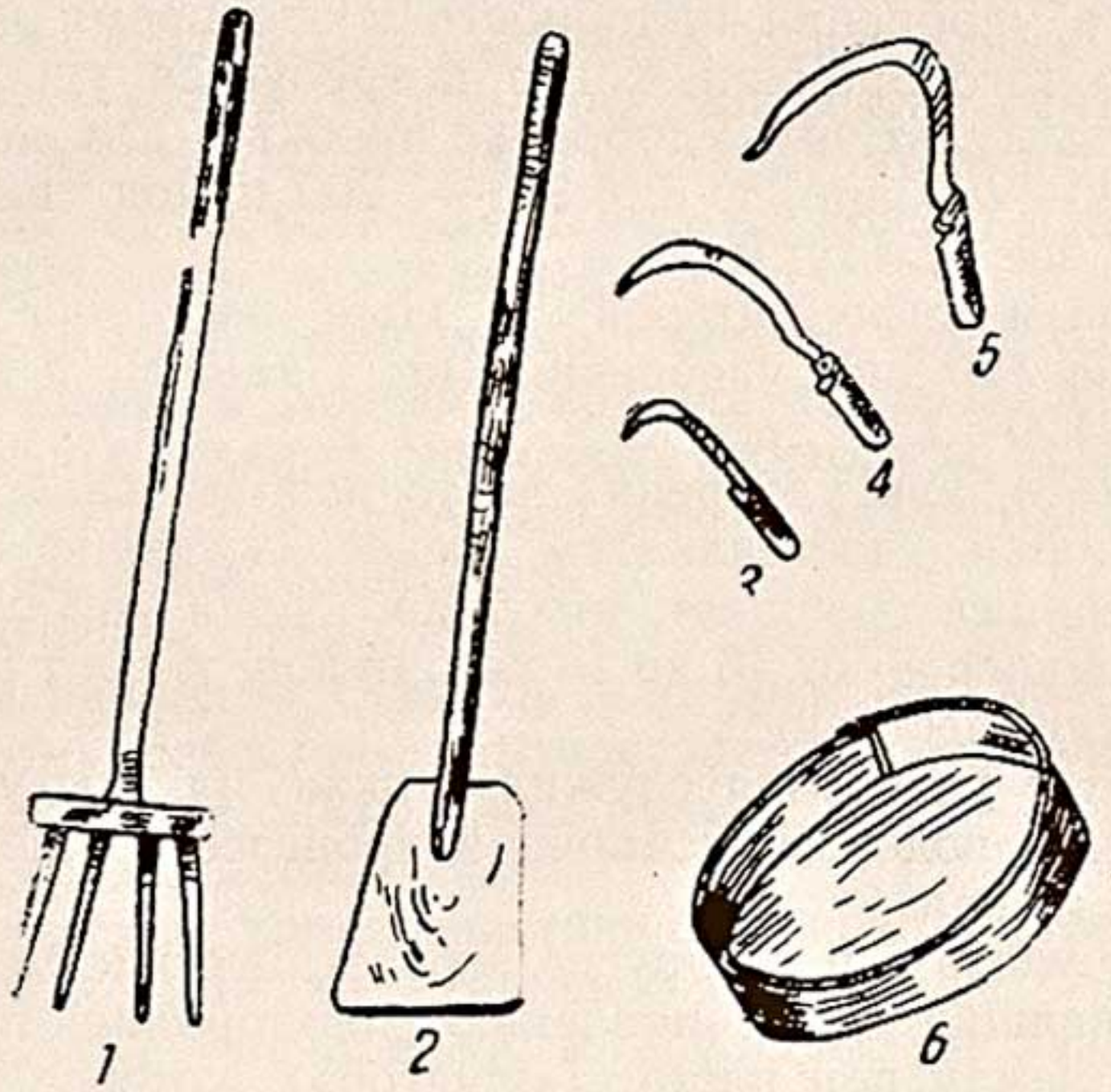


Рис. 5. Орудия прополки, жатвы и веяния (из фонда Хивинского историко-революционного музея).

1— ява (деревянные вилы); *2*— курак (деревянная лопата); 3— качкарт (серп для прополки); *4*— орак; *5*— мангад (серп для жатвы); *6*— тир.

Кратко рассмотрим агротехнические мероприятия, способствовавшие восстановлению плодородия почвы.

Согласно нашим наблюдениям, а также данным источников и информаторов, наиболее распространенным удобрением был навоз, смешанный с землей[42] («дарс»). Приготовлялось такое удобрение следующим образом. В помещение, где содержались домашние животные («сейсхона», или «молхона»), с соседних нетронутых бугров или, чаще всего, с береговых валов, накапливаемых при очистке оросительных систем, привозили очень много земли (в зависимости от количества животных). «Расчет, — пишет С. К. Кондрашев, — производился

[42] Ввиду того что в исследуемом районе скотоводство занимало небольшое место, чистого навоза не хватало, и поэтому его всегда смешивали с землей.

такой: на каждую голову крупного животного земли привозится в год 75—80 двадцатипудовых арб. Содержание навоза в таком удобрении равно около 15—20% от общего веса. Земля в сейсхона ввозится в свободное время, лежит там под ногами животных 1,5—2 месяца и время от времени перемешивается с получающимся навозом. Потом все это вывозится на поле как удобрение, если оно нужно в данное время, или же складывается возле поля в одну большую трапециевидную кучу, если в удобрении надобности в это время не имеется, и лежит до того времени, когда потребуется удобрение для какой-нибудь культуры. Удобрение вносится для посева в количестве 350—400 арб, т. е. 6 300—7 200 пудов на десятину, обычно под все культуры»[43].

По данным информаторов, на поле, засеянное пшеницей, вывозили до 100 арб удобрения (на 1 танап), а на рисовое поле — до 120—130 арб.

Кроме того, для удобрения часто использовали землю без навоза, которая доставлялась непосредственно на поля. С. К. Кондрашев сообщает, что такого рода удобрения вывозили очень много — от 16 до 18 тыс. пудов, т. е. от 800 до 1000 арб на одну десятину[44].

В качестве удобрения служили также ил, поступавший на поля вместе с водой Аму-Дарьи в процессе орошения, жмых («талкон») и зола.

Следует указать и на другие агротехнические мероприятия, способствовавшие восстановлению плодородия почвы. Это оставление земли под паром («шудгор»), которое из-за недостатка земельных угодий носило кратковременный характер[45].

После уборки урожая озимой пшеницы участок 5—6 раз поливали, затем многократно вспахивали «кундой» и боронавали. В таком виде поле оставляли с начала июля до сентября, когда его вновь вспахивали и засевали озимой пшеницей. Земля, оставленная под пар, предназначалась только под озимую пшеницу, причем удобрения вносили в зависимости от степени истощенности почвы.

В изучаемом районе для улучшения плодородия почвы практиковалось также чередование культур, хотя твердо выработанного севооборота не существовало. Чаще всего на

---

[43] С. К. Кондрашев, Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса, стр. 59.

[44] Там же, стр. 60.

[45] В большинстве хозяйств это мероприятие не практиковалось. В Хазараспском районе залежей и перелогов не было, так как в противном случае плодородие почвы не восстанавливалось бы, а наоборот, происходило бы ее засоление.

поле, где произрастали пшеница или хлопчатник, высевали люцерну («еринджа»), которая давала урожай в течение нескольких лет при 4—5-кратном укосе в год.

Местный сорт хлопчатника («говоча») чередовали, кроме того, с джугарой; ее сеяли 8—10 лет подряд. Затем поле засевалось другой культурой. Часто после озимой пшеницы возделывали гавуш, джугару или маш.

Однако важнейшим средством восстановления плодородия почвы все же оставалось удобрение, обязательное для всех культур. Если учесть, что на каждый гектар земли вывозилось в среднем от 700 до 1000 арб удобрительной смеси или просто земли, то легко представить, насколько напряженным был труд местного земледельца.

В связи с этим необходимо отметить еще одну особенность земледелия в Хорезме, которая заключалась в максимальном использовании упряжных животных, выполнявших важнейшие работы в земледельческом хозяйстве (перевозка удобрений, чигирное орошение).

Следовательно, земледелие в Хорезме по сравнению с остальными районами Средней Азии являлось более трудоемким, и потому себестоимость засеваемых культур была намного дороже, что сказывалось прежде всего на положении трудового крестьянства.

Остановимся на характеристике сельскохозяйственных культур и возделывании их основных видов.

В конце XIX— начале XX в. в Хивинском ханстве основными культурами оставались зерновые, под которыми было занято почти 65% посевной площади, в то время как под хлопчатником — лишь 15,8%[46]. Такая же картина наблюдалась и в Хазараспском районе, где, по данным информаторов, в начале XX в. ведущими культурами были пшеница, рис и джугара. Согласно материалам по районированию Средней Азии, здесь в 1925 г. пшеница и ячмень составляли 28,6%, рис — 18,5, джугара и кукуруза — 18,3% от общего количества возделываемых культур, т. е. 65,4%. Вместе с тем, под хлопчатником было занято 16,9% всей посевной площади, люцерной —10, бобовыми (маш, фасоль)—1,5, масличными (кунжут и др.) — 0,7, дынями, арбузами и другими огородными — 2,1, однолетними травами — 3,1%[47].

Эти пропорции лучше всего проиллюстрировать на примере отдельных хозяйств, что позволит в некоторой степени выявить направление земледелия изучаемых селений.

---

[46] В. Лобачевский, указ. соч., стр. 74. См. также М. Ю. Юлдашев, указ. соч., стр. 80.

[47] Материалы по районированию Средней Азии, кн. 2, Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 2, Хорезм, Ташкент, 1926, стр. 138—139.

По словам информатора Каландара Джуманазарова из селения Мутриби, семья которого в количестве 27 человек принадлежала к средним крестьянам, в распоряжении его хозяйства находилось 15 танапов земли. Из них 6 танапов засевали люцерной («ёнгичка»), 4— пшеницей («бугдой»), 2—2,5— джугарой, 1— местным сортом хлопчатника («говоча») для собственных нужд и остальные — бахчевыми, луком («пияз»), морковью («гашир») и стручковым перцем («бурч»).

Другой информатор из того же селения Бава Якубов сообщил, что его семья (40 человек) имела 12 танапов земли. Из них 5 танапов засевали пшеницей, 3— люцерной, 3— местным сортом хлопчатника и 1— бахчевыми, морковью, луком, стручковым перцем.

Эти культуры возделывали и в других хозяйствах селения Мутриби. Таким образом, земледелие здесь получило сугубо зерновое направление.

Следует отметить, что в данном селении не возделывался рис («шали»), требующий много воды, тогда как в селении Бешта, жители которого пользовались водой из того же канала Хаса-яб, его выращивали. Он, как хлопчатник в отдельных хозяйствах, имел в некоторой степени товарный характер.

Интересно в этом отношении сообщение информатора Аллабергена Саттарверди из селения Бешта. Его семья (12 человек) владела 30 танапами земли. Из них 13,5 танапа были вакуфными, а 16,5 — собственными («атаи мулк»). Почти все вакуфные земли засевались рисом и лишь 0,5 танапа — пшеницей. Остальные были заняты пшеницей (8 танапов), люцерной (3 танапа), джугарой (2 танапа), огородными и бахчевыми (2 танапа) и садом (1 танап). Впоследствии соотношение возделываемых культур в этом хозяйстве сильно изменилось. По словам Аллабергена Саттарверди, когда он был еще ребенком, местный сорт хлопчатника выращивали только на одном танапе земли, а когда ему исполнился 21 год, то уже около 20 танапов было занято под хлопчатником нового сорта — «американи».

Кроме упомянутых культур, в селениях Мутриби и Бешта возделывали кукурузу («маккаджугари»), просо («тари»), рожь («арпа»), коноплю («кандир»), медовый тростник («бал чингирик»), тыкву («кади»), фасоль («лавя»), репу («шалгам») и зеленую джугару («гавуш»).

Садоводство в Хазараспском районе было развито весьма слабо. В отдельных крупных хозяйствах имелись сады, в которых произрастали абрикосы («арик»), яблоки («алма»), виноград («узим»), слива («корали»), персики («шаптоли»), инжир («анжир»), гранаты («анар»). Выращивали также тутовые де-

ревья, листья которых служили кормом для шелковичных червей, и особенно джиду; плоды тутовника и джиды употреблялись в пищу.

Вкратце остановимся на технике возделывания основных культур в изучаемом районе в конце XIX— начале XX в.

Как сообщают информаторы, после уборки озимой пшеницы поле оставляли под паром до осени. В течение этого времени его неоднократно (2—4 раза) поливали, что способствовало промыванию почвы от солей, а затем 8—9 раз вспахивали[48]. С середины сентября поле вновь поливали, вносили удобрения и засевали[49]. Затем его дважды вспахивали и обрабатывали 4 или 5 раз малой, чтобы семена зимой не померзли. Часто после сева почву удобряли («дарс солади»). Осенние всходы появлялись примерно через неделю.

В отдельных хозяйствах удобрение вносили в конце марта, с прекращением весенних заморозков. Спустя 2—3 дня производили первый полив, а когда всходы достигали в высоту примерно 40 *см* (в первой половине апреля),— второй полив. Если земля была плодородной и лето не слишком засушливым, то поле больше не поливалось. В противном случае, особенно при засухе, производили третий полив (в мае). Колос появлялся в конце мая, и спустя месяц, иногда раньше, пшеница поспевала. Обычно в высокоурожайные годы получали с 1 танапа 80—90 батманов пшеницы, а в малоурожайные —50 батманов и меньше.

Среди злаковых культур большое значение имела также джугара, которая легко переносит засоленность почвы и поэтому почти всегда дает хорошие урожаи. В Хазараспском районе культивировалось 2 сорта джугары: «ясмик жугари» (початок рос вертикально вверх, и зерен на нем было мало) и «купа жугари» (початок был увесистым, густо усыпанным зернами и склонен вниз). Наиболее распространенным был последний сорт. Зерна джугары употребляли как в пищу, так и на корм лошадям, а стебли — на корм скоту.

Сеяли джугару весной. В начале апреля поле, предназначенное под джугару, удобряли и дважды пахали. Примерно через 20 дней его 1—2 раза поливали с интервалом в одну неделю, затем вновь 3 раза вспахивали вдоль и поперек и одновременно бороновали. Всходы появлялись дней через 7—10. Спустя месяц, когда можно было отличить стебли джугары от сорных трав, производилась прополка. Затем, примерно через неделю, давали первый полив. В дальнейшем количество

---

[48] В соседнем Ханкинском районе поле, оставленное под паром, поливали 6 раз, вспахивали 10—15 раз, а затем 2 раза бороновали (см. Современный кишлак Средней Азии, вып. II, Ташкент, 1926, стр. 16).

[49] На 1 танап земли высевали 4 батмана (80 *кг*) семян пшеницы.

поливов зависело от климатических условий, наличия воды в оросительной системе и роста джугары. Созревала она дней через 100—110 после посева, т. е. в середине сентября.

Вместе с джугарой высевали медовый тростник, сладкий сок которого считался лакомством.

Как уже указывалось, в селении Бешта весьма широко культивировался рис. Возделываемый здесь сорт риса назывался «кизил шали» и считался самым высококачественным.

Обычно под рис отводили низины, где из-за высокого стояния подпочвенных вод нельзя было возделывать другие культуры. Участок земли, разбитый на «кулча», отделенные друг от друга земляными валиками, неоднократно поливался до тех пор, пока почва не насыщалась до предела («сув ангора булди»). Очередной полив производился после того, как вода впитывалась в землю. Когда почва подсыхала, участок в течение 8—9 дней вспахивали 6—7 раз с боронованием, а затем удобряли. Удобрение разбрасывали лопатой равномерно так, чтобы поле имело совершенно горизонтальную поверхность. Через сутки перед самым посевом участок трижды бороновали под водой[50]. Семена высевали прямо в воду (3—3,5 батмана на 1 танап). Так как семена риса тяжелее воды, они тотчас же тонули и при оседании частиц ила оказывались под ними[51]. В течение 60—70 дней, до появления колоса, поле постоянно орошалось. Рис созревал через 100—110 дней, а иногда и раньше. Среди хорезмских земледельцев была распространена пословица: «Саксанда совахда, дўқсонда товохда» («Рис за 80 дней имеет зрелые колосья, а в 90 дней можно видеть его в блюде», т. е. он может быть убран с поля). Если год был урожайный, то с 1 танапа получали 45—50 батманов риса.

Остановимся теперь на следующей основной культуре, выращиваемой в Хазараспском районе — местном сорте хлопчатника «майда говоча», или «говоча». В исследуемый период в данной местности, по сведениям старожилов, американский сорт хлопчатника не высевался. Об этом писал и О. Шкапский: «В Хивинском ханстве, да и у нас в Аму-Дарьинском отделе не разводится американский хлопок, потому что хивинский хлопок намного дешевле хлопка из американских семян, но зато выносливее»[52]. Американский сорт хлопчатника местные земледельцы называли «амирикони», или «кара чигит».

---

[50] Для этой цели использовали обыкновенный толстый брус или же лестницу («занги»), которая прикреплялась к ядру одним длинным шестом. В результате поле окончательно выравнивалось и вода сильно взмучивалась.

[51] Перед посевом в течение 2—3 дней семена держались в воде, для чего мешок, наполненный ими, опускался в водоем («хауз»).

[52] О. Шкапский, Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях, стр. 36.

Как сообщают информаторы, он стал широко распространяться здесь примерно с 1915 г., когда производство хлопка начинает носить чисто товарный характер.

Возделывали местный хлопчатник следующим образом. С наступлением весны (в начале апреля) поле, предназначенное под хлопчатник, удобряли и производили поливы до тех пор, пока почва не пропитывалась влагой. Затем поле вспахивали и дважды бороновали. При посеве семена разбрасывали. На 1 танап пашни высевали полбатмана (10 *кг*) семян американского сорта или 15 *кг* «говоча», который сеяли более густо и, кроме того, выращивали не на грядках («карик»), а на ровном поле. Следует отметить, что местный хлопчатник был менее требователен в уходе за ним и, по словам информаторов, если не было сильной засухи, не нуждался в поливах. Об этом же пишет и О. Шкапский: «...Сеют хлопок в апреле и в течение всего лета ни разу не поливают. Только крайняя нужда заставляет полить хлопок один раз или два, но никогда больше»[53].

В своей деятельности земледельцы придерживались народного календаря, выработанного в результате многовековых наблюдений за явлениями природы. В народе было известно несколько циклов календаря. Основной из них, созданный хазараспскими крестьянами, назывался «дехкан доксани». Он представлял собой 90-дневный цикл, который, по словам информатора Юсупа Сабирова, совпадал со следующими периодами года: с 15 февраля по 15 мая — «бахар доксани» («весеннее девяносто») с 15 мая по 15 августа — «яз доксани» («летнее девяносто»), с 15 августа по 15 ноября — «гузак доксани» («осеннее девяносто») и с 15 ноября по 15 февраля — «киш доксани» («зимнее девяносто»). Этот 90-дневный цикл, в свою очередь, соответствовал официально принятому местными земледельцами солнечному календарю. Год начинался с «бахар доксани» — месяцы хамал (созвездие Овен), савур (созвездие Тельца), жавза (созвездие Близнецов); затем следовали «яз доксани — месяцы саратан (созвездие Рака), хасат (созвездие Льва), симбила (созвездие Девы и Колоса); «гузак доксани» — месяцы мизан (созвездие Весов), акраб (созвездие Скорпиона), кавус (созвездие Стрельца); «киш доксани»— месяцы улли чилла («большое сорокодневье»), кичи чилла («малое сорокодневье») и хут (созвездие Рыб)[54].

С наступлением месяца хут земледелец начинал готовиться к весенним работам. Информаторы рассказывают, что в

---

[53] О. Шкапский, Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях, стр. 37.

[54] М. Рахимов, Земледелие таджиков долины реки Хингоу, Сталинабад, 1958.

месяце хамал почва прогревается и разбухает, т. е. можно приступать к ее обработке. Начало пахоты приходилось на месяц савур. Тогда же на поля вносили удобрения. Сев ранних культур (джугара, яровая пшеница и др.) производили в месяце жавза.

В указанном календаре нашла свое отражение традиционная сезонность посева сельскохозяйственных культур и уборки урожая.

Близким к этому счету времени года является определение вегетационного периода по состоянию звезд. К сожалению, опрошенные нами информаторы не помнят подробностей данного цикла. Согласно их сообщениям, появление созвездия Хулкар (Плеяды) в начале июня означает, что озимая пшеница поспевает. Исчезал Хулкар в начале мая; в этот период идут дожди. Особое положение звезд в созвездии Весов, называемое «тарази хатора галди», свидетельствовало о наступлении первого осеннего месяца. Если это созвездие стояло высоко над горизонтом, то приближалось лето. Не случайно в народе говорили: «Тарази ётконда ёнинга галса, ёзинга на қолди» («Когда Весы, склоненные, приближаются к тебе, то что осталось до лета», т. е. оно уже наступило).

Местные земледельцы определяли также времена года по прилету и отлету птиц. Однако сведения информаторов в этом отношении разноречивы и, следовательно, полученные данные нельзя считать вполне достоверными. С другой стороны, нам еще не удалось установить принятые в науке названия отдельных птиц, приводимых в этом счете времени.

Обычно перелеты птиц связывали с наступлением весенних похолоданий, которые могут сильно отразиться на обработке почвы и особенно на посеве. Поэтому указанный счет времени назывался «куш кайи» («птичьи похолодания») или «токич хисаби».

По сообщению старожила Абдураима Ходжаниязова (селение Мутриби), весенний период (примерно с 10 февраля по 10 мая) делился на семь «куш кайи». Он наступал в середине февраля, когда дули сильные холодные ветры, случались бураны, шли дожди со снегом. Предвестником его был чиж («сарисаманак»). Другой информатор считает, что раньше чижа появлялся коршун («чай»). В это время земледелец начинал готовиться к предпосевным работам, а некоторые приступали к обработке почвы.

Вслед за чижом, примерно в конце февраля, прилетала ранняя ласточка («пухар калдиргач»). С ее появлением можно было высевать ранние культуры, если, конечно, позволяли погодные условия.

В середине марта прилетала птица, которую называли «гоккарик», а к концу месяца — ласточка («жайдари» или «майда калдиргач»). В этот период (по солнечному календарю — вторая половина месяца савур и начало месяца жавза) дуют сильные прохладные ветры, а иногда выпадают осадки в виде дождя или мокрого снега, и земледельцы могли смело приступать к посеву ранних культур.

В первой половине апреля из своего гнезда (дупла дерева) выходила птица удод («хиппипуш»), предвещая наступление лета. В это время начинали сеять овес.

Последней весенней птицей была сизоворонка («гоккарга»), после прилета которой (в конце апреля) наступало лето, и посевной сезон заканчивался. Кроме того, признаком прекращения периода сева является то, что птица «туткок» перестает чирикать. В это время земледелец не сеет технические и зерновые культуры, зная, что он не получит урожая.

Первый осенний месяц солнечного календаря — мизан (сентябрь) наступал с прилетом степного жаворонка («сопик торгай»). Начинали дуть прохладные ветры и выпадать дожди. Примерно через месяц прилетал грач («каразонг карга»), а спустя примерно 20 дней (в начале месяца кавус — октябрь) — ворона («ала карга»). Данный период характеризуется сильными холодными ветрами. К этому времени покидают родные края ласточки, гоккарик, коршуны и другие теплолюбивые птицы.

Осенний перелет уток («урдак киргини»—«погибель уток») предвещал наступление первых заморозков.

Приведенные сведения о народном календаре свидетельствуют о большом опыте местных земледельцев в фенологических наблюдениях.

Содержащиеся в настоящей работе материалы дают, по нашему мнению, возможность сделать некоторые выводы об особенностях земледелия Южного Хорезма, которое, в силу суровых физико-географических условий (своеобразное строение почвы, сложность процесса орошения и пр.), было здесь весьма трудоемким, что породило присущие лишь этому району приемы земледельческой техники.

В. Я. ЗЕЗЕНКОВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕРЕПОВ ИЗ ДРЕВНИХ ПОГРЕБЕНИЙ БОГДЖАЯ

В 1951 г. археологической экспедицией, руководимой М. Э. Воронцом, были произведены раскопки древних погребений — мугхона, представляющих собой сооружения из камней. Внутри мугхоны — куполообразная камера, из которой через толщу каменной кладки выходит лаз высотой и шириной около 0,7 *м*. Камера в сечении имеет овальную форму. Высота мугхоны — 2,5—3,5 *м*, диаметр —10—15 *м*; высота камеры— 1,7—1,9 *м*, диаметр — около 2 *м*. Погребения расположены на территории Киргизской ССР, в 15 *км* к северо-западу от поселка Гава, в местечке Богджай, на левом берегу Кулпаксая, и датируются первыми веками н. э.

На территории, где были вскрыты погребения, отсутствовали остатки жилых комплексов. Это дало М. Э. Воронцу основание предположить, что погребальные сооружения принадлежат какому-то горному пастушескому полукочевому племени. Некоторые вещи, найденные в них, свидетельствуют о торговых связях строителей мугхона с земледельческим населением Ферганской долины и Китаем.

Краниологический материал из погребения М-К-I[1], переданный на кафедру антропологии САГУ, включает фрагменты 5 черепов: 1, 2 — две лицевые части с лобными костями, 3 — лобная кость, часть левой теменной и часть чешуи затылочной кости, 4—лобная кость (с метопическим швом), 5—два фрагмента верхней части чешуи лобной кости (с метопическим швом).

Кроме этого, в материале было 4 мелких фрагмента черепной крышки и часть правой верхней челюсти. Можно предположить, что они относятся к тем же 5 черепам, от которых сохранились лобные кости.

Относительно подробные измерения могли быть произведены на первых двух фрагментах (табл.1). Оба они имеют признаки европеоидного типа (рис. 1, 2, 3). Лицевая часть у

[1] Шифровка мугхоны, данная М. Э. Воронцом.

первого черепа сравнительно более плоская в горизонтальной профилировке, чем у второго, и нос выступает несколько менее (носовые кости сохранились не полностью).

Таблица

Измерительные и описательные признаки черепов из мугхона

Признаки	М-К-I	
	№ 1 (а)	№ 2 (б)
9 Наименьшая лобная ширина	90	92
48 Верхняя высота лица	61 (?)	62 (?)
43 Верхняя ширина лица	100	101,5
46 Средняя ширина лица	90	90,5
Зиго-максиллярная ширина (по Абиндеру)	87,5	91,0
Выступание субспинальной точки	22,4	21,0
Зиго-максиллярный угол	125,8	130,4
43 Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	92,3	94,9
Выступание назиона над биорбитальной хордой	14,5	17,0
55 Высота носа	49	47
54 Ширина носа	25	22
49-а Дакриальная ширина	22,2	23,8
Дакриальная высота	10,6	11,9
Максиллофронтальная ширина	17	22,2
Максиллофронтальная высота	7,8	8,5
Симотическая ширина	8	10,5
Симотическая высота	3,4	4,0
51 Ширина орбиты от mf	41	39,5
51-а Ширина орбиты от d	38	38
52 Высота орбиты	33	31
Наклон лба	средний	средний
Развитие надбровья	2	2
Развитие надпереносья	3	3
Глубина клыковой ямки	3	2—3
Глубина клыковой ямки при измерении координатным циркулем	5,1—5,6	4,5—4,6
Горизонтальный профиль лица	средний	средний
Выступание скул	среднее	среднее (?)
Выступание носа	среднее	
Нижний край грушевидного отверстия	антропинный	среднее антропинный
Предносовая ость	3	—
Высота орбиты	средняя	средняя
Форма орбиты	элиптическая	элиптическо-овальная
Типологическая характеристика	европеоидная	европеоидная

Фрагмент третьего черепа (очевидно мужского), судя по переносью и сохранившимся остаткам носовых костей, также, по-видимому, относится к европеоидному типу, а по форме моз-

говой коробки, представленной весьма фрагментно,— вероятно, к длинноголовому.

Четвертый фрагмент принадлежит женскому черепу, пятый, судя по его массивности,— мужскому(?).

Сравнение черепов из мугхона

Признаки	М-К-I		Узбекские черепа Ферганской области, мин. — макс.	Черепа из Гур-Мирона и Кувасая, мин.— макс.	Черепа из Гур-Мирона			
	№ 1	№ 2			№ 3 (мужской)	№ 4 (женский)	№ 5 (мужской)	№ 6 (мужской)
9 Наименьшая лобная ширина	90	92	92—98	91—103	103	97(?)	98(?)	94
48 Верхняя высота лица	61(?)	62	62—73	66—78	72?	66	78	67
43 Верхняя ширина лица	100	101,5	101—110	—	—	—	—	—
46 Средняя ширина лица	90	90,5	—	80—104	104	85	80	97
55 Высота носа	49	47,5	48—61	43—53	52	47	53	51
54 Ширина носа	25	22	22—27	22—26	25	22	22	23
51 Ширина орбиты от mf	41	39,5	—	40—42	42	40	43	43
51-а Ширина орбиты от d	38	38	29—39	36—41	40	38	41	41
52 Высота орбиты	33	31	31—36	29—35	35	34	35	34
54:55 Носовой указатель	51,0	46,3	—	41,5—53,0	48,1—	46,8	41,5	45,1
52:51 Орбитный указатель I	80,5	77,5	—	80,6—89,5	83,3	85,0	81,4	79,1
52:51 Орбитный указатель II	86,8	81,6	—	76,3—85,0	87,5	89,5	85,4	82,9

Помимо этого, на кафедру были переданы обломки черепов из погребения М-Б-IX и М-С-II. Однако материал настолько фрагментарен, что не позволяет сделать каких-либо заслуживающих внимания выводов.

В общем люди, погребенные в мугхона, относились к европеоидному типу, близкому по строению лицевых костей к антропологическому типу Среднеазиатского междуречья. Это видно из табл. 2. В качестве сравнительного материала взяты узбекские черепа, найденные в Ферганской области и описанные Н. Малиевым. Для сравнения использованы минимальные и максимальные величины измерительных признаков 9 черепов.

Согласно данным табл. 2, черепа из мугхона вполне входят в пределы колебания между минимумом и максимумом.

В другой сравнительный материал вошли черепа, исследованные В. В. Гинзбургом[2] и близкие по датировке к черепам

Таблица 2

с другими черепами

	Черепа Кувасая						Череп из городища Хок-и-сафид (женский)
№ 7 (женский)	№ 8 (женский)	№ 9 (женский)	№ 10 (мужской)	№ 11 (мужской)	№ 12 (мужской)	№ 13 (мужской)	
—	91	92	103	93	98	—	93
70	63	62	71	65	71	67	62
—	—	—	—	—	—	—	—
100 (?)	90	85	91	95	94	101	89
50	46	43	51	48	50	49	48
25	22	22	22	25	23	26	23
40	42	38	42	39	42	40	40
38	41	36	40	38	39	38	36
32	34	29	35	32	33	31	30
50,0	47,8	51,2	43,1	52,1	46,0	53,1	47,9
80,0	80,9	76,3	83,3	82,0	78,6	77,5	75,0
84,2	82,9	80,6	87,5	84,2	84,6	81,6	83,3

из мугхона: череп из могильника Гур-Мирон, расположенного на севере Ферганской долины, к востоку от Касансая, и черепа из Кувасая, находящегося в 23 *км* к юго-востоку от Ферганы, на невысоком увале Муянских гор, которые входят в Алайскую горную систему.

В. В. Гинзбург предполагает, что в Гур-Мироне были погребены представители пастушеских племен, родственных усуням Тянь-Шаня[3]. Однако, по его мнению, в антропологическом отношении краниологический материал до некоторой степени

---

[2] В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, I, М., Изд-во АН СССР, 1956.

[3] Там же, стр. 94.

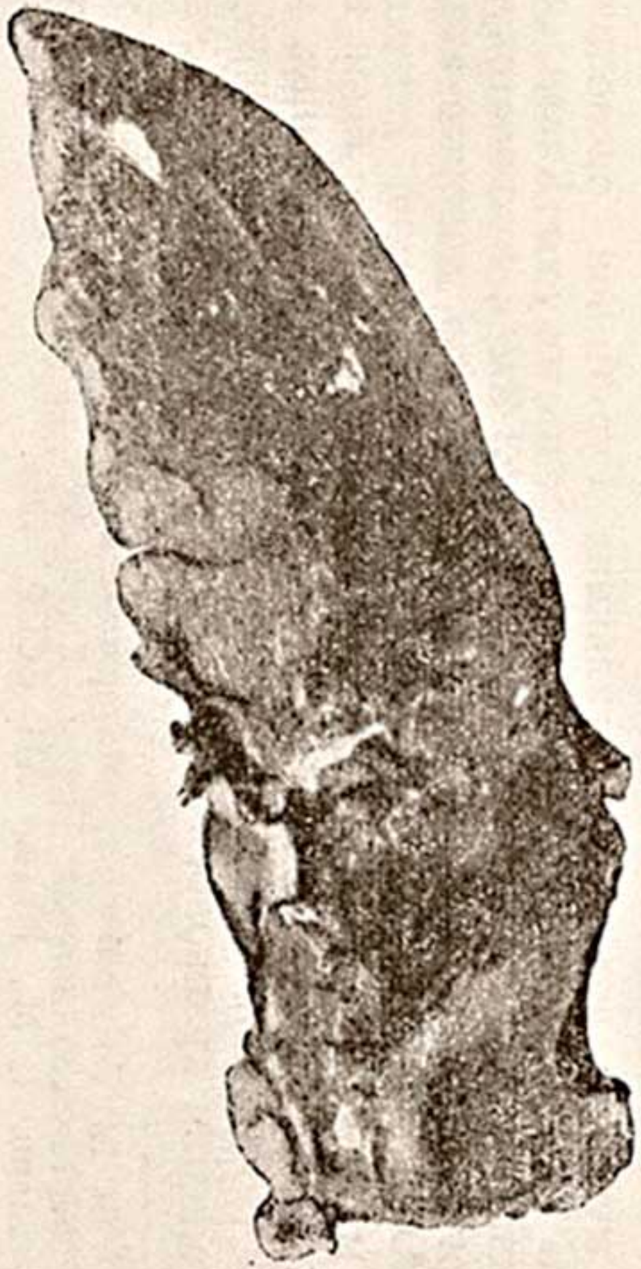


Рис. 1. Череп № 1 (профиль).

Рис. 2. Череп № 2 (профиль).

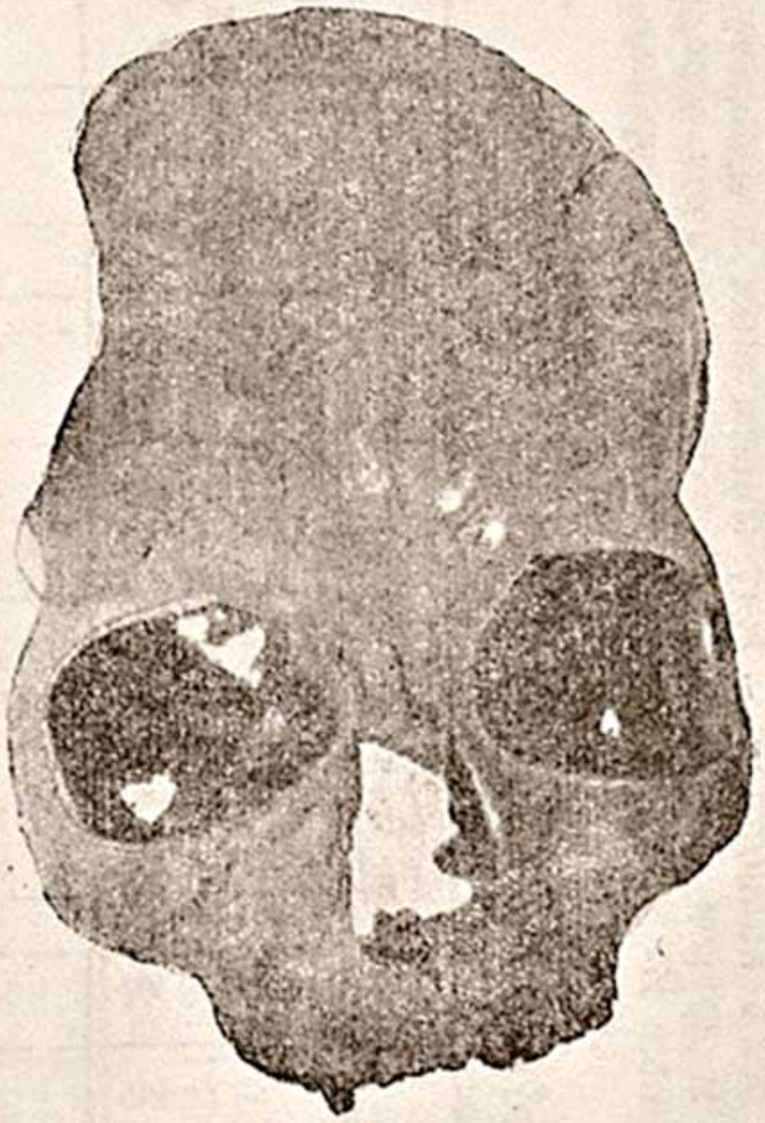


Рис. 3. Череп № 3 (фас).

свидетельствует о развитии современного типа Среднеазиатского междуречья из более древнего — андроновского. Черепа из Кувасая относятся В. В. Гинзбургом в основном к типу Среднеазиатского междуречья[4].

Сопоставляя черепа из мугхона с черепами из Гур-Мирона и Кувасая, можно увидеть их большое сходство по отдельным признакам (см. табл. 2), которое особенно хорошо заметно при сравнении с вариацией между минимальной и максимальной величинами измерительных данных (всего 11 черепов).

Очень близок череп из мугхона черепу из Хок-и-сафид, также принадлежащему к типу Среднеазиатского междуречья[5] (см. табл. 2).

Таким образом, сравнительный анализ по измерительным признакам дает возможность отнести черепа из мугхона к антропологическому типу Среднеазиатского междуречья, который наблюдается и у древнего населения Ферганской долины.

---

[4] В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, I, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 91.

[5] Он же, Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, МИА СССР, № 15, М., 1950.

В. Я. ЗЕЗЕНКОВА

ЧЕРЕП ИЗ КЫЗЫЛ-КЫРА

Бугор Кызыл-Кыр расположен в степной части Рометанского района, к северо-западу от Бухарского оазиса, в 4 *км* к западу от колодца и мазара Ходжа-Зафарон[1].

Раскопки бугра проводились под руководством Я. Г. Гулямова. При закладке стратиграфического шурфа за южной стеной древнего здания был обнаружен скелет женщины, лежавший головой на северо-восток и несколько повернутый на левый бок. Недалеко от скелета найдены баранья голова, бронзовое зеркало, золотые с зернью подвески, жемчуг и золотые бляшки. В. А. Нильсен, основываясь на стратиграфии слоев, покрывавших скелет, считает, что он оказался здесь в результате катастрофы[2], сопровождавшейся пожаром, и датирует здание III—II вв. до н. э., а восстановление жизни в нем после катастрофы — примерно I в. до н. э.

Лицевая сторона черепа хорошо сохранилась, но часть черепной коробки пришлось реставрировать.

С антропологической точки зрения череп представляет большой интерес, так как принадлежит типу, совершенно отличному от типа современного местного населения.

Ниже приведены основные измерения и описательные признаки этого черепа. Вопросительный знак поставлен в тех случаях, когда измерительные точки были реставрированы.

1	Продольный диаметр	163
8	Поперечный диаметр	136
8:1	Головной указатель	83,44
17	Высотный диаметр базион-брегма	149 ?
5	Длина основания черепа	101 ?
9	Наименьшая ширина лба	92
9:8	Лобнопоперечный указатель	67,65
45	Скуловой диаметр	131 ?

[1] В. А. Нильсен, Кызыл-Кыр, в сб: История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, стр. 60.

[2] Там же, стр. 76—77.

48	Верхняя высота лица	72
40	Длина основания лица	99 ?
43	Верхняя ширина лица	102.5
46	Средняя ширина лица	100
62	Длина нёба	53
63	Ширина нёба	42
	Указатель возвышения „носового выступа“ (по Якимову)	11,3
55	Высота носа	52,6
54	Ширина носа	26,5
54:55	Носовой указатель	50,38
51	Ширина орбиты от mf	41
51-а	Ширина орбиты от d	38,5
52	Высота орбиты	36
52:51-а	Орбитный указатель I	93,90
52:51	Орбитный указатель II	87,80
50	Межглазничная ширина mf	22,2
	Высота над хордой mf	5,4
43 (1)	Биорбитальная хорда	96,6
	Высота назиона над биорбитальной хордой	14,8
	Назомалярный указатель	15,3
	Назомалярный угол	146,0
	Зиго-максиллярная хорда (по Абиндеру)	96,75
	Высота субспинале над зиго-максиллярной хордой	18,1
	Зиго-максиллярный указатель	18,7
	Зиго-максиллярный угол	139,0
	D. C. Дакриальная хорда	25
	D. S. Дакриальная высота	8,4
	Дакриальный указатель	33,6
	S. C. Симотическая хорда	8,6
	S. S. Симотическая высота	3,0
	Симотический указатель	34,8
	Глубина клыковой ямки: левой	1,7
	правой	2,5
	Глубина переносья	1 (неглубокая)
	Высота переносья	1 (низкая)
	Наклон лба	1 (прямой)
	Лобные бугры	2 (слаборазвитые)
	Надпереносье (1—6)	1 (очень слабовыраженное)
	Надбровье	1 (слабовыраженное)
	Горизонтальная профилировка лица	плоская
	Высота орбиты	высокая
	Форма орбиты	округлая
	Выступание носа	слабое
	Форма затылка	округлая
	Глубина клыковой ямки (0—4)	2
	Нижний край грушевидного отверстия	фосса преназалие
	Передненосовая ость (1—5)	1

Приведенные измерения и описательные признаки черепа свидетельствуют о его принадлежности к монголоидному брахицефальному типу. Это подтверждают также вертикальный и горизонтальный обводы черепа и его снимки (рис. 1—5).

С целью уточнения положения этого черепа в ряду монголоидных групп нами взяты для сравнения (см. таблицу) 5 женских групп центральноазиатского типа — монголы, бу-

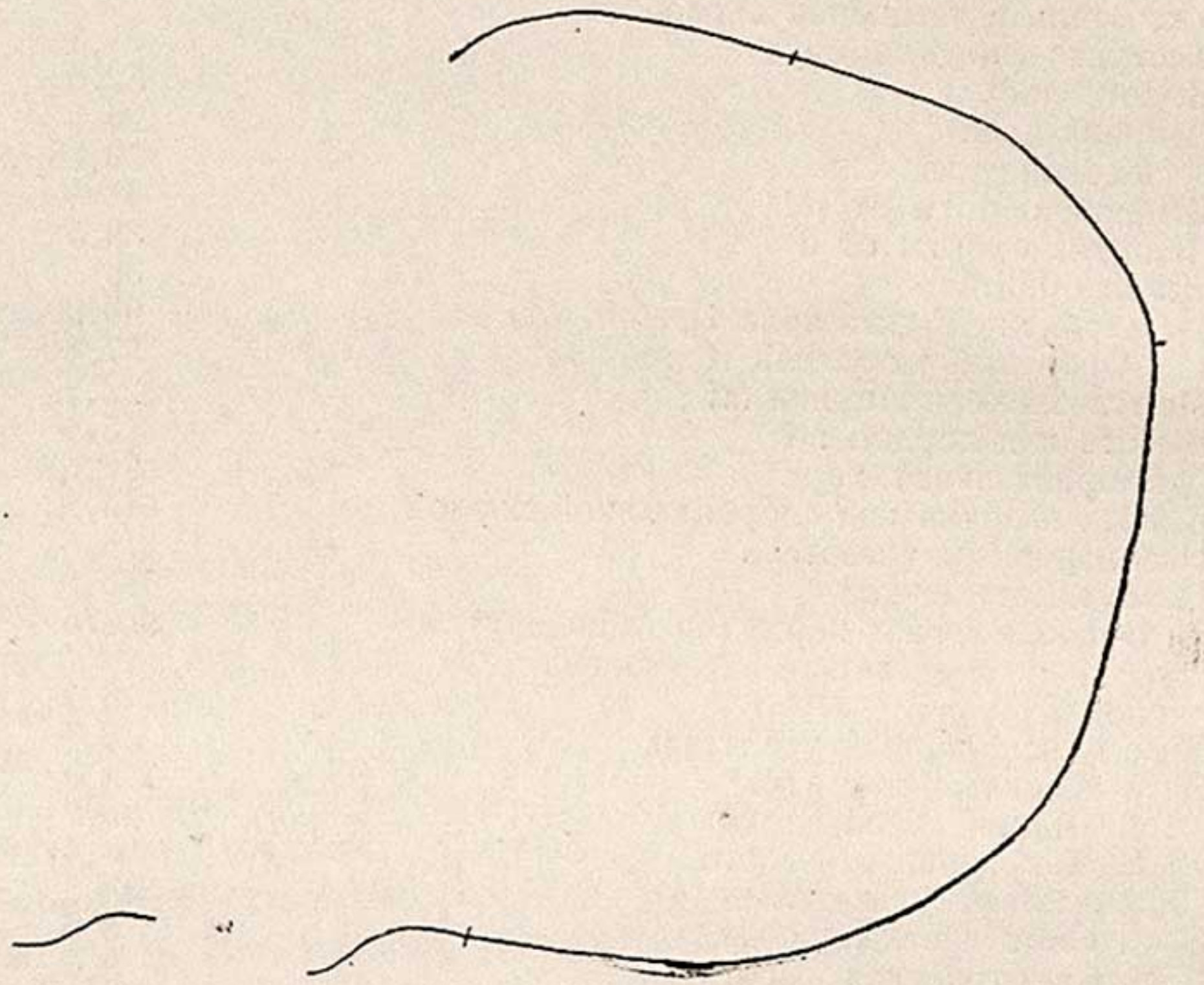


Рис. 1. Вертикальный обвод профиля черепа.

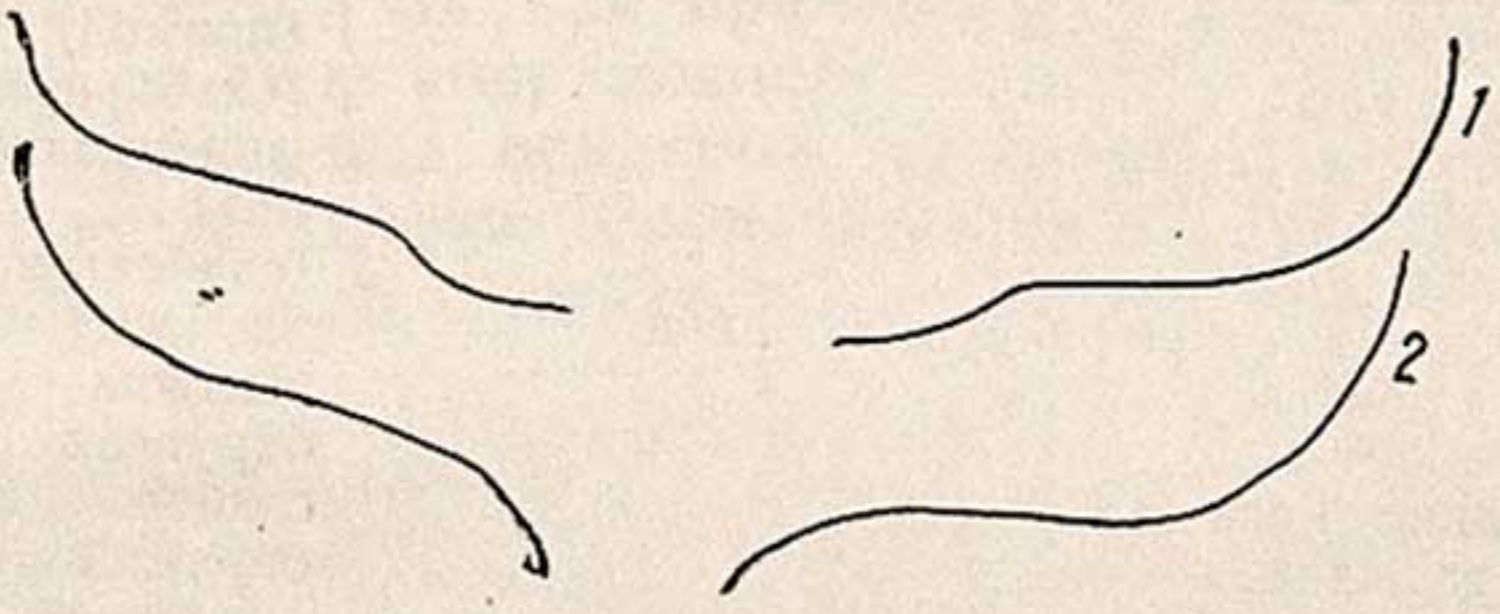


Рис. 2. Горизонтальные обводы черепа.
1— через точку; *2*— по нижнему краю глазниц.

ряты (западные, тункинские и забайкальские) и тувинцы,— а также группа юкагиров, относящаяся к байкальскому типу, т. е. в основном представители североазиатской расы.

Данные по краниологическим сериям заимствованы из работы Г. Ф. Дебеца[3].

Как видно из таблицы, череп принадлежит центрально-азиатскому монголоидному типу.

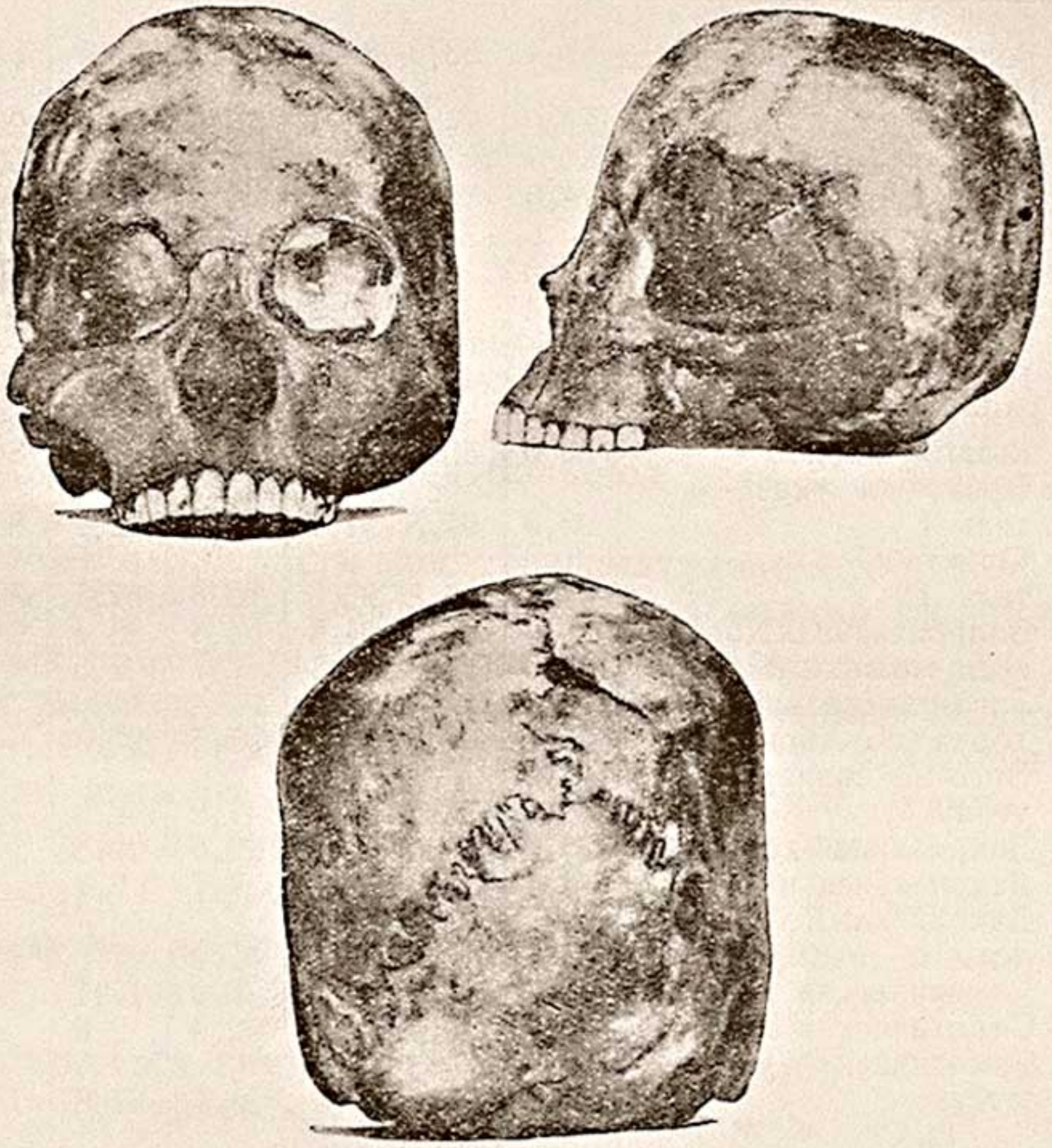


Рис. 3. Черепа из Кызыл-Кыра.

Известно, что Бактриана находилась на караванных путях из Китая в Переднюю Азию и Индию. Учитывая это, а также наличие монголоидного компонента в палеоантропологическом материале Узбекистана, датируемого первыми веками н. э., нами высказывалась мысль, что частичное проникновение монголоидного типа в Среднюю Азию могло начаться до нашей эры.

---

[3] Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, Труды института этнографии АН СССР, новая серия, т. XVII, М., 1951.

	Признаки	Череп из Кызыл-Кыра	Монголы	Буряты (западные)	Буряты (тункинские)	Буряты (забайкальские)	Тувинцы	Юкагиры
8 : 1	Головной указатель	83,4	83,0	80,0	84,6	86,3	83,0	79,7
9	Наименьшая ширина лба	92,0	92,2	93,1	90,6	93,1	90,9	90,3
45	Скуловой диаметр	131 ?	131,2	129,6	131,9	134,1	130,0	130,0
48	Верхняя высота лица	72,0	71,3	70,5	71,0	72,4	70,2	70,0
55	Высота носа	52,6	52,8	52,3	52,4	52,4	51,6	51,1
51	Ширина носа	26,5	25,8	26,1	26.1	26,1	26,1	25,3
54:55	Носовой указатель	50,4	48,9	50,2	49,8	50,5	50,7	49,6
51	Ширина орбиты от mf	41,0	40,8	40,5	40,4	40,6	40,8	39,9
51-a	Ширина орбиты от d	38,5	38,4	38,4	38,3	38,5	38,7	37,7
52	Высота орбиты	36,0	35,0	34,6	33,4	35,3	34,0	33,8
52:51a	Орбитный указатель I	93,9	91,5	91,1	87,1	92,1	88,1	89,7
52:51	Орбитный указатель II	87.8	85,8	85,6	82,8	87,1	83,5	84,8
43 (1)	Биорбитальная хорда	96,6	94,8	94,8	94,8	95.1	95,0	92,9
	Назо-малярный угол	146,0	145,6	145,1	147,7	147,5	148,8	150,3
	Зиго-максиллярная хорда (по Абиндеру)	96,7	96,3	97,7	95,5	96,3	94,2	95,2
	Зиго-максиллярный угол	139,0	138,2	138,6	141,2	140,3	140,6	140,2
D. C.	Дакриальная хорда	25,0	20,4	20,7	20,5	20,5	19,8	20,4
D. S.	Дакриальная высота	8,4	8,3	7,8	7,7	8,7	8,2	8,2
	Дакриальный указатель	33,6	42,6	39.0	32,2	37,6	42,6	35,8
S. C.	Симотическая хорда	8,6	7,9	7,9	7,9	7,7	7,7	6,7
S. S.	Симотическая высота	3,0	2,4	2,2	2,4	2,8	2,8	2,3
	Симотический указатель	34,8	35,6	28,6	28,7	31,8	28,8	32,7

Череп из Кызыл-Кыра может служить фактическим доказательством этого предположения. Следует, конечно, оговориться, что пока это единичное подтверждение.

В. Д. ЖУКОВ

ЧЕКАН КЕНДЖДЕ И АНЭПИГРАФИЧЕСКИЕ МОНЕТЫ В ДУКЕНТСКОМ КЛАДЕ

(Дополнение к предварительному сообщению[1])

К чекану Кенджде отнесено 123 экземпляра, т. е. 8,2% всех монет клада[2]. По количеству находящихся в кладе монет чекан Кенджде стоит на втором месте после г. Тараза. В этих городах отмечается большое разнообразие в рисунке штампов[3].

Значительная часть монет рассматриваемого чекана относится к серии پادشاه عادل и شاه عادل Из довольно большого количества различных изображений, фрагментарно сохранившихся на монетах, удалось установить только 3 штампа с датами: 677-1278/9, 691-1291/2, 696-1296/7 г. Эти годы относятся ко времени правления джагатаидских ханов Бука-Тимура и Дува-хана и, следовательно, эпитеты پادشاه и شاه عادل عادل — „Царь Справедливый" принадлежали им обоим.

677 г. х. (первый тип.) На одной стороне, в маленькой шестифестончатой розетке, заключенной в линейный обо-

док, находится тамга ᠵ между двух слов شاه عادل или پادشاه عادل Круговая легенда:... ضرب هذه الدر هم بكنجده سنه ٦٧٧ Все это расположено в таком же обрамлении.

---

[1] См. В. Д. Жуков, Дукентский клад монет (Предварительное сообщение), в сб.: „История материальной культуры Узбекистана", вып. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, стр. 176 — 207. В тексте указанной статьи вместо اديغان следует читать اندكان (стр. 182), вместо العادل الاعظم — العادل العظم! (стр. 188).

[2] По каталогу А. К. Маркова („Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, СПб., 1896), чекан Кенджде известен с 671 г. х. То же самое отмечает и М. Е. Массон, который на карте размещения монетных дворов государства Джагатаидов указывает этот пункт под названием Исфиджаб (см. М. Е. Массон, Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов, Труды САГУ, новая серия, вып. CXI, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 76, 77).

[3] Это устанавливается при просмотре указанного каталога А. К. Маркова.

На другой стороне, в двух ободках, — тамга между двумя виньетками; круговая легенда разделена картушами со словом الواحد لله / القهار لله /الملک لله / لله لله[4] (табл. 1).

677 г. х. (второй тип.) На одной стороне, в ободке, в шестифестончатой розетке помещена тамга между слов عادل پادشاه Вокруг — легенда выпуска: ضرب هذه الدرهم بكنجده ٦٧٧

Таблица 1

Номер монеты	Вес	Диаметр	Номер монеты	Вес	Диаметр
318	1,93	22	338	2,03	23
319	1,99	23	339	1,96	23
320	1,90	21—22	340	1,94	22—23
322	1,99	23	341	1,90	23
323	1,85	23	343	1,92	21—22
327	1,91	22	345	1,92	22—23
328	1,94	22	346	1,95	22
331	1,90	21—22	350	1,95	23
332	1,94	22—23	353	1,79	23
333	1,75	22	996	1,85	22
334	2,07	22—23	1364	1,96	23
335	1,84	22	1365	1,96	22,5—23
336	1,97	21,5—23	1443	1,85	22—22,5
337	1,96	22—23			

На другой стороне, в ободке, — квадратная из двойных линий рамка с той же тамгой (но концы ее обращены в противоположные стороны) между слов بلد كنجده В секторах — сверху الملک , снизу لله ; это слово иногда имеет начертание . Слева и справа квадратной картуши прослеживаются виньетки.

№ 253 В. 1,98 Д.22
№ 255 В. 1,88 Д.21
№ 269 В. 1,95 Д.22 (другой матрицы)
№ 280 В. 1,97 Д.23
№ 295 В. 1,86 Д.22

677 г. х. (третий тип). На одной стороне — то же, на другой, в двойном ободке, в квадратной рамке из пересекающихся линий — две тамги с виньетками справа и слева. (№ 324 В. 1,97 Д,22)

[4]. الواحد القهار الملک — распространенные наименования аллаха у мусульман: Единый, Всемогущий, Властелин.

Чекан ? (год стерт). На одной стороне — то же. На другой, в переплетных двух треугольниках الملک لله в отсеках размещена легенда выпуска.

№ 325 В. 1,89 Д.21,5
№ 775 В. 1,97 Д.21,5—22

691 г. х. В квадратной рамке — тамга между словами بيلد كنجده слева и справа سنه ٦٩١ внизу и вверху الملک لله

На другой стороне — та же тамга между двумя виньетками; вокруг — легенда выпуска (табл. 2).

Таблица 2

Номер монеты	Вес	Диаметр	Номер монеты	Вес	Диаметр
270	1,90	22—23	276	1,89	22—22,5
272	1,95	22—23	277	1,93	21,5
274	1,88	22—22,5	278	1,94	22
275	1,93	22,5—23	268	1,85	22,5—23
271	1,69	21,5—23	273	1,78	23—23,5
281	1,94	22—23	283	1,94	23
804	1,88	22—22,5	1013	1,97	22—22,5
1368	1,75	22—23			

696 г. х. На одной стороне, в двойном ободке, в двойной квадратной рамке помещены слова سكه كنجده ; по всем четырем секторам — легенда выпуска: ضربهذه/درهم/سنه/ ٦٩٦

На другой стороне, в ободке, между двумя виньетками — тамга ; круговая легенда... الامام الأعظم الناصرلدين (табл. 3).

На двух экземплярах монет (№ 257, В. 1,89, Д.22—23; № 293, В. 1,98, Д.22) сохранился штамп другого монетного двора. У первого экземпляра одна сторона перебита; на ней видны оттиски двух матриц: наименование монетного двора Кенджде и отдельные слова от матрицы Бинкета. На другой стороне — часть штампа Бинкета, по-видимому, 683 г. х. Монеты этого чекана имеются в Дукентском кладе. У второго экземпляра на одной стороне, в центре, — заключенная в двойной ободок тамга между двух арабесок. Из круговой легенды прослеживается только /لل/ طراز "в городе Таразе„. На другой стороне, в квадратной картуше из двойных линий, помещена тамга между двух слов بيلد

كنجده „на монетном дворе города Кенджде". В верхнем секторе الملک , в нижнем لله (стерт); в левом секторе — арабеска.

Как уже отмечалось в предварительном сообщении, Дукентский клад относится ко второму периоду денежного хозяйства государства Джагатаидов. К этому же времени

Таблица 3

Номер монеты	Вес	Диаметр	Номер монеты	Вес	Диаметр
251	1,82	Д.22	279	1,90	Д.22
252	1,93	Д.21	282	1,54	Д.22
261	1,86	Д.22	285	2,00	Д.22–23
262	1,81	Д.22	288	1,74	Д.22,5–23
264	1,97	Д.23	773	1,61	Д.21–22
265	1,92	Д.22	1004	1,81	Д.22
266	1,97	Д.23	1012	2,05	Д.22–22,5
267	1,68	Д.22–23	1393	1,95	Д.21,5

относится и „третий клад — джагатаидские серебряные монеты последней четверти XIII в. и первого десятилетия XIV в., найденные в Ленинабадской области. Эти монеты чеканены на следующих монетных дворах: Алмалыг, Андиган, Бинкет (также Ташкент и Шаш), Бухара, Кашгар, Кенджде, Отрар, Самарканд, Термез, Ходженд"[5]. По времени выпуска, пункту чекана монет и месту обнаружения их этот клад наиболее близок к Дукентскому кладу.

Анэпиграфические монеты. В Дукентском кладе имеется 12 анэпиграфических монет (0,8% всех монет клада), относящихся к одному типу. Небольшие варианты в рисунке указывают на значительное количество различных матриц, употреблявшихся при их изготовлении. Нам удалось восстановить схематический рисунок двух вариантов этого типа.

Первый вариант. На одной стороне, в обычных переплетающихся двух треугольниках, помещена тамга ⫘. В отсеках — арабески. Составленная из треугольников звезда заключена в два линейных ободка, разделенных переплетающимися линиями. На другой стороне, в квадратной рамке,— две другие тамги; между ними — арабеска. В секторах размещены виньетки.

[5] Э. Гулямов, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Раков, Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР (Краткий обзор), Сталинабад, 1956, стр. 32.

№ 458 В.1,77 Д.22-23
№ 1121 В.2,09 Д.22-23
№ 1122 В.1,95 Д.22
№ 1168 В.1,85 Д.22
№ 1171 В.1,97 Д.22

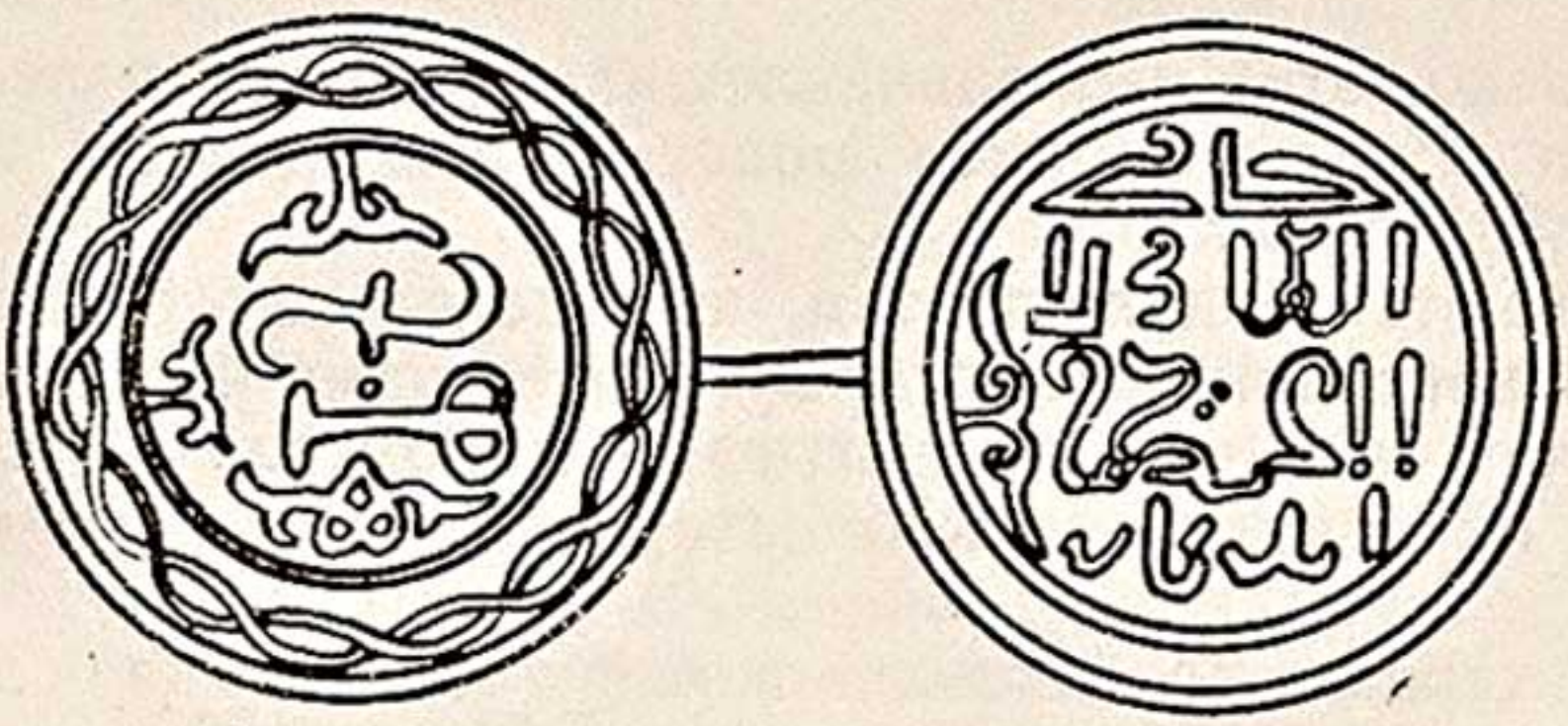


Рис. 1. Чекан города Андигана.

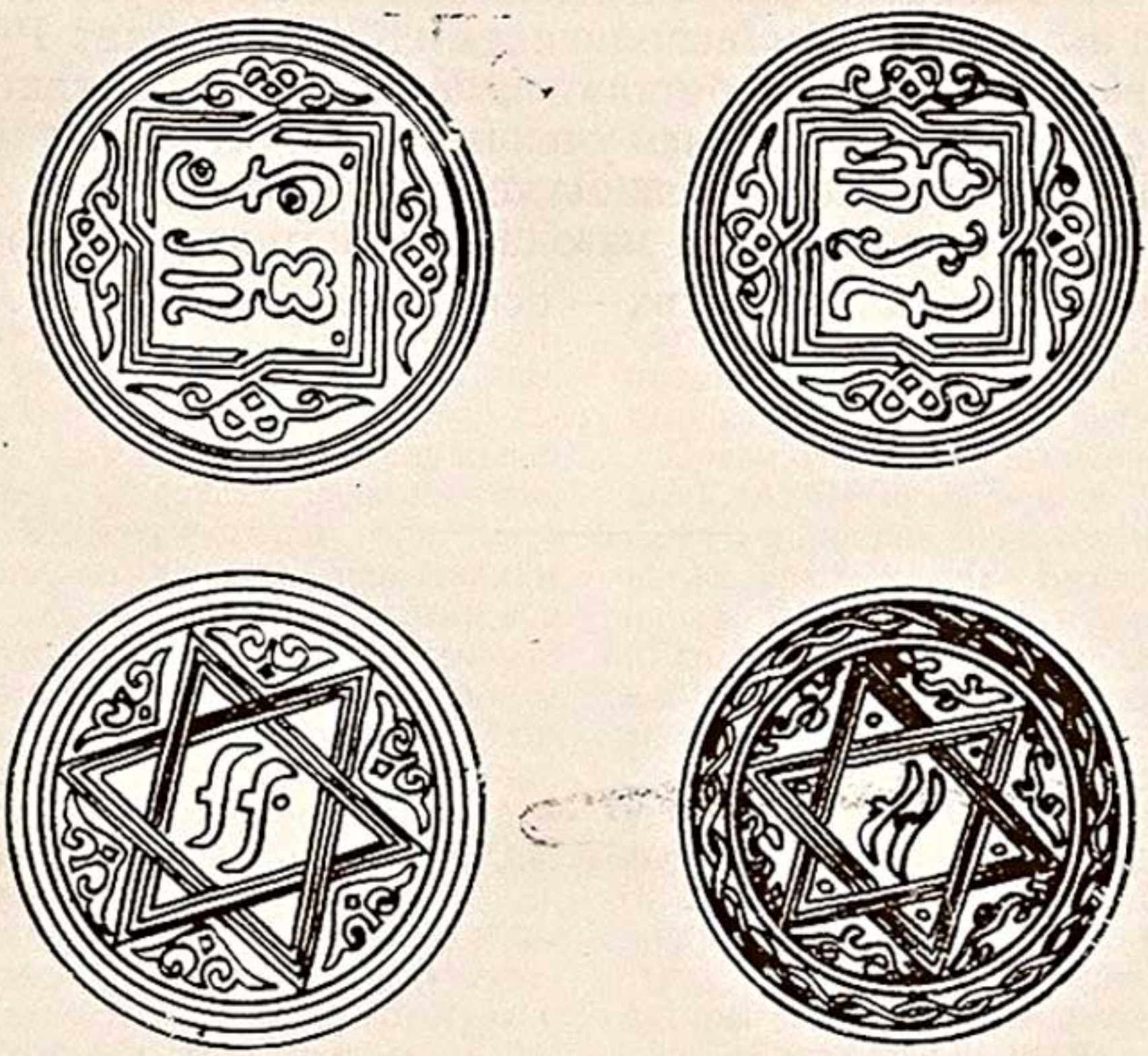


Рис. 2. Анэпиграфические монеты Дукентского клада.

Второй вариант. На одной стороне — то же. На другой, в такой же картуше, — те же две тамги, но положение их иное и между ними нет разделительной арабески.

№ 850 В.1,92 Д.22
№ 857 В.2,07 Д.22

№ 1144 В.1,87 Д.21-22
№ 1173 В.1,97 Д.22-23
№ 1174 В.1,90 Д.21
№ 1185 В.1,98 Д.21,5
№ 1186 В.1,79 Д.22

Вероятно, этот тип принадлежит к хорошо известным и довольно многочисленным монетам, выпущенным в Таразе в 677 и 683 гг. х.

Отличаются они лишь тем, что все слова легенды заменены виньетками. По-видимому, перед нами продукция одного и того же монетного двора, в данном случае г. Тараза, и время их чеканки можно датировать примерно теми же годами.

Характерные особенности в рисунке штампа сохраняет чекан каждого города. Они прослеживаются и в чекане таразского монетного двора, который среди других монетных дворов Чагатайского улуса выделяется многообразием рисунков и их мастерским исполнением. Как сообщает Рубук, в Таразе одно время работали немецкие оружейники. Не принадлежала ли им или их ученикам значительная часть продукции таразского чекана Дукентского клада?

Судя по надписям, тамга на одних монетах расположена основанием вниз, а на других — основанием вверх

ДВЕ НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. *Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана.* — Ташкент, ГИХЛ УзССР, 1958, 292 стр., с рис.
М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Б. Н. Засыпкин, В. Вяткин, В. Н. Кононов, С. А. Кудрина. *Мавзолей Ишратхана.* — Под редакцией действительного члена АН ТуркмССР проф. М. Е. Массона, Ташкент, ГИХЛ УзССР, 1958, 168 стр., с рис.

Средневековые архитектурные ансамбли Бухары, Самарканда, Хивы, Шахрисябза, Термеза и других городов Средней Азии заслуженно пользуются мировой известностью. Нельзя не восхищаться присущим этим монументальным памятникам смелыми объемно-пространственными решениями, щедростью их декоративного оформления, их национальным своеобразием. В памятниках архитектуры воплотился творческий гений народа, из среды которого выходили сотни замечательных зодчих и искусных мастеров-оформителей.

К сожалению, в послевоенные годы на книжном рынке почти отсутствовали издания, знакомящие читателя с архитектурными памятниками Узбекистана, на что неоднократно и справедливо указывалось на I съезде интеллигенции республики, на различных научных сессиях и конференциях, а также в печати.

С тем большим удовлетворением надо отметить, что за последнее время стали появляться книги и брошюры, посвященные описанию замечательных памятников исторического прошлого Узбекистана и рассчитанные на широкий круг читателей.

Среди них особо выделяются работы Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля о наиболее значительных памятниках архитектуры Бухары, Самарканда, Шахрисябза, Ташкента, Хивы и коллектива авторов о широко известном мавзолее Ишратхана в Самарканде.

Хотя книга «Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана» не содержит специальных исследований отдельных памятников, а дает их общую, притом краткую характеристику в научно-популярном плане, авторы следуют тщательно проверенным и критически отобранным данным литературы вопроса и своих собственных наблюдений по ряду описываемых памятников.

В книге рассказывается о единственном в своем роде мавзолее Саманидов в Бухаре, ансамблях погребальных сооружений — мавзолее Шахи-Зинда и монументальной усыпальнице Тимура (Гур-Эмир) в Са-

марканде и многих других знаменитых памятниках.

Этим сведениям вполне уместно предпослан общий очерк исторического развития архитектуры Узбекистана.

Правилен и методологический подход авторов к освещению роли и значения историко-архитектурных памятников прошлого.

Вождь Коммунистической партии Франции Морис Торез говорил, что, отдавая должное замечательным памятникам прошлого и любуясь их красотой, он в то же время всегда был чужд фетишистского к ним отношения.

Такую же мысль мы находим у Садриддина Айни, который высоко ценил архитектурное наследие среднеазиатских народов. Например, имея в виду хорошо знакомые ему старинные медресе Бухары, он говорил: «Эти старые медресе, построенные три или четыре столетия назад, доныне удивляющие нас своим великолепием, точно выражали феодальный строй, внешне нарядный, величественный, сверкающий, а внутри темный, удушливый, смрадный, невыносимо тесный. В этим зданиях выражены лицемерие и жестокость феодализма»[1].

И закономерно, что советским исследователям, которые дорожат материальными реликвиями истории, чуждо, вместе с тем, любование экзотическим прошлым ради прошлого. Это хорошо выразили авторы рецензируемой книги: «Сейчас Бухара очищается от средневековых лачуг, застраивается комфортабельными зданиями, улицы заливаются асфальтом; и не жаль, что яркость и пестрота старого быта уходит в прошлое, ибо вместе с экзотикой старого Востока исчезают грязь, скученность, нищета — характерные спутники всех городов средневековья. Город сбрасывает со своих плеч обветшалое рубище прошлого, и в его новый облик бережно включаются выдающиеся памятники архитектуры, заботливо охраняемые социалистическим государством» (стр. 57).

Заслуга авторов в том, что они не проходят мимо социальной основы описываемых памятников архитектуры и отчетливо видят, как в старых городах Средней Азии «великолепию дворцов и мечетей противостоит скученность массовой застройки, широким вымощенным камнем площадям и торговым магистралям — грязь и пыль узких внутриквартальных переулков и тупиков, прохладе и зелени пригородных вилл богачей — антисанитария задымленных и захламленных ремесленных производств» (стр. 21).

Впрочем, в некоторых случаях социальная подоплека монументальных архитектурных сооружений средневековья могла быть подчеркнута авторами с еще большей силой с тем, чтобы их общественная основа не ускользала от читателя за описанием примечательных строительных конструкций и деталей богатого и пышного декора этих памятников.

В общем, мы вправе констатировать, что по научности изложения книга «Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана» займет видное место среди трудов по истории архитектуры СССР, опубликованных в последнее время.

Можно только пожалеть, что объем издания не позволил включить в нее описание ряда весьма интересных памятников зодчества некоторых других городов республики.

Книга выпущена тиражом 5000 экземпляров, и с течением времени, несомненно, понадобится ее переиздание, при подготовке к которому следует учесть имеющиеся в ней недостатки.

Так, например, авторы указывают, что их труд рассчитан «на интеллигентного читателя, каковым в наши дни всеобщего среднего образования являются рабочий и колхозник, а не только представитель умственного труда» (стр. 6). Однако, скажем прямо, язык книги, изобилующий самыми различными специальными терминами, иногда весь-

[1] С. Айни, Бухара (Воспоминания), перевод с таджикского С. Бородина, т. II, Сталинабад, 1949, стр. 4.

ма труден для широкого круга читателей. Как бы сознавая это, авторы сочли необходимым кратко объяснить некоторые термины в тексте книги и, кроме того, дали в виде приложения небольшой словарь среднеазиатских архитектурных терминов. И все же многие из них остались необъясненными, например стелы, акантовая листва, горельефы, реликварий, минбар, кватроченто, лоджия, фонарь гульдаста, «свободно-асимметричные построения на продольной оси» и др. Кое-где язык книги утяжелен без надобности.

Не совсем точно сформулированы иногда отдельные положения книги. Так, например, на стр. 10 мы читаем, что часть территории Средней Азии входила в IV в. до н. э. в состав «империи Александра Македонского, несколько позже и до середины III в. до н. э. — державы Селевкидов, после *чего происходит окончательное освобождение среднеазиатских народов от иноземного владычества»* (курсив наш. — *Б. Л.*). Это, конечно, неверно, и сами авторы, разумеется, не хотели сказать так, тем более, что несколькими страницами ниже говорится о вторжении в IV—V вв. н. э. в Среднюю Азию эфталитов, хионитов, тюрков, а впоследствии арабов.

Едва ли точно определение ступы «Будды» как «памятного сооружения Будды» (стр. 13).

Недостаточно подробно и выразительно описан и иллюстрирован в книге изумительный памятник бухарского зодчества — сооруженная на месте древнего «храма огня» мечеть Магоки Аттари, впервые подвергнутая археологическому изучению в 1934 г. В. А. Шишкиным, которому мы обязаны выяснением ее истории и структуры[2].

Хотя сами авторы обоснованно считают мечеть Магоки Аттари, сохранившую части уникального портала XII в. с пилонами, «ценнейшими памятниками художественной культуры... всей Средней Азии» (стр. 72), но читатель, не видевший остатков мечети в натуре, не будет иметь о ней должного представления по скупому тексту и бледной фотографии.

Трудно, наконец, объяснить отсутствие в книге библиографического указателя, охватывающего хотя бы основную литературу вопроса.

Если работа Г. А. Пугаченковой и Л. И. Рempеля посвящена общему обзору нескольких десятков наиболее значительных историко-архитектурных памятников Узбекистана, то в сборнике «Мавзолей Ишратхана» рассматривается один из объектов среднеазиатского зодчества.

Время не пощадило этот памятник. В наши дни, стоя перед его руинами, непосвященный зритель и отдаленно не представит себе первоначального вида мавзолея. Поэтому нельзя не быть благодарным исследователям, которые, основываясь на кропотливом изучении мельчайших деталей памятника, сумели научно воссоздать в своей книге его прежний облик, увидеть «в бесформенной глыбе строительного массива, в смятых линиях архитектурных членений, в поблекнувших красках декоративного убранства..., неувядаемый творческий гений народа, его созидавшего» (стр. 89).

Книга «Мавзолей Ишратхана» открывается обстоятельным историко-археологическим очерком М. Е. Массона «Самаркандский мавзолей, известный под названием Ишратхана». В нем дается общая характеристика времени возникновения мавзолея («Дом радости», «Дом наслаждений»), приводится история его изучения, в котором активное участие принимал и сам автор, рассказывается об историко-топографическом прошлом района расположения памятника, его сооружении (в основном законченного строительством в 1464 г.). Заключает очерк общая характеристика мавзолея («Мавзолей в первые годы после сооруже-

---

[2] В. А. Шишкин, Археологическое обследование мечети Магок-и Аттари в Бухаре, «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1936, № 2, стр. 117—119; он же, Мечеть Магок-и Аттари в Бухаре, Труды Института истории и археологии АН УзССР, 7, Ташкент, 1948, стр. 3—21.

ния», «Последующая судьба памятника»).

Детальное описание архитектуры, конструкции и композиции этого памятника, его плана дает Г. А. Пугаченкова («Архитектурная характеристика мавзолея Ишратхана»). Автор рассматривает его архитектурно-строительные особенности в историческом аспекте с учетом общего развития сводчатых конструкций XV в. и анализом некоторых архитектурных закономерностей.

Определяя место мавзолея в архитектуре Средней Азии с его «камерным» характером, роскошным внешним и внутренним убранством, Г. А. Пугаченкова видит в нем одну из вершин зодчества XV столетия.

Покойному Б. Н. Засыпкину принадлежит опубликованная в книге статья о декоративно-художественных элементах памятника, а покойному В. Л. Вяткину — статья об относящемся к нему вакуфном документе.

Сборник заключает составленная М. Е. Массоном «Библиография мавзолея Ишратхана».

Все статьи сборника щедро иллюстрированы рисунками, позволяющими читателю составить полное представление об этом выдающемся творении средневековой архитектуры Узбекистана.

Обе книги оформлены любовно и со вкусом, имеют добротные переплеты, а также суперобложки, выполненные в духе и стиле публикуемых работ историко-архитектурного содержания (художники М. Я. Щировский и Г. М. Соколов).

Полиграфическое исполнение таблиц-вкладок (разверток) с обмерными и реконструктивными чертежами мавзолея Ишратхана и многокрасочным воспроизведением световой фиксации элементов стенной росписи памятника (художник И. К. Мрочковский) вполне отвечает высоким требованиям издания. В отдельных случаях несколько менее удовлетворительна по передаче некоторых деталей колорита цветная гамма многокрасочных таблиц-вклеек. Тем не менее и они дают достаточно ясное представление о соответствующих объектах декоративного убранства мавзолея.

Вместе с тем, обе книги не свободны от недостатков полиграфического и редакционного характера. Не всегда тщательно прилажены клише, что отразилось на качестве некоторых воспроизводимых фотографий. И совсем нетерпимо, когда при изготовлении для издания копий с авторских чертежей остаются незамеченными грубые искажения, способные дискредитировать высокое качество иллюстративной части книги. Так, на стр. 24 сборника «Мавзолей Ишратхана» помещен рисунок-чертеж «Историко-топографическая схема района Ишратхана». Естественно, что для ориентировки читатель прежде всего начинает искать на нем местонахождение самого мавзолея. Однако не сразу можно догадаться, что надпись «Иинфатхана» означает «Ишратхана», а «Афраснаб» подразумевает название известного самаркандского городища Афрасиаб и т. д. Досадным является тот факт, что на титульном листе книги «Мавзолей Ишратхана» искажены инициалы известного исследователя древностей Средней Азии В. Л. Вяткина (напечатано «В. И. Вяткин»).

Все эти и им подобные небрежности в известной мере омрачают благоприятное общее впечатление от качества работы республиканского издательства художественной литературы и должны быть устранены из его последующей практики.

В заключение отметим, что обе рецензируемые книги представляют собой полезный вклад в область подлинно научного описания всемирно известных архитектурных памятников Узбекистана.

Б. ЛУНИН.

GRÉGOIRE FRUMKIN. ARCHÉOLOGIE SOVIÉTIQUE EN ASIE. „ÉTUÂES ASIATIQUEC", VOL. XI, 1957/58, BERNE, 1959, p. 73—96.

Обзор работ советских археологов, изданный швейцарским обществом для изучения Азии, охватывает исследования, проводившиеся в республиках Средней Азии, Казахстане, Алтае и отчасти в Закавказье. Таким образом, он не вполне соответствует своему заглавию, так как не затрагивает значительную территорию Сибири и Дальний Восток.

Из приложенного к обзору библиографического указателя (p. 92—96) видно, что автору известна основная советская археологическая, а также историческая литература, имеющая отношение к археологическим исследованиям на упомянутых территориях.

Сообщению о работе советских археологов он предпосылает небольшое вступление (p. 73—74), где стремится как бы отмежеваться от их, по его мнению, «окостенелой схемы», по которой человечество проходит определенные этапы социального, экономического и культурного развития. Однако, стараясь быть объективным, автор обзора говорит далее, что если западные ученые упрекают советских археологов в отсутствии у них свободы научного исследования, то и советские ученые обвиняют своих западных коллег в преувеличении роли рас и миграций, в фактологии, погоне за кладами и предметами искусства. Автор высоко оценивает «невиданный раньше» размах советских археологических исследований, организацию больших комплексных экспедиций, всесторонне обеспечивающих изучение памятников с точки зрения антропологии, этнографии, геологии, палеозоологии, палеоботаники, лингвистики и истории. Он отмечает и необъятность территории, охваченной археологическими исследованиями советских ученых. Автор сетует на недостаточное знакомство западных ученых с результатами работ советских археологов: «Западные археологи, слишком преисполненные сознанием превосходства своей цивилизации, часто имеют тенденцию приуменьшить вклад советских исследований потому, что они их не знают, что происходит отчасти по причине незнания языка. В действительности, эти работы ведут к ценному обогащению и расширению наших знаний; их необходимо изучать со всей серьезностью, освободившись от традиционного европоцентризма».

Открестившись еще раз от «слишком сухой, на наш вкус» исторической схемы советской археологии автор признает, что западная наука может заимствовать ее многие достижения, в частности разносторонность советских комплексных экспедиций.

В первой главе обзора (p. 74—76) рассматриваются замечательные открытия советских археологов в Армении, на территории древнего Урарту (раскопки столицы Урарту на холме Кармир-Блур и т. д.), а также работы в Гарни, где был вскрыт храм I—II вв. с явными эллинистическими чертами и др.

Вторая глава (p. 76—78) посвящена работам Хорезмской экспедиции, «хорошо известной западным читателям по многочисленным переводам». Здесь упоминаются открытые экспедицией памятники первобытного общества — неолита и бронзы, раскопки Кой-Крылган-калы, Топрак-калы и др., приводятся некоторые выводы С. П. Толстова, касающиеся связей Хорезма с другими странами и т. п. Автор отмечает, что «работы Толстова проливают новый свет на прошлое малоизученной Средней Азии, которую теперь нельзя будет игнорировать».

В третьей главе (p. 78—80) сообщается о работах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции и открытиях, сделанных в Нисе и Мерве, о находке парфянских документов и их расшифровке; очень бегло упоминаются исследования, относящиеся к периоду бронзы.

В следующей главе — раскопки в Бактрии и Согде (p. 80—84) — говорится об археологической экспедиции московского Музея восточных культур, организованной в 1926—

Q.C.L. N.Ver

1928 гг., и об открытии в 1932 г. скульптурного фриза в Айртаме. О Термезской комплексной экспедиции, работавшей в 1936—1938 гг., автор обзора, по-видимому, не знает. Вероятно, причиной этого является то обстоятельство, что результаты исследований экспедиции освещались в получивших весьма небольшое распространение «Трудах», изданных в Ташкенте, и не нашли достаточного отражения в центральной специальной печати.

Далее автор обзора освещает работы Таджикской археологической экспедиции в Кафирнигане и Узбекистанской археологической экспедиции АН УзССР в Сурхан-Дарьинской области (раскопки на городищах Зар-тепе, Хайрабад-тепе, а также Балалык-тепе с его стенной живописью V—VI вв.). Значительное место он уделяет раскопкам в Пянджикенте. Им упоминается замок на горе Муг, где были найдены согдийские документы, и Мунчак-тепе, находящееся «севернее, около Сыр-Дарьи», которое он спутал с другим Мунчак-тепе на юге Таджикистана, где «Дьяконов нашел прекрасную каменную коринфскую капитель» (p. 83). Автор кратко сообщает о работах А. И. Тереножкина на Афрасиабе (1945—1948 гг.) и Г. В. Григорьева на Тали-Барзу, рассказывает, по-видимому, на основании статьи В. А. Шишкина, напечатанной в журнале «Советская археология», о раскопках на городище Варахша, о живописи и алебастровой скульптуре из варахшского дворца.

В следующей главе (p. 85—87), посвященной археологическим работам на Памире, Тянь-Шане, в Фергане и Семиречье, отмечается неутомимая деятельность А. Н. Бернштама и излагаются результаты его исследований, охвативших большую территорию и касавшихся памятников, датируемых временем «...от середины I тысячелетия до н. э. и до монгольских государств включительно».

Наконец, в шестой главе (p. 87—90) рассматриваются данные о раскопках Пазырыкских курганов, проблемы скифского искусства, эллинизма и т. п. Здесь автор больше всего обращает внимание на вопросы культурных связей между Востоком и Западом. В частности, интересна проводимая им параллель между искусством согдийского Пянджикента и кельтской статуей, найденной на юге Франции. Статуя представляет собой персонаж, сидящий в позе Будды, и поражает, по мнению автора обзора, сходством стиля с изображениями согдийцев в пянджикентских росписях. Автор заявляет, что «существование связей между искусством скифов (саков) и искусством отдаленных от них кельтов не подлежит больше сомнению». Напомнив высказанное им раньше положение о связях между Урарту и греко-римскими государствами, он настаивает на «существовании интеллектуальных контактов между Центральной Азией и Западом» (p. 89). Таким образом, автор как бы полемизирует с советскими археологами, которым приписывает тенденцию «прославить роль местных цивилизаций и приуменьшить западный вклад в Азии» (p. 73).

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что, отстаивая самостоятельность развития народов Азии и показывая их иногда значительную роль в мировом культурном творчестве, советские археологи не игнорируют международные связи и заимствования. Советская наука решительно отвергает заимствования и влияния только как основной фактор развития. А именно этим и грешат обычно западные историки и археологи, полностью отрицающие способность азиатских народов к самостоятельному культурному творчеству, что опровергается конкретным историческим и археологическим материалом, советской действительностью. Естественно также отрицательное отношение советской марксистской науки к «европоцентризму», распространению понятия «иранская» или «арабская» культура на народы Средней Азии и т. д.

Обзор вводит до некоторой степени европейских читателей в курс археологических работ на значительной части азиатской территории СССР. Следует отметить стремление

автора серьезно отнестись к достижениям советской археологии. К сожалению, автор допустил в своей небольшой работе отдельные неточности и ошибки. Выше говорилось, что он спутал два Мунчак-тепе, являющиеся различными памятниками. Маздеистский некрополь, открытый около городища Пайкенд, помещается им около Варахши. Не отмечено, что алебастровая скульптура Варахшского дворца и его живопись относятся к разному времени и т. д.

В. А. ШИШКИН

З. П. МАЙСУРАДЗЕ, КЕРАМИКА АФРАСИАБА. ИЗД-ВО АН ГРУЗССР, ТБИЛИСИ, 1958, 30 стр. + XXIV ТАБЛИЦЫ

Замечательная поливная керамика Афрасиаба IX—XII вв., стала известной в России с 70-х годов прошлого столетия и вызвала большой интерес. Она привлекла внимание блеском и прозрачностью глазури, богатством и совершенством орнаментального оформления. Коллекциями образцов этой керамики обзавелись многие крупные музеи как в нашей стране, так и за рубежом. Отдельным сосудам уделялось много места в археологических и искусствоведческих работах, посвященных Средней Азии и Востоку вообще. Тем не менее, афрасиабская керамика остается мало изученной. О ней почти нет специальных трудов монографического характера. Поэтому небольшая книга З. П. Майсурадзе, снабженная таблицами, в основном цветными, могла бы быть интересной для читателей. В ней описывается хранящееся в московском Музее восточных культур ценное собрание афрасиабской поливной керамики, приобретенное у известного коллекционера Б. Н. Кастальского (в книге ошибочно: В. Н. Кастельского).

К сожалению, ближайшее ознакомление с текстом книги вызывает полное разочарование, прежде всего со стороны методологии. Не только приемы художественного оформления сосудов, но и самая «техника керамических произведений» выводятся не из развития производства и общественных отношений, а из «национальных идей» и «идейных стремлений» (стр. 1, 2). Автор утверждает, что керамика Афрасиаба «является носительницей исламской культуры», что «согдианская» культура вообще после арабского завоевания подчинилась «исламской культуре», что «своеобразная и многогранная арабская и персидская культура» создалась «на основе ислама» (стр. 11)и т. п. Нельзя, разумеется, отрицать ни своеобразных особенностей национальных культур, ни того, что религия наложила свой отпечаток на характер культурного развития народов, населявших пространство от Испании до границ Китая. Однако не этим же только определяется высокий уровень культуры средневековья у народов Средней Азии.

Текст, особенно в той части, где автор пытается обратиться к истории, пестрит многочисленными грубыми ошибками, искажениями и неточностями. Ограничимся несколькими примерами.

Автор не счел нужным ознакомиться с новейшей литературой по истории Самарканда и, говоря об исследованиях, проводившихся на Афрасиабе, основывается только на изданной 20 лет тому назад статье А. Ю. Якубовского. Весьма «свободное» обращение автора даже с известными ему трудами приводит, например, к тому, что В. В. Бартольду приписывается определение времени становления феодализма в Средней Азии в VIII—IX вв. будто бы еще в его труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (СПб., 1900). Сказать это мог только человек, явно не знакомый с трудами В. В. Бартольда.

Прославленный среднеазиатский ученый хорезмиец Бируни превратился у З. П. Майсурадзе в «индийского астронома и историка» (стр. 10).

Совершенно невероятна путаница с названиями Мараканда, Хисарибала и т. д. (стр. 14).

Относительно времени возникновения города на месте современного Афрасиаба З. П. Майсурадзе повторяет старую точку зрения В. Л. Вяткина, считавшего, что город появился здесь не раньше IV—V вв. Такая датировка поселения на Афрасиабе, от которой отказался в конце 20-х годов и сам В. Л. Вяткин, теперь уже безнадежно устарела: на Афрасиабе выявлены слои, восходящие к середине I тысячелетия до н. э.

Мало нового дают и сведения о технологии афрасиабской поливной керамики (стр. 15—19). Не вполне серьезно возражение В. Л. Вяткину, считавшему возможным в некоторых случаях использование оловянной поливы, так как З. П. Майсурадзе рассматривает только ограниченный круг афрасиабской керамики, не упоминая о многих других типах и формах, в том числе и таких, где оловянная полива применялась.

Слишком условно, по случайным признакам, произведено деление афрасиабской керамики на 5 типов.

Говоря о надписях на керамических изделиях, З. П. Майсурадзе без всяких оснований пытается исправить абсолютно правильное чтение повторяющегося в них слова-благопожелания «ал-йумн» («благополучие») на не имеющее смысла «ал-йаум» («день»), которое к тому же совершенно не соответствует ясному начертанию этого слова в лучших образцах. Кажется, что ссылка на известного арабиста Г. В. Церетели является таким же недоразумением, как и приведенная выше ссылка на В. В. Бартольда.

В описании керамики З. П. Майсурадзе ограничивается орнаментом, но анализ форм составлен так, будто бы керамика Афрасиаба известна только по собранию Музея восточных культур. Если бы автор хотя бы отчасти привлек керамику из других хорошо известных собраний, то блюдо, изображенное на табл. XVIII, не показалось бы ему настолько исключительным, «что, на первый взгляд, даже затруднительно связывать его с изделиями афрасиабских керамистов». В действительности, это один из наиболее распространенных типов декора афрасиабской керамики.

Все публикуемые З. П. Майсурадзе образцы керамических изделий отнесены к саманидскому времени. На самом деле значительная часть их изготовлена несомненно в XI и даже в XII вв.

Сильно искажены в книге собственные имена, например Нухи, Яхиа и Илиа, тогда как правильно Нух, Яхъя и Ильяс. Кстати,автор считает их сыновьями Самана (следовало: Асада, сына Самана). Вместо «Мараканда» напечатано «Мараканд»; название Тараз передается как «Талис» и «Тарез».

В заключение остается еще раз выразить сожаление, что публикация интересной коллекции афрасиабской керамики безнадежно испорчена небрежно и наспех написанным текстом, который может дезориентировать читателя-неспециалиста.

В. А. ШИШКИН

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ВДИ	—Вестник древней истории
ЗВОРАО	—Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ИАН УзССР СОН	—Известия Академии наук УзССР, серия общественных наук.
ИАН КиргССР СОН	—Известия Академии наук КиргССР, серия общественных наук.
ИРКИСВА	—Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях.
ИРГО	—Известия Русского географического общества.
КСИИМК	—Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
СА	—Советская археология (журнал).
САГУ	—Среднеазиатский государственный университет (Ташкент).
СЭ	—Советская этнография (журнал).
ТИА	—Труды Института истории и археологии АН УзССР.
ТСА РАНИОН	—Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
УзГУ	—Узбекский государственный университет (Самарканд).
УзФАН	—Узбекский филиал АН СССР.
ЭВ	—Эпиграфика Востока.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Васильевич Ошанин 5
В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.) 18
А. П. Окладников и О. И. Исламов. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу-2) 51
Г. В. Парфенов. Следы древнейших культур на городище Айртам. 61
Л. Х. Шарипова. Новые находки каменных орудий в Бухарской области 72
Г. В. Шацкий. Охота и доместикация по наскальным изображениям Чадаксая 76
Я. Г. Гулямов. Кладбище Кулпи-Сар 92
О. В. Обельченко. Лявандакский могильник 97
В. Д. Жуков. Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе 177
Г. В. Шишкина. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом 192
Т. Агзамходжаев. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская 223
Ю. Н. Завадовский. Арабская надпись на каменном водоеме из Джамбульского краеведческого музея, датированная IV/XI в. (Предварительное сообщение) 236
М. Т. Аминджанова. О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра 241
Б. В. Лунин. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI века 256
Я. Г. Гулямов. О надгробии Зенги-Ата 267
И. М. Джаббаров. Из истории техники и культуры земледелия Южного Хорезма (конец XIX—начало XX века) . . . 272
В. Я. Зезенкова. Антропологическая характеристика черепов из древних погребений Богджая 97
В. Я. Зезенкова. Череп из Кызыл-Кыра 302
В. Д. Жуков. Чекан Кенджде и анэпиграфические монеты в Дукентском кладе (Дополнение к предварительному сообщению) 307

Критика и библиография

Б. В. Лунин. Две новые книги по истории архитектуры Узбекистана 313
В. А. Шишкин. G. Frumkin, Archéologie sovietique en Asie . . 317
В. А. Шишкин. З. П. Майсурадзе, Керамика Афрасиаба 319

Редактор *М. Б. Ицковский, Е. П. Яковенко*
Технический редактор *В. П. Барцева, Х. У. Карабаева*
Корректор *Д. Каюмова*

Р04734 Сдано в набор 27/XI-60 г. Подписано к печати 14/I-61 г. Бумага 60×90/16 = 10,13 бум. л. Печ. л. 20,25 Изд. л. 20,6 Тираж 1000
Цена 1 р. 48 к. Переплет 10 к.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская, 9. Заказ 833.
Изд. № 73/60. Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

9 (С52)
И 90

История материальной культуры Узбекистана. (Сборник статей. Отв. ред. канд. ист. наук В. А. Шишкин). Вып. 2, Т., Изд-во Акад. наук УзССР, 1961.
(Акад. наук УзССР. Ин-т истории и археологии).
Паралл. тит. л. на узбек. яз.
Вып. 2 (Посвящается Льву Васильевичу Ошанину к его семидесятипятилетию). 1961. 324 стр. с табл. и рис.
1. Ошанин Лев Васильевич, о нем.

Цена 1 р. 58 к.